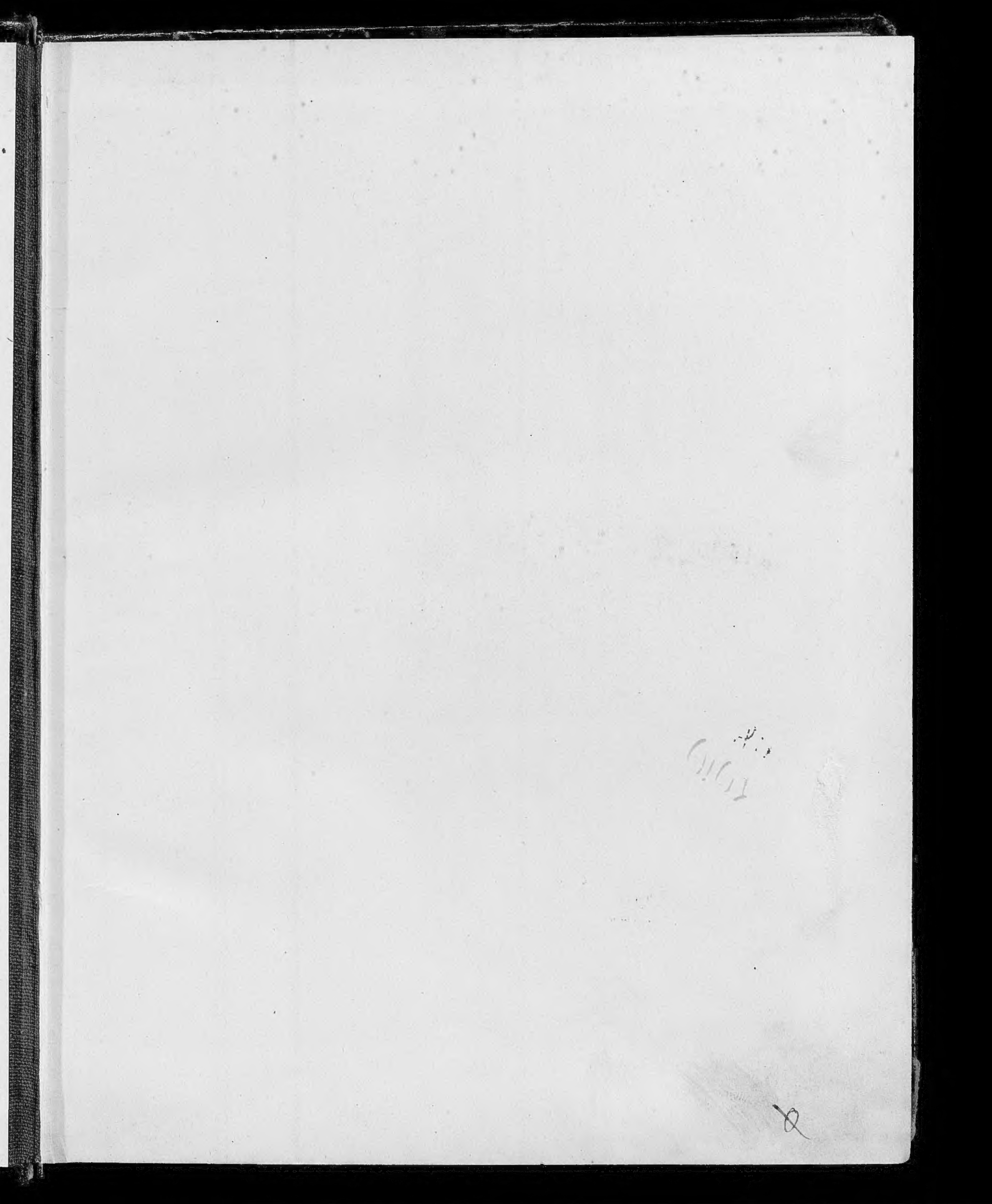
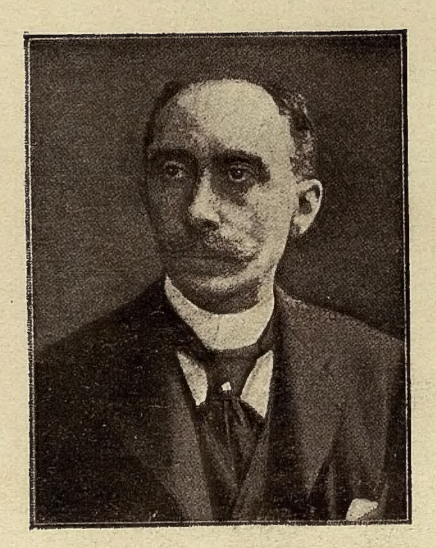


ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
23	3-я сверху	Карлъ XVII	Карлъ XII
26	10-я „	Мальбору	Мальборо
29	24-я „	Книпхаугену	Книпхаузену
31	2-я снизу	Георгія I	Георга I
40	8-я сверху	Вилльаръ	Вилларъ
49	10-я „	Римскій	римскій
60	2-я снизу	Марштейна	Манштейна
65	1-я „	Сенъ-Пріестъ	Сенъ-При
67	2-я „	Д'Аржонсонъ	Д'Аржансонъ
67	10-я „	не обладая	не обладающую
70	1 и 2-я снизу	Сенъ-Пріестъ	Сенъ-При
85	6-я „	медемуазель	мадемуазель
90	13-я сверху	ошыбкой	ошибкой
93	2-я снизу	Флессанъ	Флассанъ
99	14-я сверху	посреднникъ	посредникъ
103	11-я снизу	отвратилась	отвернулась
105	8-я сверху	магомета	Магомета
107	2-я снизу	Штетарди	Шетарди
108	1-я „	Тальянидье	Тальяндье
115	11-я сверху	не въ-терпежъ	невтерпежъ
117	12-я „	Ивана IV	Ивана VI
122	10-я снизу	съ княземъ	съ принцемъ
136	6-я сверху	Леси	Ласси
159	8-я снизу	курфюрстомъ Соксонскимъ	графомъ Саксонскимъ
160	18-я сверху	затмевшая	затмевавшая
164	8-я „	были казнены	было подвергнуто наказанію



Альберъ Вандаль.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СФИНКСЪ

„Историческая Библіотека СФИНКСА“.

Томъ II.

1911.

Альберъ ВАНДАЛЬ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА

и

ЛЮДОВИКЪ XV.

Переводъ съ французскаго А. ГРЕТМАНЪ.

Вступительная статья И. Н. БОРОЗДИНА.

Книгоиздательство „СФИНКСЪ“.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

Альберъ Вандаль

Недавно умершій академикъ Альберъ Вандаль являлся однимъ изъ виднѣйшихъ представителей современной французской исторіографіи. Какъ и его великій учитель и соратникъ Альберъ Сорель, Вандаль занимался главнымъ образомъ исторіей внѣшнихъ сношеній, исторіей дипломатической. И этотъ отдѣлъ исторіи, обыкновенно считающійся менѣе значительнымъ и наиболѣе сухимъ, занялъ свое крупное и опредѣленное мѣсто въ трудахъ Сореля и Вандаля. Самъ Вандаль въ своей статьѣ—„Воспоминанія о Сорелѣ"—такъ говорилъ о ранѣе господствовавшемъ изученіи дипломатической исторіи: „До него (Сореля) изученія дипломатической исторіи не существовало во Франціи. Этотъ отдѣлъ исторіи почти совсѣмъ не былъ изучаемъ. Дипломатической исторіи посвящались значительные, но немногочисленные труды; она служила предметомъ работъ спеціальныхъ и уже устарѣвшихъ, добросовѣстныхъ и узкихъ, которыя ограничивались формой довольно сухого разсказа о переговорахъ и комментаріемъ къ договорамъ. Нѣкоторые историки отводили ей почетное мѣсто, другіе же искажали ее и видоизмѣняли произвольно. Авторы, обладающіе большимъ талантомъ,

пользовались ею, какъ матеріаломъ для политическихъ или историческихъ поэмъ и для блестящихъ софизмовъ. Источники этой исторіи были почти недоступны; согласно традиціи, они хранились въ неприкосновенности въ глубинѣ архивовъ, гдѣ рѣдкіе привилегированные посѣтители были скорѣе терпимы, чѣмъ желательны. Въ общемъ образованіи, въ факультетахъ, въ лицеяхъ господствовало нѣсколько извѣстныхъ идей, нѣсколько спорныхъ банальныхъ представленій...“ *) Совершенно въ новомъ видѣ предстала дипломатическая исторія въ трудахъ плеяды новыхъ изслѣдователей, руководимой Сорелемъ и Вандалемъ. Создалась новая высшая школа—Ecole libre des sciences pollitiques, проводились новыя свѣжія идеи въ области изученія международныхъ отношеній, сложилась методологія, и на каѳедрѣ исторіи международныхъ отношеній выступили Сорель и Вандаль. Послѣдній пережилъ своего учителя и до конца своихъ дней съ честью занималъ отвѣтственную и почетную каѳедру. Прекрасный профессоръ-руководитель, своими блестящими лекціями увлекавшій слушателей и умѣло вводящій ихъ въ научныя изысканія, Вандаль представлялъ имъ великолѣпные образцы своими изслѣдованіями и трудами.

На смѣну прежней схоластикѣ и банальной догматикѣ трактатовъ по дипломатической исторіи однихъ историковъ или непомѣрно живой, мемуарной болтливости другихъ, Вандаль выдвинулъ строго-научное изслѣдованіе международныхъ отношеній. Беря вопросъ, обыкновенно небольшой по хронологическимъ рамкамъ, онъ подвергалъ его

*) А. Вандаль—Альберъ Сорель (русск. перев. въ журн. „Русская Мысль“ 1906 г.).

пристальному и глубокому изученію; всѣ необходимые источники и документы подвергались тайному критическому анализу, ни одна особенность, ни одна деталь источника не пропадали. Но эта скрупулезная, аналитико-критическая работа отнюдь не сказывалась на внѣшней формѣ изслѣдованія; наоборотъ, читая художественно-написанную и образную книгу Вандаля, не сразу замѣтишь всю массу предварительной черновой работы. Историкъ-изслѣдователь, Вандаль былъ въ то же время историкомъ - художникомъ, историкомъ - психологомъ. Въ этомъ отношеніи его можно поставить на ряду съ Тьерри, Мишле, Ренаномъ, Тэномъ и Сорелемъ. У Вандаля была удивительная способность воскрешать старину, облекать ее въ плоть и кровь; такъ и встаютъ на страницахъ его книгъ цѣлыя эпохи съ ихъ дѣлами большими и малыми, съ ихъ трагедіями и фарсами, съ широкими замыслами и громкими паденіями... Будучи великимъ мастеромъ психологическихъ портретовъ, Вандаль оставилъ намъ цѣлую галлерею дѣятелей прошлаго, оживленную его волшебнымъ перомъ. Его характеристики, мѣткія, сжатыя, въ немногихъ словахъ дающія многое, сразу врѣзаются въ память; пусть въ дальнѣйшемъ возникаютъ сомнѣнія и разногласія надъ ними, во всякомъ случаѣ, надо очень и очень подумать, съ ними надо серьезно считаться. Въ трудахъ Вандаля, изслѣдователя, стремящагося къ объективизму, всегда чувствуется, однако, непосредственное біеніе жизни. Его книги о прошломъ бросаютъ свѣтъ на настоящее; это не скучный историко-моралистъ, назойливо напоминающій объ урокахъ прошлаго, но историкъ, при изученіи прошлаго не потерявшій

изъ вида настоящее. Многіе сюжеты историческихъ изысканій Вандаля были навѣяны отчасти и очередными вопросами современной международной политики. Такъ основанъ переломъ французской внѣшней политики, связанный съ подготовкой и заключеніемъ франко-русскаго союза, вызвалъ естественную потребность пересмотра прошлыхъ отношеній этихъ двухъ государствъ. Другой вѣчно новый и вѣчно старый „восточный вопросъ" также привлекъ пытливое вниманіе Вандаля, который посвятилъ ему нѣсколько изслѣдованій и цѣлый курсъ. Эта живая связь историка съ проблемами современности приводила иногда и къ нѣкоторому субъективизму. Такъ, въ послѣднемъ, превосходномъ по выполненію трудѣ Вандаля „Возвышеніе Бонапарта" нѣтъ-нѣтъ и даютъ себя знать бонапартистскія симпатіи.

На литературное поприще Вандаль выступилъ очень молодымъ. Вскорѣ послѣ окончанія курса онъ отправился путешествовать въ Швецію и Норвегію (въ 1875 г.). Посѣщеніе этихъ сѣверныхъ странъ съ своеобразнымъ величіемъ и красотой ихъ природы, съ особымъ укладомъ жизни и быта ихъ обитателей, вызвало живѣйшій интересъ юнаго наблюдателя; но на ряду съ интересомъ къ настоящему у Вандаля уже тѣсно ассоціируются воспоминанія о прошломъ государства, когда-то игравшаго такую видную роль и связаннаго дружественными узами съ Франціей. Швеція Густава Адольфа и „послѣдняго варяга" Карла XII невольно приходила на умъ, да она еще такъ живетъ, такъ культивируется въ Швеціи современности. И вотъ въ результатѣ поѣздки является ярко и живо написанныя путевыя впечатлѣнія. „En Karriole à travers la Suede et Norvege", первый дебютъ молодого Вандаля.

Затѣмъ уже начинаются года службы въ Государственномъ Совѣтѣ и параллельныя занятія исторіей. Какъ разъ въ это время усиливается интересъ къ дипломатической исторіи въ связи съ пересмотромъ традиціонныхъ точекъ зрѣнія. Въ 1878 г. герцогъ Брольи опубликовалъ свой извѣстный трудъ „Secret du roi", пролившій новый свѣтъ на внѣшнюю политику Людовика XV, Фредерикъ Массонъ, будущій спеціалистъ по наполеоновскому времени, издалъ „Мемуары Берни"—весьма важный источникъ для исторіи внѣшнихъ системъ XVIII вѣка, Альберъ Сорель выступилъ съ своимъ изысканіемъ о Кучукъ-Кайнарджійскомъ мирѣ. Вандаль особенно заинтересовался сѣверной и восточной политикой Франціи въ XVIII вѣкѣ. Союзъ съ Швеціей, Польшей и Турціей, являющійся результатомъ двухвѣковой борьбы съ Габсбургскимъ домомъ, долженъ былъ привести Францію въ конечномъ счетѣ къ тѣмъ или другимъ отношеніямъ съ новымъ сѣвернымъ колоссомъ—Россіей. Вопросъ о возникновеніи франко-русскихъ отношеній и о первыхъ попыткахъ франко-русскаго союза и явился темой перваго ученаго труда Вандаля, нынѣ выходящаго въ русскомъ переводѣ—„Louis XV et Elisabeth de Russie" (1882 г.). Хотя со времени написанія этого труда прошло почти тридцать лѣтъ, онъ до сихъ поръ не потерялъ ни своей свѣжести, ни своего значенія. Многое, правда, можно пополнить вновь опубликованными документами, иное, быть-можетъ, надо будетъ измѣнить, но въ общей основѣ трудъ остается столь же интереснымъ, красочнымъ и увлекательнымъ. Мастерски кистью рисуетъ Вандаль на протяженіи страницъ длинную и причудливую вереницу различныхъ попытокъ и комбинацій русско-фран-

цузскаго союза; здѣсь и попытка Петра Великаго и его ближайшей преемницы заключить не только политическій союзъ, но и союзъ родственный путемъ брака французскаго короля на цесаревнѣ Елизаветѣ, здѣсь и продолжительный переходъ въ эпоху Бироновщины и господства нѣмцевъ, здѣсь и долгія перипетіи взаимоотношеній Россіи съ Франціей во время императрицы Елизаветы. Шагъ за шагомъ прослѣживаетъ Вандаль всѣ колебанія неустойчивой политики своего отечества, руководимый то легкомысленнымъ герцогомъ-регентомъ, то узкимъ эгоистомъ Бурбономъ, то, наконецъ, явнымъ и тайнымъ правительствами Людовика XV. Съ извѣстной долей грусти отмѣчаетъ французскій историкъ, какъ всѣ эти колебанія нарушаютъ наладившіяся-было отношенія, и Франція становится не рядомъ, а противъ Россіи.

Нѣсколько преувеличивая, быть-можетъ, романтическую привязанность Елизаветы къ Франціи, Вандаль, однако, вѣрно отмѣчаетъ тотъ сдвигъ русской внѣшней политики, который опредѣлился въ это царствованіе. Но боязливая и мнительная политика Людовика XV, великолѣпно обрисованная Вандалемъ, съ одной стороны, интриги и тайные подкопы анти-французской партіи при русскомъ дворѣ, съ другой, не дали вполнѣ развитой новой начинающейся комбинаціи. Въ разбираемомъ трудѣ Вандаль выступаетъ во всеоружіи и какъ изслѣдователь и какъ историкъ-художникъ. Искусно пользуясь данными источниковъ, Вандаль мастерски реконструируетъ картины изъ жизни двухъ великихъ европейскихъ дворовъ. Дипломатія XVIII вѣка съ ея „секретами“, тайными и явными министерствами, полномочными, но безсильными посланниками, сомнитель-

ными, но всемогущими частными агентами, авантюристами разнаго пола и званія, въ камзолахъ и юбкахъ—все это изображено ярко и живописно. Если насъ не поразитъ характеристика императрицы Елизаветы (у насъ есть ея незабываемый образъ, начертанный геніальнымъ перомъ Ключевскаго) *), то такъ и предстаетъ портретъ „возлюбленнаго" короля, честолюбца Конти, заносчиваго и блестящаго де-Ла-Шетарди, сомнительнаго д'Эона, дипломатичнаго Шуазеля и мн. др. Хороши и общія картины воцаренія императрицы Елизаветы и борьбы стараго и молодого дворовъ. Кульминаціонные пункты этой борьбы—отступленіе Апраксина послѣ Гроссъ-Егерсдорфской битвы и паденіе канцлера Бестужева—нуждаются, правда, въ извѣстномъ пополненіи; имѣется рядъ новыхъ данныхъ, и сравнительно еще недавно эти вопросы были подвергнуты капитальному пересмотру въ спеціальномъ изслѣдованіи проф. Е. Н. Щепкина **). Книга Вандаля имѣла большой и заслуженный успѣхъ; академія увѣнчала этотъ трудъ преміей.

Въ ближайшихъ послѣдовавшихъ работахъ Вандаль перешелъ къ вопросамъ восточной политики Франціи въ эпоху стараго порядка. Небольшой этюдъ о Людовикѣ XIV и Египтѣ, прочитанный въ видѣ доклада въ академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, посвященъ былъ любопытнымъ восточнымъ замысламъ Кольбера и его повелителя—„короля-Солнце". Въ 1889 г. Вандаль выступаетъ съ книгой, трактующей о посольствѣ Валльнева („Une ambassade française en Orient. 1728—1741").

---

*) Въ IV томѣ: „Курсъ русской исторіи".

**) *Евгеній Щепкинъ:* „Русско-австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны 1746—1758 гг.". С.-Петербургъ. 1902 г.

Въ этомъ трудѣ развертывается причудливо-живописная и пестро-красочная картина Оттоманской имперіи со всѣмъ чарованіемъ и фантасмагоріей загадочнаго Востока; на этомъ яркомъ фонѣ рисуются дипломатическія мины и контръ-мины французскаго посла вкупѣ съ турецкимъ министромъ, направленныя, главнымъ образомъ, противъ Россіи. Вилльневъ сыгралъ видную роль въ заключеніи Бѣлградскаго мира, столь выгоднаго для побѣжденной, но поддержанной Франціей Турціи и столь неудачнаго для побѣдительницы Россіи. Нельзя не отмѣтить въ этомъ трудѣ Вандаля великолѣпно очерченнаго образа крупнѣйшаго изъ авантюристовъ XVIII вѣка, запоздалаго конквистадора, полугероя, полуизмѣнника — Бонневаля (или Бонневаль-паши) *). Восточная политика Франціи за болѣе ранній періодъ (XVII в.) послужила предметомъ одной изъ позднѣйшихъ работъ Вандаля. Въ 1900 г. появилась подъ характернымъ заглавіемъ его книга „L'Odyssée dun ambassadeur. Les voyages du marqis de Nointel (1670—1679)“. Посольство Нуантеля, помимо своихъ политическихъ задачъ, носило характеръ научной экспедиціи; до сихъ поръ не потеряли значенія сдѣланные художникомъ посольства рисунки, изображающіе памятники древности (напр., Парѳенолъ). Въ самомъ Нуантелѣ политикъ-дипломатъ смѣшивался съ неутомимымъ путешественникомъ, учителемъ искусствъ, археологомъ; его Одиссея охватываетъ Архипелагъ, Египетъ, Палестину.

Въ 90 годахъ Вандаль снова занялся исторіей франко-русскихъ отношеній и далъ свой извѣстный трех-

*) О Бонневалѣ говорится и въ „Людовикѣ XV и Елизаветѣ“.

томный трудъ „Наполеонъ и Александръ I“ *). Это превосходное изслѣдованіе, основанное на обильныхъ первоисточникахъ, даетъ исчерпывающую по своей полнотѣ исторію отношенія Франціи къ Россіи въ эпоху наполеоновскихъ завоеваній; въ книгѣ мастерски прослѣжены всѣ колеблющіеся извивы международной политики того времени, всѣ переходы отъ вражды къ дружбѣ, союзу и снова къ враждѣ. Трудъ останавливается на драматическомъ моментѣ столкновенія двухъ великихъ державъ— наканунѣ Отечественной войны. Обширное и детальное изслѣдованіе написано рукой первокласснаго художника; историческія событія и историческіе дѣятели словно ожили на страницахъ повѣствованія и проходятъ передъ читателемъ величавой грядой картины, смѣняясь одна другой и въ совокупности своей представляя стройное и гармоничное цѣлое. Авторъ какъ-будто самъ живетъ въ этой эпохѣ, и его портреты—какъ бы портреты современника. Здѣсь, безусловно, не мало субъективнаго, личнаго, со многимъ можно не соглашаться (такъ, врядъ ли можно принять теперь безъ оговорокъ краткое, но эффектное опредѣленіе Вандаля: „Наполеонъ — это дѣйствіе, Александръ — это греза“), многое можно оспаривать, но, во всякомъ случаѣ, все въ высокой степени интересно и остроумно.

От Наполеона-воителя и дипломата Вандаль перешелъ къ Наполеону-созидателю государственнаго порядка. Послѣдній двухтомный трудъ Вандаля трактуетъ о о возвышеніи Бонапарта **). Здѣсь Вандаль выступаетъ

---

*) Первый томъ этого труда имѣется въ русскомъ переводѣ.

**) Первый томъ „Возвышеніе Бонапарта“ переведенъ на русскій языкъ.

уже не на привычномъ поприщѣ дипломатической исторіи, а въ области исторіи внутренней. Но крупный историкъ съ честью справился съ своей нелегкой и отвѣтственной задачей; его трудъ, написанный послѣ столькихъ изслѣдованій о Наполеонѣ, даетъ много новаго, свѣжаго и оригинальнаго. Великолѣпно выяснена исторія постепенной подготовки брюмерскаго переворота, мастерски очерчены роли дѣйствующихъ лицъ — руководителей явныхъ и тайныхъ. Интересно охарактеризована и начальная дѣятельность Бонапарта, творящаго систему изъ безначалія. Здѣсь, однако, историкъ сгустилъ краски въ изображеніи кризиса революціи и слишкомъ выдвинулъ на авансцену своего героя.

Въ этихъ немногихъ строкахъ мы отмѣтимъ лишь главнѣйшія изъ уликъ дѣятельности Вандаля. Смерть застигла его въ разгарѣ работы; онъ могъ дать еще такъ много. Въ своемъ прочувствованномъ некрологѣ Габріель Моно *) говоритъ, что съ нежданной смертью Вандаля оплакиваются труды, которыхъ всѣ отъ него ждали. Въ русской исторической литературѣ труды Вандаля занимаютъ видное и почетное мѣсто, какъ труды изслѣдователя, впервые освѣтившаго прошлое взаимоотношеніе державъ-союзницъ.

И. Бороздинъ.

---

*) G. Monod въ „Revue Historique“ 1910. См. также статьи о Вандалѣ—маркиза Сегюра („Revue de deux Mondes“ 1910), Ан. Леруа—Болье („Annales des sciences politiques“ 1910) и Пэнго („Revue des questions historiques“ 1911).

ЕЛИСАВЕТЪ I
Императрица и Самодержица Всероссійская
Elisabeth I
Russorum Imperatrix

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Типографія Торговаго Дома „МЫСЛЬ“. Москва. Петровка, д. № 17.

Первымъ принципомъ старинной французской политики въ то время, когда Франціи пришлось вести борьбу съ Германіей, было найти себѣ союзниковъ на сѣверѣ и востокѣ Европы. Въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда честолюбивые замыслы Австріи грозили независимости всѣхъ государствъ, Ришелье съ проницательностью генія сумѣлъ найти на сѣверѣ и привлечь изъ глубины Швеціи соперника, способнаго выступить противъ Тилли и Валленштейна. Онъ призвалъ въ Германію Густава Адольфа, удержалъ его тамъ и послалъ французское войско на помощь торжествовавшей шведской арміи. Позднѣе, Людовикъ XIV ищетъ опоры въ Турціи противъ Священной Римской имперіи, такъ же, какъ то дѣлалъ его предшественникъ, Францискъ I. Оттоманы помогаютъ Великому королю выдержать приступъ двухъ коалицій; повинуясь голосу французскихъ пословъ, они устремляются въ тылъ Австріи, опустошаютъ самыя богатыя провинціи и часто побѣждаемые, но не теряя бодрости, поддерживаютъ своими пораженіями Францію. Во время всего этого періода, Швеція, Польша и Турція обхватываютъ границы Германіи поясомъ государствъ, хотя второстепенныхъ, но еще опас-

ныхъ, соединенныхъ съ Франціей традиціонными симпатіями и всегда готовыхъ вступиться за нее противъ нашихъ враговъ, чтобы ослабить ихъ, раздѣляя ихъ силы.

Людовикъ XIV передъ смертью могъ видѣть, что положеніе, столь благопріятное для Франціи, должно было въ скоромъ времени измѣниться. Турція, очевидно, приходила въ упадокъ. Швеція, казалось, готова была отказаться отъ дальнѣйшихъ стараній удержать за собой положеніе, не соотвѣтствовавшее ея силамъ; Польша, пораженная неизлѣчимымъ недугомъ, быстро шла къ погибели, между тѣмъ какъ новая держава, Россія, въ первый разъ обнаружила свои силы. Еще недавно едва извѣстная въ канцеляріяхъ Вѣны, Версаля и Лондона, она, вслѣдствіе своихъ неожиданныхъ, громкихъ успѣховъ, сразу заняла мѣсто въ первыхъ рядахъ европейскаго концерта, и равновѣсіе, сохранявшееся до сихъ поръ на сѣверѣ и востокѣ между нѣсколькими государствами, грозило нарушиться въ ея пользу.

Возникновеніе и развитіе Московскаго государства требовали, чтобы Франція обратила на него свое вниманіе. Ставъ на сторону Франціи, Россія должна была занять въ политическихъ комбинаціяхъ послѣдней мѣсто, оставшееся незанятымъ послѣ исчезновенія прежнихъ союзниковъ; она должна была „замѣнить Швецію“, какъ говорилъ Петръ Великій, и даже Турцію. Соединившись же, напротивъ того, съ врагами Франціи въ центральной Европѣ, она могла оказать имъ значительную поддержку, позволяя имъ во время ихъ борьбы съ Франціей опираться на себя въ ихъ тылу.

Въ продолженіе всего восемнадцатаго вѣка француз-

скому двору въ его сношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ приходилось выбирать между двумя политиками. Первая и наиболѣе смѣлая состояла въ соединеніи съ Россіей, нѣсколько разъ уже искавшей дружбы Франціи, къ которой повидимому ея привлекала врожденная симпатія. При такой системѣ Франціи приходилось отказаться отъ своихъ древнѣйшихъ традицій. Существуютъ дипломатическія преданія такъ же, какъ военныя; часто и тѣ, и другія оказываются никуда не годными, и союзъ Франціи съ Турціей, Швеціей и Польшей справедливо можно причислить къ числу таковыхъ. Расширеніе Россіи могло совершиться только на счетъ этихъ трехъ державъ; и только отказавши имъ въ своемъ покровительствѣ и дозволивъ спуститься почти до полнаго подчиненія царю, Франція могла надѣяться на пріобрѣтеніе симпатій Россіи, на благодарность съ ея стороны, на созданіе между нею и собой традицій близости и на замѣщеніе въ союзныхъ комбинаціяхъ состарившихся силъ монархіей молодой и могущественной.

Другая система, напротивъ, состояла въ скрѣпленіи узъ, соединявшихъ Францію съ старыми государствами сѣвера и востока, въ предотвращеніи, если возможно, ихъ окончательнаго упадка и составленіи изъ нихъ подъ руководствомъ Франціи конфедераціи, которая должна была оттѣснить Россію назадъ въ ея степи и закрыть ей доступъ въ цивилизованныя страны.

Мы не станемъ рѣшать, какая изъ этихъ политикъ была лучшей; каждая изъ нихъ представляла трудности, но имѣла также и свои выгоды, если только взяться за нее безъ задней мысли и преслѣдовать рѣшительно. Но,

къ несчастью, политика Франціи по отношенію къ Россіи была политикой нерѣшительности. Французскій кабинетъ то дѣлалъ слабые шаги къ союзу съ великой сѣверной монархіей, то нерѣшительно противился сближенію. Никогда онъ не могъ отважиться на опредѣленный, послѣдовательный образъ дѣйствія. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые министры и самъ король нѣсколько разъ ясно сознавали, въ чемъ состояла выгода Франціи, но почти всегда у нихъ не хватало энергіи, чтобы дѣйствовать рѣшительно и стойко: это было несчастьемъ времени, когда, даже при сознаніи блага, у французскихъ государственныхъ людей рѣдко хватало воли для осуществленія своихъ убѣжденій.

Такимъ образомъ случилось, что при появленіи при дворѣ регента Петра Великаго, „страстно желавшаго соединиться съ Франціей"—по словамъ Сенъ-Симона *), его предложенія, если и не были отвергнуты, то были приняты робко, съ оговорками, а проектъ настоящаго союза былъ окончательно отклоненъ. Послѣ смерти Петра, его вдова, Екатерина I, сначала сочувствовала его планамъ, но затѣмъ, обманувшись въ надеждахъ, возлагаемыхъ на Францію, склонилась на сторону Австріи и впервые установила между Россіей и Германской имперіей ту дружбу, изъ которой нѣмцы всегда умѣли извлекать пользу исключительно для себя. Однако, мысли Петра Великаго не суждено было погибнуть вмѣстѣ съ нимъ; она возродилась въ умѣ его дочери подъ видомъ болѣе горячаго чувства. Елизавета Петровна влюбилась въ Людовика XV, не зная его, и эта любовь на разстояніи, порожденная воспомина-

---

*) Сенъ-Симонъ, *Мемуары*.

ніемъ, имѣла особенное вліяніе на судьбу молодой императрицы.

Около половины своего царствованія Людовикъ XV представлялъ изъ себя законченный типъ царственной красоты—соединенія величія съ изяществомъ, спокойствія и царственности. Слава его предковъ украшала его блестящимъ вѣнцомъ, и, казалось, удача сопровождала всѣ его начинанія. Онъ зналъ успѣхъ, не зная усилій: счастливая и быстро окончившаяся война, искусно проведенные переговоры въ началѣ царствованія увѣнчали его лаврами, не доставшимися слишкомъ дорогой цѣной. Пресыщеніе счастьемъ придавало его чертамъ оттѣнокъ презрительной скуки, еще увеличивавшей оригинальность его благороднаго лица. Въ продолженіе нѣкотораго времени Франція была влюблена въ своего короля, и Европа раздѣляла это увлеченіе. Когда рѣчь зашла объ его женитьбѣ, Россія предложила руку великой княжны Елизаветы. У молодой дѣвушки сердце было чувствительное и воображеніе горячее: глядя на портретъ, она начинала мечтать. Въ продолженіе двухъ недѣль она могла считать себя невѣстой перваго между христіанскими государями: она отдала ему свое сердце и никогда не отняла его совершенно. Красивая, обаятельная, остроумная, она была предметомъ постоянныхъ ухаживаній и не отвергала ихъ всѣ; но ея нѣжная симпатія къ королю французскому пережила всѣ мимолетныя интриги, наполнявшія ея жизнь. Отстраненная сначала отъ престола, къ которому ее, повидимому, предназначало рожденіе, она любила представлять себѣ Людовика XV подъ видомъ рыцаря, готоваго съ оружіемъ въ рукахъ отбить ее у ея враговъ, чтобы упрочить тор-

жество за своими правами. Случилось, что въ это время королевскимъ посломъ былъ человѣкъ смѣлый, безсовѣстный, любившій приключенія. Онъ догадался о чувствахъ цесаревны и сообщилъ своему повелителю; польщенное самолюбіе побудило Людовика XV принять сторону Елизаветы; его помощь и совѣты заставили ее рѣшиться произвести попытку государственнаго переворота, доставившаго ей царскій вѣнецъ.

Новая императрица была другомъ короля; казалось, что Россія въ близкомъ будущемъ должна сдѣлаться союзницей Франціи. Но Людовикъ XV не понялъ условій, необходимыхъ для соглашенія между двумя государствами. Онъ расхолаживалъ Елизавету, упорно защищая противъ нея шведовъ и турокъ, естественныхъ враговъ Россіи, и принуждая ее снова примкнуть къ Австріи, несмотря на личныя симпатіи царицы. Одиннадцать лѣтъ продолжался полный разрывъ; но Елизавета не желала считать его окончательнымъ. Между тѣмъ какъ ея министры переговаривались съ французскими министрами, тайные посланцы, пренебрегая всевозможными опасностями, ѣздили изъ Петербурга въ Версаль съ увѣреніями и обѣщаніями. Эта романтическая интрига, главными дѣйствующими лицами которой были изгнанникъ-шотландецъ, двусмысленная личность, полъ которой долгое время составлялъ тайну, русскій вельможа и французскій купецъ, окончилась примиреніемъ монарховъ; и изъ этого примиренія наконецъ возникъ политическій союзъ. Чтобы заключить его, Елизаветѣ пришлось побѣдить почти поголовное сопротивленіе своего двора. Она могла бы сказать послу Людовика XV тѣ же

слова, съ которыми Александръ I обратился къ французскому послу въ Тильзитѣ: „Здѣсь только вы да я любимъ Францію“. Отношенія между королемъ и царицей приняли характеръ довѣрчиваго сближенія: монархи не захотѣли имѣть посредника, и между ними завязалась личная переписка. Въ первый разъ русскія и французскія войска сражались вмѣстѣ—противъ Пруссіи.

Присоединеніе въ 1756 г. Елизаветы къ союзу противъ Фридриха II повело бы къ погибели короля и къ сокращенію домогательствъ его дома, уже принимавшихъ угрожающіе размѣры, если бы Людовикъ XV честно придерживался принятаго имъ направленія. Еще разъ онъ оттолкнулъ помощь русскихъ, сдѣлавъ видъ, что ищетъ ее: испугавшись ихъ успѣховъ противъ Пруссіи, онъ пытался замедлить ихъ военныя операціи, не рѣшался пожертвовать имъ Польшей,—хотя и не помогъ несчастной странѣ,—собственными руками поколебалъ союзъ, заключенный имъ съ петербургскимъ дворомъ, и безъ сожалѣнія встрѣтилъ нарушеніе его.

Послѣ смерти Елизаветы, даже послѣ смерти Людовика XV и до паденія монархіи, французская политика продолжала свои колебанія; въ 1783 г. графъ де-Верженнъ задумывался надъ вмѣшательствомъ Франціи и Англіи для поддержки Турціи противъ Екатерины II и изъятія Крыма изъ русскаго владычества *). Черезъ короткое время послѣ того, наканунѣ созванія генеральныхъ

*) Архивъ министерства иностр. дѣлъ (французскій): депеши, опубликованныя по распоряженію правительства по поводу Крымской войны подъ заглавіемъ: „*Восточный вопросъ. Дипломатическая переписка* (1783 г. 6 января—30 октября)“.

штатовъ, Людовикъ XVI началъ съ императрицей оживленные переговоры о заключенiи франко-русскаго союза. Революцiя 1789 г. рѣзко оборвала эти проекты, подобно тому, какъ впослѣдствiи революцiя 1830 г., нарушила согласiе, водворившееся было между Карломъ X и императоромъ Николаемъ I.

Мы поставили себѣ задачей изученiе отношенiй между Россiей и Францiей въ восемнадцатомъ вѣкѣ и спецiально отношенiя между Людовикомъ XV и императрицей Елизаветой. Мы черпали матерiалъ нашей работы изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ переписки между французскимъ дворомъ и ея представителями въ Европѣ. Французскiе дипломатическiе архивы, долго остававшiеся недоступными, теперь открываютъ свои двери всякому, желающему познакомиться съ ними и руководствующемуся позволительнымъ любопытствомъ и интересующемуся исторiей. Въ почтенныхъ томахъ, переплетенныхъ въ пергаментъ съ лилiями, собраны дешифрованныя депеши французскихъ агентовъ, инструкцiи, дававшiяся имъ, письма государей и ихъ министровъ, офицiальныя записки и масса конфиденцiальныхъ документовъ, до рапортовъ полицеймейстеровъ о жизни и дѣятельности иностранныхъ пословъ во Францiи включительно,—однимъ словомъ, всѣ документы, позволяющiе схватить и прослѣдить изо дня въ день дипломатическое движенiе.

Для меня нѣтъ чтенiя болѣе интереснаго, чѣмъ эти страницы, пожелтѣвшiя отъ времени, на которыхъ оживаетъ во всей своей полнотѣ мысль прошедшихъ вѣковъ. Изъ нихъ исходитъ какъ бы совершенно особая атмосфера,

окутывающая васъ и ставящая особнякомъ; внезапно возстающее воспоминаніе о прошедшемъ превращаетъ его въ настоящее; давно остывшія страсти снова оживаютъ, и вы проникаетесь ими. Иногда какая-нибудь подробность слога, преувеличенія, вычеркнутое слово, указываютъ на стремленіе двора, выдаютъ тайную мысль монарха, вліяніе фаворита. Каждый министръ вводитъ читателя въ свой интимный кругъ и открываетъ ему не только свою систему и принципы, но и свои пріемы работы и способъ выраженія. Аббатъ Дюбуа является съ своимъ насмѣшливымъ, циническимъ остроуміемъ, Аржансонъ повторяетъ свои философскія аксіомы, а Шуазель очаровываетъ двумя качествами, не менѣе полезными государственному человѣку: увлекательностью и веселостью. Вообще переписка восемнадцатаго вѣка представляетъ мало утѣшительнаго для французскаго патріотизма; но если политика министерства слишкомъ часто является въ неблагопріятномъ свѣтѣ, зато у многихъ агентовъ — уполномоченныхъ пословъ или скромныхъ повѣренныхъ, блестящихъ придворныхъ или незамѣтныхъ тружениковъ — мы видимъ просвѣщенное усердіе къ общественному благу, умъ, соединенный съ мужествомъ, самоотреченіе, и главное полная преданность особѣ и интересамъ короля—однимъ словомъ, всѣ качества, дѣлавшія честь старинной Франціи.

Исторія послѣднихъ дней монархіи слишкомъ извѣстна, чтобы документы, хранящіеся въ архивахъ, могли на каждой страницѣ заключать для насъ неожиданности; но все же чтеніе ихъ открываетъ намъ не одну любопытную подробность, освѣщаетъ многое, остававшееся въ тѣни, и позволяетъ исправить ошибки; а, главное, они позволяютъ

намъ точно возстановить и прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ руководящую идею кабинетовъ.

Благодаря дипломатическимъ документамъ, обнаруживаются секретныя пружины дипломатіи, а иногда даже улыбнется счастье и откроется, по выраженію Лейбница, „причина причины". Къ перепискамъ, давшимъ намъ наиболѣе результатовъ, относится не только русская, но также константинопольская и вѣнская, большая часть которыхъ до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна.

Въ этомъ трудѣ мы никогда не старались искать сближенія—иногда слишкомъ очевиднаго—съ фактами современной политики. Забота объ исторической правдѣ, по нашему мнѣнію, плохо вяжется съ сближеніями, иной разъ банальными и всегда искусственными. Точно также ошибочно было бы видѣть въ нашей оцѣнкѣ прошедшаго выраженіе сужденія или даже мнѣнія личнаго о событіяхъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени. Мы имѣли только въ виду посредствомъ критической оцѣнки первыхъ сношеній Франціи съ Россіей показать, что ни въ одну эпоху своей исторіи Франція не имѣла права относиться безучастно къ задачамъ, волновавшимъ сѣверъ и востокъ Европы, и что отъ политики, принятой ею въ этихъ вопросахъ, часто зависѣло поддержаніе, уничтоженіе или возстановленіе ея вліянія въ Европѣ.

Введеніе.

Первые годы восемнадцатаго вѣка были свидѣтелями глубокаго переворота на сѣверѣ и востокѣ Европы. Продолжительная война, въ которой боролись царь московскій, король шведскій, польская республика и султанъ оттоманскій, внесла значительныя измѣненія въ ихъ взаимныя отношенія, и въ положеніи державъ произошла перестановка, заставившая политику Франціи принять новое направленіе.

Въ 1715 г., когда умеръ Людовикъ XV, эта великая борьба оканчивалась: если миръ и не возстановился еще, то война уже дала всѣ свои результаты. Чтобы оцѣнить ихъ, мы посмотримъ, что дѣлалось въ это время у побѣжденныхъ и побѣдителей, пройдемъ съ сѣвера на югъ по государствамъ, тянувшимся отъ береговъ Чернаго моря и Босфора до Балтики и Бѣлаго моря и образовавшимъ восточную окраину материка. Весной 1716 г. два королевскихъ корабля отплыли изъ марсельской гавани, отвозя на его постъ маркиза де-Бонакъ, французскаго посла при Блистательной Портѣ. Послѣдуемъ за ними, держа курсъ на Константинополь.

Миновавъ Мальту, послѣдній постъ христіанства, мы проникнемъ въ моря, исключительно находившіяся подъ господствомъ ислама. Европейскія эскадры рѣдко отваживались появляться въ этихъ водахъ, и единственный флотъ, который могъ

встрѣтить французскіе корабли, былъ флотъ капитанъ-паши, состоявшій изъ тяжелыхъ галеръ, на которыхъ гребцами были рабы-христіане. Однако, торговля оживляла эти моря; многочисленныя суда бороздили волны, и большая часть изъ нихъ плавала подъ французскимъ флагомъ, хотя экипажъ и состоялъ изъ провансальцевъ, каталонцевъ, неаполитанцевъ или далматинцевъ. Въ продолженіе вѣковъ, въ силу договоровъ, султанъ дозволялъ плаваніе въ водахъ Леванта исключительно подъ французскимъ флагомъ. Англія, за ней Венеція, Голландія и Генуя получили постепенно привилегію появляться подъ своими флагами, но другимъ націямъ приходилось прибѣгать къ французскимъ цвѣтамъ. Въ глазахъ мусульманъ Франція осталась настоящей представительницей христіанскаго міра.

Куда бы мы ни пристали,—въ Родосъ, гдѣ еще господствовали рыцарскія командорства; къ оживленнымъ набережнымъ Смирны или къ одному изъ островов Архипелага,—вездѣ насъ встрѣчаетъ одна и та же картина. Совершившаяся два съ половиной вѣка тому назадъ побѣда оттомановъ какъ-будто была одержана всего вчера. Никакого смѣшенія между побѣдителями и побѣжденными народностями: турки выстроили мечети, водворили пашей, починили старинныя римскія или византійскія крѣпости, возвышавшіяся надъ каждой гаванью, и оттуда господствовали надъ народонаселеніемъ, покорившимся ихъ игу. Однако, въ центрѣ покореннаго города всегда находился свободный кварталъ—община французскихъ купцовъ. Въ силу договора, подписаннаго Портой въ 1535 г., затѣмъ періодически возобновляемаго, Франція занимала сравнительно съ другими націями привилегированное положеніе. Въ каждомъ изъ портовъ Леванта французы занимали кварталъ, исключительно принадлежавшій имъ. Здѣсь, не платя податей, подчиняясь только законамъ своей страны, они совершенно спокойно вели свои торговыя дѣла и образовали республику, главой которой былъ консулъ, высшимъ покровителемъ—королевскій посолъ въ Константинополѣ.

Турки допускали французскую торговлю, не принимая въ ней участіе: греческое населеніе вмѣсто нихъ покупало и прода-

вало. Подвижное и гибкое, оно сохраняло свои обычаи, вѣроисповѣданіе и традиціи. Въ большой части имперіи оно, повидимому, привыкло къ рабству, служило повелителямъ, льстило имъ и, подобно древней Греціи, мстило, передавая имъ свои пороки. Часъ пробужденія еще не пробилъ для него. А между тѣмъ въ горахъ Мореи, очертанія которой мелькнули передъ нами на горизонтѣ, а также въ гористомъ Эпирѣ и Ѳессаліи, воинственное населеніе, недавно подчиненное, содрогалось подъ игомъ. Оно, вѣрило преданію, по которому, съ сѣвера долженъ было притти съ греческимъ крестомъ въ рукахъ бѣлокурый народъ и освободить грековъ.

Вотъ и Дарданеллы съ турецкими пушками на обоихъ берегахъ; вотъ Мраморное море, чудное преддверіе, устроенное природой при входѣ въ Босфоръ, а вотъ Константинополь, такой же красивый подъ господствомъ невѣрныхъ, какимъ былъ, когда въ его стѣнахъ нашла себѣ убѣжище вся Римская имперія. На его очарованныхъ берегахъ, которымъ отдавали особенное предпочтеніе націи, приходившія въ упадокъ, оттоманская храбрость перешла въ изнѣженность. Племя воинственныхъ султановъ-завоевателей исчезло, оставивъ послѣ себя Турціи худшее изъ управленій—деспотизмъ безъ деспота. Повелитель правовѣрныхъ, добровольный плѣнникъ въ стѣнахъ сераля, рѣдко показывался народу и никогда не появлялся передъ войскомъ. Ахмедъ III, тогдашній султанъ, только и думалъ, что объ украшеніи своихъ садовъ; онъ разводилъ тюльпаны, учредилъ должность главнаго управляющаго цвѣточнымъ вѣдомствомъ, воспитывалъ соловьевъ, вышивалъ вмѣстѣ съ своими женами и ввелъ улучшенія въ искусствѣ иллюминацій; страной же отъ его имени управляли министры и фавориты. Турки остались рабами; но вмѣсто одного повелителя, у нихъ ихъ было сотни—женщины, евнухи, великій визирь, муфтій, кизляръ-ага, кіайя-бей, всѣ офицеры сераля, тираны *)—сами подчиненные, трусливые и неспособные.

*) Кизляръ-ага былъ начальникомъ евнуховъ и управляющимъ сералемъ; кіайя-бей былъ секретарь великаго визиря; онъ завѣдывалъ внутреннымъ управленіемъ провинцій.

Однако, несмотря на плохое управленіе, Оттоманская имперія оставалась одной изъ великихъ державъ материка, благодаря оборонительной силѣ—арміи въ триста тысячъ человѣкъ. Кромѣ европейскихъ владѣній она имѣла опору въ своихъ азіатскихъ земляхъ и въ изумительной стойкости своихъ подданныхъ. Ея сложная администрація, охватывавшая тѣсными кольцами всѣ ея провинціи умѣла, несмотря на насильничество и подкупность своихъ чиновниковъ, удерживать народъ въ повиновеніи. Турція, укрѣпившаяся на европейской территоріи, гдѣ построила цитадели на вершинѣ каждаго холма, гдѣ зацѣпилась за всякую неровность почвы, станетъ отступать не иначе, какъ пядь за пядью; врагъ далеко и султанъ еще можетъ называть свою столицу „Зорко охраняемымъ Стамбуломъ". *) Но упадокъ имперіи уже начался; подвигаясь медленно, онъ лишь изрѣдка испытывалъ задержку.

Въ то время, заключивъ съ Россіей миръ—или скорѣе перемиріе—Турція вела войну съ Австріей и Венеціей. Принцъ Евгеній разбилъ ея войска при Петервардинѣ (1716 г.), прогналъ ее изъ Венгріи, преслѣдуя ее, перешелъ черезъ Дунай и подступилъ къ Бѣлграду, которымъ готовъ былъ овладѣть. Въ то же время венеціанцы, разбивъ подъ Корфу капитанъ-пашу, опустошали берега Албаніи и осадили Дульциныо. Правительство султана желало мира: оно добилось его при Пассоровицѣ (1718 г.), но цѣною такихъ тяжелыхъ условій, какихъ еще никогда не приходилось переносить мусульманской гордости. Австрія должна была сохранить всѣ свои завоеванія: Темешварскій банатъ, западную Валахію и даже Бѣлградъ и Сербію. Послѣдняя провинція, лежащая къ югу отъ Дуная, между Болгаріей и Босніей, съ этихъ поръ, при поддержкѣ Германіи, врѣзалась, какъ клинъ, въ плотную массу турецкихъ владѣній.

Поднимаясь отъ Константинополя сухимъ путемъ къ сѣверу, намъ приходится проѣхать черезъ печальную Болгарію, гдѣ прозябало порабощенное населеніе, какъ бы потерявшее сознаніе

*) Официальное выраженіе, употреблявшееся турецкой дипломатіей.

своей народности. Цѣпь Балкановъ встаетъ передъ Константинополемъ первымъ оплотомъ. Дунай образуетъ второй; устье между Добруджей и Бессарабіей и нижнее теченіе Дуная принадлежали Турціи; но господство Австріи быстро спускалось, сначало до Пешта, затѣмъ до Бѣлграда. На сѣверномъ берегу Дуная мы встрѣчаемъ смѣсь племенъ, иныхъ вполнѣ варварскихъ, другихъ полуцивилизованныхъ—образующіяся народности, какъ бы зачатки государства. Справа, на берегу Чернаго моря, татары, вассалы Великаго повелителя, встрѣчаются лицомъ къ лицу съ казаками, подданными царя.

Передъ нами Валахія и Молдавія, румыны по происхожденію, но управляемые греческими государями, напоминаютъ княжества, образовавшіяся изъ осколковъ Византійской имперіи, когда она въ четырнадцатомъ вѣкѣ разлетѣлась на куски. Онѣ платили дань Портѣ; господаріи назначались султаномъ, избиравшимъ ихъ исключительно среди грековъ-фанаріотовъ. Послѣ румынскихъ княжествъ, снова начинается Турція—воинственные округа Хотина и Бендеръ, прелегающіе къ Днѣстру, усѣянные крѣпостями, образующими какъ бы военный поясъ Турціи. Взглянувъ на стѣны Бендеръ, недавно служившія убѣжищемъ Карлу XII, проникнемъ въ Польшу.

Характеръ страны измѣнился: крутыя, зеленыя возвышенности Карпатовъ и Балканъ смѣняются безконечными равнинами, однообразными степями или необработанными полями, никому не приносящими пользы своимъ плодородіемъ. Мы перерѣзываемъ великую дорогу вторженій, тянущуюся съ востока на западъ, отъ Азіи до центра Европы въ видѣ обширныхъ опустошенныхъ пространствъ, по которымъ столько варваровъ проникло въ центръ древняго материка. Поляки, придя съ востока, подобно другимъ, тоже шли этой дорогой, но остановились посреди ея на цѣлые девять вѣковъ. Занятая ими страна какъ-будто не предназначена для окончательнаго образованія государства. Безъ естественныхъ границъ, безъ горъ, страна доступна со всѣхъ сторонъ; по ней свободно проносятся вѣтры со всѣхъ четырехъ странъ свѣта; и поляки производятъ, гораздо больше турокъ впечатлѣ-

ніе народности, остановившейся только лагеремъ въ своемъ владѣніи.

Земледѣліе развито у нихъ слабо; промышленности вовсе нѣтъ, не замѣтно ничего, характеризующаго народность, сильно привязанную къ почвѣ, которую оно оплодотворяетъ своими усиліями. Въ деревнѣ мы встрѣчаемъ только крѣпостныхъ, еще болѣе печальныхъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и поливающихъ своимъ потомъ не принадлежащую имъ пашню. До самой Варшавы только изрѣдка попадаются на пути грязные городишки, отчасти населенные евреями, держащими въ своихъ рукахъ всю торговлю страны. На большихъ разстояніяхъ среди зелени видны постройки всевозможныхъ стилей, расположенныя безо всякаго порядка: это резиденція магнатовъ—Пулава, имѣніе Чарторижскихъ, Бѣлостокъ, наслѣдственный замокъ Браницкихъ. Изъ-за зубчатыхъ стѣнъ съ башнями этихъ феодальныхъ замковъ, съ современными надстройками и пристройками, часто поднимались террасы въ итальянскомъ вкусѣ или золоченые купола, какъ въ Константинополѣ. Въ этихъ замкахъ ютилась вся жизнь Польши; тамъ слышалось бряцаніе оружія, ржаніе лошадей; подъ сводами раздавались веселыя рѣчи и звонъ тяжелыхъ чашъ чеканной работы. Каждый вельможный панъ царствововалъ надъ цѣлымъ народомъ вассаловъ и слугъ; кругомъ него собирались друзья, образуя его партію; они встрѣчали широкое гостепріимство, а хозяинъ поддерживалъ ихъ преданность долгими охотами и безконечными пирами, пока не приглашалъ ихъ сѣсть на коней и послѣдовать за нимъ, чтобы избрать новаго короля или свергнуть стараго. Такимъ образомъ народъ-рабъ, средняго класса не существуетъ, земля принадлежитъ исключительно дворянству, и оно одно принимаетъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Государственное устройство заимствуетъ у монархіи, у олигархіи и народной республики нѣкоторые изъ ихъ недостатковъ и ни одного изъ достоинствъ; оно представляетъ отвратительную, полную претензій смѣсь, въ которой мы встрѣчаемъ всѣ виды свободы, но нигдѣ самой свободы.

Польша имѣетъ выборнаго короля, но этотъ король не можетъ ни издать закона, ни заключить союза или мира, ни начать войну, двинуть войска или собрать какой-нибудь налогъ. Ему остается оказывать только милости или раздавать кое-какія должности. Настоящая власть, какъ исполнительная, такъ и рѣшающая, принадлежитъ *Республикѣ*.

Въ Польшѣ это слово принимаетъ особенный смыслъ; оно не означаетъ формы правленія, но собраніе людей. Республика—это все польское дворянство, безъ исключенія; оно представляетъ изъ себя верховное правительство, то непосредственно, то черезъ своихъ делегатовъ. Если надо избрать короля, вся республика поднимается скопомъ и образуетъ совѣщательное собраніе, изъ шестидесяти или ста тысячъ членовъ. Обыкновенно оно избираетъ своими представителями *нунціевъ*, избираемыми шляхтичами каждаго *палатината* и образующими сеймъ. Черезъ посредство этого собранія, и безъ участія короля, Республика вырабатываетъ законы или *конституціи*, требуетъ прямого отчета у министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ, слѣдитъ за поступленіемъ налоговъ, распоряжается финансами, заключаетъ договоры, принимаетъ пословъ и уполномоченныхъ. Къ несчастью, двойной пагубный обычай—liberum veto въ соединеніи съ обычаемъ *конфедерацій*—поддерживаетъ постоянное волненіе и періодически возобновляетъ гражданскую войну.

У поляковъ странное понятіе о политической свободѣ: на ихъ взгляды эта свобода состоитъ въ томъ, чтобы шляхтичъ не терпѣлъ закона, который порицаетъ, хотя бы его одобрили всѣ магнаты. Отсюда проистекаетъ право каждаго члена Республики задержать однимъ своимъ голосомъ рѣшеніе общей воли. Польскій сеймъ избираетъ короля; если самый незначительный шляхтичъ произнесетъ „не позволяемъ“, выборы прерываются, и проектъ Республики терпитъ крушеніе. Если на сеймѣ хотя одинъ нунцій удалится въ видѣ протеста противъ сдѣланнаго предложенія, то не только предложеніе не принимается, но сеймъ не можетъ перейти къ другому предмету; онъ долженъ разойтись или, по польскому выраженію: „разорваться“. Это—политическое

безсиліе, возведенное въ систему. Противъ опасностей свободнаго veto поляки придумали лѣкарство еще худшее, чѣмъ сама болѣзнь: они возвели возстаніе въ государственную систему. Послѣ разрыва сейма, или подъ какимъ-либо другимъ предлогомъ, каждая партія имѣла право „конфедераціи", т.-е. законнаго возстанія: образуя государство въ государствѣ, созывая войска, собирая налоги, заключали союзы; она объявляла войну остальной націи и воевала, пока силой не одерживала верхъ надъ всякой оппозиціей и не добивалась молчаливаго согласія на свой проектъ со стороны всего дворянства на такъ называемомъ „умиротворительномъ сеймѣ".

Покажется ли удивительнымъ послѣ такой картины, что, проѣзжая по Польшѣ въ 1716 г., мы повсюду встрѣчаемъ слѣды междоусобной войны, дымящіяся развалины, сожженные замки, разрушенныя деревни, гдѣ бродитъ безпріютное населеніе? Въ продолженіе десяти лѣтъ Августъ Саксонскій и Станиславъ Лещинскій съ оружіемъ въ рукахъ оспаривали другъ у друга тронъ. Къ междоусобной войнѣ присоединилось иностранное вмѣшательство. Изъ всѣхъ добродѣтелей, предписываемыхъ патріотизмомъ, поляки признавали только одну—храбрость на полѣ битвы; для нихъ обращеніе къ иностранцамъ превратилось въ традицію: ихъ страна представляла легкую добычу для завоевателя: у нея не было постоянной арміи: регулярнаго войска насчитывалось всего-навсего тысячъ восемнадцать человѣкъ, не больше. Отъ 1704 до 1714 г., призванныя разными партіями арміи русская, шведская и саксонская наводнили страну, обращаясь съ ней, какъ съ завоеванной, и разрѣшая въ ней свои ссоры, какъ на полѣ брани. Наконецъ русскіе обезпечили окончательную побѣду Августу II, которому покровительствовали, и во имя его держались въ странѣ.

Августъ болѣе саксонскій курфюрстъ, чѣмъ король польскій. Въ Варшавѣ нѣтъ двора; король-нѣмецъ гнушается старымъ славянскимъ городомъ, предпочитая ему свою пріятную резиденцію— Дрезденъ съ видомъ на Богемскія горы, гдѣ онъ самъ себѣ хозяинъ. Онъ ѣздитъ въ Варшаву только на сеймы и бѣжитъ от-

туда какъ только возможно: ему неловко среди безпокойнаго дворянства, которое собирается вокругъ него, наполняя столицу шумомъ, ссорами и интригами. Не помня тяжелыхъ уроковъ, это дворянство все больше и больше вдается въ свои распри; непримиримыя несогласія раздѣляютъ первыя семьи; женщины принимаютъ въ этой борьбѣ горячее участіе; онѣ „перессорили всю Польшу“, пишетъ аббатъ Полиньякъ, посолъ Людовика XIV. Однако, нѣсколько дальновидныхъ умовъ видятъ опасность, угрожающую отечеству; часто уже слышится слово „реформа“; но постоянно оно повторяется тщетно. Поляки обнаруживаютъ непобѣдимую привязанность къ своей излюбленной анархической свободѣ, губящей ихъ. Быстро усвоивъ блестящую и легкомысленную сторону французской цивилизаціи, заимствовавъ внѣшнюю блестящую, поверхностную французскую вѣжливость, они остаются сарматами по необузданности своихъ страстей; они принимаютъ французскія моды, но сохраняютъ свои нравы. У нихъ обычаи, языкъ, даже одежда, на половину современные, на половину средневѣковые. Картина Польши удивляетъ, привлекаетъ и опечаливаетъ; сердце сжимается, когда вспоминаешь о послѣдующей судьбѣ этой мужественной націи, будущность которой была такъ же мрачна, какъ прошедшее блестяще. Какъ покинуть Варшаву той эпохи, не вспомнивъ пророческія слова короля Яна-Казиміра, сказанныя въ 1661 г.: „Это благородное королевство сдѣлается добычей націй. Московія оторветъ отъ нея Русь и Литву, Бранденбургъ овладѣетъ Познанью, а Австрія, болѣе честная, чѣмъ двѣ первыя державы, будетъ принуждена послѣдовать ихъ примѣру: она возьметъ Краковъ и Польшу“.

Изъ Варшавы мы по Вислѣ достигаемъ Данцига, стоящаго у ея впаденія въ море. Данцигъ свободный городъ; находящійся на польской территоріи и состоящій подъ ея покровительствомъ, онъ служитъ ей выходомъ въ Балтику. Это единственный пунктъ, гдѣ владѣнія Республики соприкасаются съ моремъ. Отъ Вислы до Нѣмана они отдѣлены отъ моря узкой полосой земли или скорѣе песка—Пруссіей, тѣсной и жесткой колыбелью великой монархіи. Тамъ живетъ племя бѣдное, суровое и жестоко-

сердое: сыновья крестоносцевъ и невѣрныхъ они происходятъ отъ смѣшенія послѣднихъ языческихъ племенъ Европы съ рыцарями Тевтонскаго ордена. Они подданные Бранденбургскаго дома, только что превратившаго свое курфюршество въ королевство Прусское (1701 г). За Нѣманомъ начинается герцогство Курляндское,—независимое подъ управленіемъ династіи Кеттлеровъ, но уже испытывающее вліяніе Россіи,—и подобно Пруссіи, втѣсняется между Польшей и Балтикой.

Вотъ мы на берегу этого моря, берега и волны котораго видали въ продолженіе вѣковъ столько кровопролитій. Переѣдемъ черезъ него въ Швецію. Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ населеніемъ, своимъ мужествомъ и трудолюбіемъ заслуживающимъ нашей полной симпатіи. Къ несчастью, сто лѣтъ войны сильно опустошили эту страну. Въ Швеціи всего два или три милліона жителей *), разсѣянныхъ по обширной территоріи, покрытой на значительномъ пространствѣ озерами и лѣсами. И несмотря на такія неблагопріятныя условія, Швеція шла на ряду съ великими державами, и неравная борьба сначала съ Германіей, потомъ съ Россіей, истощила ее. Все въ ней указываетъ на ослабленіе, на чрезвычайную усталость послѣ крайняго и неестественнаго напряженія. На плодородныхъ поляхъ Сканіи и Далекарміи нехватаетъ рабочихъ рукъ; въ городахъ денегъ мало; населеніе повсюду уменьшается. Въ скольких семьяхъ ушедшіе сыновья уже не вернутся! Въ Стокгольмѣ, красивой и древней столицѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ признаками прежняго величія и современнаго несчастья. На площадяхъ красуются конные, бронзовые и мраморные тріумфаторы, увѣнчанные лаврами; подъ сводами стариннаго Риддаргольмскаго собора тѣсными рядами стоятъ знамена, отнятыя у непріятеля. Но городъ въ траурѣ оплакиваетъ недавнія катастрофы. Его плохо защищаютъ упавшіе духомъ войска, и взять его, повидимому, ничего не стоитъ. Въ гавани пусто; въ ней скрывается всего нѣ-

---

*) Фридрихъ Великій въ „Исторіи моего времени“ опредѣляетъ число жителей въ два милліона. Въ настоящее время Швеція имѣетъ около $5^1/_2$ милліоновъ.

сколько кораблей, пробитыхъ пулями—остатки шведскаго флота. Наконецъ: уже шестнадцать лѣтъ королевскій дворецъ пустуетъ: вернувшись изъ Бендеръ, Карлъ XVII не пожелалъ вступить побѣжденнымъ въ свою столицу и отправился въ Норвегію воевать съ датчанами (въ мартѣ 1716 г.). Между тѣмъ какъ онъ создаетъ новые проекты войнъ и побѣдъ, порабощенное дворянство поднимаетъ голову, народъ ропщетъ; Швеція, разоренная своимъ королемъ, отворачивается отъ него: она не хочетъ снова начинать борьбу съ могучимъ врагомъ, внезапно выросшимъ у нея подъ бокомъ и, послѣ побѣды надъ нею, не спускающимъ ее съ глазъ—ее, безсильную и беззащитную.

Напротивъ глубокой бухты, гдѣ находитъ себѣ защиту Стокгольмъ, противоположный берегъ Балтики образуетъ Финляндскій заливъ, куда вливаются воды Невы, похожей на обширный морской рукавъ. Особенно поражаетъ при въѣздѣ въ Неву противоположность съ тѣми мѣстами, съ которыми мы только что разстались. При въѣздѣ въ рѣку на насъ смотритъ Кронштадтская крѣпость, родившаяся вчера, но укрѣпляющаяся съ каждымъ днемъ. У ея гранитныхъ моловъ стоятъ тяжелые военные корабли, снабженные экипажемъ и вооруженные пушками,—зарождающійся, но уже страшный флотъ. Далѣе мы вступаемъ въ лабиринтъ острововъ, на которыхъ, какъ бы волшебствомъ, возникла столица. Толпы мастеровыхъ, солдатъ и чиновниковъ—ядро новой Русской имперіи—поселились на этихъ сырыхъ отмеляхъ, отнятыхъ недавно у Шведской Финляндіи. Здѣсь по призыву всемогущаго повелителя этотъ народъ принялся за дѣло; онъ строитъ, расчищаетъ лѣса, воздвигаетъ плотины, соединяетъ острова мостами и, овладѣвъ этой землей, отвоеванной у непріятеля и рѣки, воздвигаетъ въ двѣнадцать лѣтъ (1703—1715) большой городъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера финляндскій рыбакъ забрасывалъ свои сѣти, высятся величественныя сооруженія, больше дворцовъ, чѣмъ домовъ, а еще больше укрѣпленій. Рядомъ съ скромнымъ деревяннымъ домикомъ, гдѣ еще живетъ русскій государь, мы уже видимъ мраморный фундаментъ будущаго императорскаго обиталища; церкви, уже украшенныя от-

битыми у шведовъ знаменами, еще ждутъ своего золоченаго шпиля. Городъ названъ основателемъ Санктъ-Петербургомъ; но уже Россія и Европа зовутъ его Петербургомъ—городомъ царя Петра. Всюду поспѣвая самъ и все покоряя своей желѣзной волѣ, высокомѣрный, но вмѣстѣ съ тѣмъ обходительный, сохраняющій свою царственную осанку, несмотря на свой кафтанъ изъ грубаго сукна, онъ направляетъ всѣ работы, самъ прилагаетъ всюду руку, понукаетъ рабочихъ, дѣлаетъ смотры войскамъ, осматриваетъ въ докахъ строящіяся суда, издаетъ указы и законы, приказываетъ, бьетъ, реформируетъ, даетъ своему народу поступательное движеніе, которое уже не остановится. Сравнивъ плодотворную и планомѣрную дѣятельность, которую видимъ въ Россіи, съ истощеніемъ Швеціи, съ польской анархіей и упадкомъ Турціи, мы безъ колебанія можемъ сказать, что царь сталъ сѣвернымъ владыкой, и что будущность принадлежитъ его имперіи *).

Петръ Великій не столько стремился преобразовать Россію, какъ создать новую, предназначенную для управленія древней. Этотъ варваръ, почувствовавъ горячую любовь къ цивилизаціи, главнымъ образомъ обращалъ вниманіе на ея положительныя и практическія стороны; онъ хотѣлъ заимствовать у Запада политическій и религіозный деспотизмъ, большую военную силу, хорошо устроенные финансы—все, что можетъ служить намѣреніямъ честолюбиваго правительства. Онъ не измѣнилъ существенно общественный строй своего народа и ограничивался, давая ему нѣкоторыя внѣшнія реформы, такъ сказать, измѣненіемъ до нѣкоторой степени лишь его физическаго облика. Надъ Россіей, полученной имъ отъ отцовъ, надъ полуазіатской, патріархальной, неподвижной и замкнутой въ себѣ, онъ надстроилъ государство современное, снабженное всѣми необходимыми органами.

---

*) Вольтеръ считаетъ въ 1727 г. 14 милліоновъ, признавая, что эта цифра растетъ съ каждымъ годомъ. (*Исторія Карла XII*). Манштейнъ въ своихъ *мемуарахъ* опредѣляетъ это количество въ 1754 г. въ двадцать милліоновъ. Фридрихъ II говоритъ всего о двѣнадцати милліонахъ. („Исторія моего времени"). Но эта цифра слишкомъ мала.

Онъ создалъ дипломатію, армію, флотъ, администрацію, сложную іерархію чиновниковъ и дѣятелей, правящій классъ, куда онъ заставилъ силой вступить часть древнихъ бояръ, и который пополнилъ частью иностранцами, частью людьми, вышедшими изъ ничтожества и всѣмъ ему обязанными. Эта офиціальная Россія оказалась владѣтельницей территоріи, равной половинѣ Европы, съ населеніемъ въ пятнадцать милліоновъ, расположенныхъ уже по своему невѣжеству къ слѣпому повиновенію. При такихъ условіяхъ Россія должна была сдѣлаться страшной. Въ то время какъ элементы, предназначенные для образованія общества, едва слагались, царь уже владѣлъ всѣми данными, доставляющими государю возможность оказывать вѣское вмѣшательство въ дѣла своихъ сосѣдей. Петръ главнымъ образомъ старался создать государство, а не націю.

Дѣлаясь реформаторомъ, онъ обрекалъ себя на то, чтобы стать завоевателемъ. Россія могла обцивилизоваться только подъ условіемъ приближенія къ центру цивилизаціи. Прежде всего ей необходимо было имѣть выходъ въ море, неизвѣстное жителямъ Московскаго государства. Они даже боялись его, а между тѣмъ, только посредствомъ его они могли сообщаться съ наиболѣе благоустроенными государствами Запада. Шведы и поляки преграждали путь къ Балтійскому морю; на югѣ турки не допускали къ берегамъ Чернаго моря; на сѣверѣ льды мѣшали плаванію по Бѣлому морю. Россія рисковала задохнуться и погибнуть на территоріи безъ выхода. Чтобы имѣть возможность дышать, надо было биться. Петръ понялъ это. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ отнялъ у турокъ Азовъ и получилъ такимъ образомъ доступъ къ Черному морю. Затѣмъ онъ обратился къ сѣверу, захватилъ устье Невы и, покинувъ Москву, основалъ свою столицу на границѣ имперіи, но въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моря. „Я открываю себѣ окно на Западъ“,—говорилъ онъ, когда положилъ первый камень Петербурга (1703). Послѣ того онъ обратился на прибалтійскія шведскія провинціи—Ингрію, Эстонію, Ливонію. Здѣсь онъ столкнулся съ Карломъ XII. Шведскій король радъ былъ всякому случаю воевать и принялъ вызовъ

Петра. Если Петръ любилъ войну, какъ средство, Карлъ XII любилъ ее ради нея самой и создалъ себѣ армію по своему подобію—горячую, подвижную и неутомимую, какъ онъ самъ. При первой встрѣчѣ подъ стѣнами Нарвы (30 ноября 1700 г.) тяжелыя русскія фаланги не могли выдержать столкновенія съ шведскими храбрецами и бѣжали врассыпную. Это пораженіе было для Петра такъ же полезно, какъ могла бы быть полезна побѣда. Между тѣмъ какъ его противникъ задержался въ Польшѣ, возводя королей на престолъ, принимая ухаживанія германскихъ принцевъ и ѣздя въ Лейпцигъ бесѣдовать съ герцогомъ Мальбору, царь, наученный несчастьемъ, переустраивалъ свои войска, вооружалъ ихъ и обучалъ на европейскій ладъ. Ежедневными маневрами онъ подготовлялъ ихъ къ борьбѣ съ полководцами Карла XII; училъ ихъ въ подробностяхъ, какъ побѣждать шведовъ, и терпѣливо ждалъ часа отплаты. Карлъ доставилъ ему возможность расквитаться, безразсудно двинувшись въ русскія степи (1708). Царь далъ ему зайти въ самую глубь страны и девять мѣсяцевъ проблродить по степямъ; самъ же онъ постоянно отступалъ, не открывая рѣшительныхъ дѣйствій, разсчитывая на своего естественнаго союзника—зиму. Увидавъ, что шведы истощены холодомъ, лишеніями и усиленными переходами, Петръ напалъ на Карла и сразу сокрушилъ его. У шведовъ была одна армія, они ее лишились въ 1709 г. подъ Полтавой; Карлъ XII бѣжалъ въ Турцію съ тремя стами человѣкъ. Эта продолжительная борьба была не только поединкомъ двухъ личностей и двухъ народовъ. Карлъ XII,—средневѣковый герой, ошибкой попавшій въ иной вѣкъ,—служилъ блестящимъ олицетвореніемъ прошлаго; Петръ—практическій геній—организаторъ, представлялъ будущее; рано или поздно побѣда должна была остаться за нимъ.

Для Россіи шведъ былъ не болѣе, какъ политическимъ противникомъ; турокъ же — врагъ національный и традиціонный. Много вѣковъ надъ византійскими куполами церквей Московскаго царства возвышался одинъ общій символъ — греческій крестъ, водруженный надъ опрокинутымъ полумѣсяцемъ. Русскіе считали царя прямымъ преемникомъ Восточныхъ императо-

ровъ, у которыхъ вторженіе невѣрныхъ отняло часть ихъ владѣній. Константинополь оставался царской столицей (Царьградъ), и освобожденіе христіанскаго Востока являлось миссіей, предначертанной Провидѣніемъ. Петръ считалъ, что наступило время осуществить эти упованія: онъ призвалъ своихъ подданныхъ къ походу противъ Турціи, стараясь въ то же время поднять Грецію и Румынію, призвать ихъ къ оружію за вѣру и свободу. Эта попытка оказалась преждевременной: Петръ могъ только указать своимъ народамъ дорогу въ Константинополь. Онъ не принялъ во вниманіе пространства, пустынныхъ мѣстностей, еще отдѣлявшихъ южную Россію отъ Дуная. Добравшись до береговъ Прута съ арміей, уменьшившейся на половину вслѣдствіе лишеній и упавшей духомъ еще не начавъ воевать, онъ вдругъ увидалъ себя окруженнымъ 200,000 турками и татарами и былъ на краю гибели. Только ловкость его жены, лифляндки Екатерины, доставила ему возможность начать переговоры. По прутскому трактату—настоящей капитуляціи на полѣ битвы (1711 г.)—ему предоставлялось безпрепятственно увести свои войска; но онъ долженъ былъ возвратить Азовъ и обязывался не вмѣшиваться впредь въ польскія замѣшательства. Впрочемъ, послѣднее обѣщаніе оставалось призрачнымъ: ни Петръ, ни его наслѣдники и не думали сдерживать его.

Петръ отмстилъ за свое пораженіе при Прутѣ, успѣшно дѣйствуя противъ Швеціи и Польши. Въ 1716 г., обезпеченный со стороны Турціи, онъ повсюду имѣлъ успѣхъ: сильно напирая на западъ, Россія проложила себѣ дорогу въ Европу съ оружіемъ въ рукахъ. Теперь царь измѣнилъ свои стремленія: положивъ своими побѣдами основаніе величію своей имперіи, онъ долженъ былъ укрѣпить начатое дѣло системой искусно скомбинированныхъ союзовъ. Петръ желалъ вступить въ дипломатическій концертъ державъ, принять участіе въ ихъ совѣщаніяхъ и давать чувствовать свое вліяніе не только въ сѣверныхъ дѣлахъ, но и въ дѣлахъ всего континента. Но въ качествѣ пришельца въ европейскомъ совѣтѣ, проложившаго себѣ дорогу силой, онъ могъ надѣяться занять въ немъ мѣсто только въ томъ случаѣ,

если его представитъ могущественный другъ, который его поддержитъ. Ни нарождающаяся Пруссія, ни второстепенные германскія государства не были на высотѣ подобной роли: Россія нуждалась въ поддержкѣ одной изъ монархій, шедшихъ, благодаря своей древности и блеску своего могущества, во главѣ націй. По мнѣнію Петра, австрійскіе интересы слишкомъ разнились отъ его интересовъ, чтобы онъ могъ соединиться съ Вѣной; Англію онъ не любилъ, Испанію не зналъ. Оставалась Франція: онъ обратился къ ней.

До тѣхъ поръ между Россіей и Франціей не существовало непрерывныхъ сношеній: у обоихъ дворовъ не было своихъ постоянныхъ представителей. Въ 1629 г. въ Москву прибылъ чрезвычайный посолъ Людовика XIII, Дюгюэ-Кормененъ. „Ваше величество“,– обратился онъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, — „есть глава восточныхъ странъ и православной вѣры. Людовикъ, король Франціи,—глава странъ южныхъ: заключивъ съ королемъ дружбу и союзъ, царь ослабитъ своихъ враговъ. Необходимо, чтобы царь составилъ одно единое съ французскимъ королемъ“.

Оба государства подписали дружескій и коммерческій договоръ; но онъ не осуществился. Русскіе почти цѣлый вѣкъ заставили ждать своего отвѣта на предложенія Дюгюэ-Корменена, и отвѣтъ этотъ былъ данъ Петромъ.

Во время Шведской войны онъ желалъ посредничества Людовика XIV. Но великій король возлагалъ слишкомъ большія надежды на Карла XII, полагая, что тотъ поддержитъ интересы Франціи въ Германіи, чтобы прислушиваться къ желанію его соперника. Послѣ смерти Людовика XIV, во время шведскихъ неудачъ, при французскомъ дворѣ появился русскій уполномоченный Зубовъ. Ему было поручено освѣдомиться о видахъ Франціи, увѣрить въ добромъ расположеніи Россіи и подготовить пути къ болѣе дѣйствительному сближенію. Для заключенія тѣснаго союза, задуманнаго имъ, Петръ не желалъ имѣть другого посредника, кромѣ самого себя. Уже давно онъ собирался посѣтить Францію и думалъ, что, явившись лично въ Парижъ съ союзомъ Россіи въ своихъ побѣдоносныхъ рукахъ, онъ заставитъ

лучше выслушать себя и побѣдить колебанія Франціи. Онъ выѣхалъ въ концѣ 1716 года, не объявляя оффиціально о цѣли своего путешествія.

Проѣздомъ черезъ Германію онъ видѣлся въ Гавельсбергѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, отцомъ великаго Фридриха. Этотъ грубый нѣмецъ, бившій женщинъ, жившій съ унтеръ-офицерами и желавшій превратить свое государство въ казарму, въ сущности былъ тонкимъ дипломатомъ. Его, какъ всѣхъ государей этого дома, снѣдало честолюбіе; но онъ не спѣшилъ удовлетворить ему, какъ-будто его роль должна была ограничиться только подготовленіемъ будущаго: онъ формировалъ, обучалъ прусскую армію, не стараясь пустить ее въ ходъ, но лишь довольствуясь тѣмъ, что доводилъ до возможнаго совершенства этотъ точно вывѣренный инструментъ, который его преемникамъ пришлось примѣнить съ смѣлостью генія. Онъ ненавидѣлъ Францію ненавистью сѣвернаго германца — упорной, непримиримой, но терпѣливой. Въ его сынѣ, Фридрихѣ, ему непріятнѣе всего была „любовь къ Франціи и дамамъ“. Но такъ какъ Франція была сильна, онъ щадилъ ее и пользовался ею при случаѣ. Когда онъ замѣтилъ склонность къ Франціи, въ умѣ его зародился проектъ послужить соединительной чертой между Россіей и Франціей: онъ рѣшилъ способствовать ихъ союзу, предвидя, что можетъ имъ воспользоваться противъ своего врага, Австріи. Онъ поручилъ своему министру Книпхаугену сопровождать царя въ его путешествіи и служить ему во время переговоровъ переводчикомъ и помощникомъ *).

Петръ отправился въ Голландію, гдѣ онъ уже изучалъ морское дѣло и торговлю. Теперь онъ вернулся туда въ полномъ блескѣ своего могущества. Въ это время Голландія служила какъ бы гостиной всей Европы. Въ этой маленькой странѣ, гдѣ слово и перо были свободнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, гдѣ извѣстія получались и распространялись съ большей достовѣрностью, гдѣ зарождались сенсаціонныя новости и гдѣ составлялось обще-

---

*) Сенъ-Симонъ. *Мемуары.* Также *мемуары* маршала де-Тессэ.

ственное европейское мнѣніе, и государственные люди всѣхъ націй съѣзжались и назначали другъ другу тайныя свиданія.

За нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія царя французскій путешественникъ, выдававшій себя за коллекціонера, разыскивающаго картины и художественныя вещи, таинственнымъ образомъ остановился въ одной изъ гостиницъ Гааги. Эта личность былъ не кто иной, какъ аббатъ Дюбуа, ближайшій совѣтникъ французскаго регента. Онъ пріѣхалъ, чтобы воспользоваться проѣздомъ англійскаго короля и переговорить кое о чемъ шепотомъ съ министромъ Стэнгопомъ.

Не успѣлъ Петръ Великій ступить на почву Соединенныхъ Провинцій, какъ къ нему явился шведскій посолъ, баронъ Герцъ, которому было поручено отъ имени Карла XII обратиться къ царю съ примирительными рѣчами. У него были также съ визитомъ министры англійскій и австрійскій, которымъ не терпѣлось узнать цѣль путешествія царя. Всѣмъ имъ Петръ далъ уклончивые отвѣты и открылъ свои планы только Шатонёфу, французскому послу.

13 января одинъ изъ министровъ, котораго царь привезъ съ собой, князь Куракинъ, отправился къ Шатонёфу и сказалъ ему: „Я не говорю съ вами какъ съ посломъ, но какъ съ другомъ, которому сообщаю тайну, довѣренную мнѣ моимъ повелителемъ“. Онъ прибавилъ, что „царь вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ призналъ полезнымъ заключить союзъ съ Франціей; что онъ вполнѣ расположенъ къ тому, что ему весьма желательно было бы заключить договоръ, и было бы пріятно осуществить это немедленно въ своемъ присутствіи“. Черезъ недѣлю послѣ этого визита, подготовившаго почву, Куракинъ офиціально возобновилъ отъ имени своего государя то же сообщеніе. Шатонёфъ поспѣшилъ извѣстить свой дворъ.

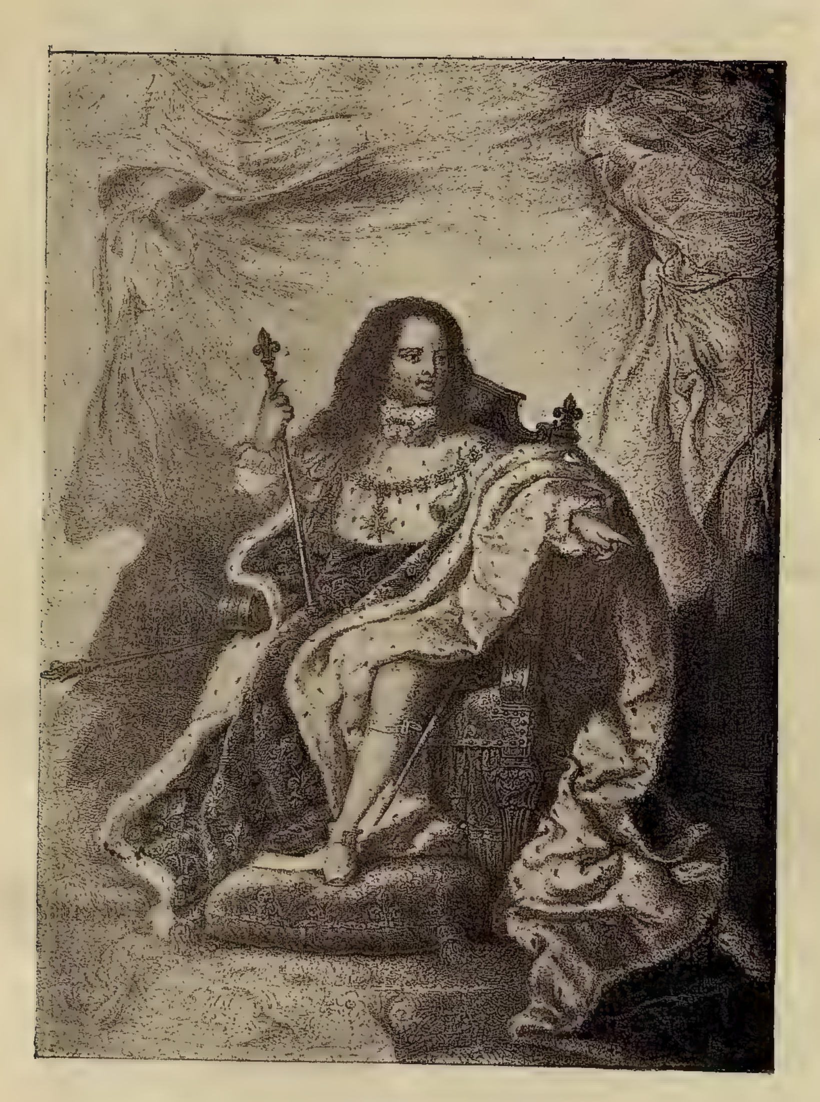
Новое правительство Франціи,—регентство, только что установилось, но уже имѣло собственную политику, явно отличавшуюся отъ политики Людовика XIV. Краеугольнымъ камнемъ системы герцога Орлеанскаго было тѣсное сближеніе съ Англіей. Служившая долгое время предметомъ критики и упрековъ, эта

политика только въ послѣднее время нашла себѣ должную оцѣнку. При смерти Людовика XIV Франція только что окончила двѣнадцатилѣтнюю войну, не уменьшившую ея территоріи, но истощившую ее. Сохраненіе мира составляло главное желаніе страны и было для нея необходимо. Въ Европѣ двѣ державы стремились къ нарушенію общественнаго спокойствія: Испанія, вернувшаяся къ своимъ честолюбивымъ замысламъ при правленіи кардинала Альберони, стремилась возвратить себѣ свои итальянскія владѣнія, а Австрія не разставалась съ надеждой вырвать у Бурбоновъ корону Испаніи и воскресить на выгоду себѣ монархію Карла V. Надо было помѣшать этимъ двумъ государствамъ устремиться другъ на друга. Въ это время оказалось, что интересы Англіи совпадали съ интересами Франціи: подобно послѣдней, первая желала мира, въ которомъ нуждалась, чтобы укрѣпить свою новую династію, упрочить свой государственный строй и продолжать развитіе своего торговаго могущества. Регентъ соединился съ Англіей, чтобы сохранить миръ въ остальной Европѣ, и это былъ самый благоразумный образъ дѣйствія, который онъ могъ избрать. Герцогъ сблизился съ недавними врагами Франціи противъ Испаніи, гдѣ царствовалъ внукъ Людовика XIV,—чтобы заразъ сдержать несвоевременныя честолюбивыя стремленія, внушаемыя мадридскому кабинету кардиналомъ Альберони, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить вызывающій образъ дѣйствія Австріи противъ Филиппа V. Такова была цѣль Гаагскаго трактата, подписаннаго въ началѣ 1717 г. между Франціей, Великобританіей и Соединенными Провинціями.

Подобный союзъ не имѣлъ ничего не совмѣстимаго съ тѣмъ, который Петръ предлагалъ Франціи. Къ несчастью царь и англійскій король поссорились: первый упрекалъ второго въ его двусмысленномъ поведеніи во время Сѣверной войны и въ тайной помощи Швеціи. Къ политическимъ неудовольствіямъ присоединялись личные мотивы: оба монарха обвиняли другъ друга въ недостаткѣ уваженія. Слѣдовательно, оказывая Россіи слишкомъ большое предпочтеніе, регентъ могъ обидѣть Георгія I и ослабить и безъ того хрупкія узы, связывавшія англійскаго короля

съ Франціей. Но, считаясь по справедливости съ этимъ обстоятельствомъ, видѣть въ немъ рѣшительную помѣху къ союзу съ Россіей—значило бы преувеличивать его значеніе. Въ то время между Россіей и Англіей не существовало несовмѣстимости интересовъ, которая могла бы устранять надежду на соглашеніе. Кромѣ того, если лондонскій кабинетъ имѣлъ право требовать отъ Франціи добросовѣстнаго исполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ, то все же онъ не могъ претендовать, чтобы она раздѣляла всѣ его непріязни или давала ему право контролировать всѣ ея сношенія. Слѣдовательно, не существовало необходимости и было бы совершенно неполитично вполнѣ жертвовать Россіей Англіи; соглашеніе съ первой могло превратиться въ принципіальный союзъ; союзъ со второй—при всей его важности—былъ только случайностью, вызванной обстоятельствами. Слишкомъ много сталкивавшихся интересовъ и слишкомъ большое соперничество разъединяло эти двѣ сосѣднія земли, чтобы дѣйствительное сближеніе могло пережить случайныя обстоятельства, породившія его, и чтобы это сближеніе могло перейти въ окончательное примиреніе.

Главнымъ недостаткомъ политики регента была шаткость его отношеній къ друзьямъ, еще болѣе, чѣмъ къ врагамъ. Герцогъ Орлеанскій обладалъ умомъ живымъ и характеромъ открытымъ, свободнымъ отъ предразсудковъ. Онъ находился подъ вліяніемъ своего бывшаго воспитателя аббата Дюбуа, сдѣлавшагося вскорѣ кардиналомъ, и, такъ сказать, раздѣлялъ съ нимъ власть. Не пытаясь вполнѣ обѣлить эту личность, въ послѣднее время были сдѣланы попытки выставить, вмѣстѣ съ его рѣдкими талантами, услуги, не разъ оказанныя имъ королевству. Мы не станемъ отрицать ни тѣхъ, ни другихъ. Но Дюбуа имѣлъ только ловкость; напрасно стали бы мы искать въ немъ возвышенности взглядовъ и независимости сужденій, указывающихъ на дѣйствительно выдающагося государственнаго человѣка и плохо уживающихся съ недостойнымъ характеромъ. Умѣя прекрасно приспособляться къ обстоятельствамъ, регентъ согласовался только съ интересами минуты, и можно сказать, что его министръ пред-



Людовикъ XV.

ставляетъ изъ себя послѣднее слово политики, живущей изо дня въ день. Онъ заключилъ союзъ съ Англіей, хитростью и ловкостью овладѣвъ министромъ Стенгопомъ, не покидая его ни на минуту, ошеломляя его своимъ краснорѣчіемъ, читая ему наставленія днемъ и ночью, заставляя его говорить, напоивъ, и обращаясь съ государственными дѣлами, какъ какой-нибудь лошадиный барышникъ. Гордясь своимъ дѣломъ, онъ боялся всего, что могло нарушить его гармонію или подорвать прочность. Когда зашла рѣчь о проектахъ Петра Великаго, онъ не спрашивалъ себя, какія могутъ быть впослѣдствіи выгоды франко-русскаго союза, а только боялся возбудить англійское неудовольствіе и весьма опредѣленно высказался за полное непринятіе предложеній царя.

Регентъ приказалъ Шатонёфу начать переговоры съ Петромъ, когда получилъ отъ Дюбуа конфиденціальное письмо. „Позвольте мнѣ",—началъ аббатъ,—„руководствуясь тѣмъ усердіемъ, съ которымъ я отношусь къ Вашей славѣ и своей службѣ Вамъ, умолять Ваше королевское высочество зрѣло взвѣсить съ одной стороны почти неизбѣжную опасность лишиться расположенія Англіи и Голландіи и, слѣдовательно, всѣхъ плодовъ только что заключеннаго тройственнаго союза, который не похожъ на прочіе договоры и можетъ сохраниться только дружбой. Я не настолько близко ознакомился съ этимъ дѣломъ—подробности его мнѣ не извѣстны—чтобы высказываться противъ принятаго Вами рѣшенія. Но царя и короля прусскаго считаютъ государями очень вѣроломными. Если Вы, помогая царю утвердиться на Балтійскомъ морѣ, прогоните оттуда англичанъ и голландцевъ, эти обѣ націи Васъ навѣки возненавидятъ. Царь часто хвораетъ, а сынъ его *) не поддержитъ ничего. Король прусскій—союзникъ Англіи **) и непремѣнно выдастъ одну изъ принцессъ, своихъ дочерей, за принца Уэльскаго. Онъ самъ сладится съ своимъ тестемъ. Меня же безпокоитъ, что, если Англія и Генеральные Штаты станутъ

*) Царевичъ Алексѣй, трагически умершій въ 1718 г.

**) Король прусскій былъ женатъ на дочери Георга I англійскаго.

жаловаться на Васъ, то какъ бы Вашему Высочеству не потерять своей репутаціи. Напротивъ же, сохранивъ за собой мнѣніе, которое эти націи имѣютъ о Васъ, и которое передается другимъ народамъ, Вы въ состояніи будете всего достигнуть и сдѣлаетесь судьей въ Европѣ. Не могу не вспомнить при этомъ двухъ итальянскихъ пословицъ: „Chi sta bene, non si muove *). Другая же служитъ эпитафіей человѣку, убившему себя излишествомъ предосторожностей: „Per star meglio son qui“ **). Приложите, Ваше Высочество, эти двѣ истины къ положенію, въ которомъ находитесь, и если тройственнаго союза Вамъ кажется достаточно, разсудите, не обходимо ли Вамъ остальное и не доставитъ ли Вамъ большія выгоды, если Вы будете браться только за дѣла вѣрныя, не мѣшающія одно другому, чѣмъ предпринимая рискованные шаги... Я всегда боялся опасности, которой Вы себя подвергаете теперь, и мое шестое чувство, существующее во мнѣ исключительно для всего Васъ касающагося, тревожится по этому случаю ***)...“

Это письмо произвело впечатлѣніе на регента; онъ измѣнилъ инструкціи, посланныя Шатонёфу, приказавъ ему затянуть переговоры и создать затрудненіе. Петръ предложилъ сначала оборонительный союзъ между двумя державами, которымъ имъ гарантировались бы ихъ владѣнія, въ томъ числѣ и новыя провинціи, пріобрѣтенныя Россіей отъ Швеціи. Когда Франція не соглашалась дать подобную гарантію, царь тотчасъ отступилъ отъ своихъ требованій и удовлетворился просьбой о субсидіи въ 25,000 червонныхъ въ мѣсяцъ на время веденія Сѣверной войны. Онъ согласился на эту уступку 30 марта 1717 г. и вечеромъ того же дня неожиданно тронулся въ Парижъ. Его отъѣздъ былъ окруженъ тайной; Петръ предупредилъ регента, попросилъ его давать извѣстію какъ можно меньше огласки. Заботясь главнымъ образомъ о впечатлѣніи, которое желалъ произвести, онъ

---

*) Кому хорошо стоять, пусть тотъ и не двигается.

**) Я здѣсь потому, что вѣчно искалъ лучшаго.

***) Аббатъ Дюбуа герцогу Орлеанскому 12 января 1717 г.

предполагалъ, что своимъ внезапнымъ появленіемъ въ Парижѣ вызоветъ больше удивленія и сенсаціи. „Мой государь желаетъ“,— писалъ Куракинъ Шатонёфу,—„чтобы о немъ во Франціи говорили какъ можно меньше, прежде чѣмъ онъ туда прибудетъ“. Вечеромъ 7 мая Петръ въѣхалъ на-рысяхъ въ Парижъ, отказался занять приготовленные ему аппартаменты въ Луврѣ и остановился въ отелѣ Ледигьера.

Подробности его пребыванія въ Парижѣ извѣстны. Сенъ-Симонъ отмѣтилъ ихъ съ свойственной аристократу смѣсью глубокихъ размышленій и интимныхъ замѣчаній, придающихъ его разсказу такую пикантность. Хроникеры того времени, Дюкло, адвокатъ Барбье, Матьё Марэ, Бюва вели дневникъ этого путешествія, какъ парижане, падкіе до новостей, старающіеся проникнуть въ интимную жизнь высокопоставленныхъ, собрать всѣ факты ихъ жизни и подмѣтить ихъ слабости *). Съ подобными путеводителями не трудно возстановить во всѣхъ подробностяхъ и день за днемъ жизнь царя въ Парижѣ. Мы слѣдуемъ за нимъ въ его быстрыхъ переѣздахъ по городу; видимъ его „въ простомъ дорожномъ костюмѣ-кафтанѣ коричневаго сукна и плохо подстриженномъ короткомъ парикѣ“. Мы видимъ, какъ онъ ѣздитъ въ каретѣ или фіакрѣ, утомляя свою свиту, жаждая движенія и самостоятельности, избѣгая толпы, ненавидя пышность, стараясь больше видѣть, чѣмъ быть видимымъ, побуждаемый ненасытнымъ стремленіемъ все узнать, во всемъ отдать себѣ отчетъ, все усвоить. Больше всего его привлекаютъ учрежденія и пріемы, которые онъ можетъ съ пользой примѣнить въ своемъ государствѣ. До всего остальнаго ему мало заботы: онъ путешествуетъ главнымъ образомъ съ дѣловой цѣлью. Онъ презираетъ роскошь, искусства и утонченныя удовольствія, проходитъ мимо дворцовъ и заходитъ въ лавки, скучаетъ въ оперѣ, но находитъ удоволь-

---

*) О пребываніи царя въ Парижѣ см. Сенъ-Симонъ; — Journal de la Regence; Journal et Mémoires de Mathien Marais; Journal de l'avocat Barbier или Chronique de la Régence et du règne de Louis XV; Mémoires du duc d' Antin (не напечатанныя): Duclos—Mémoires secrètes, Lemontey—Histoire de la Régence.

ствіе на заводахъ, двигаетъ шибало вмѣстѣ съ рабочими на монетномъ дворѣ, выходитъ изъ экипажа, чтобъ говорить съ каменщиками, работающими на мосту, au Change, старается, прежде всего запастись положительными свѣдѣніями и техническими знаніями и менѣе заботится о продуктахъ цивилизаціи, чѣмъ объ ея производительныхъ силахъ. Съ его пребываніемъ связана масса анекдотовъ; его мѣткія выраженія стали ходячими. Менѣе извѣстна политическая сторона путешествія. Между тѣмъ на царя въ Парижѣ были устремлены взоры всей Европы. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ во Францію? Такой вопросъ задавали себѣ всѣ дворы, одни съ безпокойствомъ, другіе съ надеждой, всѣ съ любопытствомъ. Король прусскій думалъ-было присоединиться къ нему, чтобы лично наблюдать за нимъ; но въ послѣднюю минуту онъ испугался парижанъ, ихъ насмѣшливости, сарказма, и не поѣхалъ. У польскаго короля въ Парижѣ былъ одинъ министръ; онъ послалъ второго; и одинъ изъ нихъ слѣдовалъ за Петромъ повсюду, куда бы онъ ни пошелъ. Король датскій имѣлъ офиціальнаго шпіона, получившаго приказаніе наблюдать за царемъ. Прусскіе и австрійскіе агенты слѣдили за нимъ даже во время его прогулокъ въ Фонтенебло, гдѣ заставали его въ разговорахъ съ Рагоцки, главой послѣдняго венгерскаго возстанія. Петръ обращалъ мало вниманія на все это; онъ видался со всѣми, не отвергалъ никого, но посвящалъ все свое вниманіе спеціальнымъ переговорамъ, привлекшимъ его въ Парижъ.

Какъ пріятно ему было бы встрѣтить тамъ Людовика XIV и изложить въ разговорѣ съ великимъ королемъ свои планы, поразить его и убѣдить! Но вмѣсто государя славной памяти онъ увидалъ семилѣтняго ребенка, къ которому отнесся съ такимъ же вниманіемъ и лаской, съ какимъ бы отнесся къ самому Людовику XIV. Онъ не пожелалъ выѣхать изъ дому, не принявъ визита молодого короля, встрѣтилъ его у подножки кареты, взялъ на руки, поднялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ. Сенъ-Симонъ говоритъ: „Всѣ были поражены его любезностью къ королю, его нѣжностью къ нему, сердечной вѣжливостью, при всемъ величіи, не покидавшемъ его, и сознаніи равенства поло-

женій, а также, слегка, своего старшинства по возрасту. Все это чувствовалось очень ясно.

Въ хрупкомъ по сложенію, но прелестномъ лицомъ ребенкѣ къ милымъ свойствамъ его возраста уже присоединялось естественное изящество и величіе, наслѣдованныя отъ предковъ. Можетъ быть, при видѣ его въ умѣ царя мелькнула мысль. У него была дочь однолѣтка съ Людовикомъ XV—Елизавета Петровна. Почему бы черезъ нѣсколько лѣтъ союзу христіаннѣйшаго короля съ дочерью русскаго императора не послужить скрѣпой для союза двухъ коронъ? Петръ счелъ бы самой блестящей изъ своихъ побѣдъ возвести на французскій престолъ королеву—русскую.

Тотчасъ же послѣ своего свиданія съ королемъ, царь повторилъ формально предложенія, сдѣланныя въ Гагѣ. Такимъ образомъ, прижатый къ стѣнѣ, регентъ не посмѣлъ уклониться; онъ указалъ на маршала де Тессе для переговоровъ съ тремя русскими министрами, Шафировымъ, Толстымъ и Долгорукимъ. Роль послѣднихъ ограничивалась тѣмъ, что они передали маршалу записку, составленную со словъ царя, написанную отрывистымъ, ломанымъ французскимъ языкомъ, но, по освобожденіи отъ дипломатическихъ прикрасъ, съ прямой откровенностью высказывавшую мысль автора:

„Поставьте меня",—говорилъ царь,—„на мѣсто, занимаемое шведами. Положеніе вещей въ Европѣ измѣнилось: почти уничтоженная Швеція не можетъ оказать вамъ никакой помощи; могущество Императора возросло до безконечности, и я, Царь, хочу замѣнить вамъ Швецію. Я предлагаю вамъ вмѣстѣ съ Пруссіей и Польшей свой союзъ, и не только союзъ, но мое могущество. И съ помощью меня, Царя, возстановится не только равновѣсіе, которое для васъ создавала Швеція, но та крупица, которую я кладу на вѣсы, перетянетъ. И хотя вы заключили очень кстати договоръ съ Англіей и Голландіей, мои предложенія вовсе не идутъ вразрѣзъ съ нимъ. Англія — держава настолько раздираемая междоусобіями и настолько непостоянная въ своихъ планахъ, что, измѣни она вамъ въ будущемъ, Царь замѣнитъ

вамъ все, чего вы можете ожидать отъ Швеціи и Англіи. Я не требую отъ васъ никакихъ гарантій моимъ завоеваніямъ, но отнеситесь ко мнѣ такъ же, какъ относитесь теперь къ Швеціи".*)

Лично регентъ склонялся къ принятію предложенія; при дворѣ уже обрисовывалась партія, благопріятная русскому союзу. Во главѣ ея стоялъ Сенъ-Симонъ. Но Дюбуа снова далъ почувствовать свое вліяніе. „Я слышалъ отъ кардинала Дюбуа",—писалъ позднѣе Вольтеръ **),—„что царь не болѣе какъ, сумасбродъ, годный развѣ только въ шкипера голландскаго корабля"...

Однако боялись, оттолкнувъ Петра, бросить его тѣмъ въ объятія Австріи, и поэтому рѣшились итти окольными путями, не говоря ни да, ни нѣтъ. Маршалу Тессе были продиктованы отвѣты туманные, нерѣшительные, запутанные .Изъ каждой строчки, данной ему общей инструкціи, сквозитъ страхъ передъ Англіей. „Особенно считаютъ должнымъ повторить г. де Тессе",— гласитъ инструкція,—„что его королевское высочество ни въ чемъ не желаетъ отступить отъ обязательствъ, принятыхъ по Гагскому трактату, или подать малѣйшій поводъ къ неудовольствію королю Великобританскому... а такъ какъ его высочество не предполагаетъ итти въ своихъ отношеніяхъ къ Царю дальше простой дружбы и сношеній, подкрѣпленныхъ коммерческимъ договоромъ, то онъ (маршалъ) долженъ какъ можно осторожнѣе взвѣшивать свои выраженія во время переговоровъ, такъ, чтобы царскіе министры по возможности сами собой отступились отъ всякихъ дальнѣйшихъ требованій" ***).

Во всемъ этомъ дѣлѣ Франція обнаружила двойственность. У Тессе въ его мемуарахъ вырывается компрометирующее признаніе: „Новое правительство желало только, порхая, развлекать царя до минуты его отъѣзда, ничего не заключая съ нимъ". Маршалу совѣтовали настаивать на коммерческихъ вопросахъ, чтобы избѣгнуть политическихъ разговоровъ. Вмѣсто того, чтобы открыто признаться, что Франція, въ силу прежде принятыхъ обязательствъ,

*) Мемуары маршала де Тессе.

**) Письмо Вольтера къ маркизу де Шовленъ, 3 октября 1760 г.

***) Мемуары маршала де Тессе.

должна субсидировать Швецію еще въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, Тессе было приказано составить и показать русскимъ подложный договоръ съ Швеціей, содержавшій только статьи, которыя считали удобнымъ показать. И еще хуже того: несмотря на обѣщаніе полной тайны, англійскому двору было сообщено о всемъ ходѣ переговоровъ. Имя царя было такимъ образомъ открыто, и его политика обнаружена. Стало извѣстно, что онъ сдѣлалъ первые шаги. Петръ узналъ впослѣдствіи объ этой недобросовѣстности и обратился въ Парижъ съ горькими сѣтованіями, требуя, чтобы открыли автора нескромнаго сообщенія, и увѣряя, что, обнаружь онъ его среди собственныхъ своихъ министровъ, онъ сумѣетъ примѣрно наказать его. Эти сѣтованія были сообщены англійскому королю, и послѣдній отнесся ко всему дѣлу шутливо. „Царю хочется посадить на колъ одного изъ своихъ министровъ, и онъ ищетъ предлога“, — сказалъ король. Впослѣдствіи Дюбуа самъ признавалъ, что виновники сообщенія находились въ Парижѣ *).

Однимъ словомъ, во время путешествія царя ничто не опредѣлилось. Можетъ быть, самъ онъ напрасно коробилъ французскій дворъ нѣкоторой рѣзкостью манеръ и выраженій. Высказывая при каждомъ случаѣ свое почтеніе къ памяти Людовика XIV и свою нѣжную симпатію къ королю-ребенку, онъ относился съ весьма умѣреннымъ уваженіемъ къ современному ему французскому правительству. Съ регентомъ онъ принималъ тонъ превосходства и не отдалъ визитовъ королевскимъ принцамъ. Высшее французское общество смотрѣло на него съ любопытствомъ; но ему не нравился этотъ прирожденный геній, не умѣвшій подчиняться законамъ этикета. Нѣсколько знаковъ вниманія уничтожили бы много предубѣжденій у аристократіи, гордой своей древностью, вѣжливостью, репутаціей изящества и утонченности. Въ наши дни представитель одного изъ самыхъ старинныхъ дво-

*) Иностранныя дѣла. Переписка съ Россіей за годы 1721 — 1722. Сѣтованія царя были сообщены Дюбуа 21 декабря 1721 г. Депеша съ замѣткой англійскаго короля хранится въ французскихъ архивахъ. Отвѣтъ Дюбуа занумерованъ только 14 октября 1722 г.

ровъ Европы говорилъ послу одного изъ „новичковъ“ среди королей: „Если вы человѣкъ опытный, вы отнесетесь съ наибольшимъ уваженіемъ къ намъ: не забудьте, что именно старыя дамы устанавливаютъ репутацію молодежи“.

17 іюня 1717 г. Петръ собирался уѣзжать. Въ этотъ день парижане полюбовались зрѣлищемъ, совершенно новымъ для нихъ. Они увидали, какъ императоръ Московскаго государства производилъ смотръ всей королевской семьѣ. Маршалъ Виллыаръ сопровождалъ иностраннаго государя во главѣ блестящаго штаба изъ восьмидесяти офицеровъ. Петръ пронесся галопомъ по фронту войска и, повидимому, обратилъ мало вниманія на блескъ мундировъ и экипировки. Утомленный жаромъ и пылью, онъ быстро повернулъ назадъ и сошелъ съ лошади при въѣздѣ въ садъ Тюльери, гдѣ находился маленькій король съ герцогомъ Орлеанскимъ. Сказавъ нѣсколько словъ ребенку, царь отвелъ въ сторону герцога, и оба главы государствъ удалились въ ложу швейцара, гдѣ имѣли продолжительную бесѣду наединѣ.

Удалось ли Петру въ этой послѣдней бесѣдѣ побѣдить колебанія короля? На то, что это было такъ, повидимому, указываютъ не только не прекратившіеся переговоры, но, напротивъ, возобновившіеся съ новой живостью. Только мѣсто ихъ измѣнилось: они перешли въ Голландію. Здѣсь они окончились конвенціей между Франціей, Россіей и Пруссіей, подписанной въ Амстердамѣ 15 августа 1717 г. Послѣднія двѣ державы гарантировали порядокъ престолонаслѣдія во Франціи, установленный Утрехтскимъ договоромъ, т.-е. исключеніе испанскихъ Бурбоновъ и права, которыя могла предъявить Орлеанская вѣтвь. Франція же, въ свою очередь, обѣщала посредничество для заключенія Сѣвернаго мира и гарантіи для всѣхъ выговоренныхъ пунктовъ. Три договарившіяся стороны, кромѣ того, согласились впослѣдствіи установить статьи обоихъ договоровъ — одного торговаго, другого политическаго.

Такимъ образомъ, сами авторы имѣли въ виду, что эта конвенція будетъ ступенью къ болѣе тѣсному союзу; протоколъ остался открытымъ. Однако, прошло четыре года, и ни одна изъ

сторонъ не думала выполнять обѣщаній, данныхъ въ Амстердамѣ. Къ возобновленію переговоровъ встрѣтились, главнымъ образомъ, два препятствія.

Первое составляло замѣшательство, созданное въ Европѣ соединенными проектами кардинала Альберони и барона Гёрца. Смѣлый испанскій министръ нашелъ свое подобіе на другомъ концѣ материка въ нѣмцѣ Гёрцѣ, сдѣлавшемся довѣреннымъ лицомъ и главнымъ совѣтникомъ Карла XII. Эти два человѣка хладнокровно подготовляли общее волненіе, которое должно было доставить возможность возстановить величіе странъ, сдѣлавшихся ихъ вторымъ отечествомъ: одинъ бралъ на себя поднять югъ, другой—сѣверъ. Альберони уже подготовлялъ вторженіе въ Италію, революцію во Франціи и вь Англіи; Гёрцъ взялъ на себя миссію помирить двухъ человѣкъ, соперничавшихъ между собой въ продолженіе пятнадцати лѣтъ — побѣдителя и побѣжденнаго при Полтавѣ: Петра Великаго и Карла XII. Онъ чуть-было не успѣлъ: между царемъ и королемъ шведскимъ начались переговоры, и какъ бы произошло сближеніе. Они раздѣлили между собой роли въ великой подготовлявшейся драмѣ. Карлъ окончательно согласился уступить Россіи восточный берегъ Балтійскаго моря и покровительство надъ Польшей; онъ же самъ, перенеся свое честолюбіе на иную арену, долженъ былъ вторгнуться въ Германію, чтобы броситься на австрійскій домъ и показать міру новаго Густава Адольфа. Оба намѣревались дѣйствовать согласно, организуя десантъ въ Англіи съ цѣлью оказать поддержку дому Стюартовъ.

Великобританскій король и регентъ французскій, которымъ прямо угрожали проекты испанскій и шведскій, сблизились еще тѣснѣе, чтобы противостать общей опасности. Герцогъ Орлеанскій съ удивленіемъ услыхалъ, что царь принималъ участіе въ интригахъ Гёрца и Альберони; недовѣріе регента снова проснулось, и между Франціей и Россіей произошло охлажденіе.

Европа ожидала великихъ событій, когда въ концѣ 1718 г. Карлъ XII былъ убитъ при осадѣ Фридриксхальда. Планъ Гёрца цѣликомъ опирался на согласіи короля шведскаго и царя; разъ

одного изъ нихъ не стало — все должно было рушиться. Послѣ смерти своего государя Гёрцъ погибъ жертвой зависти, возбужденной имъ въ Швеціи: его обвинили въ взяточничествѣ, и онъ погибъ на плахѣ. Противъ Альберони возстала часть Европы; онъ также погибъ, и его проекты исчезли вмѣстѣ съ нимъ.

Когда эта гроза разсѣялась, всѣ успокоились, и каждый занялъ мѣсто, принадлежавшее ему. Швеція и Россія снова сдѣлались врагами; война продолжалась между ними, и это служило вторымъ препятствіемъ для возстановленія близости между Франціей и Россіей. Пока Швеція, традиціонная союзница Франціи, не положила оружія и не покорилась послѣдствіямъ своего пораженія, регентъ не желалъ перейти открыто въ лагерь ея враговъ. Онъ рѣшился употребить всѣ свои усиленія, чтобы ускорить заключеніе мира, и наконецъ серьезно вошелъ въ роль посредника, принятую имъ на себя въ Амстердамѣ. Со времени своего путешествія царь имѣлъ постояннаго представителя въ Парижѣ, Франція же еще не имѣла таковаго въ Россіи. Въ концѣ 1719 г. Кампредону было поручено отправиться спачала въ Стокгольмъ, а потомъ въ Петербургъ, чтобы примирить обѣ партіи. Онъ видѣлся съ Петромъ, убѣждалъ его умѣрить его требованія и возвратить Швеціи часть балтійскихъ провинцій. Побѣдитель оказался непреклоненъ: „Я не хочу видѣть изъ своихъ оконъ земель своего сосѣда“,—отвѣтилъ онъ. Наконецъ, Швеція покорилась своей участи: по трактату, заключенному въ Ништадтѣ (30 августа 1721 г.), она согласилась уступить все, принадлежавшее ей на восточномъ берегу Балтійскаго моря, кромѣ Финляндіи. Подписавшійся подъ мирнымъ договоромъ въ качествѣ посредника, Кампредонъ получилъ приказаніе вернуться въ Петербургъ, чтобы остаться тамъ впредь французскимъ уполномоченнымъ министромъ.

Въ ту минуту, когда Кампредонъ возвращался въ Петербургъ, Франція ожидала, что черезъ его посредство получитъ новыя предложенія, и Россія приготовлялась ихъ сдѣлать. Европа ожидала сближенія между двумя державами; казалось, что франко-русскій союзъ виситъ въ воздухѣ. Ждали, что перего-

воры начнутся и вступятъ въ новую фазу. Будетъ заключенъ не только политическій союзъ между двумя государствами, но всѣ предполагали, что Бурбоны и Романовы породнятся. Дочери царя выросли; если Петръ предназначалъ старшую для принца, котораго онъ могъ бы приблизить къ себѣ и даже, можетъ быть, назначить своимъ преемникомъ, то относительно второй—Елизаветы—у него былъ планъ, который онъ лелѣялъ до самой смерти: выдать ее замужъ во Францію. Безъ сомнѣнія, объявленіе объ обрученіи Людовика XV съ испанской инфантой, повидимому, не оставляло надежды на исполненіе смѣлыхъ надеждъ, которыя могли зародиться въ умѣ Петра во время его парижскаго путешествія. Но развѣ, кромѣ главы, во французской королевской семьѣ не было принца, на котораго стоило бы обратить вниманіе, а кромѣ того, развѣ можно было считать ненарушимымъ обрученіе съ принцессой, еще находившейся въ колыбели? Въ продолженіе четырехъ лѣтъ Россія упорно преслѣдовала планъ замужества Елизаветы или съ Людовикомъ XV, или съ другимъ принцемъ королевской семьи. Сама молодая дѣвушка уже начинала считать себя предназначенной служить залогомъ прочной дружбы между двумя государствами. Этотъ выборъ льстилъ ея самолюбію, вліялъ на ея симпатіи и оставилъ въ ея сердцѣ чувство, не ослабѣвшее со временемъ. Вступивъ послѣ многихъ лѣтъ тяжелыхъ испытаній на престолъ своего отца, Елизавета никогда не забывала, что она могла бы сдѣлаться француженкой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРОЕКТЪ БРАКА.

Пребываніе Кампредона.—Радушный пріемъ.—Празднованіе мира.—Царица и ея дочери.—Храмъ Януса.—Нравы при русскомъ дворѣ.—Первыя предложенія Петра Великаго.—Его виды на Польшу.—Франція не въ состояніи спасти Польшу, но она могла бы предупредить раздѣлъ, присоединяясь къ планамъ Россіи.—Нерѣшительность регента и инструкціи кардинала Дюбуа.—Свиданіе съ глазу на глазъ.—Русскіе уполномоченные: Долгорукій и Остерманъ.—Дипломатъ старинной школы.—Царь формально предлагаетъ руку дочери Елизаветы для герцога Шартрскаго.—Необъяснимое молчаніе Франціи.—Министръ въ огорченіи.—Визитъ въ Петергофъ.—Пятнадцать эстафетъ безъ отвѣта.—Смерть Дюбуа и герцога Орлеанскаго.—Министерство герцога Бурбонскаго; правленіе мадамъ де При.—Осложненія на Востокѣ.—Ангелъ мира.—Переговоры снова начинаются.—Условія sine qua non.—Огорченіе царя.—Его послѣднія удовольствія.—Его смерть.—Екатерина I и ея Совѣтъ.—Отсылка инфанта.—Путешествіе на развѣдки.—Семнадцать принцессъ.—Царица предлагаетъ руку Елизаветы для короля.—Каковъ былъ бы брачный договоръ.—Интриги при французскомъ дворѣ.—Частное письмо Кампредона.—Дѣвицы де Вермандуа и де Сансъ.—Открытыя пари.—Лига между королемъ-католикомъ и имераторомъ.—Посланный барона Рипперда.—Окончательное крушеніе брачныхъ плановъ.—Марія Лещинская.—Извиненія герцога Бурбонскаго. — Шлезвигскій вопросъ.—Договоръ Россіи съ Австріей; его послѣдствія.

I.

19 октября 1721 г. Кампредонъ прибылъ въ Кронштадтскую гавань на шведскомъ фрегатѣ. На слѣдующій день онъ обѣдалъ у коменданта крѣпости, когда доложили о пріѣздѣ царя, лично выѣхавшаго навстрѣчу послу, вопреки всѣмъ законамъ этикета. Петръ прямо отправился на фрегатъ; Кампредонъ тотчасъ вернулся туда же и засталъ царя на палубѣ. Царь поцѣловалъ его, затѣмъ съ военной прямотой наговорилъ ему массу комплимен-

товъ объ его дипломатическихъ успѣхахъ и выразилъ ему свою горячую благодарность за услуги, оказанныя Франціей. Затѣмъ онъ посадилъ Кампредона въ свою шлюпку и произвелъ съ нимъ смотръ своимъ девятнадцати линейнымъ кораблямъ, подробно объясняя, какъ хорошій инженеръ, достоинство каждаго изъ судовъ съ точки зрѣнія постройки и вооруженія. Эти яркія проявленія расположенія привели въ волненіе всѣхъ дипломатовъ, акредитованныхъ въ Петербургѣ. Они повергли въ отчаяніе австрійскаго министра, которому какъ разъ въ это время было поручено предложить Россіи союзъ съ вѣнскимъ дворомъ, а миссіи французскаго дипломата, казалось, сулили результаты исключительной важности *).

Вернувшись въ Петербургъ, Петръ принялъ Кампредона въ торжественной аудіенціи; но онъ позабылъ выстроить себѣ дворецъ въ новой столицѣ. Пришлось принять посла Франціи въ канцеляріи.

При государѣ находились тѣ изъ министровъ, съ которыми онъ главнымъ образомъ совѣтовался по иностраннымъ дѣламъ; канцлеръ Головкинъ и вице-канцлеръ Шафировъ, Толстой—злой геній государя, дававшаго ему порученія, требовавшія больше ловкости, чѣмъ честности,—наконецъ Остерманъ, счастливый ратификаторъ трактата съ Швеціей. Петръ отвѣтилъ на привѣтствія Кампредона... возобновивъ свои благодарности. Онъ сказалъ, что весьма доволенъ, узнавъ объ обрученіи короля съ испанской инфантой; что не желаетъ ничего такъ искренно, какъ увеличенія согласія между двумя государствами, и сообщилъ своимъ министрамъ свои инструкціи въ этомъ отношеніи. Затѣмъ, спѣша, какъ всегда, онъ пригласилъ немедленно посѣтить съ нимъ праздникъ, устроенный имъ въ честь заключенія мира, и поспѣшно вышелъ изъ канцеляріи. Кампредонъ съ удивленіемъ увидалъ, какъ онъ остановился на улицѣ передъ кабачкомъ, гдѣ

---

*) Иностранныя дѣла. Переписка Россіи: депеши Кампредона отъ 27 и 29 октября 1721 г.

*) Кампредонъ, 5 ноября 1727 г.

назначилъ свиданіе главнымъ придворнымъ сановникамъ, чтобы во главѣ ихъ торжественно отправиться въ соборъ.

Здѣсь Петръ поставилъ своего французскаго гостя на почетное мѣсто, грубо отстранивъ камергеровъ, мѣшавшихъ французу видѣть церемонію во всѣхъ ея подробностяхъ. Онъ самъ прислуживалъ и подпѣвалъ священникамъ, отбивая тактъ. Эти подробности могли показаться нѣсколько смѣшными французскому послу, но затѣмъ послѣдовало нѣчто болѣе серьезное: послѣ молебна и проповѣди, канцлеръ передалъ Петру адресъ, въ которомъ Сенатъ и Синодъ просили его принять Римскій титулъ императора, замѣнивъ имъ старинный славянскій титулъ царя: Россія подняла корону византійскихъ цесарей, чтобы вѣнчать ею своего государя - побѣдителя. Петръ такъ и взглянулъ на это: въ рѣчи, произнесенной имъ *), онъ предостерегалъ противъ изнѣженности той Восточной имперіи, которую предполагалъ воскресить. По выходѣ изъ церкви, всѣ находившіеся въ ней направились въ Сенатъ, гдѣ въ большой залѣ, выходившей на набережную Невы, накрытые столы уже ждали тысячу гостей. Послѣ обѣда—балъ. На немъ появилась императрица съ двумя дочерьми, и Кампредонъ увидалъ ихъ впервые.

Первое впечатлѣніе государыни было не въ ея пользу. Все въ ней напоминало ея низкое происхожденіе; ничто не указывало на высокія качества, благодаря которымъ она привлекла и плѣнила сердце великаго монарха. „У нея наружность вульгарная, цвѣтъ лица смуглый, талія толстая; разряженная безвкусно, она вся увѣшена ожерельями, драгоцѣнностями и образками, постоянно сталкивающимися и непріятно звенящими, когда она идетъ **).

---

*) Петръ отвѣчалъ сенаторамъ: „Желаю весьма народу Россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе“.

**) Мемуары маркграфини Байрейтской.

Дочери не были похожи на мать; въ старшей, Аннѣ, замѣтно было больше благородства и сдержанности; въ меньшей,—Елизаветѣ,—больше граціи и жизни. Онѣ обѣ проявляли много ума. бѣгло говорили по-французски и по-нѣмецки и выказывали особенную симпатію къ Франціи. Прочитавши незадолго передъ тѣмъ въ газетахъ, что ходятъ слухи о женитьбѣ герцога Шартрскаго, сына французскаго регента, на русской княжнѣ, онѣ выразили по поводу этого извѣстія удовольствіе, смѣшанное съ волненіемъ и любопытствомъ *).

Въ продолженіе всего вечера Петръ окружалъ Кампредона знаками вниманія. Царь самъ наблюдалъ за подробностями празднества, самъ составилъ планъ фейерверка и, казалось, интересовался его успѣшностью не меньше, чѣмъ исходомъ какой-нибудь битвы. По данному сигналу, флотилія, стоявшая на якорѣ, освѣтилась огнями, артиллерія загрохотала, загорѣлись яркими линіями очертанія храма Януса. и по сторонамъ появились двѣ огненныя фигуры. Одна, сидящая верхомъ на орлѣ, изображала Россію; другая, верхомъ на львѣ—Швецію. Фигуры задвигались, затворили дверь храма и протянули другъ другу руки въ знакъ примиренія. Было сожжено пороху на двѣнадцать тысячъ рублей, послѣ чего „была знатная выпивка", по словамъ Кампредона въ его реляціи, ограничивавшаго этимъ скромнымъ опредѣленіемъ оргій, какими оканчивалось всякое празднество при русскомъ дворѣ. Тосты слѣдовали безъ перерыва; вкруговую ходилъ огромный жбанъ вина,—настоящій „кубокъ горя", говоритъ Кампредонъ дальше,—„который несли два солдата. Каждый пилъ изъ него вдоволь по приглашенію хозяина; напивались по очереди; многіе старики-придворные не вынесли этого излишества по приказу и отдали Богу душу изъ-за своего повиновенія. Петръ Великій желалъ, чтобы и народъ принималъ участіе въ увеселеніяхъ. Въ честь мира винные фонтаны били на всѣхъ перекрест-

---

*) Карлъ Бурбонскій, герцогъ Шаролэ изъ дома Бурбонъ-Кондэ. Ему въ то время было двадцать три года.

кахъ, весь городъ ликовалъ. Взойдя на помостъ передъ помѣщеніемъ Сената, царь приказалъ подать цѣлаго быка, самъ разрѣзалъ его и раздавалъ куски толпѣ. Самъ онъ тоже съѣлъ кусокъ и выпилъ за здоровье народа.

У Петра удовольствія рѣдко мѣшали дѣлу. Едва окончились празднества, какъ онъ лично заявилъ Кампредону о своемъ желаніи начать переговоры съ тѣмъ условіемъ, чтобы Франція обязалась хранить полнѣйшую тайну. Онъ желалъ узнать намѣренія Франціи относительно дружескаго, коммерческаго и наступательнаго договора. Что же касается до брака, который увѣнчалъ бы союзъ и способствовалъ, чтобы послѣдній принесъ желанные плоды, то мысль о немъ уже не со вчерашняго дня зародилась въ умѣ государя. Явилась ли она у него сама собой? Внушила ли ее ему жена или кто-либо изъ его совѣтниковъ? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно". Какъ бы то ни было, вскорѣ послѣ пріѣзда Кампредона ему были сдѣланы по этому поводу положительныя сообщенія, напомнившія ему нѣкоторые намеки, слышанные имъ во время перваго путешествія и согласовавшіеся съ тѣмъ, что онъ слышалъ въ Парижѣ отъ Долгорукаго, царскаго посла.

„Одинъ пріятель сообщилъ мнѣ" — писалъ Кампредонъ 8 ноября 1721 года — „что для окончательнаго привлеченія царицы на нашу сторону, желательно было бы устроить женитьбу на меньшей дочери царя — очень любезной и красивой — какого-нибудь французскаго принца, котораго было бы не трудно сдѣлать королемъ Польскимъ при помощи сильнаго вліянія царя. Я увѣренъ, что эти намеки идутъ отъ г. Шафирова. Я отнесся къ нимъ, какъ къ простому разговору, хотя при этомъ и упоминался принцъ Шаролэ. Я просто отвѣтилъ, что ничего обо всемъ этомъ не знаю. Вашему Высокопреосвященству извѣстно, что я уже давно писалъ объ этомъ. Вы лучше, чѣмъ кто-нибудь освѣдомлены, что осуществленіе этихъ плановъ не представитъ затрудненія, а Франція можетъ извлечь изъ того много пользы и уваженія. Ваше Высокопреосвященство должны сами посудить, подходящее ли это для насъ дѣло, котораго такъ желаютъ съ

той стороны, и мнѣ дать приказанія, какія вамъ будетъ угодно, чтобы я сообразовался съ ними *).

Нѣсколько дней спустя, Кампредонъ повторяетъ: „Несомнѣнно, что царь горячо желаетъ видѣть одну изъ своихъ дочерей замужемъ за членомъ королевской французской семьи, и если ваше Высокопреосвященство находитъ это подходящимъ, то по моему мнѣнію при подобномъ бракѣ можно разсчитывать на корону Польши, гдѣ царь имѣетъ полную власть. Ваше Преосвященство благоволите разсудить, какъ воспользоваться этими перспективами, на которыя здѣсь пойдутъ съ полной готовностью".

Польскій престолъ, повидимому, скоро долженъ былъ освободиться: здоровье Августа все ухудшалось. Предлагая Франціи дать королю въ преемники принца изъ дома Бурбоновъ, Петръ Великій не ограничивался тѣмъ, что открывалъ возможность выгодно пристроиться французскому принцу, но онъ тѣмъ предлагалъ Франціи совершенно перемѣнить ея традиціонную политику на Сѣверѣ, чтобы впредь обѣ державы могли дѣйствовать за одно. Уже въ продолженіе пятидесяти лѣтъ Франція старалась избавить ослабшую и терзаемую раздорами Польшу отъ притѣсненій ея сосѣдей: христіаннѣйшій король любилъ называть себя естественнымъ покровителемъ Республики. Вначалѣ эта система исходила изъ взгляда вѣрнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ великодушнаго: не могло бы быть для Франціи лучшаго союзника, чѣмъ Польша независимая и сильная. Къ несчастью, слишкомъ много примѣровъ подтверждали безсиліе попытокъ Франціи возродить страну, гдѣ зло пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы была возможна какая-либо иллюзія. Польша чахла за отсутствіемъ органовъ, необходимыхъ для жизни современнаго государства; Франція не могла дать ихъ ей. Она не могла дать ей стойкаго правительства, постоянной арміи, администраціи и финансовъ, т.-е. средствъ противостоять могущественнымъ государствамъ, заинтересованнымъ въ поддержаніи ея слабости и ускореніи ея гибели. По

---

*) Иностранныя дѣла. Кампредонъ 8 ноября 1721. Частное письмо къ аббату Дюбуа.

настоянію Людовика XIV, бывшаго въ апогеѣ своей славы, варшавскій сеймъ избралъ принца Конти, но королемъ Людовикъ сдѣлать его не могъ: поляки избирали принцевъ, пользовавшихся покровительствомъ Франціи, но покидали ихъ при приближеніи германской или русской арміи. Польской самостоятельности на дѣлѣ уже не существовало; ея свобода состояла въ томъ, что она мѣняла государей и дѣлалась то саксонской, то шведской, германской или московской, но никогда не сама собой.

Это положеніе, продолжавшееся уже полвѣка, могло окончиться только раздѣленіемъ страны между ея сосѣдями или ея полнымъ подчиненіемъ одному изъ нихъ. Раздѣлъ не являлся событіемъ случайнымъ или непредвидѣннымъ—плодомъ случайнаго стеченія обстоятельствъ; за шестьдесятъ лѣтъ до его совершенія, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, Европа считала его уже возможнымъ; дальновидные умы предвѣщали его, и одна изъ виновницъ его въ будущемъ—Пруссія—уже замышляла его; она предложила Петру Великому выполнить задуманное ею *). Раздѣлъ являлся рѣшеніемъ самымъ жестокимъ для Польши и въ то же время самымъ роковымъ для интересовъ Франціи: благодаря раздѣлу можно было предположить—что и оправдалось—существованіе опаснаго союза, основаннаго на сообщничествѣ между принимавшими участіе въ дѣлежѣ. Польшу нельзя было спасти, такъ не лучше ли уже было вполнѣ поставить ее въ зависимость отъ Россіи, не желавшей уничтожить ее, но только приказывать ей? Неразрывно связанная съ великимъ славянскимъ государствомъ, ея народность не уничтожилась бы, но только стушевалась бы; послѣ чего могло бы начаться мирное возрожденіе. Въ то же время, торжество московскаго вліянія въ Варшавѣ сдѣлалось бы для Пруссіи и Австріи постояннымъ предметомъ зависти и страха и предупредило бы всякое соглашеніе между Россіей и двумя великими германскими державами. Таковы были бы послѣдствія плана, предложеннаго

---

*) То же предложеніе было возобновлено Пруссіей Екатеринѣ II въ 1725 г. Депеша Кампредона отъ 12 іюня 1725 г.

Петромъ регенту. Придуманная царемъ комбинація произвела бы въ Польшѣ сліяніе партіи русской съ партіей французской и доставила бы Франціи возможность отказаться отъ опасной политики въ-одиночку. Безъ сомнѣнія, французскій принцъ призванный на варшавскій тронъ, сдѣлался бы кліентомъ царя; но, развязывая Россіи руки на Нѣманѣ и Вислѣ, Франція пріобрѣтала во всѣхъ другихъ вопросахъ драгоцѣнную поддержку и вѣрнаго помощника.

Регентъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять важность русскихъ предложеній. Кромѣ того, они льстили его самолюбію и его желаніямъ, какъ главы семьи. У него явилась мысль, не можетъ ли онъ выбрать среди собственныхъ дѣтей супруга для цесаревны Елизаветы и такимъ образомъ доставить корону одному изъ членовъ Орлеанскаго дома, стоявшаго у ступеней трона, но не имѣвшаго возможности подняться на него? Герцогъ обратилъ свои взоры на своего старшаго сына, герцога Шартрскаго, чтобы сдѣлать его королемъ польскимъ. Однако два соображенія заставляли его колебаться. Если польская корона соблазняла его, то женитьба на русской княжнѣ казалась ему мезальянсомъ; мать Елизаветы происходила изъ низкаго сословія, и всей славы отца княжны не было достаточно, чтобы стереть это пятно. Кромѣ того, надо было предварительно узнать, какъ взглянетъ Англія на такое явное сближеніе между Франціей и Россіей. Конфликтъ между Георгомъ I и петербургскимъ дворомъ обострился и окончился разрывомъ дипломатическихъ сношеній; это было еще лишней причиной, побуждавшей лондонскихъ друзей Франціи съ недовѣріемъ слѣдить за ея сношеніями съ царемъ. Регентъ, преувеличивая свои обязанности союзника, доводилъ свое почтеніе къ британскому двору—или скорѣе свое подчиненіе ему—до того, что сообщалъ ему депеши, получаемыя его агентами изъ Россіи. Король англійскій возвращалъ ихъ ему съ своими помѣтками *). Колеблясь такимъ образомъ между своими опасеніями, желаніями и предразсудками, герцогъ Орлеанскій полгода не

---

*) Депеши съ помѣтками хранятся въ архивахъ иностранныхъ дѣлъ.

давалъ отвѣта. Наконецъ, осенью 1722 г. два офицера привезли Кампредону длинную инструкцію, въ которой кардиналъ Дюбуа, государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ, объяснялъ намѣренія Франціи. Ловкій министръ регента пытался все согласить; онъ въ принципѣ принималъ проектъ брака, но желалъ отложить его совершеніе до того времени, когда уладится и опредѣлится вопросъ о польскомъ наслѣдствѣ. Онъ требовалъ приданаго, т.-е. обѣщанной короны прежде, чѣмъ взять княжну, и ставилъ избраніе принца Шартрскаго вопросомъ, который долженъ былъ рѣшиться раньше заключенія предполагаемаго союза.

„Если можно было бы серьезно полагаться на намеки, сдѣланные вами"—писалъ кардиналъ, „и на дошедшіе сюда иными путями, то можно было бы предполагать, что царь, имѣя въ виду породниться съ королевскимъ домомъ и возвести одну изъ своихъ дочерей на польскій престолъ, станетъ способствовать избранію герцога Шартрскаго, когда откроется вакансія на эту корону, что вѣроятно должно случиться въ близкомъ будущемъ. Но не слѣдуетъ увлекаться этой надеждой до того, чтобы забывать, что въ ней есть основательнаго. Вообще его высочество желалъ бы, чтобы герцогъ Шартрскій получилъ польскую корону. Онъ всѣми силами постарался побудить короля дѣйствовать согласно съ царемъ и счелъ бы вторую дочь послѣдняго за приличную партію для своего сына, потому что этотъ бракъ обезпечилъ бы ему большую партію въ Польшѣ и могущественную поддержку внѣ ея.

„Царю этотъ союзъ также представилъ бы выгоды, къ которымъ онъ не можетъ отнестись равнодушно; онъ заключилъ бы союзъ самый отмѣнный, какой ему могъ бы представиться въ Европѣ. Этотъ союзъ связалъ бы его интересы съ интересами единственной великой державы, не имѣющей возможности обсуждать ихъ съ нимъ. Поддержка и безопасность со стороны Польши доставили бы ему возможность беспрепятственно усовершенствовать великое зданіе, основаніе которому онъ положилъ, и ему были бы открыты во всѣ стороны пути для распространенія своего вліянія и пріобрѣтенія уваженія...

„Можно предполагать на этомъ основаніи, что при упроченіи взаимнаго довѣрія съ обѣихъ сторонъ, общіе интересы могутъ довести эти перспективы до счастливаго конца. Теперь вопросъ только въ томъ, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры, не раздѣлять факторовъ, которыя могутъ достигнуть совершенства. только работая согласно для намѣченной цѣли, и, не имѣя вполнѣ основательной надежды на полученіе польской короны, не заключать брака, долженствующаго закрѣпить столь широкіе перспективы. Безъ этой увѣренности нельзя сдѣлать ничего прочнаго и подходящаго ни съ той, ни съ другой стороны, и не трудно видѣть, что каково бы ни было положеніе, занимаемое царемъ въ настоящую минуту, есть немало обстоятельствъ, которыя могутъ вернуть его монархію въ безвѣстность, откуда онъ ее извлекъ, и поэтому рискованно дѣйствовать наудачу, вступая съ нимъ въ союзъ.

„Бракъ, давшій ему царевенъ, не имѣетъ въ себѣ ничего лестнаго, и говорятъ, что вторая изъ княженъ, предназначаемая для герцога Шартрскаго, сохранила въ себѣ нѣкоторыя черты грубости своей націи. Если желаютъ извлечь какую-либо пользу изъ этого брака, это возможно только, присоединившись къ взглядамъ царя; но можетъ случиться, что онъ, приведя въ нѣкоторый порядокъ свои домашнія дѣла, задумаетъ какое-либо предпріятіе, которое Франція не будетъ въ силахъ поддержать, не создавъ себѣ могущественныхъ враговъ, и которому она сама должна будетъ противодѣйствовать.

„Наконецъ, возможно, что заключеніе брака, можетъ быть, не вполнѣ подходящаго для герцога Шартрскаго, не принесетъ никакихъ плодовъ, если этотъ союзъ не будетъ сопровождаться возведеніемъ герцога на польскій престолъ. Даже нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ заключенія этого союза до избранія, разоблаченіе плановъ царя заставило бы всѣ европейскія державы и, можетъ быть, большую часть польскихъ магнатовъ избрать другого принца, такъ что на долю Франціи остался бы только позоръ тщетной попытки, которая могла бы встревожить и, можетъ быть, даже отдалить отъ нея ея сосѣдей и лучшихъ союзниковъ.

„Выводъ изъ этихъ соображеній и многихъ другихъ, приходящихъ на умъ, таковъ: если можетъ быть рѣчь о женитьбѣ герцога Шартрскаго на одной изъ княженъ, дочерей царя, то осуществленіе этого брака должно стоять въ зависимости отъ возведенія принца на престолъ Польши, безъ чего нельзя предпринять ничего прочнаго, потому что это одинъ изъ тѣхъ проектовъ, которые могутъ найти оправданіе лишь въ обстоятельствахъ и относительно которыхъ надо стараться, чтобы результатъ предупредилъ ихъ осуществленіе.

„Вотъ, милостивый государь, соображенія, которыми вы должны руководствоваться въ этомъ отношеніи; но предоставляется вашему благоразумію не высказываться по этому поводу, такъ чтобы казалось, что его высочество было бы вполнѣ польщено честью, оказываемою герцогу Шартрскому царемъ, который, доставляя ему польскую корону, когда она освободится, вмѣстѣ съ тѣмъ въ знакъ своей дружбы выдаетъ за него одну изъ своихъ дочерей; чтобы это имѣло видъ, что такія узы еще ближе соединятъ короля и царя, и тѣмъ исполнится желаніе его королевскаго высочества осуществить подобный союзъ, подготовить который его высочество всегда старается и для осуществленія котораго, сообразно выгодѣ и интересамъ обѣихъ коронъ, не будетъ упущено никакихъ средствъ. Наконецъ, вы можете прибавить къ этимъ общимъ увѣреніямъ все, что найдете способнымъ возбудить и укрѣпить довѣріе, а въ то же время подготовить пути для возведенія герцога Шартрскаго на польскій престолъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить заключеніе союза, составляющаго первый предметъ вашей миссіи *).

Кардиналъ Дюбуа набрасываетъ затѣмъ планъ оборонительнаго союза, какъ онъ понимаетъ таковой. Чтобы получить Россію, не теряя Англіи, онъ придумалъ побудить Францію разыграть роль посредницы между двумя державами и не только примирить ихъ, но даже заставить короля великобританскаго примкнуть къ союзу, какъ договаривающуюся сторону. Проекты

*) Дюбуа Кампредону 14 октября 1722 г.

отдѣльнаго соглашенія между Франціей и Россіей онъ замѣняетъ тройственнымъ соглашеніемъ между Петромъ Великимъ и двумя западными державами. Основаніемъ новому договору должна бы послужить конвенція, подписанная въ Гагѣ въ 1717 г., и новая конвенція послужитъ только развитіемъ старой, съ той разницей, что въ ней не приметъ участія Пруссія. Царь еще разъ признаетъ и приметъ на себя обязательство защищать противъ кого бы то ни было политическій порядокъ, утвержденный на Западѣ трактатами Утрехтскимъ, Баденскимъ, Лондонскимъ и Гагскимъ. Съ своей стороны, Франція и Англія гарантируютъ царю провинціи, завоеванныя имъ на берегу Балтики въ теченіе двадцатилѣтней войны и уступленныя ему Швеціей по Ништадскому миру. Три подписавшіяся державы обѣщаютъ другъ другу взаимную поддержку противъ всякаго нападенія; родъ помощи долженъ быть обусловленъ точно и можетъ состоять—смотря по обстоятельствамъ—въ войскахъ и корабляхъ или въ деньгахъ. Но при всемъ томъ, вѣрный древнимъ политическимъ традиціямъ Франціи, кардиналъ намѣревался исключить „casus foederis“, случай войны между Россіей и Портой: онъ не имѣлъ въ виду пожертвовать Турціей московскому честолюбію. Наконецъ, коммерческія отношенія между тремя государствами должны были быть такъ урегулированы, чтобы Франція пользовалась во владѣніяхъ царя преимуществами наиболѣе благопріятствуемой державы. Чреватый политическими и экономическими послѣдствіями, этотъ пунктъ установилъ бы впервые между Франціей и Россіей непосредственныя сношенія и въ этомъ соприкосновеніи двухъ племенъ обезпечилъ бы наиболѣе цивилизованное вліяніе на менѣе развитую. Одновременно, въ ту эпоху, когда торговля Франціи расширялась, когда являлось могущество кредита, когда пробуждался духъ предпріимчивости, Россія могла представить дѣятельности Франціи безграничное поле; русскія провинціи, представляя французскимъ произведеніямъ широкій сбытъ, доставили бы Франціи взамѣнъ того лѣсъ, хлѣбъ своихъ плодоносныхъ равнинъ, а рѣки какъ пути, проложенныя природой, довозили бы французскіе товары до морей

Чернаго и Каспійскаго—дорогъ въ Персію и неизвѣданныя страны центральной Азіи.

Какъ ни велико было желаніе кардинала не заключать ничего безъ участія Англіи, онъ, однако, не желалъ вполнѣ подчинить французскіе интересы возможнымъ требованіямъ союзниковъ. На тотъ случай, если бы пришлось отказаться отъ надежды сближенія между Россіей и Великобританіей, Дюбуа робко разрѣшалъ Кампредону подписать договоръ безъ послѣдней. „Если всѣ средства, подкрѣпляемыя надеждой на вознагражденіе, которое вамъ разрѣшается обѣщать изъ суммы восьмидесяти тысячъ червонныхъ, предоставленной въ ваше распоряженіе королемъ англійскимъ“,—писалъ кардиналъ,—„окажутся безполезными и не останется ничего иного, то вамъ въ такомъ случаѣ придется ограничиться соблюденіемъ исключительно королевскихъ интересовъ, но ни въ какомъ случаѣ не прерывать сношеній... Но подобный случай“, — прибавляетъ кардиналъ,—„можетъ быть только крайностью“*).

Когда курьеры, везшіе инструкціи Дюбуа, прибыли по назначенію, Петра уже не оказалось въ его столицѣ. Онъ командовалъ экспедиціей на противоположномъ концѣ своего го ударства—на суровомъ Кавказѣ. Раздѣляя опасности и труды своихъ солдатъ, ночуя на голой землѣ, обнажая саблю противъ татарскихъ наѣздниковъ, онъ подчинялъ себѣ западный берегъ Каспійскаго моря, подвластнаго до тѣхъ поръ Персіи. Онъ окончилъ кампанію, занявъ Дербентъ—эту дверь въ Азію, которая уже не закрылась больше для русскаго могущества**). Въ концѣ 1722 г. онъ вернулся на зиму въ Москву, гдѣ его ожидалъ Кампредонъ, пріѣхавшій раньше его. Увидавшись съ своими министрами, царь прежде всего спросилъ, каковы вѣсти изъ Франціи? Ему отвѣтили, что Кампредонъ получилъ наконецъ полномочія и инструкціи, и что онъ желалъ представиться. Царь тотчасъ принялъ его, но. предвидя, что бракъ будетъ составлять главный

---

*) Инструкціи 14 октября 1722.

**) Магометане называютъ Дербентъ—*Желѣзными воротами.*

предметъ разговора, онъ приказалъ удалиться всѣмъ, даже министру иностранныхъ дѣлъ, Остерману, и позволилъ остаться только императрицѣ.

Лишь только Кампредонъ произнесъ имя герцога Шартрскаго, какъ царь перебилъ его: „Я знаю и высоко ставлю его“,—сказалъ онъ, и на лицѣ его, а также Екатерины, отразилось удовольствіе*). Изъ гордости онъ не отвѣтилъ тотчасъ; но, предполагая, что дѣло требуетъ быстроты и тайны, не пожелалъ, чтобы оно проходило черезъ медленныя формальности офиціальныхъ переговоровъ, и назначилъ особаго представителя, чтобы заняться имъ. Этимъ представителемъ былъ князь Долгорукій, посолъ во Франціи. Онъ только что прибылъ изъ Версаля, гдѣ дворъ снова поселился. Кардиналъ Дюбуа говорилъ съ нимъ откровенно и ввелъ его въ курсъ дѣла. Князь долженъ былъ видѣться и говорить съ Кампредономъ подъ величайшимъ секретомъ, между тѣмъ какъ Остерману поручено было въ офиціальныхъ конференціяхъ обсуждать основаніе союзнаго трактата.

Остерманъ представляется типомъ дипломата старинной школы, убѣжденнаго, что послѣднее слово дипломатическаго искусства составляетъ скрытность и умѣніе оставаться непроницаемымъ. „Онъ никогда ни одному человѣку не взглянулъ прямо въ лицо“.—говоритъ одинъ изъ его современниковъ. Ловкій, хитрый, осторожный, недовѣрчивый до крайности, онъ любилъ итти окольными путями, любилъ сбить съ толку своего собесѣдника, не высказывался, былъ искусенъ въ пространныхъ разсужденіяхъ и вѣрилъ во всемогущество уловокъ. Уклоняясь отъ отвѣта, онъ притворялся, что у него дѣлается припадокъ кашля, и всегда находилась какая-нибудь болѣзнь про запасъ, дававшая ему возможность уклониться отъ непріятныхъ разговоровъ. Въ критическіе моменты онъ притворялся больнымъ, ложился въ постель и ждалъ, пока гроза минуетъ. Говорили, что онъ

---

*) Мемуары Марштейна генерала—нѣмца по происхожденію, находившагося на службѣ Россіи.

доступенъ подкупу, и дѣйствительно онъ поддерживалъ особенно тѣ государства, предложенія которыхъ сопровождались драгоцѣнными камнями или табакерками въ художественной оправѣ. Понятно, что въ такихъ рукахъ переговоры о трактатѣ не могли подвигаться быстро. Напротивъ того, князь Долгорукій, получившій отъ своего государя спеціальныя инструкціи, желалъ итти скоро. Онъ отвергалъ мысль объ отсрочкѣ брака до освобожденія польскаго престола и уже говорилъ, что пора обсуждать вопросъ приданаго, содержанія будущей принцессы и распоряженій на случай вдовства *).

Со стороны царя за этой торопливостью скрывалась задняя мысль. Если Елизавета вышла бы замужъ за старшаго сына герцога Орлеанскаго, ее отъ французскаго трона отдѣлялъ бы только хрупкій Людовикъ XV, здоровье котораго постоянно было предметомъ опасеній для однихъ и надеждъ для другихъ. Къ опредѣленному намѣренію видѣть свою дочь на польскомъ престолѣ, у Петра Великаго присоединялась неясная надежда увидать ее со временемъ королевой Франціи. Напротивъ того, отсрочка казалась ему несовмѣстимой съ его видами и достоинствомъ. „Что же будетъ, если король польскій проживетъ еще пятнадцать лѣтъ?—спрашивалъ Долгорукій Кампредона. — „Въ такомъ случаѣ княжна останется въ дѣвушкахъ, непристроенной“... „Наконецъ, царь поручилъ мнѣ сказать вамъ, что секретное предложеніе было ему очень пріятно, но онъ желаетъ итти быстро, и если съ вашей стороны станутъ затягивать дѣло и настаивать на принятіи Англіи, то нечего и думать обо всемъ“. Онъ заключилъ, что желательно, чтобы Франція и Россія немедленно, спеціальной конвенціей обязались совершить бракъ въ самомъ непродолжительномъ времени, а въ Польшѣ держаться совмѣстной политики. Кампредонъ составилъ въ этомъ смыслѣ нѣсколько проектовъ и отправилъ ихъ своему правительству съ депешей отъ 13 марта 1722 г., испрашивая полномочій для подписанія этихъ пунктовъ. Важность, которую принимали обязанности фран-

*) Кампредонъ. 26 февраля 1723 г.

цузскаго уполномоченнаго, подстрекали его усердія. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ рессурсы своего ума, чтобы убѣдить свой дворъ принять предложеніе. Онъ не забылъ ничего, что могло произвести впечатлѣніе на герцога Шартрскаго, повліять на регента и разсѣять предубѣжденія министра. Онъ доказывалъ, что успѣхъ политическихъ переговоровъ непремѣнно связанъ съ секретными переговорами. По его мнѣнію, единственное средство положить конецъ медлительности Остермана—это принять предложеніе Долгорукова. Союзъ будетъ подписанъ немедленно по заключеніи брака, и императоръ, довольный тѣмъ, что доставилъ дочери положеніе, которое желалъ для нея, согласится на всѣ условія трактата, какія предложитъ Франція, и подчинится всѣмъ нашимъ требованіямъ, кромѣ относящихся къ Англіи. Что же касается до возведенія молодой четы на польскій престолъ, то это вопросъ времени. „Это событіе"—прибавляетъ Кампредонъ „можетъ даже произойти скоро. Чтобы оно осуществилось, надо только, чтобы у польскаго короля нашлась новая, увлекательная метресса. Люди, видѣвшіе недавно короля, увѣряютъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не можетъ прожить долго" *). И сама княжна не недостойна выбора, который ей предназначается. Она украситъ своей красотой блестящія версальскія празднества. Если ея слегка свободное обращеніе нѣсколько удивитъ дворъ въ первую минуту, то скоро она всѣхъ очаруетъ. Съ гибкостью, свойственной ея племени, молодая дѣвушка быстро примѣнится къ вкусамъ, тону и манерамъ своей второй родины, и Франція дополнитъ начатое природой. „Принцесса Елизавета чрезвычайно пріятная особа"—пишетъ Кампредонъ. „По сложенію, цвѣту лица, глазамъ и рукамъ—это красавица. Недостатки—если таковые есть—надо отнести къ воспитанію и манерамъ, такъ какъ меня увѣряютъ, что она умна, и поэтому ей, если дѣло сладится, не трудно будетъ съ помощью какой-либо опытной особы дополнить то, чего ей недостаетъ".

Въ то же время министръ старался возбудить желанія

---

*) Кампредонъ 13 марта 1723 г.

Франціи, вызывая ея зависть. Онъ сообщилъ о прибытіи въ Петербургъ двухъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, въ которыхъ общественный голосъ видѣлъ претендентовъ на обѣихъ княженъ. Онъ указываетъ даже разныя мелочи, съ помощью которыхъ можно пріобрѣсти расположеніе царя: „Беру смѣлость замѣтить"—писалъ онъ въ заключеніе частнаго письма къ Дюбуа,—„что его королевское высочество сдѣлаетъ большое удовольствіе царю, пославъ ему бочку хорошаго, настоящаго вина изъ Эрмитажа, котораго онъ поручилъ мнѣ попросить для него лично. Подобные мелкіе знаки вниманія оказываютъ чудодѣйственное вліяніе на Его Царское Величество. Я также буду чувствительно обязанъ вашей свѣтлости, если вы потрудитесь прислать мнѣ портреты Короля, Инфанты-Королевы, Его Королевскаго Высочества и его свѣтлости герцога Шартрскаго, для того, чтобы присылка портрета послѣдняго не имѣла въ себѣ ничего особеннаго. Я знаю, что Царицѣ любопытно взглянуть на него. Я бы счелъ за большой знакъ доброты отъ Вашего преосвященства, если бы вы соблаговолили прислать вашъ собственный портретъ, оригиналъ котораго пользуется такой сердечной любовью съ моей стороны, имѣетъ право разсчитывать на мое безграничное усердіе и привязанность и составляетъ предметъ восхищенія всей вселенной".

Депеши Кампредона требовали быстраго рѣшенія со стороны Франціи. Каково же было удивленіе французскаго посла, когда курьеръ прибывалъ за курьеромъ, не привозя отвѣта. Онъ повторилъ свою просьбу объ инструкціяхъ. То же молчаніе. Конецъ зимы, весна, лѣто миновали, а отъ французскаго двора—ни слова. Между тѣмъ министры царя приступали настоятельнѣе, при каждой встрѣчѣ съ Кампредономъ они спрашивали его, не полученъ ли, наконецъ, столь желанный отвѣтъ, начинали изумляться и обижаться столь продолжительнымъ молчаніемъ.

Между тѣмъ и Кампредонъ приходилъ въ отчаяніе; онъ писалъ кардиналу, регенту, самому королю, несмотря на его пятнадцать лѣтъ *). Но всѣ его обращенія были напрасны; ко-

*) Кампредонъ 13 іюня 1723 г.

ролевскій дворъ какъ-будто позабылъ о немъ и не подавалъ признаковъ жизни, оставляя своего посла и безъ денегъ, и безъ инструкцій. Лишенный всего, не смѣя показаться въ императорскомъ дворцѣ, гдѣ ему нельзя было появиться съ подобающимъ блескомъ и гдѣ ежеминутно съ него могли потребовать выполненія его обязательствъ; доведенный до необходимости дѣлать заемъ даже, чтобы платить за свои письма, онъ наконецъ, совершенно заперся у себя и легъ въ постель, говоря, что боленъ *). Унизительное и странное положеніе для французскаго министра, когда не прошло еще и десяти лѣтъ послѣ великаго царствованія, во время котораго французскіе послы возбуждали всеобщее удивленіе Европы и зависть коронованныхъ особъ роскошью своего представительства.

Въ началѣ сентября Кампредонъ получилъ приглашеніе прибыть въ Петергофъ, лѣтнюю резиденцію императора. Послѣдній принялъ его съ обычной благосклонностью, показалъ домъ, напоминавшій жилище зажиточнаго амстердамскаго горожанина, и паркъ, гдѣ, вѣрный своей маніи подражанія, онъ соединилъ воспроизведенія главнѣйшихъ европейскихъ дворцовъ, гдѣ у него былъ свой Потсдамъ и свой Марль—неудачная копія изящнаго павильона Всехристіаннѣйшаго короля. Весь день на безстрастномъ лицѣ Петра не мелькнуло ни малѣйшей тѣни неудовольствія, но Остерманъ отвелъ Кампредона въ сторону и проявилъ, конечно, вслѣдствіе полученнаго приказанія, несвойственную ему откровенность. „Непонятно",—высказалъ онъ—„вслѣдствіе какихъ причинъ король до сихъ поръ не высказываетъ своихъ намѣреній относительно переговоровъ, начатыхъ съ Москвой. Нѣкоторые дворы считаютъ ихъ законченными подписаніемъ договора; вѣнскій дворъ выражалъ по этому поводу свое безпокойство царю. Государь не можетъ постичь, почему король такъ пренебрежительно относится къ союзу съ нимъ, выразивъ раньше желаніе его заключить. Намѣренія его оставались благожелательными и искренними; но онъ не привыкъ видѣть къ себѣ

*) Кампредонъ 23 іюня 1723 г.

презрительнаго отношенія, и его положеніе какъ-будто заслуживаетъ большого къ себѣ вниманія“ *).

Что происходило во Франціи? Слѣдуетъ ли приписать молчаніе двора предвзятому нежеланію, упорнымъ колебаніямъ, непростительной небрежности? Говорятъ, что Дюбуа, когда у него скоплялось черезчуръ большое количество дипломатическихъ депешъ, избавлялся отъ труда ихъ прочитывать и на нихъ отвѣчать, бросая ихъ всѣ сразу въ огонь: вѣроятно, онъ называлъ это „входить въ курсъ дѣла“ **). Не придавая анекдоту больше значенія, чѣмъ онъ заслуживаетъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1724 г. внутренняя политика и забота о личныхъ интересахъ почти исключительно поглощали вниманіе кардинала. Людовикъ XV достигъ возраста королевскаго совершеннолѣтія; передъ герцогомъ Орлеанскимъ и Дюбуа возникала задача продлить въ дѣйствительности регентство, окончившееся по закону. За нѣсколько мѣсяцевъ до того кардиналъ присвоилъ себѣ титулъ перваго министра; онъ сумѣлъ добиться возобновленія своихъ полномочій отъ короля, достигшаго совершеннолѣтія, укрѣпивъ такимъ образомъ одновременно прочность своей власти и вліянія на своего покровителя. Подобному режиму, стремившемуся продлить свою власть подъ инымъ названіемъ, необходима была болѣе, чѣмъ когда-либо внѣшняя поддержка; Филиппъ Орлеанскій попрежнему искалъ ее въ Англіи. Онъ старался увѣрить общество, что союзъ съ Великобританіей служилъ гарантіей мира, обезпеченнаго до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться у кормила правленія; по его словамъ выходило, что договоръ лондонскій и гагскій были заключены скорѣе съ Орлеанскимъ домомъ, чѣмъ съ Франціей. Чтобы придать болѣе достовѣрности такому мнѣнію, онъ все сильнѣе выставлялъ на показъ свою близость съ лондонскимъ кабинетомъ и удваивалъ относительно него свою предупредительность. Такъ какъ русскій бракъ могъ не понравиться по ту сторону канала, то прежде чѣмъ выразить

*) Кампредонъ королю, 3 сентября 1723 г.

**) Сенъ-Пріестъ. „*Мемуары о Турецкомъ посольствѣ*“.

свое мнѣніе по этому поводу, онъ рѣшилъ заручиться согласіемъ союзника, имъ испрошеннымъ и неполученнымъ.

Къ Дюбуа были отправлены Кампредономъ одинъ за другимъ пятнадцать курьеровъ, но только съ прибытіемъ шестнадцатаго кардиналъ рѣшился ему отвѣтить, не столько для того, чтобы дать опредѣленныя указанія, но чтобы успокоить его нетерпѣніе. Въ началѣ августа онъ приказалъ составить депешу, гдѣ простосердечно сознавался, что главную причину замедленія слѣдуетъ искать въ затрудненіяхъ, чинимыхъ Англіей; чтобы ихъ уладить, король рѣшилъ отправить въ Лондонъ спеціальнаго посла, де-Шавиньи; пока же слѣдуетъ уклоняться отъ всякаго категорическаго отвѣта русскимъ. „Де-Шавиньи увѣдомитъ васъ непосредственно объ успѣхѣ своихъ стараній, продолжала депеша *); но чтобы вамъ ни пришлось узнать этимъ путемъ, или какимъ-либо инымъ, вы не воспользуетесь имѣющимися свѣдѣніями впредь до особаго распоряженія короля, которое я вамъ сообщу. Приводимыя соображенія сообщаются вамъ съ единственной цѣлью вашей личной освѣдомленности, впредь до тѣхъ поръ, пока вы не получите болѣе подробныхъ указаній относительно намѣреній Его Величества“. Министръ добавлялъ во всякомъ случаѣ, для руководства де-Кампредона, что Франція никоимъ образомъ не согласится на бракъ раньше избранія польскаго короля.

Депеша была изготовлена и помѣчена 1-мъ августомъ; Дюбуа ее не подписалъ. Уже давно излишества подточили его здоровье; 2-го онъ пересталъ заниматься; 10-го умеръ.

Его бывшій повелитель сдѣлался его замѣстителемъ. „Герцогъ Орлеанскій, говорится въ современныхъ письмахъ, не счелъ ниже своего достоинства принять званіе перваго министра **). Онъ всегда имѣлъ большое вліяніе на политику, подъ его непосредственнымъ руководствомъ ея направленіе не измѣнилось. Де-Морвилль, завѣдующій секретарской частью Вѣдомства Иностранныхъ Дѣлъ, скрѣпилъ подписью депешу, составленную для

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Письмо де-Кампредону 1 августа 1723 г.

**) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Циркулярное письмо агентамъ Франціи за границей.

Россіи по указанію Дюбуа, и отослалъ ее, не измѣнивъ ни слова. Царь такъ и не получилъ никогда оффиціальнаго отвѣта на предложеніе руки своей дочери, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя узналъ о бракѣ герцога Шартрскаго съ нѣмецкой принцессой *).

Герцогъ Орлеанскій недолго пережилъ своего наперсника. Истомленный жизнью, полной излишествъ и переутомленія, онъ угасалъ преждевременно и въ сорокъ девять лѣтъ казался уже старикомъ. Онъ самъ чувствовалъ тяготѣвшую надъ нимъ руку смерти и ждалъ удара: онъ сразилъ его 3-го декабря того же года. Юный король по совѣту своего воспитателя Флёра призвалъ тогда другого принца крови, герцога Бурбонскаго, главу дома Кондэ. Нѣсколько словъ Флёра и кивокъ головы молодого монарха создалъ перваго министра. Вся Европа была увѣдомлена, „что король поручилъ герцогу Бурбонскому общее завѣдываніе всѣми дѣлами“ **). Во второй разъ Людовикъ XV отказался отъ власти; и опять надолго былъ устраненъ отъ нея: министерство герцога Бурбонскаго явилось новымъ регентствомъ.

Франція почти не знавала болѣе неудачныхъ правительствъ. Лично герцогъ не обладалъ никакими достоинствами, кромѣ того находился подъ вліяніемъ женщины, маркизы де-При, о которой Аржансонъ, ея другъ, писалъ: „Два года она управляла государствомъ; сказать, что она управляла имъ хорошо, это вопросъ другой“ ***). Глядя на граціозные портреты маркизы де-При, оставленные намъ искусствомъ восемнадцатаго вѣка, трудно предположить подъ наружностью юной богини душу низкую и жадную, одержимою страстью къ интригамъ, не обладая ни однимъ изъ качествъ, оправдывающихъ и облагораживающихъ честолюбіе! Маркиза руководствовалась исключительно мелочными побужденіями и навязывала Франціи политику въ томъ же духѣ.

---

*) „Извѣстіе о бракѣ молодого герцога непріятно поразило русскихъ“, говоритъ Кампредонъ въ депешѣ отъ 22 апрѣля 1724 г.

**) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Циркуляръ, разосланный дипломатическимъ агентамъ Франціи за границей, декабрь 1723 г.

***) Д'Аржонсонъ. „Мемуары“ изданіе Историческаго Общества Франціи. Парижъ, Ренуаръ, 1859 г. т. I, стр. 56.

Съ внѣшней стороны новый министръ выразилъ намѣреніе поддерживать систему, выработанную во времена регентства, но не сумѣлъ проявить искусства своихъ предшественниковъ и усугубилъ всѣ ихъ ошибки. Еще большая угодливость относительно Англіи, большая надменность относительно Россіи, вотъ принятый имъ образъ дѣйствій. Услыхавъ о перемѣнѣ правительства, Петръ обрадовался возможности осуществленія части своихъ плановъ; отложивъ пока мысль о бракѣ дочери съ кѣмъ-либо изъ членовъ королевскаго дома, онъ нисколько не отказывался отъ своего предложенія политическаго союза и въ началѣ 1724 г. возобновилъ его, обращаясь уже къ герцогу Бурбонскому. Послѣдній далъ отвѣтъ, „что побужденія, заставляющія короля требовать, прежде чѣмъ приступать къ какимъ-либо переговорамъ, примиренія Россіи съ Англіей, являются вопросомъ государственной важности и ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ перемѣнѣ“ *). Дюбуа, хотя тоже настаивалъ на примиреніи, но никогда не дѣлалъ изъ него условія sine qua non. Герцогъ Бурбонскій, по выраженію Морвилля, обратилъ его „въ непремѣнное предварительное требованіе союзнаго договора, предполагаемаго съ царемъ“.

На этотъ разъ переговоры были, повидимому, окончательно прерваны. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя непредвидѣнныя обстоятельства дали возможность правительству „Герцога“ снова возобновить ихъ. Въ эту эпоху, какъ и во многіе другіе моменты своей исторіи, Франція, плохо руководимая неспособнымъ и развращеннымъ правительствомъ, сохраняла за границей просвѣщенныхъ и вѣрныхъ представителей, наслѣдіе предыдущаго правленія. Направленіе, данное дипломатіи въ царствованіе Людовика XIV, еще сохраняло свою силу на окраинахъ, хотя въ центрѣ уже притупилось. Въ особенности на Востокѣ агенты Франціи, воодушевляемые въ теченіе вѣковъ однимъ духомъ и побуждаемые неизмѣнными традиціями, сохраняли за ней роль, соотвѣтствующую ея достоинству и интересамъ. Въ 1724 г. возникли несогласія между Турціей и Россіей. Расширеніе владѣній по-

*) Морвилль Кампредону, 1724 г. (мѣсяцъ первый).

слѣдней на берегахъ Каспійскаго моря и упроченіе ея владычества въ мусульманскихъ областяхъ Кавказа возбудили тревогу Порты, присвоившей себѣ права сюзеренства и верховнаго протектората надо всѣми магометанскими странами. Послѣ обмѣна мнѣній, не удовлетворившаго ни одну изъ сторонъ, казалось, грозила неизбѣжная война. Петръ Великій опасался ея; желая сохранить за собой свои побѣды и несмотря на выказываемое высокомѣріе, онъ старался втихомолку добиться вмѣшательства Франціи въ пользу мира. Дружелюбное разрѣшеніе конфликта, было въ ея интересахъ, потому что ей пришлось бы попасть въ затруднительное положеніе между Оттоманской имперіей, своей давнишней союзницей, и Россіей, „мечтавшей стать ею“. Военныя дѣйствія уже начались на Кавказѣ, когда великій визирь, раньше офиціальнаго объявленія войны, рѣшилъ исполнить требованіе обычая, соблюдавшагося въ Константинополѣ и сохранившагося до нашего времени. Онъ созвалъ всѣхъ сановниковъ и наиболѣе выдающихся духовныхъ вождей государства и держалъ съ высокимъ собраніемъ, полусенатомъ, полусоборомъ, совѣтъ относительно того, имѣетъ ли право Турція взяться за оружіе, не преступая закона пророка.

Выслушавъ причины вызваннаго Россіей неудовольствія, всѣ присутствующіе единогласно высказались за войну; требовали ея немедленнаго объявленія, настаивали, чтобы скорѣе развернуть знамя пророка, а русскаго посланника заточили въ Семибашенный замокъ. Вдругъ среди всеобщаго воодушевленія является драгоманъ. Онъ говоритъ, что присланъ маркизомъ де Бонакъ, французскимъ посломъ, и проситъ слова отъ его имени. Въ горячей рѣчи указываетъ онъ на неудобства войны, ставитъ на видъ, что разрывъ между Россіей и Портой всего выгоднѣе для Австріи, ихъ общаго врага, и предлагаетъ прибѣгнуть къ посредничеству „Императора Франціи“. Искусно выставленные доводы умѣряютъ воинственный пылъ собранія; объявленіе войны отложено и вмѣшательство Франціи принято *).

*) Относительно этихъ переговоровъ см. *„Мемуары о французскомъ посольствѣ въ Турціи“* графа Сенъ-Пріеста (Сенъ-При).

Бонакъ взялъ на себя инициативу такого посредничества, не получивъ на то указаній отъ своего правительства. Воодушевленный успѣхомъ, онъ, не задумываясь, вступилъ въ сношенія съ де Кампредономъ, по ходатайству послѣдняго получилъ отъ царя письмо, составленное въ миролюбивымъ духѣ, показалъ его туркамъ, сблизилъ стороны, руководилъ совѣщаніями, избѣгая раздражающихъ споровъ, вообще добросовѣстно исполнилъ свою роль миротворца. Переговоры близились къ концу, и соглашеніе было уже почти достигнуто, когда де Бонакъ наконецъ получилъ отъ своего двора официальное распоряженіе, уполномочивавшее его предложить посредничество короля *). Договоръ, устраняющій возникшія недоразумѣнія, былъ составленъ Бонакомъ, просмотрѣнъ Кампредономъ и подписанъ въ Константинополѣ уполномоченными Турціи и Россіи. Онъ предоставлялъ царю сѣверныя области Кавказа, Дагестанъ и Шиванъ. Взамѣнъ того Порта получила право аннексіи извѣстныхъ частей Персидской имперіи, которой гражданская война и вторженія племенъ Афганистана грозили уничтоженіемъ.

Для Россіи такая мировая сдѣлка была особенно выгодной, укрѣпляя ея положеніе на Кавказѣ и обезпечивая южныя границы. Бонакъ и Кампредонъ предпочли соблюсти интересы царя въ ущербъ интересамъ султана по той причинѣ, что оба, убѣжденные сторонники союза съ Россіей, стремились обезпечить его Франціи, несмотря на ея правительство. „Только благодаря особой любезности“ говоритъ первый изъ нихъ въ своихъ мемуарахъ **) „мнѣ было дозволено заниматься нашимъ соглашеніемъ съ Россіей.“ Что касается Кампредона, то онъ не терялъ надежды привести Петра къ сближенію съ Англіей изъ чувства благодарности къ Франціи, а затѣмъ возобновить прерванные переговоры. Успѣхъ въ дѣлѣ посредничества побудилъ его къ рѣшительному шагу.

Въ тотъ самый день, когда актъ договора, заключеннаго съ

---

*) Сенъ-Пріестъ.

**) Сенъ-Пріестъ.

Портой, былъ обнародованъ въ Петербургѣ, зная, что Царю предстоитъ торжественный выходъ въ соборъ, Кампредонъ ждалъ его на пути. Петръ появился верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Увидавъ на его лицѣ довольное выраженіе, несвойственное ему за послѣднее время, Кампредонъ, расталкивая толпу, смѣло обратился къ нему въ ту минуту, когда онъ слѣзалъ съ лошади, чтобы войти въ церковь. Нисколько не обидѣвшись на подобную безцеремонность, государь взялъ посланника за руку и, намекая на договоръ, заключенный недавно со Швеціей, благодаря посредничеству Франціи, сказалъ: „Вы всегда были для меня ангеломъ мира"—„Помогите же мнѣ, Государь„, отвѣтилъ Кампредонъ, до конца имѣть эту честь. Вашему Величеству извѣстны всѣ услуги, оказанныя Вамъ королемъ, моимъ повелителемъ; не согласитесь ли и Вы на нѣкоторыя уступки ради его величества, желающаго, повторяя такъ давно уже вамъ высказанное настояніе о возстановленіи дружелюбныхъ отношеній между вами и королемъ англійскимъ, только упроченія вашей славы и вашихъ дѣйствительныхъ интересовъ?"—„Я", возразилъ Императоръ, „не отплачу неблагодарностью и немедленно отдамъ приказъ, которымъ, думаю, вы останетесь довольны" *). Онъ сдержалъ свое обѣщаніе, потому что черезъ нѣсколько дней выразилъ офиціально намѣреніе вступить въ переговоры о примиреніи съ Англіей и просилъ Францію способствовать соглашенію на почвѣ взаимного удовлетворенія.

Такой исходъ поразилъ русскихъ министровъ, изумлявшихся смѣлости и удачѣ Кампредона. Еще сильнѣе удивилъ онъ французскій дворъ, которому оставалось только поздравить своего находчиваго посланника. Казалось, ничто болѣе не препятствовало заключенію франко-русскаго союза, такъ какъ единственная помѣха была устранена. Переговоры возобновились, но на уступчивость Петра правительство герцога Бурбонскаго отвѣчало новымъ требованіямъ. Примиренія съ Англіей для него было уже недостаточно. Превративъ въ обязательное условіе желаніе, вы-

---

*) Кампредонъ, 1 августа, 1724 г.

сказанное Дюбуа въ началѣ переговоровъ, оно настаивало, чтобы король Великобританіи принялъ участіе въ качествѣ равноправной стороны въ заключеніи союзнаго договора *). Россія запротестовала противъ такого вмѣшательства Англіи въ дѣла ее совершенно не касающіяся; если Россія соглашалась на возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Лондономъ, возможно ли сразу перейти отъ враждебности къ интимной близости? „Не представляется никакихъ затрудненій," — говорили ея министры Кампредону, — „подписать договоръ только съ вами, и союзъ можетъ быть заключенъ хоть сегодня, но государь видитъ большія затрудненія въ заключеніи договора съ вами и Англіей" **). Переговоры снова пріостановились на нѣкоторое время, и благопріятнымъ минутамъ, потеряннымъ Франціей, не суждено было повториться.

Изъ неоднократныхъ настояній Петра передъ Французскимъ дворомъ относительно болѣе быстраго окончанія дѣла можно было заключить, что онъ чувствовалъ, какъ дорого время, и боялся, встрѣтивъ со стороны Франціи новыя отсрочки, не довести до конца задуманнаго намѣренія.

Съ нѣкотораго времени царемъ овладѣли мрачныя предчувствія. Увѣренный въ своей желѣзной волѣ и физической выносливости, онъ слишкомъ разсчитывалъ на свои силы; теперь силы начинали ему измѣнять. Могучій работникъ московскаго величія изнемогалъ отъ трудовъ. Вся жизнь его была сплошной борьбой,—борьбой съ внѣшнимъ врагомъ, съ своимъ народомъ, съ своей семьей,—и такая безпрерывная война надорвала его здоровье, омрачила душу. Встрѣтивъ въ родномъ сынѣ наиболѣе опаснаго противника своихъ преобразованій, своихъ намѣреній, онъ безъ колебаній принесъ его въ жертву требованіямъ своей политики и если не приказалъ, то вызвалъ его смерть. Теперь воспоминанія объ этой трагедіи смущали его совѣсть. Въ припадкахъ жестокой меланхоліи онъ повторялъ имя царевича

*) Морвилль Кампредону, 17 сентября, 7 декабря, 28 декабря 1724 г.

**) Кампредонъ, 8 декабря 1724 г. 9-е января 1725 г.

Алексѣя и восклицалъ, что пролилъ его кровь *). Чтобы убѣжать отъ самого себя, онъ бросался въ удовольствія и болѣе безудержно, чѣмъ когда-либо, отдавался своей склонности къ развлеченіямъ низменнымъ и грубымъ. Осенью 1724 г. онъ устраиваетъ большой маскарадъ, приглашая весь дворъ и даже дипломатическій корпусъ принять въ немъ участіе. Три дня подъ-рядъ повозки въ видѣ кораблей возили по улицамъ Петербурга тысячи замаскированныхъ, среди которыхъ находились самые важные сановники, нѣкоторые наряженные шутами, другіе римскими кардиналами. Императоръ, въ костюмѣ матроса, пѣшкомъ шелъ во главѣ и руководилъ поѣздомъ, играя на барабанѣ и выбивая дробь, которой могъ бы позавидовать самый искусный барабанщикъ изъ его гвардіи. Императрица слѣдовала за нимъ въ костюмѣ собирательницы винограда, съ корзиной съ виноградомъ въ одной рукѣ и съ бутылкой венгерскаго вина въ другой; она часто подходила къ мужу, чтобы налить ему вина **).

Среди такихъ увеселеній, гдѣ Петръ старался найти забвеніе и разсѣяніе, не находя болѣе продолжительнаго успокоенія, его преслѣдовала мысль: именно установить престолонаслѣдіе и блестящимъ образомъ пристроить дочерей. Указомъ присвоилъ онъ себѣ право выбрать своего преемника, не считаясь съ законами наслѣдственности, подчинить себѣ будущее, какъ поработилъ настоящее; однако колебался воспользоваться такимъ правомъ. То онъ устраивалъ торжественное коронованіе Екатерины и, пріобщая ее къ власти, какъ бы желая подготовить къ царствованію послѣ своей смерти; то, наоборотъ, возлагалъ свои упованія на внука Петра, сына царевича Алексѣя. Въ то же время онъ спѣшилъ выдать старшую дочь за герцога Фридриха Голштинъ-Готторпскаго, заранѣе вызваннаго къ русскому двору. Что касается цесаревны Елизаветы, онъ не могъ отказаться отъ надежды черезъ нее породниться съ королевскимъ домомъ Франціи.

---

*) *Лемонтей*, Лемонтей увѣряетъ, что видѣлъ секретныя записки одного изъ лѣкарей, пользовавшихъ царя въ послѣдніе мѣсяцы его жизни.

**) Кампредонъ, 20 сентября 1724 г.

Замѣстивъ въ своихъ планахъ герцога Шартрскаго герцогомъ Бурбонскимъ, онъ намѣревался предложить ему руку своей второй дочери съ обѣщаніемъ польской короны и въ этомъ смыслѣ поручилъ сдѣлать намекъ Кампредону *). Можетъ быть, это затаенное желаніе побудило его не отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ на требованіе включить участіе Англіи въ союзномъ договорѣ. Въ послѣднихъ числахъ 1724 г. онъ подалъ представителю Франціи надежду на окончательный отвѣтъ и передалъ дѣло на разсмотрѣніе своего совѣта. Въ тотъ день когда министры собрались для совмѣстнаго съ нимъ совѣщанія у дверей царскаго кабинета, имъ было объявлено, что государь, чувствуя себя нездоровымъ, не можетъ ихъ принять. Опасность сразу стала очевидной; Петръ давно уже страдалъ болѣзнью мочевого пузыря, теперь обострившейся. 8 февраля 1725 г. онъ скончался отъ приступа лихорадки **). Если вѣрить преданію, отзвукъ котораго донесся тридцать пять лѣтъ спустя до одного изъ французскихъ дипломатовъ, на конторкѣ Царя былъ найденъ законченный проектъ договора съ Франціей ***).

Петръ Великій завершилъ свое дѣло въ политическомъ и военномъ отношеніи; въ дипломатическомъ же оно осталось незаконченнымъ. Онъ стремился создать въ Россіи правительство по образцу европейскаго, обезпечить ей вліяніе надъ остальными сѣверными государствами, найти ей союзниковъ. Изъ этихъ трехъ предначертаній онъ блестящимъ образомъ привелъ въ исполненіе два первыхъ. Третье всецѣло опиралось на пособничество Франціи. Разъ это пособничество ускользало, Петръ не могъ достичь своей цѣли и несмотря на обаяніе своихъ побѣдъ оставилъ Россію одинокой среди Европы. Въ различныя эпохи его царствованія союзъ съ Франціей близился къ осуществленію; опираясь на постоянную общность интересовъ, онъ, вѣроятно, оказался бы

---

*) Кампредонъ, 21 октября 1724 г.

**) Переписка съ Россіей, январь и февраль 1725 г.

***) Фактъ былъ сообщенъ де Бретейлю, французскому посланнику въ Россіи съ 1760 по 1763 г., и отмѣченъ въ его депешѣ отъ 5 января 1762 г. Архивъ Вѣд. Иностр. Дѣлъ.

прочнымъ. Безъ сомнѣнія, политика, какой придерживалась въ то время Франція, не предоставляла ей полной свободы дѣйствій, но препятствія не оказались бы непреодолимыми, если бы правительства регентствъ, а затѣмъ герцога Бурбонскаго обладали бы достаточной прозорливостью, чтобы оцѣнить важность русскихъ предложеній, и достаточной энергіи, чтобы справиться съ затрудненіями, скорѣе кажущимися, чѣмъ дѣйствительными.

II.

Смерть Петра едва не послужила въ Россіи сигналомъ внутреннихъ смутъ. Онъ не назначилъ себѣ преемника: кто наслѣдуетъ ему, императрица ли Екатерина, или царевичъ Петръ? Смѣлость Екатерины обезпечила за ней власть. Въ первые дни, послѣдовавшіе за смертью мужа, по выраженію Лемонтея, ее видѣли „плачущей, подготовляющей заговоръ, правящей государствомъ" *). Она отважно возложила на себя корону, потомъ заставила сановниковъ — признать себя, духовенство — совершить мvропомазаніе, народъ — привѣтствовать. Созданіе Петра было спасено и царствованіе Екатерины I казалось продолженіемъ его.

Одной изъ первыхъ заботъ новаго правительства было поспѣшить съ отвѣтомъ, обѣщаннымъ императоромъ Франціи. Подобно мужу, Екатерина чувствовала необходимость союза и своевременность для Россіи вступить въ федеративную систему съ однимъ изъ крупныхъ европейскихъ государствъ. 10 апрѣля 1725 г. Екатерина пригласила въ высокое собраніе для обсужденія вопросовъ внѣшней политики государства большинство министровъ предыдущаго царствованія: Толстого, Остермана, канцлера Головкина, адмирала Апраксина и князя Меншикова. Послѣдній сумѣлъ, оставаясь другомъ Петра, пріобрѣсть расположеніе Екатерины, при которой ему предстояло занять выдающееся положеніе. Онъ говорилъ первымъ и высказался въ пользу союза съ Франціей. По его мнѣнію, чтобы добиться его,

*) *Исторія Регентства.*

слѣдовало примириться съ участіемъ въ немъ Англіи. Всѣ остальные министры присоединились къ его мнѣнію *). Тогда Екатерина приказала дать Кампредону отвѣтъ, удовлетворительный во всѣхъ отношеніяхъ и выражающій согласіе на участіе Англіи въ договорѣ. Въ дѣйствительности рѣшеніе было принято императрицей еще до созыва собранія. Обнаруживая такую податливость, она имѣла на то особую причину, неизвѣстную большинству ея министровъ. Важная новость дошла до нея вѣрнымъ и секретнымъ путемъ, возродивъ опять въ ея сердцѣ прежнія надежды: она получила извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ брака, предполагавшагося между королемъ Франціи и испанской инфантой.

Въ теченіи четырехъ лѣтъ Людовикъ XV считался женихомъ дѣвочки, вывезенной изъ Испаніи въ 1722 г. и воспитывавшейся въ Луврѣ съ цѣлью создать изъ нея француженку и королеву. Но Людовику исполнилось уже шестнадцать лѣтъ, а инфантѣ не было еще семи. Такое несоотвѣтствіе возраста откладывало на нѣсколько лѣтъ празднованіе свадьбы и рожденіе наслѣдника престола; надолго лишало Францію драгоцѣннаго залога внутренняго мира и устойчивости. Эти соображенія вызвали сильное волненіе среди министровъ, когда совпали съ ихъ личными интересами. Для регента выгоднѣе было отсрочивать свадьбу, для герцога Бурбонскаго—ее ускорить. Если Людовикъ XV, здоровье котораго еще внушало нѣкаторыя опасенія, умретъ бездѣтнымъ, корона перейдетъ къ Орлеанской вѣтви; вмѣстѣ съ тѣмъ настанетъ конецъ вліянію дома Кондэ, и къ горечи опалы для герцога Бурбонскаго присоединится обида: ему придется присутствовать при торжествѣ ненавистной семьи соперниковъ. Поэтому съ лѣта 1724 г. первый министръ изыскивалъ способы заставить Испанію вернуть данное ей слово, отправить обратно инфанту и, замѣнивъ ее болѣе взрослой невѣстой, обезпечить немедленную женитьбу короля.

Въ это время нѣсколько ловкихъ и осторожныхъ послан-

*) Кампредонъ передаетъ эти соображенія по указанію самого Меншикова, въ депешѣ отъ 13 апрѣля 1725 г.

цевъ, снабженныхъ таинственными инструкціями, покинули Францію, отправились въ путешествіе съ цѣлью изслѣдованія въ совершенно новомъ духѣ *). Имъ было поручено посѣтить всѣ дворы, гдѣ значилась какая-либо принцесса, пригодная въ невѣсты. Они должны были искусно вкрасться въ довѣріе отца и матери, разспрашивать придворныхъ, выпытывать воспитательницъ, разсмотрѣть лицо и фигуру молодой дѣвушки, освѣдомиться объ ея здоровьи, качествахъ, недостаткахъ и представить по возможности точный тѣлесный и духовный ея портретъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ де Морвилль собиралъ всѣ справки воедино и представлялъ сравнительное изображеніе преимуществъ и неудобствъ каждаго возможнаго брака. Посланцы не попали въ Россію; тѣмъ не менѣе въ трудахъ де Морвилля упоминается имя младшей дочери Петра Великаго, цесаревны Елизаветы. Она значится въ числѣ семнадцати принцессъ, признанныхъ достойными обратить на себя особое вниманіе короля, и стоитъ второй въ спискѣ, представленномъ министромъ **).

Въ началѣ 1725 г. вопросъ оставался еще совершенно открытымъ, когда Людовикъ заболѣлъ и нѣсколько дней жизнь его находилась въ опасности. Страхъ, испытанный герцогомъ Бурбонскимъ, побудилъ его ускорить ходъ событій. „Необходимо отправить инфанту",—говоритъ Морвилль,—„и на курьерскихъ, чтобы избавиться отъ нея какъ можно скорѣе" ***). 11 марта удаленіе принцессы было рѣшено на совѣщаніи, 10 апрѣля, раньше чѣмъ заграничные представители Франціи получили офиціальное о томъ извѣщеніе, императрица уже была объ этомъ освѣдомлена письмами, полученными изъ Голландіи, гдѣ учредилось настоящее развѣдочное бюро.

Екатерина рѣшила немедленно постараться обезпечить для своей малолѣтней дочери преимущество испанской инфанты, ду-

---

*) Лемонтей, также д'Оссонвилль. *„Исторія присоединенія Лотарингіи къ Франціи"*.

**) Д'Оссонвилль.

***) Лемонтей.

мая, что хотя въ Европѣ и насчитывалось девяносто девять принцессъ-невѣстъ, но не было ни одной способной выдержать сравненіе съ Елизаветой русской по личной привлекательности и по блеску положенія. Большинство принадлежало къ владѣтельнымъ домамъ Германіи, стариннаго происхожденія, но скромнаго положенія; ни одна не была дочерью великаго монарха, давшаго почувствовать Европѣ рядомъ блестящихъ побѣдъ и силой генія могущество своей страны и цѣну своего союзничества. Единственная соперница представлялась опасной—внучка короля англійскаго, но король Франціи могъ жениться только на католичкѣ, а Англія никогда бы не допустила, чтобы одна изъ ея принцессъ всенародно отреклась отъ протестантства. Наоборотъ, русскія царевны легко мѣняли вѣру; Елизавета перейдетъ въ католичество, какъ ея мать приняла православіе, выходя замужъ за Петра Великаго. Поэтому Екатерина не видала никакихъ серьезныхъ препятствій къ выбору своей дочери. Только слѣдовало торопиться, чтобы на предстоящемъ состязаніи стольких различныхъ вліяній и честолюбій, Россія не явилась послѣдней.

Вечеромъ того самаго дня, когда императрица предложила на обсужденіе совѣта союзъ съ Франціей и Англіей, она приняла Кампредона на частной аудіенціи. „Правда ли“, — прямо спросила его государыня, — „что король отсылаетъ инфанту въ Испанію?“ Посланникъ, не имѣвшій точныхъ свѣдѣній, далъ уклончивый отвѣтъ. „Я получила письма изъ Голландіи,“ — продолжала Екатерина, — „гдѣ меня увѣряютъ, что день отъѣзда принцессы уже назначенъ. Я справедливо предвидѣла, что такая юная принцесса не соотвѣтствуетъ ни его величеству, ни благу престола. Я желаю его величеству всяческаго счастья и преуспѣянія. И мнѣ доставило бы искренное удовольствіе этому способствовать, потому прошу передать королю, что его дружба и союзъ съ нимъ для меня пріятнѣе, чѣмъ со всякой иной державой“ *).

На слѣдующій день князь Меншиковъ явился къ Кампре-

---

*) Кампредонъ, 13 апрѣля 1725.

дону, чтобы разъяснить слова императрицы: по его мнѣнію, существовало вѣрное средство сдѣлать союзъ обоихъ государствъ неразрывнымъ и дать имъ возможность сообща предписывать условія всѣмъ остальнымъ европейскимъ державамъ. Если король рѣшилъ отправить инфанту въ Испанію, почему бы ему не жениться на цесаревнѣ Елизаветѣ? Это самая для него подходящая партія. Цесаревна одинаковыхъ лѣтъ съ королемъ, разница всего на шесть недѣль; она является воплощеніемъ всѣхъ достоинствъ: красавица, прекрасно сложена, умна, весела и достаточно подвижна, чтобы отлично приспособиться къ нравамъ французской жизни. Мать ея владѣетъ величайшей имперіей съ властью самой неограниченной, какой можетъ пользоваться государь, и силами морскими и сухопутными, извѣстными своей численностью и прекраснымъ состояніемъ. Если бракъ состоится, императрица обязуется предоставить всѣ свои силы и свое могущество въ распоряженіе Франціи, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Русскій союзъ даетъ возможность Франціи осуществить свои замыслы, гдѣ угодно, на Сѣверѣ, или въ Италіи или внутри государства, и держать въ страхѣ и трепетѣ всѣхъ германскихъ владѣтельныхъ князей. Поэтому, не теряя времени, необходимо, чтобы Кампредонъ увѣдомилъ свое правительство о такомъ предложеніи. Въ Петербургѣ не встрѣтится ни задержекъ, ни затрудненій: перемѣна религіи не составитъ препятствія, цесаревна приметъ вѣру своего супруга. Наконецъ, заключая такой союзъ, король Франціи послѣдуетъ только примѣру, данному однимъ изъ его предшественниковъ Генрихомъ I *), женившимся на русской царевнѣ въ то время, когда государство это не обладало ни теперешней мощцью, ни значеніемъ **).

Два дня спустя Екатерина снова вернулась къ задуманному плану. Она приказала передать Кампредону предложеніе, имѣвшее цѣлью заинтересовать лично герцога Бурбонскаго въ успѣхѣ

*) Въ одиннадцатомъ вѣкѣ Генрихъ I, внукъ Гуго Капета, женился на дочери Ярослава Великаго.

**) Кампредонъ, 13 апрѣля 1725 г.

дѣла, соблазнивъ его заманчивой надеждой на престолъ. Государыня уговаривала герцога жениться на дочери Станислава Лещинскаго, короля польскаго, избраннаго въ 1704 г., свергнутаго въ 1722 г., и съ тѣхъ поръ удалившагося во Францію. Несмотря на свои неудачи, у Станислава сохранилось въ Польшѣ много приверженцевъ. Мечтая только объ отдыхѣ, онъ съ удовольствіемъ отказался бы въ пользу зятя отъ своихъ правъ или, вѣрнѣе, отъ своихъ претензій. Женитьба герцога Бурбонскаго на Маріи Лещинской послужила бы оправданіемъ для выставленной кандидатуры и облегчала бы доступъ французскому принцу на польскій престолъ при слѣдующихъ же выборахъ, а соединенныя усилія Франціи и Россіи обезпечили бы ему успѣхъ.

Въ общемъ Екатерина предлагала Франціи вмѣстѣ съ рукой своей дочери тѣснѣйшій союзъ, какой можно заключить, превзойдя даже предположенія Петра Великаго. Совмѣстныя дѣйствія въ Польшѣ, возведеніе французскаго принца на престолъ Варшавы, союзъ наступательный и оборонительный, дипломатическое согласованіе, предоставленіе въ распоряженіе Франціи всѣхъ военныхъ силъ Россіи—вотъ статьи обязательствъ, являвшихся какъ бы брачнымъ контрактомъ Людовика XV и Елизаветы. Такое частное соглашеніе могло быть подписано безъ ущерба для договора, болѣе спеціальнаго между Франціей, Россіей и Англіей, на основаніяхъ, возбудившихъ столько пререканій.

Кампредонъ въ настойчивой депешѣ оказался вѣрнымъ истолкователемъ чувствъ и предложеній государыни. Онъ нарисовалъ привлекательный образъ цесаревны: „Слова князя Меншикова“, писалъ онъ, „о личныхъ качествахъ цесаревны Елизаветы справедливы. Надо ей поставить въ большую личную заслугу успѣхи, сдѣланные ею во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, на которыхъ она говоритъ и пишетъ очень хорошо; вѣжливыя манеры, проявляемыя ею при разговорѣ и вообще во всемъ поведеніи. Тоже можно сказать о принцессѣ Аннѣ, ея сестрѣ, особенно въ виду весьма ограниченныхъ способностей тѣхъ лицъ, на которыхъ было возложено ихъ воспитаніе. Кромѣ того въ Россіи установлено правило, что всѣ женщины начиная отъ цар-

ревенъ и кончая мѣщанками, находятся въ слѣпомъ подчиненіи волѣ супруга“ *).

Затѣмъ министръ переходилъ къ политическимъ преимуществамъ союза: „Государыня“, — говорилъ онъ — „приметъ всѣ нужныя мѣры противъ австрійскаго дома, котораго страшно опасается. Въ моемъ распоряженіи имѣются быстрые и вѣрные пути воздѣйствія на ея самыя сокровенныя чувства и внушенія ей тѣхъ, что заблагоразсудятся королю; при чемъ интриги ея министровъ не могутъ служить значительной помѣхой. Недостатокъ родовитости цесаревны Елизаветы щедро искупается блескомъ вѣнца, украшающаго ея мать, и не подлежитъ сомнѣнію, что судьба любого кандидата на польскій тронъ, заранѣе предрѣшена, если онъ будетъ пользоваться покровительствомъ и поддержкой государыни“.

Депеша Кампредона была готова къ отправкѣ, когда Екатерина узнала сразу начало и конецъ переговоровъ, начатыхъ герцогомъ Бурбонскимъ относительно брака короля съ дочерью принца Уэльскаго. Англія отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, ссылаясь на различіе вѣроисповѣданій. Это извѣстіе освободило императрицу отъ безпокойства и усилило ея надежды на успѣхъ предпріятія. Дойдя до Версаля, ея предложеніе застанетъ мѣсто незанятымъ.

Вдругъ странные слухи долетѣли до нея изъ Франціи черезъ посредство русскаго посланника Куракина. Послѣдній передавалъ ей о романѣ въ лицахъ, разыгравшемся здѣсь, гдѣ дворъ служилъ сценой, король изображалъ роль перваго любовника, а герцогъ Бурбонскій приберегъ для себя обязанность режиссера. Сестра герцога, дѣвица де Сансъ только что появилась при версальскомъ дворѣ и сразу произвела тамъ фуроръ. Девятнадцати лѣтъ отроду, замѣчательная красавица, во всемъ блескѣ распустившейся молодости, она не замедлила произвести глубокое впечатлѣніе на сердце короля. Молодая дѣвушка принимала ухаживанія кузена съ разсчитанной беззаботностью, и вскорѣ ихъ

---

*) Кампредонъ, 13 апрѣля 1725 г.

взаимная склонность сдѣлалась предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Вдругъ раздалась вѣсть объ отъѣздѣ принцессы; передавали, что она удалилась въ монастырь, повинуясь приказанію брата. Юный монархъ въ отчаяніи призываетъ къ себѣ герцога Бурбонскаго и жалуется на такую неожиданную жестокость. „Сестра моя“, — возражаетъ герцогъ,—„по своему сану не можетъ быть любовницей“. Король отвѣчаетъ, что намѣренъ жениться на ней. Долженъ былъ собраться великій совѣтъ, чтобы своимъ мнѣніемъ людей положительныхъ одобрить опрометчивое рѣшеніе молодого человѣка. По замѣчанію князя Куракина, мораль этой исторіи такова, что слѣдуетъ здраво все обдумать, прежде чѣмъ заключать связь со дворомъ, гдѣ страсть къ интригамъ исключала собой всякую заботу объ общественныхъ интересахъ *).

Приключеніе это нанесло первый ударъ надеждамъ императрицы. Она отправила Толстого провѣрить черезъ французскаго посланника справедливость фактовъ, сообщенныхъ княземъ Куракинымъ. Кампредонъ очутился въ весьма щекотливымъ положеніи: онъ ничего не зналъ и боялся ложнаго шага. На - удачу онъ сталъ приводить въ защиту своего юнаго повелителя обстоятельства, смягчающія вину:„Развѣ король, подобно простому смертному, не имѣетъ права слѣдовать голосу своего сердца?“ „Короли, вступавшіе въ неравный бракъ“, — горячо возразилъ Толстой, — „теряли въ значительной степени и славу свою, и репутацію, а короли Франціи сохранили въ этомъ отношеніи безупречную чистоту, сверкающую на цвѣтахъ лилій, служащихъ украшеніемъ ихъ короны. Взоры всей Европы устремлены на послѣдній отпрыскъ Людовика Великаго, и всѣ ждутъ событій, вполнѣ соотвѣтствующихъ безпредѣльной славѣ, какой покрылъ себя этотъ несравненный монархъ, вплоть до мѣстностей, наиболѣе отдаленныхъ“.

Вслѣдствіе этого свиданія Кампредонъ вновь взялся за перо и написалъ второе письмо. Оно дѣлаетъ ему честь, потому что изъ-за него онъ могъ лишиться мѣста, а онъ не имѣлъ никакого

*) Кампредонъ, 24 апрѣля 1725.

состоянія. Скромный дипломатъ позволилъ себѣ дать своему правительству урокъ патріотизма и безкорыстія. Передавъ съ полной откровенностью министру Морвиллю разсказъ князя Куракина и впечатлѣніе, имъ произведенное, онъ снабдилъ ихъ собственными умозаключеніями. Вотъ они:

„Исключительно для Вашего личнаго свѣдѣнія, ваше преосвященство. Ваше преосвященство! если бы моя искренняя преданность Вамъ нуждалась въ доказательствахъ, то я не могъ бы дать болѣе убѣдительнаго, чѣмъ довѣрчивость, съ какой я сегодня имѣю честь обратиться къ Вамъ, передавая разсужденія, вызванныя здѣсь предполагаемымъ бракомъ короля. Въ своихъ депешахъ я по возможности смягчалъ выраженія, употребляемыя здѣсь по адресу г. герцога, котораго князь Куракинъ считаетъ способнымъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ ради личнаго честолюбія и ненависти къ Орлеанскому дому. Говорятъ, что только вслѣдствіе этой причины была такъ безцеремонно, безъ всякихъ предупрежденій отправлена обратно инфанта. Господь да направитъ ко благу рѣшенія Его Величества и его совѣтчиковъ, но я замѣчаю, что свѣдѣнія, полученныя отъ князя Куракина, произвели здѣсь глубокое впечатлѣніе и вызовутъ новыя затрудненія въ переговорахъ на меня возложенныхъ. Не подлежитъ мнѣ, ничтожному червю, пускаться въ разсужденія, въ довершеніе всего, можетъ быть, опирающіяся на ложную почву; но если въ сообщеніяхъ князя Куракина заключается доля правды, то повидимому партія, предлагаемая здѣсь королю, для него во всѣхъ отношеніяхъ представлялась бы несравненно болѣе подходящей. Въ распоряженіи Его Величества оказалась бы одна изъ наиболѣе могущественныхъ державъ Европы. Съ ея помощью онъ могъ бы располагать Швеціей и Польшей и обезпечить въ то же время польскую корону герцогу бракомъ его съ дочерью короля Станислава. Государыня еще разъ поручила мнѣ это передать устами князя Меншикова, намекая, что особенно оцѣнила бы услугу, оказанную Вами, ваше преосвященство, Его Величеству и ей въ этомъ направленіи. Но еще разъ: я лишь вѣрное эхо доходящихъ до меня разговоровъ и предоставляю на распо-

ряженіе просвѣщеннаго вниманія и доброты, какими я отъ Васъ, Ваше преосвященство, удостоенъ, сдѣлать какое Вамъ заблагоразсудится изъ всего этого употребленіе. Всепокорнѣйше прошу увѣдомить меня, желательны ли дальнѣйшія съ моей стороны сообщенія, или я долженъ впредь отъ нихъ воздержаться" *).

Отъ Петербурга до Версаля курьеръ проводилъ въ дорогѣ отъ двадцати пяти до тридцати дней. Отправленныя 14-го и 24-го апрѣля письма Кампредона могли достигнуть назначенія только въ маѣ мѣсяцѣ. Къ тому времени рѣшеніе короля не окажется ли уже непоправимымъ? Въ противномъ случаѣ предложенія Екатерины и сѣтованія посланника подѣйствуютъ ли достаточно сильно, чтобы совратить правительство Франціи съ пути, по которому оно очевидно направлялось?

Не подлежитъ сомнѣнію, что герцогъ Бурбонскій, послѣ неудачной лондонской попытки, серьезно задался мыслью возвести на французскій престолъ одну изъ своихъ сестеръ. Сначала онъ остановилъ свой выборъ на дѣвицѣ де-Вермандуа, которую непреодолимая склонность къ монашеской жизни удерживала до сихъ поръ вдали отъ свѣта и двора. Не имѣя возможности представить ее королю, ему пришлось удовлетвориться щедрымъ перечнемъ ея прелестей въ запискѣ, представленной юному монарху. „Лицо ея",– говоритъ онъ,—„таково, какъ только можно желать; нравственность вполнѣ соотвѣтствуетъ полученному воспитанію. Она обладаетъ кроткимъ характеромъ и свѣтлымъ умомъ. Болѣе желательно остановить свой выборъ на особѣ, характеръ и склонности которой извѣстны, чѣмъ на совершенно незнакомой **).

---

*) Кампредонъ 24 апрѣля, 1725 г. Частное письмо де Морвиллю.

**) Записка, подписанная герцогомъ Бурбонскимъ, извлеченная изъ Національнаго архива. Этой запискѣ предшествовала другая, не имѣющая подписи, но адресованная герцогу Бурбонскому и предназначенная спеціально обратить его вниманіе на медемуазель де-Вермандуа. По утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ, мадамъ де-При тайнымъ образомъ посѣтила аббатство Фонтевроль, чтобы убѣдиться въ расположеніи молодой принцессы. Недовольная высокомѣріемъ, проявленнымъ мадемуазель де-Вермандуа, по выраженію Вольтера, оставила ее „проявлять свою гордыню въ монастырѣ". Анекдотъ этотъ не подтверждается никакими достовѣрными свидѣтельствами.

Нѣсколько позднѣе, появленіе при дворѣ дѣвицы Сансъ, младшей сестры мадемуазель де-Вермандуа, и произведенное ею впечатлѣніе, повидимому, склонили чашу вѣсовъ въ ея пользу: князь Куракинъ былъ не единственнымъ изъ чужестранныхъ пословъ, пославшихъ своему двору извѣщеніе о выборѣ, казалось, безповоротномъ *). Однако, герцога охватили сомнѣнія; онъ испугался общественнаго мнѣнія и отказался отъ намѣренія, удовлетворившаго бы его честолюбіе, но возбудившаго бы противъ него негодованіе Франціи и Европы. Въ началѣ мая вопросъ опять оставался открытымъ. „Попрежнему царитъ неизвѣстность",—писалъ въ своихъ запискахъ адвокатъ Марэ.—„Всѣ держатъ другъ съ другомъ пари. Кто за Англію, кто за Польшу, кто за Пьемонтъ, кто за Португалію, кто за Лотарингію **).

Въ это время подоспѣли предложенія Россіи, переданныя Кампредономъ. Послужили ли они предметомъ серьезнаго размышленія? Были ли переданы на обсужденіе совѣщанія? Были ли представлены во всемъ объемѣ королю? На это нѣтъ никакихъ указаній. На поляхъ депеши отъ 14-го апрѣля, сохранившейся въ архивѣ, мы читаемъ надпись: „Секретно". Рядомъ съ депешей мы находимъ ея блѣдную критику, вѣроятно, предназначенную для прочтенія королю и совѣщанію. Дѣйствительно, герцогъ Бурбонскій и маркиза де-При явились рѣшительными сторонниками плана, находившагося въ прямомъ противорѣчіи съ видами государыни, а для нихъ было крайне важно, чтобы извѣстія изъ Петербурга не получали огласки, такъ какъ это могло вызвать въ обществѣ волненія, неблагопріятнаго для ихъ намѣренія. Если высокопоставленной принцессѣ придется занять французскій тронъ, она откажется быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ перваго министра и его фаворитки. Они предпочитали выдвинуть впередъ какую-нибудь мелкую принцессу, которая, будучи всѣмъ

---

*) Лемонтей не вѣрилъ въ существованіе плановъ относительно дѣвицы де-Вермандуа, но ему не была извѣстна записка, выдержку изъ которой мы приводимъ и которая ставитъ вопросъ внѣ сомнѣнія.

**) Записка Матьё Марэ.

имъ обязанной, не выйдетъ изъ подчиненія имъ и своей податливостью заплатитъ за неожиданное возвышеніе. Чѣмъ болѣе политическія условія требовали блестящаго брачнаго союза, тѣмъ сильнѣе совѣтчики короля старались подыскать самую скромную партію. Интересы Франціи шли въ-разрѣзъ съ интересами мадамъ де-При. Послѣдняя взяла верхъ.

Первое письмо Кампредона было получено 8-го мая. 11-го де-Морвилль отвѣчалъ безсодержательными разсужденіями по поводу текущихъ дѣлъ, ни однимъ словомъ не обмолвившись относительно брачнаго предложенія и только добавляя въ постскриптѣ: „Я откладываю до слѣдующей почты разговоръ съ вами о дѣлахъ, сообщенныхъ вами въ послѣднемъ письмѣ. Если снова будетъ возбужденъ вопросъ по этому поводу, „ограничивайтесь общими выраженіями дружбы и преданности“ *). На частную депешу, посланную Кампредономъ 24-го апрѣля, отвѣта не послѣдовало.

Императрица нѣсколько времени терпѣливо ждала. Во всякомъ случаѣ ея надежды были разбиты: недальновидность и честолюбіе, полное эгоизма, герцога Бурбонскаго сдѣлались ей очевидными и оттолкнули отъ Франціи. Между тѣмъ вокругъ нея стали зарождаться вѣянія, враждебныя Франціи, и противники послѣдней пустили въ ходъ все свое оружіе.

Въ половинѣ мая таинственная личность появилась въ Петербургѣ, гдѣ всѣми силами старалась скрыть свое прибытіе и цѣль своего путешествія. Незнакомецъ представился лейбъ-медику государыни, передалъ ему свои рекомендательныя письма, былъ любезно принятъ и получилъ возможность войти въ сношенія съ нѣкоторыми изъ русскихъ министровъ. Это былъ англійскій офицеръ по имени де-Гай; онъ принадлежалъ къ числу преданныхъ людей, послѣдовавшихъ въ изгнаніе за домомъ Стюартовъ и поддерживавшихъ свергнутаго короля въ его усиліяхъ вернуть себѣ престолъ. Лишенные средствъ, разсѣянные по всей Европѣ, они вели жизнь, полную приключеній; ни одна интрига

---

*) Морвилль Кампредону, 11 мая 1725 г.

не обходилась безъ ихъ участія. Де-Гай былъ представителемъ дипломатическаго заговора, направленнаго противъ Франціи. Во главѣ этого заговора стоялъ король испанскій, а душой его былъ любимый министръ, баронъ де-Рипперда.

Филиппъ V считалъ себя оскорбленнымъ отсылкой инфанты и пылалъ жаждой мести. Онъ вообразилъ, что нашелъ второго Альберони въ авантюристѣ Рипперда, трижды мѣнявшемъ родину и религію и, будучи уроженцемъ Соединенныхъ Провинцій, умершимъ марокккскимъ пашой. Рипперда обладалъ ловкостью, пылкостью, страстью и искусствомъ интриги: создавалъ тысячи романическихъ плановъ и нѣкоторые изъ нихъ приводилъ въ исполненіе. Такимъ образомъ удалось ему примирить испанскихъ Бурбоновъ съ австрійскимъ домомъ, у котораго онъ оспаривалъ престолъ съ такимъ ожесточеніемъ. Общая обида противъ Франціи сблизила обѣ стороны, искусство довершило остальное и подготовило союзъ между Филиппомъ V и императоромъ Карломъ VI, который еще такъ недавно упорно стремился присвоить себѣ титулъ короля испанскаго. Союзъ былъ направленъ противъ Франціи и Англіи, управляемой Гановерской династіей. Враги Франціи надѣялись найти поддержку у части итальянскихъ принцевъ; разсчитывали также на сочувствіе Россіи, и съ этой то цѣлью и прибылъ въ Петербургъ англійскій посланецъ. Екатерина согласилась его выслушать, но отказалась подать какую-либо надежду впредь до выясненія вопроса, потерпѣло ли предположенное сватовство полную неудачу. Когда одинъ изъ ея министровъ, Ягужинскій, сталъ настоятельно совѣтовать вступить въ переговоры съ Австріей и Испаніей, она возразила: „Развѣ король французскій женился?“ И въ то же время, въ его присутствіи, князь Меншиковъ справлялся у Кампредона, не разсчитываетъ ли онъ въ ближайшемъ будущемъ получить отвѣтъ на свои депеши *).

Кампредонъ понялъ опасность; онъ проникъ въ тайну переговоровъ, начатыхъ посланцемъ Рипперда и предупредилъ свой

*) Кампредонъ, 19 мая и 12 іюня 1725 г.

дворъ *). На это послѣднее предостережніе обратили не больше вниманія, чѣмъ на предыдущія: герцогъ Бурбонскій окончательно отвергнулъ предложеніе Россіи, придя къ положительному рѣшенію. Наконецъ-то онъ напалъ на то, чего такъ страстно искалъ. По странной игрѣ случая, можетъ быть, сама императрица навела его на эту мысль. Какъ извѣстно, Екатерина предлагала ему жениться на Маріи Лещинской и занять потомъ польскій престолъ. Этотъ совѣтъ привлекъ вниманіе герцога къ дочери короля Станислава; въ ней онъ нашелъ особу знатнаго происхожденія, но не принадлежащую ни къ одному изъ правящихъ домовъ, не честолюбивую, склонную держаться въ тѣни, однимъ словомъ, способную удовлетвориться тѣмъ зависимымъ положеніемъ, какое онъ подготовлялъ для королевы Франціи. Онъ отказался отъ нея для себя и предоставилъ королю. Одинъ изъ брачныхъ развѣдчиковъ, посланныхъ герцогомъ Бурбонскимъ въ Германію, Шевалье де-Мэрэ, прибылъ въ Виссембургъ, гдѣ Станиславъ Лещинскій проживалъ съ супругой и дочерью въ тихомъ уединеніи. Ихъ жизнь, скромная и полная достоинства, послужила кавалеру де-Мэрэ темой для трогательнаго описанія ихъ семейной обстановки, гдѣ на первомъ планѣ стояла принцесса Марія со своей робкой кротостью, набожностью, наивной граціей, еще не потерявшей своей прелести отъ пребыванія при дворѣ. Представленная королю, подобная картина должна была, если не очаровать его, то представить дѣломъ величайшаго благоразумія предлагаемый бракъ. Людовикъ XV выразилъ безпрекословно свое согласіе, и 27 мая свадьба была объявлена.

Дальнѣйшее извѣстно; извѣстно, какъ этотъ непредвидѣнный выборъ удивилъ всѣхъ, даже ту, на которую палъ; какъ король Станиславъ объяснялъ себѣ такой счастливый оборотъ судьбы чудеснымъ вмѣшательствомъ Божественнаго Провидѣнія; какъ сама маркиза де-При отправилась въ Виссембургъ за Маріей Лещинской, и добродѣтельная принцесса предстала предъ дворомъ подъ руководствомъ фаворитки герцога Бурбонскаго. Что касается

---

*) Лемонтей.

впечатлѣнія разочарованія, получившагося въ обществѣ, оно сквозитъ во всѣхъ современныхъ мемуарахъ. „Свадьба объявлена", пишетъ адвокатъ Марэ, „дворъ принялъ это событіе съ такой грустью, словно извѣстіе о томъ, что короля сразилъ ударъ". *) Въ Парижѣ горожане находили сватовство неподходящимъ и выборъ неудачнымъ, они озобоченно заглядывали въ будущее, составляли зловѣщіе гороскопы: „Вскорѣ обнаружатся послѣдствія брака съ дочерью короля, лишившагося своего престола, совершенно чуждой намъ по своей народности"—говоритъ хроникеръ, вѣрный оттолосокъ общественнаго мнѣнія **).

Парижъ былъ правъ и оказался болѣе дальновиднымъ, чѣмъ государственные люди Франціи: выборъ Маріи Лещинской былъ крупной ошибкой. Если новой королевѣ суждено было стать на тронѣ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей, она была лишена всѣхъ необходимыхъ качествъ, чтобы удержать сердце супруга. Съ политической точки зрѣнія бракъ съ полькой не представлялъ никакихъ выгодъ и могъ увлечь Францію въ рискованныя предпріятія. Людовикъ XV не получалъ въ приданое увѣренности или даже надежды на союзъ; наоборотъ, принималъ на себя нравственное обязательство поддерживать притязанія свергнутаго короля. Наконецъ бракъ, вся отвѣтственность за который ложится на герцога Бурбонскаго и маркизу де-При, привелъ къ немедленному разрыву соглашенія, уже улаженнаго съ Россіей. Екатерина вовсе не имѣла намѣренія навязывать руку своей дочери Людовику XV, но не могла простить обиды, что крови Петра Великаго предпочли отпрыскъ польскаго короля-изгнанника.

Русская императрица узнала о женитьбѣ короля изъ толковъ въ обществѣ ***), не получивъ никакого отвѣта на свое предложеніе. Только когда Станиславъ разослалъ извѣщенія различнымъ дворамъ, французскій дворъ рѣшился объяснить свой отказъ въ письмѣ, полученномъ въ Петербургѣ 30 іюня. Письмо

---

*) „Записки Матье Марэ, 27 мая 1725 г.

**) Тоже.

***) Кампредонъ. 9 іюня 1725 г.

дышало любезностью, но выставленныя причины заставляли усомниться, чтобы депеши Кампредона дочитывались до конца. Франція упорно настаивала на разницѣ вѣроисповѣданій, даже послѣ рѣшительнаго заявленія государыни, что Елизавета приметъ вѣру супруга.

„Этимъ письмомъ",—писалъ государственный секретарь Кампредону,—„я отвѣчаю на Ваше извѣщеніе относительно предложенія, сдѣланнаго Вамъ по поводу брака между королемъ и царевной Елизаветой. Вы, конечно, можете себѣ представить, что когда зашла рѣчь о выборѣ невѣсты для Его Величества, то немалая доля вниманія была удѣлена преимуществамъ, предоставляемымъ союзомъ съ цесаревной дочерью Царя и Царицы, и что съ одной стороны высокія достоинства, вознесшія Царицу на занимаемую ею высоту, а съ другой личныя прелести, украшающія, какъ извѣстно, цесаревну Елизавету, такъ сказать, не дозволили бы Его Величеству остановить свой выборъ на комъ либо другомъ, если бы можно было питать надежду, что вѣроисповѣданіе Царицы и ея семейства не послужитъ препятствіемъ къ увѣнчанію желаній Его Величества. Но проникнутый этой увѣренностью, основанной на преданности, питаемой Московіей къ родной вѣрѣ, и убѣжденный въ неудобствѣ, возникшемъ бы для самой Царицы, отъ перемѣны на глазахъ всѣхъ своихъ подданныхъ религіи цесаревной, ея дочерью, Его Величество можетъ только сохранить безконечную благодарность за полученныя имъ доказательства дружбы такой великой государыни, какъ Царица. Если бы чувства Его Величества къ ней могли еще усилиться, то это не приминуло бы произойти при видѣ столь яркаго свидѣтельства благожелательнаго расположенія Государыни. Впослѣдствіи, когда закончатся возложенные на Васъ переговоры о союзѣ, ей удастся убѣдиться, что Его Величество умѣетъ проявлять такую же дружбу и расположеніе къ союзнымъ государямъ, какъ если бы былъ связанъ съ ними самыми тѣсными кровными узами. Но опасайтесь впасть въ преувеличиванія, увѣряя въ искренности этихъ словъ ручаясь Царицѣ и князю Меншикову, что предложеніе, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ сохранено въ строжайшемъ секретѣ и

никоимъ образомъ не отразится на достоинствѣ цесаревны. Вы прибѣгнете къ выраженіямъ, наиболѣе сильнымъ, чтобы высказать глубочайшую признательность Его Величества, полнаго горячаго желанія доказать Царицѣ уваженіе, питаемое имъ къ ней и всему ея семейству. *)

Съ этимъ отвѣтомъ послѣдовалъ второй. Предлагая Людовику XV руку дочери и опасаясь, что король успѣлъ уже связать себя новыми обязательствами, царица, подъ величайшей тайной, сдѣлала Франціи еще добавочное предложеніе: сочетать Елизавету бракомъ съ герцогомъ Бурбонскимъ. Подобное сватовство не могло быть по вкусу маркизѣ де-При, и это предложеніе было отвергнуто подобно первому. Герцогъ отвѣчалъ письмомъ, преисполненнымъ выраженій горячей благодарности, но не содержащимъ даже тѣни намека на причину отказа. „У меня не хватаетъ словъ",—писалъ Морвилль отъ его имени,—„чтобы передать всю скорбь Его Высочества, лишеннаго возможности воспользоваться предложенной ему Царицей честью; но вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ не находитъ границъ для выраженія своего чувства признательности".

Послѣ такого двойного отказа охлажденіе между обѣими державами обнаружилось не сразу. При чтеніи писемъ Морвилля, Екатерина ограничилась сухимъ замѣчаніемъ, что вопросъ относительно разницы вѣроисповѣданія легко могъ быть улаженъ **). Она еще не поддавалась предложеніямъ, какими ее осыпали со стороны Австріи и Испаніи, и даже выразила согласіе продолжать съ Франціей и Англіей начатые переговоры, только уже не высказывая прежней уступчивости. Она изыскивала затрудненія, и можно сказать, что ожидала лишь подходящаго предлога, чтобы вернуть себѣ свободу. Этотъ предлогъ доставилъ ей ея зять, герцогъ Голштинскій. Онъ требовалъ возвращенія Шлезвига отъ Даніи, захватившей во время сѣверныхъ замѣшательствъ и не намѣревавшейся уступать его обратно. Въ по-

---

*) Морвилль Кампредону 21 мая 1725 г.
**) Кампредонъ, 30 іюня 1725 г.

ловинѣ 1725 г. конфликтъ обострился. Шлезвигскій вопросъ нависъ грозной тучей на политическомъ горизонтѣ, гдѣ ему суждено было сохраниться до нашихъ временъ. Франція и Англія гарантировали Даніи въ 1721 г. обладаніе спорной областью *). Съ другой стороны императрица вступилась за герцога: она требовала, по крайней мѣрѣ, чтобы въ договорѣ, который предстояло ей заключить съ западными державами, было выговорено обѣщаніе вознагражденія ея зятя, и даже особымъ пунктомъ опредѣлено свойство и размѣръ этого вознагражденія. Изъ уваженія къ копенгагенскому двору, Англія отказалась наотрѣзъ и Франція осторожно присоединилась къ ея мнѣнію, Россія же продолжала настаивать на своемъ условіи, и это разногласіе сдѣлалось камнемъ преткновенія переговоровъ. Однако, окончательно прервалъ ихъ Людовикъ XV: 25 октября 1725 г. онъ предложилъ Кампредону прекратить совѣщанія. Въ это время французскій посланникъ въ Константинополѣ, д' Андрезель, старался облегчить Россіи приведеніе въ исполненіе недавно заключеннаго съ Портой договора; онъ получилъ приказъ немедленно прекратить всякое содѣйствіе и держаться относительно русскаго посланника съ высокомѣрной сдержанностью **).

Между тѣмъ какъ Франція колебалась заключить союзъ съ вдовой Петра Великаго, Австрія же неотступно предлагала ей союзъ съ нею. Въ концѣ-концовъ Екатерина рѣшилась на него согласиться. Осенью 1725 г. русскій посолъ Ланчинскій отбылъ въ Вѣну съ полномочіемъ подписать оборонительный договоръ. Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургъ прибылъ австрійскій посланникъ графъ Рабутинъ съ особой миссіей. Австрія разсчитывала склонить на свою сторону Россію, обнадеживая ее обѣщаніемъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ Турціи, ослабленія, а можетъ быть, и раздѣла Оттоманской имперіи. Однако въ Германіи и Польшѣ существовало слишкомъ крупное различіе интересовъ обоихъ императорскихъ дворовъ, чтобы была возможность притти къ немед-

---

*) Флессанъ.

**) Письма короля, 18 октября 1725, 1 марта 1726,

ленному соглашенію. Переговоры длились около года. Екатерина не спѣшила брать на себя окончательныхъ обязательствъ и иногда обращала въ сторону Франціи взоры сожалѣнія. „Даю честное слово",—сказалъ какъ-то Кампредону Бассевицъ, министръ герцога Голштинскаго,—„что пока договоръ съ вѣнскимъ дворомъ не ратификованъ, и если бы вся остановка была только за этой послѣдней формальностью, царица все-таки предпочла бы союзъ съ Франціей, если бы та согласилась включить условіе о вознагражденіи герцога, моего повелителя, въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ" *). Франція не пошла навстрѣчу этимъ послѣднимъ шагамъ, и Россія вступила въ союзъ съ Австріей.

Договоръ былъ подписанъ въ Вѣнѣ 25 августа 1726 г. **) и заключенъ срокомъ на три года. Обѣ державы давали взаимное обѣщаніе согласовать свои дипломатическія дѣйствія. Въ случаѣ грозящаго одной изъ сторонъ нападенія, другая должна выслать ей на подмогу тридцатитысячную армію. Въ отдѣльномъ секретномъ пунктѣ опредѣлялась дѣйствительная цѣль союза: тамъ говорилось, что обѣ стороны обязываются дѣйствовать сообща всѣми силами противъ турокъ, что̀ бы ни послужило причиной войны и кѣмъ бы она ни была объявлена. Ограниченный и оборонительный по отношенію всѣхъ прочихъ государствъ союзъ принималъ характеръ общій и наступательный противъ Турціи.

Эта статья, упоминаніемъ о которой довольствовались до сихъ поръ историки, была однимъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ восемнадцатаго столѣтія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ созрѣвалъ вопросъ, войдетъ ли Россія въ концертъ европейскихъ державъ и подъ чьимъ покровительствомъ, — Германіи или Франціи,—завершится, такъ сказать, ея политическое воспитаніе. Наконецъ вопросъ разрѣшился въ пользу Австріи, противъ Франціи. Договоръ 1726 г. не послужилъ для послѣдней началомъ непосредственной вражды съ Россіей, потому что лига, заключенная противъ Франціи Австріей и Испаніей, къ ко-

---

*) Кампредонъ, 3 января 1726 г.

**) Текстъ договора у Мартенса *„Договоры Россіи съ Австріей"*.

торой присоединилась теперь Екатерина I, не рѣшалась вступить въ борьбу и ограничивалась непріязненными демонстраціями, но она пріучила Россію смотрѣть на себя, какъ на друга противниковъ Франціи, и поставила ее въ прямую зависимость отъ нихъ. Благодаря близости, установившейся между обѣими державами, Германія, медленно просачиваясь, наводнила Россію, снабжая ее администраторами, генералами, инженерами, переходившими на царскую службу, не забывая своей родины и переносившими съ собой нѣмецкіе права, обычаи и склонности. Это мирное, упорное нашествіе оставило слѣды, не поддающіеся вполнѣ даже дѣйствію времени. Съ точки зрѣнія менѣе общей, Вѣнскій договоръ надолго связалъ съ Австріей политическія и военныя дѣйствія Россіи. На конгрессѣ въ Камбрэ русскіе уполномоченные не получили иныхъ директивъ, какъ вполнѣ согласовать свое поведеніе съ соображеніями представителей Вѣны, и когда Россіи суждено было въ первый разъ появиться на полѣ брани въ центральной Европѣ, то это случилось лишь съ цѣлью оказать поддержку Австріи.

МАРІЯ ЛЕЩИНСКАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МИССІЯ ДЕ ЛА ШЕТАРДИ.

Россія послѣ Петра Великаго; царство временщиковъ. — Внѣшняя политика; французская партія; вліяніе Елизаветы. — Таинственные переговоры. — Престолонаслѣдіе Польши.—Вмѣшательство Франціи на востокѣ. — Бѣлградскій міръ подготовляетъ сближеніе между Россіей и Франціей.—Бесѣда фельдмаршала Миниха съ барономъ Тоттомъ.—Назначеніе посланника въ Петербургъ; выборъ де ла-Шетарди.—Характеръ маркиза; опредѣленіе Фридриха II.—Тріумфальное путешествіе.—Первое свиданіе съ цесаревной.—Портретъ Елизаветы.—Картина императорскаго двора; дѣла, удовольствія.—Визиты по приказанію.—Скрытыя предложенія.—Смерть Анны Іоанновны.—Арестъ Бирона.—Война изъ-за австрійскаго наслѣдства; что могли сдѣлать Россія и Франція; что онѣ сдѣлали въ дѣйствительности.—Ла Шетарди принимаетъ участіе въ договорѣ.—Склонность Елизаветы къ Людовику XV. — Цесаревна отвергаетъ условія Швеціи.—Ссора изъ-за этикета.—Приступы кашля графа Остермана.—Ла Шетарди на Островахъ; таинственная лодка.—Продолженіе заговора. — Свиданіе въ кафэ Фоа.—*Повѣренный и посредникъ.*—Опасности, грозящія маркизу.—Послѣднее свиданіе. Французскій посланникъ составляетъ списокъ лицъ, подлежащихъ ссылкѣ.—Причины, побудившія Елизавету ускорить минуту переворота. — Событія ночи съ 5-го на 6-ое декабря.—Восшествіе на престолъ Елизаветы. — Ла Шетарди въ Зимнемъ дворцѣ.—Письмо новой царицы королю Франціи.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Петра Великаго, Россія трижды мѣняла государей, но не нашла ни одного правителя: власть перешла въ руки олигархіи, состоявшей одновременно изъ русской знати, сотрудниковъ покойнаго царя и иностранцевъ. Измученная и больная Екатерина I уступаетъ власть Меншикову, Толстому и Остерману. Въ 1727 она умираетъ; ей наслѣдуетъ внукъ ея супруга, Петръ II. Меншиковъ, затѣмъ князья Долгорукіе правятъ его именемъ, но юный императоръ гибнетъ семнадцати лѣтъ отъ роду отъ внезапнаго

недуга. Изъ наслѣдниковъ великаго самодержца остались только дочери: старшая сдѣлалась чужестранкой, выйдя замужъ за герцога Голштинскаго; оставалась Елизавета. Она была прекрасна, обаятельна, популярна; народъ и армія желали ее видѣть своей государыней; но Долгорукіе и Голицыны, представители знати, сочли себя достаточно сильными, чтобы измѣнить сразу и порядокъ престолонаслѣдія, и форму правленія, замѣнивъ царское самодержавіе чѣмъ-то въ родѣ аристократической республики. Они устранили Елизавету и призвали въ Петербургъ двоюродную сестру Петра Великаго Анну Іоанновну, герцогиню Курляндскую, превозгласили ее императрицей, но предоставили ей только громкій титулъ. До прибытія въ Москву, Анна принуждена была присягнуть подобію какой-то конституціи, ставившей царскую власть подъ опеку и вручавшей управленіе дѣлами верховному совѣту, состоявшему изъ представителей знати. Создатели этой великой Московской хартіи хотѣли, по ихъ словамъ, водворить въ Россіи образъ правленія Англіи; они готовы были бы ввести подражаніе Польшѣ, т.-е. анархію. Русское могущество въ будущемъ ждала бы неминуемая погибель, если бы этотъ замыселъ удался, но онъ потерпѣлъ неудачу. Черезъ годъ Анна Іоанновна совершила новый переворотъ при поддержкѣ духовенства, народа и солдатъ, обрушилась на аристократію въ видѣ ея наиболѣе выдающихся дѣятелей, уничтожила верховный совѣтъ и вернула себѣ самодержавіе, чтобы уступить его иноземнымъ временщикамъ.

Въ эти смутные года все въ Россіи было непрочно, кромѣ внѣшней политики. Послѣдняя все сильнѣе подпадала подъ вліяніе Австріи, и узы договора, заключеннаго Екатериной I, становились все тѣснѣе. Остерманъ завѣдывалъ иностранной политикой при четырехъ послѣдовательныхъ царствованіяхъ, и его хитрая ловкость, величаемая имъ проницательностью, доставила ему славу человѣка независимаго. Онъ находился на жалованіи Австріи, смотрѣлъ на все ея глазами и слушалъ ея ушами. Но старался въ то же время поддерживать дружелюбныя отношенія съ Пруссіей. Наконецъ, по его настоянію между Россіей и Англіей

состоялось примиреніе, когда произошелъ разрывъ этой державы съ Франціей. Въ 1723 г. Анна Іоанновна подписала съ лондонскимъ дворомъ торговый договоръ, почти настолько же роковой для французскихъ интересовъ, какъ союзный договоръ, заключенный съ Вѣной въ 1726 г. Послѣдній отдалъ Россію подъ политическую опеку Австріи, первый ее поставилъ въ торговую зависимость отъ Англіи.

Франція, послѣ неудачнаго конца переговоровъ, начатыхъ Кампредономъ, не прервала съ Россіей дипломатическихъ сношеній, но съ обѣихъ сторонъ царила величайшая холодность. Государи обѣихъ странъ изрѣдка обмѣнивались офиціальными письмами, извѣщавшими о какомъ-либо семейномъ событіи, рожденіи или смерти кого-нибудь изъ членовъ царскаго дома; всѣ ихъ сношенія ограничивались этими требованіями церемоніала. Кампредонъ, отозванный въ 1726 г., не имѣлъ замѣстителя въ видѣ уполномоченнаго посланника, какъ говорилось въ XVIII столѣтіи, т.-е. человѣка знатнаго, снабженнаго правильными полномочіями: простой секретарь, Маньянъ, исполнялъ обязанности довѣреннаго лица. Дворъ оставлялъ его почти безъ инструкцій. Кардиналъ Флёри занялъ мѣсто герцога Бурбонскаго и принялъ званіе перваго министра. Его робкая политика удѣляла мало вниманія Сѣверу; если онъ сохранялъ дружескія отношенія съ Польшей и Швеціей, то скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по склонности; не питалъ никакихъ упованій на Россію ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Намекая въ своихъ инструкціяхъ на продажность русскихъ министровъ, онъ дѣлаетъ слѣдующее скаредное добавленіе: „Полная приверженность царицы вѣнскому двору не прекратится, пока ея министры будутъ пользоваться денежнымъ воспомоществованіемъ отъ императора, и даже предположивъ, что можно ослабить такое вліяніе вѣнскаго двора, выгода, которую изъ этого можно бы извлечь, безъ сомнѣнія не вознаградила бы потребныхъ для того расходовъ“ *).

---

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. *Переписка съ Россіей. Инструкціи* Маньяну 2-го сентября 1731 г.

Но въ это же время многочисленная партія въ самомъ Петербургѣ неодобрительно относилась къ австрійской политикѣ двора; называлась она „партіей старорусской“, ненавидѣла нѣмцевъ и страдала при видѣ своей родины во власти правительства, бывшаго, по выраженію одного историка,—„всѣмъ, только не русскимъ“ *). Эти недовольные группировались вокругъ цесаревны Елизаветы; а та, вѣрная отцовскимъ завѣтамъ, при всякой возможности высказывала свои симпатіи къ Франціи: послѣ неудачнаго желанія матери выдать ее замужъ за Людовика XV, ей представлялось множество партій, но она всѣ отвергла, привыкнувъ къ свободѣ нравовъ и поведенія, чему впрочемъ ей подавала наглядный примѣръ царская семья **). Ея сторонники часто встрѣчались съ Маньяномъ, дѣлали его повѣреннымъ своихъ плановъ, выражали ненависть противъ Германіи и признавались, что „въ интересахъ Россіи союзъ съ Франціей имъ представлялся въ тысячу разъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ съ императоромъ и прусскимъ королемъ“ ***).

Одно время это направленіе какъ-будто начало одерживать верхъ въ средѣ непосредственныхъ приближенныхъ Анны Іоанновны. Фельдмаршалъ Минихъ пользовался безграничнымъ вліяніемъ на эту государыню и на ея фаворита, графа Бирона. Въ молодости Минихъ участвовалъ въ походѣ противъ Франціи подъ начальствомъ принца Евгенія и попалъ въ плѣнъ въ день битвы при Депэнѣ. Хорошее отношеніе, встрѣченное имъ въ плѣну, преисполнило его чувства симпатіи и признательности къ Франціи. Въ 1732 г. онъ неожиданно объявилъ Маньяну, что, слѣдуя его совѣтамъ, царица склоняется къ сближенію съ Франціей и разрыву съ Австріей. Начались переговоры, тайну которыхъ сохраняли до сихъ поръ дипломатическіе архивы; они происходили

---

*) Лемонтей. *Исторія Регентства.*

**) Она послѣдовательно получала предложенія отъ различныхъ принцевъ сѣверной Германіи, отъ молодого графа Морица Саксонскаго, вплоть до шаха Персидскаго. Въ это же время ея признаннымъ любовникомъ считался князь Нарышкинъ.

***) Маньянъ. 19 апрѣля, 12 іюля, 16 августа 1731 г.

между французскимъ представителемъ и самой императрицей черезъ посредство Миниха и безъ вѣдома остальныхъ русскихъ министровъ; дѣло шло успѣшно, былъ составленъ проектъ союзнаго договора. Въ эту миниту смѣлой и быстрой рѣшительности было бы, пожалуй, достаточно, чтобы лишить Германію поддержки Россіи. Взамѣнъ своего союза царица требовала отъ Франціи предоставленія ей права вернуть себѣ отъ Турціи Азовъ, т.-е. портъ на Черномъ морѣ, и обѣщанія не вмѣшиваться въ ея несогласія съ Польшей. Кромѣ двухъ державъ, препятствовавшихъ ея расширенію, Россія не желала еще встрѣтиться съ Франціей. Такимъ образомъ альтернатива, указанная въ началѣ этого очерка, ясно вставала передъ Франціей: приходилось выбирать между Россіей и старинными союзниками сѣверными и восточными; королевскій министръ на это не рѣшился. Онъ отвергъ всякія обязательства, затянулъ дѣло; переговоры окончились ничѣмъ, и эта неудачная попытка только упрочила въ Петербургѣ временно пошатнувшійся кредитъ Австріи *).

Съ 1733 г. по 1738 г. русско-австрійскій союзъ принесъ всѣ свои плоды; Польша пала первой его жертвой. Послѣ смерти короля Августа сеймомъ былъ избранъ Станиславъ Лещинскій; русская армія сейчасъ же вступила въ Варшаву, чтобы свергнуть тестя французскаго короля и возвести на престолъ курфюрста Саксонскаго, кандидата обоихъ дворовъ. Франція не сумѣла или не смогла заручиться союзомъ Россіи; разъ эта держава отъ нея отвратилась и дѣйствовала сообща съ ея врагами, путь французской политики казался предначертаннымъ; слѣдовало отважиться на рѣшительную борьбу съ Россіей; стремиться отрѣзать ее отъ міра съ ея пустынями и преградить дорогу ея честолюбію. Успѣхъ не представлялся невѣроятнымъ; у французской арміи хватило силъ, чтобы сдерживать и побѣждать Австрію; Англія сохраняла нейтралитетъ; можно было соединить и направить противъ Россіи силы Турціи, Швеціи и Польши. Но всякія

*) Подробный разсказъ объ этихъ переговорахъ находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, въ перепискѣ съ Россіей, годъ 1732, именно въ депешахъ отъ 25-го апрѣля, 5-го іюля, 19-го августа и 4-го ноября 1732 г.

рѣшительныя мѣры были не въ духѣ кардинала Флёри, вліяніе котораго сводилось къ ослабленію всѣхъ положительныхъ шаговъ. Онъ не посмѣлъ заключить союзъ съ Россіей, не посмѣлъ и вступить съ ней въ борьбу. Согласившись напасть на Австрію, онъ не объявилъ войны царицѣ, удовольствовался отозваніемъ Маньяна, вмѣстѣ съ тѣмъ не предпринявъ ничего, чтобы возбудить Турцію, воодушевить Швецію и поддержать Польшу. Станиславъ просилъ у него арміи; онъ послалъ ему три батальона. Королевскій посланникъ въ Копенгагенѣ, де-Плело, принялъ начальство надъ ними и геройски сложилъ свою голову подъ стѣнами Данцига, не принеся спасенія Станиславу: это была первая стычка между французами и русскими или, вѣрнѣе, борьба Франціи съ Россійской имперіей. Минихъ довершилъ покореніе Польши, и Франція, подписывая съ Австріей вѣнскій договоръ (1735 г.), признавъ сверженіе Станислава, получившаго Лотарингію, не ведя офиціально войны съ Россіей, не заключила съ ней мира; дипломатическія сношенія оставались прерванными.

Подчиненіе Польши и водвореніе въ Варшавѣ короля, послушнаго приказаніямъ, исходящимъ изъ Вѣны и Петербурга, было для обѣихъ державъ выполненіемъ только первой части программы и какъ бы вступленіемъ въ задуманную ими политическую драму. Дѣйствію предстояло развернуться на берегахъ Дуная, а раздѣлъ Оттоманской имперіи долженъ былъ служить развязкой. Въ 1736 и 1737 г.г. Австрія и Россія поочередно объявили войну Турціи и вторглись въ ея владѣнія. Франція рѣшилась на дипломатическое вмѣшательство въ пользу своего самаго стариннаго союзника и на Востокѣ имѣла больше успѣха, чѣмъ въ Польшѣ. Посланникомъ ея въ Константинополѣ былъ выдающійся дипломатъ, маркизъ де Вилльнёвъ. Соединяя въ себѣ рѣшительность съ изворотливостью, Вилльнёвъ предложилъ свое посредничество, въ то же время воодушевляя мужество турокъ, посѣялъ раздоръ между обоими дворами, потомъ воспользовался пораженіями, понесенными Австріей, и растерянностью ея правительства, чтобы заставить ее положить оружіе. Русскіе подъ начальствомъ Миниха завладѣли берегами Чернаго

моря и Молдавіей, но благодаря измѣнѣ союзниковъ, война обрушилась на нихъ всей своей тяжестью. Вилльнёвъ тѣмъ временемъ со всѣхъ сторонъ готовилъ имъ враговъ; между Портой и Стокгольмскимъ дворомъ налаживалъ союзный договоръ и побуждалъ шведовъ къ диверсіи противъ Петербурга. Россіи пришлось въ отчаяніи остановиться и заключить при посредничествѣ Франціи Бѣлградскій миръ (21-го сентября 1739 г.) „Да возблагодарятъ турки магомета и Вилльнёва",—воскликнулъ Минихъ *).

Бѣлградскій договоръ являетъ собой высшее проявленіе искусства французской дипломатіи восемнадцатаго вѣка; онъ озарилъ молодость Людовика XV какъ-бы отблескомъ славы великаго царствованія. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Парижскимъ договоромъ 1856 г.; только, въ Бѣлградѣ Франція добилась, не обнажая шпаги, единственно помощью искусно веденныхъ переговоровъ, того же результата, что позднѣе стоилъ ей потоковъ крови. Договоръ 1739 г. принудилъ русскихъ очистить Молдавское княжество, обязывалъ ихъ разрушить Азовъ, который они разсчитывали обратить въ свой главный южный стратегическій пунктъ, и преграждалъ русскому флоту доступъ къ Черному морю **).

Французское вмѣшательство на Востокѣ остановило Россію на пути въ Константинополь. Несмотря на это, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, какъ въ наше время, вмѣсто того, чтобы создать между обѣими націями непроходимую пропасть, оно содѣйствовало ихъ сближенію. Россія оцѣнила осторожность и энергію французской дипломатіи, восхищалась рыцарской доблестью де Плело***) и постаралась возобновить сношенія съ противникомъ, котораго научилась уважать. Послѣ заключенія Бѣлградскаго

---

*) Документы, опубликованные Императорскимъ Русскимъ Историческимъ обществомъ, Петербургъ, 1874 г.

**) См. очеркъ, напечатанный въ „Bevue de France" отъ 15 ноября 1880 г. относительно Бѣлградскаго мира, по перепискѣ сохранившейся въ министерствѣ иностр. дѣлъ.

***) Императрица Анна приказала повѣсить у себя въ комнатѣ портретъ Плело. Ратери. „Le Comte de Plelo".

мира, французскій офицеръ де Тоттъ былъ посланъ въ главную квартиру Миниха, чтобы уладить подробности эвакуаціи Молдавіи. Передъ его отъѣздомъ изъ русскаго лагеря, фельдмаршалъ отвелъ его въ сторону и сказалъ ему, прося передать свои слова кардиналу Флёри:

„Я всегда любилъ Францію и всю жизнь буду любить Россію: не ради собственной выгоды, но ради обоюдной пользы этихъ двухъ государствъ, и былъ бы очень радъ, если бы мнѣ удалось содѣйствовать союзу между ними. Мысль эта не новая; я уже высказывалъ ее французскому двору. Если его преосвященство былъ тогда не въ курсѣ дѣла, онъ можетъ потребовать отчеты, вѣроятно хранящіеся въ канцеляріи министерства. Я никогда не былъ сторонникомъ союза Россіи съ императоромъ, я держался того мнѣнія, что такъ какъ императору сильнѣе грозить опасность войны, то намъ предстоитъ больше, чѣмъ ему, вынести на себѣ всю тяжесть союзныхъ обязательствъ. Кромѣ того, я указывалъ, что императоръ всегда обращался со своими союзниками какъ съ вассалами, доказательствомъ чему служатъ англичане и голландцы, весьма своевременно понявшіе неудобства такого союза и уклонившіеся отъ него, какъ благоразумные политики. Однако, всѣ мои доводы не принятые тогда во вниманіе, получили себѣ подтвержденіе въ настоящее время, потому что этотъ союзъ съ императоромъ, не приносящій намъ никакой пользы, окончился предоставленіемъ насъ на произволъ судьбы, что можно объяснить только измѣной или слабостью, и что доказываетъ опять таки непригодность такого союза, такъ какъ требованіямъ политики одинаково не соотвѣтствуетъ сближеніе съ союзникомъ невѣрнымъ и союзникомъ безсильнымъ Поэтому теперь самое время возобновить первоначальное предположеніе союза съ Франціей“.

Затѣмъ фельдмаршалъ добавилъ, намекая на сношенія Франціи съ Швеціей и на анархическое государственное устройство этого королевства: „Франція можетъ поддерживать дружбу съ нами и съ Швеціей, однако я ей совѣтовалъ бы болѣе придерживаться насъ, чѣмъ Швеціи. Въ Швеціи достаточно заявленія какого-нибудь попа, чтобы пріостановить самое важное со-

вѣщаніе, тогда какъ въ Россіи царитъ самодержавіе, и именно отъ такого правительства можно ожидать наибольшей помощи" *).

Въ это уже время Анна Іоановна положила починъ возобновленію дипломатическихъ сношеній, назначивъ князя Куракина посланникомъ въ Версаль и поручивъ ему принести Людовику VX офиціальную благодарность за его посредничество на Востокѣ. Всехристіаннѣйшій король не могъ не отвѣтить на эту любезность назначеніемъ въ свою очередь представителя въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ Франція поручила ему главнымъ образомъ наблюденіе, но не налаживаніе переговоровъ. Она нисколько не желала вступать въ союзъ съ Россіей, но стремилась, наоборотъ, къ еще тѣснѣйшему сближенію съ природными врагами ея, подписавъ съ Портой возобновленіе договора и заключивъ съ Швеціей новый оборонительный союзъ. Они только хотѣли познакомиться съ положеніемъ дѣлъ и силъ великой Сѣверной имперіи, съ прочностью и шансами на устойчивость ея правительства. Мы читаемъ въ запискахъ, составленныхъ въ министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ для руководства новаго посланника, что слѣдуетъ главнымъ образомъ разузнать относительно кредита и друзей, какими можетъ располагать цесаревна Елизавета, о настроеніи умовъ въ Россіи, семейномъ положеніи, однимъ словомъ обо всемъ, что позволяетъ судить о возможности переворота **) Для миссіи такой неопредѣленной и сложной, все зависѣло отъ выбора ея исполнителя". Послѣ нѣкотораго колебанія Версальскій кабинетъ остановился на маркизѣ де Ла Шетарди, занимавшемъ постъ французскаго посланника въ Берлинѣ ***).

„Маркизъ прибываетъ на будущей недѣлѣ, мы получимъ

---

*) Вѣд. Иностр. дѣлъ. *Переписка Турціи.* Вилльнёвъ излагаетъ этотъ разговоръ въ своей депешѣ отъ 1 ноября 1739 г.

**) Вѣд. Иност. дѣлъ. *Записки для руководства новаго посланника, отправляемаго въ Россію.* Іюль 1739 г. Въ Петербургѣ только что былъ раскрытъ заговоръ, и Елизавета оказалась къ нему болѣе или менѣе причастной. Ея любовникъ Нарышкинъ, принужденъ былъ бѣжать во Францію, откуда продолжалъ интриговать въ пользу цесаревны.

***) Іоанну Тротти, Маркизу де Ла Шетарди, принадлежавшему къ знатной семьѣ, родомъ изъ Турина, было въ то время тридцать пять лѣтъ.

конфетку",—писалъ Фридрихъ II, еще будучи прусскимъ наслѣднымъ принцемъ. *) Маркизъ этотъ былъ де Ла Шетарди. Конфетка, привезенная имъ съ собою,—его остроумный разговоръ, пересыпаемый анекдотами и часто полный пикантныхъ подробностей. Его французская жизнерадостность вносила лучъ веселья въ суровую резиденцію прусскихъ королей. Маркизъ де Ла-Шетарди провелъ въ Берлинѣ десять лѣтъ; ему пришлось принимать участіе въ щекотливыхъ переговорахъ, изъ которыхъ онъ вышелъ съ честью, но извѣстность его не простиралась еще за предѣлы дипломатическихъ круговъ; въ Россіи его ожидала блестящая и странная судьба.

Ла-Шетарди олицетворяетъ собой, въ преувеличенномъ видѣ, главнѣйшія черты свѣтскаго француза восемнадцатаго столѣтія. То офицеръ, то дипломатъ и прежде всего царедворецъ, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ обращалъ на себя вниманіе. Страстный любитель общества, гдѣ его наружность и любезность обезпечивали ему всегда шумный успѣхъ, и гдѣ у него имѣлось столько же друзей, сколько и враговъ, пріобрѣтая первыхъ своей обходительностью и обаятельностью своей личности, а вторыхъ своимъ неустойчивымъ и вспыльчивымъ характеромъ. Одаренный сообразительностью быстрой и тонкой, умомъ проницательнымъ и сужденіемъ ложнымъ, легкомысленнымъ, рискованнымъ, самоувѣренный, взбалмошный, необдуманный, онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ желанію блистать и играть роль. Онъ бросался въ самыя смѣлыя предпріятія, не взвѣшивая ихъ послѣдствій, и благодаря опрометчивости не пожиналъ плодовъ своей изворотливости. При этомъ надменный, высоко ставящій свое положеніе и связанные съ нимъ прерогативы, упорный въ всемъ, что касалось церемоніала, онъ на пустяки обращалъ серьезное вниманіе, а къ дѣламъ относился пренебрежительно. Но гдѣ онъ выказалъ необыкновенное искусство—это въ умѣньи разоряться по-вельможному. Съ ранняго дѣтства у него не было недостатка въ примѣрахъ сказочной расточительности. Его мать, свѣтская жен-

*) Слова, приводимыя Сенъ Ренэ Тальянидье, *„Морицъ Саксонскій.*

щина временъ Людовика XIV, вышла вторымъ бракомъ за баварскаго дворянина, де Монастероля, поражавшаго своими безчинствами и роскошью дворы Версаля и Мюнхена и застрѣлившагося, когда у него не осталось ни гроша.*) Въ такой хорошей школѣ Ла-Шетарди привыкъ къ блеску и полюбилъ его. При дворахъ, гдѣ онъ былъ акредитованъ, онъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ: всѣ удивлялись его экипажамъ, одеждѣ, пышности его пріемовъ, выдержкѣ его челяди. Онъ могъ бы служить для иностранцевъ образцомъ высокомѣрнаго этикета и утонченной элегантности. Къ сожалѣнію его дипломатическіе пріемы слишкомъ часто походили на салонную интригу, въ чемъ ему не разъ приходилось раскаиваться.

Онъ отбылъ въ Россію въ концѣ 1739 г. Оба двора полагали, что слѣдуетъ торжественнымъ образомъ отпраздновать возобновленіе сношеній; оба представителя получили званіе чрезвычайныхъ посланниковъ. Подобое положеніе требовало отъ занимающаго его блестящаго представительства и давало право на чрезвычайныя почести; такая выигрышная роль какъ нельзя лучше подходила къ Ла-Шетарди.

Онъ привезъ съ собою свиту, состоящую изъ двѣнадцати секретарей, восьми капеллановъ, шести поваровъ, пятнадцати ливрейныхъ камеръ-пажей и камердинеровъ. Проѣзжая черезъ Дрезденъ, онъ поразилъ своею роскошью дворъ, считавшійся самымъ утонченнымъ въ Германіи. „Его одежда“, — писалъ Мантейфель, прусскій посланникъ въ Саксоніи,—„является верхомъ великолѣпія, видѣннаго въ Россіи. Онъ во всѣхъ смыслахъ покажетъ русскимъ, что представляетъ изъ себя Франція **). Затѣмъ онъ прослѣдовалъ черезъ Польшу, гдѣ его ожидалъ блестящій пріемъ, потомъ черезъ герцогство Курляндское, гдѣ отряды драгунъ были выстроены по его пути, чтобы служить для него эскортомъ; наконецъ достигъ Двины, границы Россійской имперіи, противъ города Риги.

---

*) Сенъ Симонъ.

**) Слова, приводимыя Сэнъ Ренэ Тальяндье въ „*Морицѣ Саксонскомъ*“ по Архивамъ дрезденскаго кабинета.

Переправившись на русскій берегъ, онъ увидалъ полный армейскій корпусъ: пѣхоту, кавалерію, артиллерію, выстроившихся въ боевомъ порядкѣ, чтобы его привѣтствовать. Войска встрѣтили его троекратными мушкетными залпами и тридцать однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ. Затѣмъ два представителя обратились къ нему съ рѣчью отъ имени города. Три кареты, запряженныя шестерками лошадей, дожидались его на набережной. Свой въѣздъ въ Ригу онъ совершилъ, предшествуемый литаврщикомъ и шестью трубачами въ сопровожденіи двухсотъ человѣкъ городской милиціи, скакавшихъ по-двое въ рядъ, одни одѣтые въ зеленое, а другіе въ голубое и украшенные золотыми галунами по всѣмъ швамъ. Передъ домомъ, приготовленнымъ для посланника, былъ выстроенъ караулъ изъ пятидесяти гренадеръ съ полковымъ знаменемъ. Генералъ Бисмаркъ, русскій мѣстный губернаторъ, встрѣтилъ Ла-Шетарди у дверцы кареты, провелъ въ его апартаменты, представилъ городской магистратъ, начальствующихъ лицъ, дворянство и гарнизонный штабъ; затѣмъ была провозглашена торжественная здравица. Въ честь представителя короля былъ устроенъ парадъ, банкетъ и балъ, и во всѣхъ случаяхъ ему воздавались почести, присвоенныя коронованнымъ особамъ *).

Начиная отъ Риги, путешествіе маркиза превращается въ сплошное тріумфальное шествіе. Офицеръ императорскаго двора прибываетъ ему навстрѣчу и сопровождаетъ его въ пути, дворянство каждой губерніи высылаетъ къ нему депутаціи, войска берутъ на-караулъ при его приближеніи; онъ двигается впередъ, щедрой рукой разсыпая золото и подарки. Когда онъ приблизился къ Петербургу, ему было предложено совершить туда торжественный въѣздъ, но онъ скромно отказался, потому что въѣздъ князя Кантеміра въ Парижъ совершился просто, но при первой же аудіенціи развернулъ свою роскошь въ полномъ блескѣ. Въ назначенный день, въ каретѣ государыни, въ сопро-

---

*) Вѣд. Иностр. дѣлъ. *Переписка де Ла Шетарди*, 12 ноября, 27 декабря 1739 г.

вожденіи собственныхъ экипажей, онъ отправился въ Зимній дворецъ среди величественнаго кортежа верховыхъ, гайдуковъ, лакеевъ, пажей и курьеровъ. Анна Іоанновна приняла его сидя на тронѣ съ вѣнцомъ на головѣ и окруженная всѣмъ своимъ дворомъ; онъ блеснулъ безукоризненностью своихъ манеръ, поцѣловалъ руку государыни и обратился къ ней съ очень изящнымъ привѣтствіемъ *).

По выходѣ изъ императорскихъ покоевъ Ла-Шетарди велѣлъ отвезти себя тотчасъ же къ цесаревнѣ Елизаветѣ. Подобное вниманіе француза къ красивой и молодой цесаревнѣ весьма понятно. Однако, не сомнѣваясь въ любезности Ла-Шетарди, позволительно думать, что политика не была чужда этой предупредительности. Ла-Шетарди читалъ инструкціи; онъ зналъ, что многіе русскіе смотрятъ на Елизавету, какъ на свою законную государыню, неправильно отстраненную отъ престола, для котораго она предназначена рожденіемъ, и намѣреваются доставить ей корону при первомъ удобномъ случаѣ. Какъ хорошій дипломатъ, Ла-Шетарди рѣшилъ, что ему не воспрещается имѣть въ виду будущее, не нарушая свое уваженіе къ правительству, находящемуся у власти.

Простота и свобода въ обращеніи цесаревны скоро заставили и посла почувствовать себя свободнѣе. Двадцать восемь лѣтъ, красивый ростъ, голубые глаза, чарующій влажный взглядъ—таковъ портретъ Елизаветы въ это время. Что же касается ея характера, то польскій посолъ Лефортъ описываетъ намъ его такъ: „Она чрезвычайно остроумна, независима въ своихъ сужденіяхъ, жива и, пожалуй, даже нѣсколько вѣтрена, всегда куда-то стремится и не думаетъ ни о чемъ серьезномъ. Она говоритъ хорошо по-французски и по-нѣмецки и любитъ только блескъ во всѣхъ его видахъ, такъ что кажется, будто она рождена для Франціи“**).

Любезность маркиза была замѣчена Елизаветой, и, несмотря на свое легкомысліе, она не позабыла его вниманія.

---

*) Ла Шетарди, 9 января 1740 г.

**) Сенъ-Рэнэ Тальяндье. Въ Дрезденскомъ архивѣ.

Какая противоположность между любезной цесаревной и великой княгиней Анной Леопольдовной, къ которой Ла-Шетарди отправился съ третьимъ визитомъ. Она была племянницей царствовавшей государыни, и та проявляла къ ней нескрываемую привязанность. Анна Іоанновна выдала ее за Ульриха Антона Браушвейскаго и предполагала назначить своимъ преемникомъ перваго ребенка, который родится отъ этого брака. Анна Леопольдовна была настолько же апатична, насколько Елизавета жива. Вялая умственно и физически, неспособная ни на какое-либо серьезное занятіе, находясь всецѣло подъ вліяніемъ фаворитки, дѣвицы Менгденъ, совершенно завладѣвшей ею, Анна Леопольдовна почти не выходила изъ дворца, проводила дни не одѣтая и принимала посѣтителей у себя въ спальнѣ. Славянка по характеру и привычкамъ, она была нѣмкой по взглядамъ. Ея мужъ и она проявляли въ отношеніи Ла-Шетарди холодность, за которую раздражительный маркизъ пообѣщалъ себѣ отомстить имъ, если случай дастъ возможность.

Для дипломата, привыкшаго къ скромному изяществу Версаля и простотѣ нѣмецкихъ нравовъ, русскій дворъ служилъ предметомъ постояннаго изумленія. Все тутъ носитъ отпечатокъ широкаго размаха, но вмѣстѣ съ тѣмъ пошлости. Удовольствія составляютъ главное занятіе; но они состоятъ изъ пышныхъ представленій или колоссальныхъ шутовскихъ процессій на потѣху всему городу. Актерами же въ нихъ были придворные. Большую часть своей жизни Анна Іоанновна скучала у себя въ Курляндіи, въ своей непріютной Митавѣ. Попавъ на царскій престолъ, она спѣшила насладиться своимъ неожиданнымъ возвышеніемъ и наверстать потерянное время. Она отдала все свое довѣріе возлюбленному незнатнаго происхожденія — Густаву Бирону, который сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ, т.-е. коронованнымъ лицомъ, что однако не насытило его вульгарнаго честолюбія. Считаясь герцогомъ Курляндскимъ, Биронъ проживалъ при русскомъ дворѣ и правилъ Россіей вмѣстѣ съ Остерманомъ и Минихомъ. Вмѣстѣ съ ними и для отвлеченія императрицы отъ дѣлъ, фаворитъ старался окружить ее удовольствіями, развлече-

ніями, чередовавшимися безъ конца. Все давало поводъ къ удовольствіямъ, начиная со дня чьихъ-либо именинъ и кончая пріемомъ китайскаго или татарскаго посла. Скоро послѣ пріѣзда Ла-Шетарди, одинъ изъ князей Голицыныхъ вздумалъ жениться на женщинѣ низсшаго сословія. Императрица вознамѣрилась позабавиться на его счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать за неравный бракъ. Она объявила, что беретъ на себя устройство свадебнаго пира. На берегахъ Невы какъ бы волшебствомъ выросъ ледяной дворецъ; стѣны, двери, даже мебель — все было изо льда. Несчастную чету привели въ этотъ домъ съ великой пышностью и заперли въ немъ на нѣсколько дней. Ихъ возили по улицамъ въ сопровожденіи эскимосовъ, которыхъ императрица выписала, не щадя издержекъ, съ окраинъ своего царства, и которымъ ея любимый шутъ, получившій при этомъ случаѣ титулъ царя Самоѣдскаго, устраивалъ пріемы *).

На этихъ зрѣлищахъ присутствовалъ дворъ, безвкусно разряженный, въ пестрыхъ мундирахъ, по своимъ нравамъ представлявшій смѣсь нѣмецкой вульгарности и древне-московской грубости. Въ первомъ ряду красовалась Анна Іоанновна съ своимъ высокимъ ростомъ, гордымъ профилемъ и жесткими мужскими чертами лица. Возлѣ нея Биронъ со своей грубой пышностью. Онъ любилъ яркіе цвѣта и бросающіяся въ глаза матеріи и требовалъ, чтобы окружающіе подчинялись его вкусамъ. Чтобы сдѣлать ему пріятное, старикъ Остерманъ надѣвалъ камзолъ нѣжно-розоваго или палеваго цвѣта **).

Среди всего двора одна только особа напоминала своими вкусами, своей безыскусственной веселостью и непринужденной граціей своихъ манеръ нравы и привычки Запада. То была цесаревна Елизавета. Ла-Шетарди не терялъ случая приближаться къ ней; онъ вспомнилъ, что въ качествѣ французскаго посла

---

*) Ла-Шетарди, 1 марта 1740. Манштейнъ, *Мемуары*.

**) Людовикъ XV, увидавъ однажды на своей фавориткѣ, мадамъ де Майе пестрый и вычурный туалетъ, сказалъ ей: „Царица, вѣроятно, одѣвается такъ“.—Бр. Гонкуры, *Герцогиня да Шатору*.

имѣетъ право открыть съ ней придворный балъ, такъ какъ императрица не танцовала, и онъ потребовалъ этой привелегіи въ офиціальномъ запросѣ. Такая настойчивость, повидимому, не произвела никакого впечатлѣнія на цесаревну; она часто повторяла маркизу, что ей извѣстны чувства французскаго короля къ ней, что она признательна за нихъ и всегда будетъ стараться поддержать ихъ *).

Несмотря на пышный пріемъ, Ла-Шетарди скоро началъ скучать. Онъ надѣялся встрѣтить въ Россіи такой же успѣхъ въ обществѣ, къ какому привыкъ, и предполагалъ собирать у себя изысканное многочисленное общество; а главное, онъ разсчитывалъ съ помощью отношеній, которыя собирался завязать съ членами самыхъ вліятельныхъ фамилій, собирать драгоцѣнныя свѣдѣнія о Россіи и ея правительствѣ. Напрасныя надежды! Ни его любезная предупредительность и роскошь его дома, ни всегда открытый столъ на четырнадцать кувертовъ, не привлекали къ нему посѣтителей. Русскіе, а особенно женщины, еще вѣрныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ азіатскимъ традиціямъ, находили мало удовольствія въ выѣздахъ и относились къ иностранцамъ съ глубокимъ недовѣріемъ. Напрасно Петръ Великій указами предписывалъ собираться на ассамблеи, или вольныя собранія, куда вольно приходить каждому, какъ мужского, такъ и женскаго пола. „Въ ассамблею могутъ ходить съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, а также знатные купцы и начальные мастеровые люди. Лакеямъ и служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ стѣнахъ или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ“ **). При Аннѣ Іоанновнѣ русскіе являлись при дворѣ по приказанію, какъ на смотръ; пріѣзжали разодѣтыми, присутствовали при празднествахъ, даваемыхъ императрицей, а остальное время сидѣли у себя по домамъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ Ла-Шетарди былъ обреченъ на одиночество, „столь же неприлич-

---

*) Ла-Шетарди, 15 марта 1740 г.

**) Дневникъ Берхгольца. Изъ указа П. В.

ное",—писалъ онъ, „какъ трудно переносимое". Не жалуясь,—„грустно прибавляетъ онъ, „не могу не сказать, что можетъ быть еще не было примѣра, чтобы посолъ, не подающій къ тому повода или недостатками вѣжливости, или неумѣстной мизантропіей, или, наконецъ, скаредностью, былъ принужденъ съ самой минуты своего пріѣзда провести два мѣсяца въ одиночествѣ своего кабинета, исключая минутъ, когда ему приходилось присутствовать при дворѣ, щепетильно исполняя требованія приличія, или такихъ случаевъ, когда иностранные министры по своей волѣ пріѣзжаютъ обѣдать ко мнѣ или приглашаютъ меня къ себѣ".*)

Наконецъ Ла-Шетарди стало не въ-терпежъ; онъ рѣшился дѣйствовать и храбро направился къ министру иностранныхъ дѣлъ Остерману съ просьбой выяснить формально всѣмъ придворнымъ, чтобъ тѣ посѣщали французское посольство. Остерманъ пошелъ довольно охотно навстрѣчу его желаніямъ. „По крайней мѣрѣ, если они не придутъ теперь, они этимъ покажутъ, что неисправимы"—отвѣтилъ онъ. „Здѣсь", прибавляетъ маркизъ, „приказанія не сопровождаются объясненіями".

Остерману повиновались: къ послу явилась масса лицъ съ визитомъ, и придя по приказанію, они потомъ возвращались уже ради собственнаго удовольствія. Посолъ очаровалъ ихъ любезностью своего пріема и пріятностью бесѣдъ; скоро у него явились друзья; онъ осторожно разспрашивалъ ихъ и быстро уяснилъ себѣ внутреннее положеніе государства. Во всѣхъ партіяхъ господствовало глухое неудовольствіе; нація ненавидѣла Бирона, котораго называла „проклятымъ нѣмцемъ", Остермана, Миниха и всѣхъ иностранцевъ, навязавшихъ ей свое господство. Послѣ жестокихъ испытаній Восточной войны, всѣ боялись новой на сѣверѣ. Шведы сожалѣли, что не воспользовались, чтобы отмстить за нанесенную имъ обиду, тѣмъ моментомъ, когда московская армія боролась въ южныхъ степяхъ съ турками. Думая, что силы сосѣдки истощены, Швеція возобновляла старинныя споры, собирала

*) Ла-Шетарди, 1 марта 1740.
**) 19 марта того же года.

войска въ Финляндіи и выражала намѣреніе отнять провинціи, оторванныя у нея Петромъ Великимъ.

Чтобы отстранить эту опасность и уладить раздоры, Императорское правительство разсчитывало на Францію; оно знало, какимъ оно пользовалось вліяніемъ въ Стокгольмѣ, и ожидало, что Людовикъ XV, стремившійся дать почувствовать свое значеніе въ дѣлахъ сѣвера, предложитъ свое посредничество. Петербургскій дворъ склонялся къ сближенію съ Франціей; но движимый чувствомъ гордости, отказывался сдѣлать первые шаги. Съ другой стороны, приказанія, посылаемыя Ла-Шетарди, предпредписывали ему крайнюю сдержанность, и „полную пассивность ко всѣмъ намекамъ“ *).

Еще преувеличивая предписанный ему способъ дѣйствія, Ла-Шетарди въ своихъ разговорахъ съ русскими министрами никогда не касался дѣлъ. Скоро онъ замѣтилъ, что его молчаніе всѣхъ удивляетъ. Наконецъ Россія рѣшилась заговорить, но метафорами. „Я хочу, чтобы знали“,—говоритъ однажды Остерманъ послу,—„что мы здѣсь еще въ стадіи полной невинности“ **). Этимъ онъ хотѣлъ дать понять, что Россія считала себя освобожденной отъ своихъ старинныхъ обязательствъ относительно Австріи, и что она принесетъ новому другу, который пожелаетъ соблазнить ее, сердце, свободное отъ всякой привязанности. Нѣсколько разъ Остерманъ повторялъ тѣ же слова, прося Ла-Шетарди передать ихъ въ точности кардиналу Флёри.

Вызываемый такимъ образомъ на откровенность, французскій министръ нѣсколько отступилъ отъ своей сдержанности. „Увѣрить г. Остермана“, — писалъ государственный секретарь Амло съ спеціальнымъ курьеромъ къ Ла-Шетарди 8 апрѣля 1740 г.,—„что мы люди, съ которыми можно говорить, и убѣдившись, что къ намъ относятся съ довѣріемъ и откровенностью, мы въ состояніи на дѣлѣ доказать Россіи, что у нея не можетъ быть болѣе надежныхъ друзей, чѣмъ мы“.

---

*) Государственный секретарв Амло къ Ла-Шетарди 28 февраля 1740 г.

**) Ла-Шетарди 23 января 1740 г.

Передавъ это сообщеніе Остерману, посолъ присовокупилъ дружескимъ упрекомъ о скрытности Россіи. „Не мы заслуживаемъ этого упрека“,—отвѣтилъ старый министръ. Однако ледъ готовъ былъ сломиться, и оба двора серьезно кокетничали другъ съ другомъ, когда въ ноябрѣ 1740 г. Анна Іоанновна умерла внезапно, оставивъ наслѣдникомъ племянника Ивана Брауншвейгскаго, которому всего было годъ два мѣсяца.

Покойная императрица оставалась до конца вѣрна своимъ привязанностямъ. Чувствуя близость смерти, она призвала Бирона, и ея послѣднимъ словомъ было: „не бойся“. Вскрыли завѣщаніе Анны Іоанновны. Биронъ назначался регентомъ на время малолѣтства Ивана IV. Этотъ выборъ вызвалъ при дворѣ и въ войскахъ всеобщее раздраженіе; русская партія возненавидѣла Бирона вдвойнѣ, а нѣмецкая стала ему завидовать. Всѣмъ было извѣстна неспособность къ дѣламъ герцога, его жадность, расточительность; и всѣ возмущались его дерзкимъ высокомѣріемъ. Между тѣмъ Биронъ началъ пользоваться прерогативами королевской власти: въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ подписывалъ указы, назначалъ казни; но достататочно было одного смѣлаго и рѣшительнаго шага, чтобъ сокрушить эту власть, не на чемъ не зиждившуюся. 19 ноября 1740 г. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Анны Іоанновны, Минихъ, послѣ ужина у регента, уѣхалъ изъ дворца довольно поздно. Онъ вернулся туда ночью. Тѣло императрицы еще не было предано землѣ; гробъ, украшенный императорскими регаліями, былъ выставленъ въ одной изъ залъ дворца среди цвѣтовъ и свѣчей. У тѣла дежурила рота гвардейцевъ. Имъ Минихъ поручилъ разорвать завѣщаніе Анны и уничтожить все, что она любила. Онъ сказалъ имъ: „Вы всегда шли за мной; идемте освободить отечество отъ вора и предателя!“

Гвардія приняла эти слова съ восторгомъ, и по приказанію фельдмаршала, сорокъ человѣкъ отправились арестовать регента. Слыша ихъ шаги, Биронъ позвалъ гвардію; солдаты отвѣтили ему, что они сами есть гвардія и пришли его арестовать. Они связали его, заткнули ему ротъ и перевезли въ крѣ-

пость, откуда Бирона скоро отправили въ Сибирь. Великая княгиня Анна Леопольдовна, мать маленькаго царя, сдѣлалась регентшей; ея мужъ, принцъ Брауншвейгскій, принялъ титулъ генералиссимуса, а Минихъ перваго министра. Остерманъ очень кстати заболѣлъ; на другой день онъ вернулся во дворецъ и спокойно принялся за свои вице канцлерскія обязанности.

При извѣстіи объ арестѣ Бирона, три полка отправились съ шумомъ во дворецъ и привѣтствовали цесаревну Елизавету, предполагая, что переворотъ совершился въ ея пользу. Узнавъ истину, они вернулись въ казармы, удивленые и смущенные.

Вся Европа, въ томъ числѣ и Франція, признала новое правительство. Ей было мало дѣла до насильственнаго переворота, совершившагося въ Петербургѣ: вниманіе всѣхъ кабинетовъ было поглощено болѣе важнымъ предметомъ.

За недѣлю до Анны, въ Вѣнѣ умеръ императоръ Карлъ VI. По роковому закону и какъ бы мщенію судьбы, послѣдняя воля царствующихъ особъ обыкновенно уважается менѣе; чѣмъ воля простыхъ смертныхъ. У Карла VI не осталось мужскихъ наслѣдниковъ. Видя съ отчаяніемъ, что корона уходитъ изъ его дома, онъ сдѣлалъ по крайней мѣрѣ попытку передать свои наслѣдственныя земли дочери, Маріи-Терезіи. При жизни онъ все время хлопоталъ о признаніи дворами прагматической санкціи, которая укрѣпила права за эрцгерцогиней принимать обязательства и подавать свои заключенія по государственнымъ дѣламъ. Но едва онъ сомкнулъ глаза, какъ четыре державы вознамѣрились расчленить его наслѣдіе. Курфюрстъ Баварскій, претендуя на императорскую корону, кромѣ того предъявлялъ притязанія на всѣ австрійскія земли; король Испаніи требовалъ на свою долю итальянскія владѣнія; саксонскій домъ добивался Богеміи, а новый прусскій король, Фридрихъ II, предъявилъ права на Силезію. Послѣдній не только заявилъ свои претензіи, но приступилъ къ дѣлу. Переходя черезъ границу во главѣ своей арміи, онъ открылъ враждебныя дѣйствія, безъ объявленія войны захватилъ Силезію и завладѣлъ предметомъ споровъ (ноябрь 1740 г.).

Исходъ конфликта зависѣлъ отъ рѣшенія, какое примутъ обѣ державы, Франція и Россія. Обѣ гарантировали прогматическія постановленія. Перейдя на сторону Маріи-Терезіи путемъ непосредственной поддержки или по крайней мѣрѣ доброжелательнаго нейтралитета, онѣ спасали Австрію, сдерживали развивающееся властолюбіе Пруссіи и возвращали Европѣ прежнее равновѣсіе, приблизительно въ томъ же видѣ, какъ оно создалось договорами Вестфальскимъ и Утрехтскимъ. Наоборотъ, если Франція и Россія соединятся, чтобы поддержать требованія Фридриха и его союзниковъ, саксонскихъ и баварскихъ, то Австріи грозила гибель, и совершенно новое политическое распредѣленіе возникало бы въ центральной Европѣ на развалинахъ этого древняго государства. Наконецъ, если Франція и Россія разойдутся и вступятся одна за Берлинъ, а другая за Вѣну, Европа раздѣлится, и Германіи, можетъ быть, суждено стать ареной новой тридцатилѣтней войны.

Болѣе двухсотъ лѣтъ Франція стремилась къ ослабленію Австрійской династіи. Эта традиціонная враждебность противъ вѣнскаго двора, возникшая въ силу обстоятельствъ съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ V покорилъ своей власти половину континента, перешедшая затѣмъ въ систему, составляла отличительную черту французской политики, придавая ей на протяженіи вѣковъ характеръ однообразія. Въ 1740 г. казалось, съ перваго взгляда, что Людовику XV и его министру остается только послушно слѣдовать по пути, указанному ихъ знаменитыми предшественниками и воспользоваться неурядицами въ Австріи для нападенія на нее. Но культъ великихъ историческихъ традицій заключается не столько въ безусловномъ подражаніи прошлому, какъ въ умѣньи вдохновляться его примѣрами примѣненія къ современному положенію дѣлъ принципа здравой политики, создающей и сохраняющей величіе государства. Съ начала восемнадцатаго столѣтія взаимное отношеніе Франціи и Австріи измѣнилось. Цѣль Генриха IV, Ришелье, Мазарини и Людовика XIV была достигнута; могущество Габсбурговъ перестало внушать опасенія Франціи. Этотъ царственный родъ уже отка-

зался отъ Мадрида, гдѣ его замѣнила французская династія. Принужденный раздѣлить Италію съ домомъ Бурбоновъ, онъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ замыслахъ относительно Востока, между тѣмъ, какъ вновь образовавшееся государство, Пруссія, оспаривало у него гегемонію въ Германіи. Повсюду неблагопріятная судьба разрушала планы Австріи и положила предѣлъ ея властолюбію. При такихъ новыхъ условіяхъ приходилось спросить себя, что, обрушиваясь впредь на эту державу всѣмъ напряженіемъ своей энергіи, не вступитъ-ли Франція на ложный путь, направляя силы на врага, способнаго сопротивляться, но уже совсѣмъ не грознаго, извращая преувеличеніемъ традиціонную политику?

Сознаніе такого положенія не ускользнуло отъ Флери. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже онъ стремился къ сближенію съ Австріей и вначалѣ склонялъ Людовика XV выслушать трогательныя мольбы Маріи-Терезіи, старавшейся возбудить участіе Франціи, указывая на гарантію, данную ею прагматической санкціи. Въ благодарность за простую дипломатическую поддержку, молодая эрцъ-герцогиня, принявшая титулъ королевы венгерской, охотно уступила Франціи часть Нидерландовъ. Ея посланникъ въ Петербургѣ, маркизъ Гютта д'Адорно, увѣрялъ Ла-Шетарди, что она безъ колебанія бросилась бы въ объятія Франціи, если бы нужно было какой-нибудь жертвой купить ея помощь *). Идя навстрѣчу предложеніямъ Австріи, Франція вступила-бы на путь политики великодушной и въ то-же время благоразумной, принявъ за точку отправленія вѣрность данному слову, и привязавъ къ себѣ великую монархію узами благодарности, могла бы добиться личнаго расширенія своихъ владѣній. Россія, вѣроятно, присоединилась бы къ этому союзу династій Франціи и Австріи и прежняя союзная система совершенно измѣнилась бы въ пользу Франціи.

Воздержанность Флери, къ сожалѣнію, встрѣтила негодующій отпоръ со стороны молодыхъ совѣтчиковъ короля. Легко-

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла-Шетарди 17 января и 13 марта 1741 г.

мысленный и увлекающійся, графъ де Бэль-Иль образовалъ въ Версалѣ партію сторонниковъ войны; офицеры, жаждавшіе славы, женщины, и во главѣ ихъ двѣ официальныя фаворитки, де Мальи и де Вэнтимилль, вельможи, однимъ словомъ все, что давало тонъ при дворѣ, всѣ съ юношеской горячностью отстаивали отжившую свое время традицію. По ихъ словамъ слѣдовало раздѣломъ имперіи завершить дѣянія великихъ королей и славныхъ министровъ. По обыкновенію, у Флери не хватило мужества привести въ исполненіе свое личное рѣшеніе, и по слабости характера, поддавшись уговорамъ, онъ совершилъ величайшую ошибку царствованія. Увлеченная соблазнами непредусмотрительной политики, Франція обрушилась войной, въ которой войска ея стяжали себѣ безполезные лавры, добиваясь безъ всякой пользы для себя гибели Австрійскаго дома и собственными руками содѣйствуя укрѣпленію новой монархіи Гогенцоллерновъ, могучая юность которой предвѣщала грозную зрѣлость. Съ конца 1740 г. и начала 1741 г. правительство короля, еще не берясь за оружіе, интриговало въ Германіи съ цѣлью возвести Баварскаго курфюрста на императорскій престолъ подготовляло почву для союза съ Фридрихомъ II и проявляло враждебное настроеніе относительно Австріи.

Угнетенная нападеніемъ Пруссіи, угрозами Франціи, Марія-Терезія обратилась за помощью къ Россіи. Что же предприметъ эта держава? Нѣмцы царили въ Петербургѣ, но въ это время сама Германія разбилась на разные лагери. У русскаго правительства были обязательства относительно обѣихъ сторонъ; хотя старый договоръ 1726 г. съ Вѣной не былъ офиціально нарушенъ. Петербургскій договоръ возобновилъ съ Фридрихомъ союзъ, заключенный раньше между Петромъ II и домомъ Бранденбургскимъ. На совѣщаніяхъ фельдъ-маршалъ Минихъ отстаивалъ интересы Пруссіи, а князь Брауншвейгскій являлся защитникомъ Маріи-Терезіи. Результатомъ такихъ усилій въ противоположныхъ направленіяхъ была безучастность Россіи въ первые мѣсяцы послѣ смерти Карла VI. Регентша Анна, бывшая на сторонѣ Австріи, протестуя противъ вторженія пруссаковъ въ

Силезію, не оказала поддержки Маріи-Терезіи ни однимъ человѣкомъ, ни однимъ рублемъ.

Французская дипломатія не имѣла вліянія на такое рѣшеніе. Однако, въ то время, какъ Европу охватывало пламя войны, версальскій кабинетъ счелъ умѣстнымъ завязать съ Россіей долгіе и щекотливые переговоры, предметомъ которыхъ, правда, и являлось всего разногласіе по вопросу церемоніала. Королевскій посланникъ при Аннѣ Іоанновнѣ, Ла Шетарди, терялъ это званіе съ ея смертью; вскорѣ затѣмъ онъ получилъ приказаніе оставаться уже не представителемъ Франціи въ Петербургѣ, но только полномочнымъ посломъ: предстояло разрѣшить вопросъ, какимъ образомъ ему представить свои новыя ввѣрительныя грамоты. Посланники остальныхъ державъ удовольствовались аудіенціей герцогини-правительницы, Ла Шетарди желалъ получить пріемъ у самого царя, которому шелъ второй годъ. Такое требованіе удивило русскихъ и породило множество вопросовъ. Будетъ ли аудіенція частной или публичной? Вручитъ ли посланникъ эти грамоты непосредственно въ руки ребенка? Или положитъ ихъ на скамейку, поставленную у подножія трона? Или передастъ ихъ правительницѣ, на рукахъ у которой будетъ сидѣть юный государь? Цѣлый рядъ трудно разрѣшимыхъ недоразумѣній, обсуждавшихся съ невозмутимой серьезностью между Версалемъ и Петербургомъ, съ постоянными ссылками на мемуары, замѣтки и прежніе дипломатическіе примѣры *).

Весной 1741 г. Минихъ, вслѣдствіе несогласій съ княземъ Брауншвейгскимъ, отказался отъ званія перваго министра. Съ этихъ поръ австрійское вліяніе взяло верхъ. Въ ту минуту, какъ Франція офиціально присоединилась къ противникамъ Маріи-Терезіи, подписавъ договоры съ Пруссіей, Баваріей и Саксоніей (май, іюнь 1741 г.) и пославъ свои войска въ Германію, Россія намѣревалась выступить съ поддержкой королевѣ венгерской и отправить ей на помощь 30-тысячный отрядъ, обусловленный договоромъ 1726 г.

---

*) Вѣд. Иност. Дѣлъ. Переписка съ Россіей, 1741 г., Январь.

Въ то же время въ Петербургъ прибылъ британскій полномочный посланникъ, Финчъ. Англія предлагала Брауншвейгскому дому обезпечить за нимъ императорскій престолъ, если онъ возьметъ на себя обязательство содѣйствія планамъ, замышляемымъ противъ Франціи. Правительница согласилась на такое предложеніе, подписала договоръ, представленный Финчемъ и открыто присоединилась къ концерту враговъ Франціи *).

Ла Шетарди предвидѣлъ такой исходъ, не пытаясь его предотвратить. Зная враждебное отношеніе Брауншвейгскаго дома къ Франціи и питая глубокую непріязнь къ правительству регентши, которое измучилъ своимъ формализмомъ, онъ всегда держался того взгляда, что Франція отъ этого правительства ничего не дождется, и Россія, управляемая нѣмцами, рано или поздно попадетъ въ сѣти Австріи. По его мнѣнію въ Россіи возможна была перемѣна политики, только съ перемѣной правительства; чтобы избавить ее отъ вліянія враговъ Франціи, послѣдней оставалось только одно средство—вызвать въ Петербургѣ переворотъ. Маркизъ не терялъ надежды на успѣхъ въ этомъ направленіи. Уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ носился съ романическимъ планомъ, плѣнившимъ его пылкое воображеніе. Устроить заговоръ, обезпечить ему успѣхъ, положить конецъ царству иностранцевъ, вернуть силу коренной націи, возвести на престолъ государыню, сердцемъ и умомъ преданную Франціи,—вотъ, что замышлялъ онъ въ странѣ, языка которой совершенно не зналъ, гдѣ малѣйшая попытка возбуждала подозрѣнія властей, и гдѣ населеніе рѣшалось говорить объ общественныхъ дѣлахъ только шопотомъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ **).

Россія ненавидѣла свое новое правительство, такъ же сильно, какъ Бирона. Но пріученная къ желѣзной дисциплинѣ, она терпѣла безропотно, возлагая всѣ упованія на будущее. Лишь чутко прислушиваясь, можно было уловить глухой и страдальческій ропотъ народа. Только три гвардейскихъ полка,

---

*) Ла Шетарди, 18 апрѣля, 20 мая 1741 г.

**) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди, 16 апрѣля 1740 г.

Преображенскій, Семеновскій и Измайловскій, безъ стѣсненія выражали свое неудовольствіе. Свергнувъ Бирона, они надѣялись тѣмъ покончить съ иноземцами, а тѣ опять очутились у власти, укрѣпляясь и размножаясь. Гвардейцы, избранные полки, по большей части состоявшіе изъ дворянъ, громко возмущались среди всеобщаго молчанія, разносили по городу скандальную дворцовую хронику, разсказывали о романѣ правительницы съ саксонскимъ посломъ Линаромъ и выражали готовность изгнать Брауншвейгскую фамилію—отца, мать и сына, въ ихъ нѣмецкое герцогство. И съ взволнованной восторженностью вспоминали Петра Великаго, сравнивая его славное царствованіе съ бѣдствіями настоящаго. Многіе изъ гвардейцевъ были соратниками царя, и всѣ они свои надежды и преданность перенесли на его дочь Елизавету, живой залогъ, оставленный имъ великимъ самодержцемъ; присутствіе среди нихъ цесаревны, лишенной престола и почестей, служило для нихъ поощреніемъ и упрекомъ.

Въ народѣ, какъ и въ войскахъ, взоры всѣхъ недовольныхъ обращены были на Елизавету. Цесаревна обладала необходимымъ свойствомъ, чтобы привлекать и очаровывать толпу; она была доступна и проста въ обращеніи. Она не запиралась въ глубинѣ дворца, какъ правительница, но часто показывалась повсюду. Когда она быстро мчалась по улицамъ Петербурга, солдаты фамильярно вскакивали на запятки ея саней и шептались съ ней. Также часто среди продолжительныхъ прогулокъ верхомъ, носясь во весь опоръ по окрестностямъ города, она останавливалась и смотрѣла полковыя ученія; цѣлыя роты съ офицерами во главѣ, подходили къ ней и изъявляли готовность отдаться въ ея распоряженіе *). Солдаты имѣли во всякое время доступъ къ ней во дворецъ; она посѣщала ихъ въ казармахъ, называла по именамъ, крестила у нихъ дѣтей, входила въ домъ, чтобы дѣлать имъ подарки.

При такой многочисленности друзей, была ли у Елизаветы своя партія? Нѣтъ, если подъ этимъ названіемъ подразумѣвать

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди. Депеши январскія, февральскія и мартовскія 1741 г. *Мемуары Манштейна.*

собраніе людей дисциплинированныхъ, подчиненныхъ вождю, послушныхъ приказу и готовыхъ дѣйствовать по первому сигналу. Чтобы образовать партію и руководить ею, необходимы терпѣніе и скрытность, а Елизавета отличалась легкомысліемъ и вспыльчивостью. Кромѣ того главнымъ двигателемъ заговоровъ, какъ и войнъ, являются деньги, а у цесаревны ихъ не было. Чтобы дать ей возможность съ успѣхомъ осуществить свою попытку, нуженъ былъ искусный совѣтчикъ, энергичный и въ то же время осторожный, способный подыскать для нея денежные источники, въ которыхъ она терпѣла недостатокъ, и научить ее соединить и организовать силы, на которыя она могла бы разсчитывать. Вотъ такую-то роль и затѣвалъ сыграть Ла-Шетарди.

Въ царствованіе Анны Іоанновны ему никогда не удавалось видѣться съ цесаревной наединѣ. Каждый разъ, когда онъ являлся къ ней, какой-нибудь нескромный свидѣтель, подосланный дворомъ, обязательно присутствовалъ при разговорѣ. Послѣ переворота, Елизавета сама обратилась къ нему. Окруженная шпіонами, она могла довѣриться только Лестоку, гановерцу, но французу по происхожденію, своему лѣкарю и другу. Лестокъ, искусный въ дѣлѣ завязыванія интригъ, не обладалъ достаточнымъ мужествомъ, чтобы довести ихъ до конца. Искренно преданный цесаревнѣ, но чрезвычайно робкій, онъ казался созданнымъ для скромной роли довѣреннаго лица и посредника. Онъ явился въ посольство съ туманными намеками, говоря о надеждахъ Елизаветы и ея любви къ Франціи. Ла Шетарди понялъ съ полуслова, сейчасъ же отправился къ цесаревнѣ и засталъ ее одну. На этотъ разъ она открыла ему сердце, отзываясь въ горькихъ выраженіяхъ о захватившемъ власть правительствѣ. Намекая на преданность гвардіи, она добавила, что, какъ дочь Петра Великаго, надѣется остаться вѣрной памяти отца, довѣряя дружбѣ Франціи и обращаясь къ ней за поддержкой, чтобы добиться возстановленія своихъ законныхъ правъ *). Во время раз-

---

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди 14 января 1741 г.

говора имя короля Франціи часто срывалось съ ея устъ, и Ла Шетарди вскорѣ убѣдился въ существованіи у нея страннаго чувства. Елизавета не забыла о предположеніи выдать ее замужъ за Людовика XV; воспоминаніе объ этомъ часто вставало въ ея памяти, какъ очаровательный и мимолетный сонъ. Слыша со всѣхъ сторонъ похвалы изяществу и привлекательности юнаго короля Франціи, она сохранила относительно этого государя, никогда ею не виданнаго, но чьей женой она могла сдѣлаться, чувство нѣжнаго любопытства.

Ла Шетарди не оставалось желать болѣе благопріятнаго настроенія. Однако онъ не счелъ возможнымъ взять на себя дальнѣйшія обязательства, не посовѣтовавшись со своимъ дворомъ. Онъ часто сравнивалъ посла, не получающаго инструкцій, съ часами, которые забыли завести. „Французскій дворъ колебался вступить на путь, указанный ему предпріимчивымъ маркизомъ. Для министерства, мнившаго себя прямолинейнымъ и осторожнымъ, казалось важнымъ и отчасти щекотливымъ, вмѣшаться тайнымъ образомъ въ семейныя дѣла иностраннаго гоударства, содѣйствовать перевороту, превратить французскаго короля въ соучастника заговора противъ существующаго правительтва. При первыхъ намекахъ своего посланника, версальскій кабинетъ попросилъ себѣ время на размышленіе. Постепенно желаніе вытѣснить въ Петербургѣ своимъ вліяніемъ нѣмецкое вліяніе, взяло верхъ надъ первоначальными сомнѣніями. Восемнадцатый вѣкъ совершенно не признавалъ въ политикѣ принцица невмѣшательства въ чужія дѣла, — принципа современнаго изобрѣтенія. Министерство согласилось, что „дѣло заслуживаетъ полнаго вниманія короля“ *) и не слѣдуетъ обезкураживать Елизавету отказомъ. Вскорѣ оно высказалось еще болѣе ясно. Ла Шетарди увѣрялъ цесаревну, что Франція отдаетъ въ ея распоряженіе свою казну, свой кредитъ и свои совѣты. И добавилъ, желая польстить тайной склонности Елизаветы, что если бы даже король видѣлъ ее самое

---

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Амело къ Ла Шатерди 23 января, 2 февраля 1741. г.

и поддался чувству, какое она способна внушить, онъ не могъ бы сильнѣе заботиться объ оказаніи ей поддержки“ *).

Оставалось составить планъ дѣйствій. Война между Швеціей и Россіей казалась все болѣе неизбѣжной; поэтому Елизавета и Лестокъ просили дождаться начала кампаніи и воспользоваться смятеніемъ, вызваннымъ въ Петербургѣ вторженіемъ непріятеля, чтобы подать сигналъ къ военному возстанію. Франція одобрила планъ, но пожелала внести въ него нѣкоторыя измѣненія. Въ предполагаемомъ переворотѣ она видѣла нестолько средство сблизиться съ Россіей, какъ возможность нанести ей окончательный ударъ и возстановить на ея счетъ шведское могущество. Поэтому она потребовала предварительнаго соглашенія между стокгольмскимъ дворомъ и Елизаветой. Первый обязывался произвести нападенія, по первому увѣдомленію, за то Елизавета обѣщала послѣ своего восшествія на престолъ, возвратить часть областей, завоеванныхъ Петромъ Великимъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря.

„Ничто не будетъ забыто“,—писалъ Амело къ Ла Шетарди „чтобы заставить шведовъ содѣйствовать перевороту и даже дать имъ возможность нанести окончательный ударъ, когда всѣ мѣры къ тому будутъ приняты. Но, вѣроятно, въ благодарность за такую большую услугу они потребуютъ возвращенія, по крайней мѣрѣ части отнятыхъ у себя областей. Если вамъ удастся склонить цесаревну Елизавету на такую жертву, вы окажете очень цѣнную улугу королю, въ интересахъ котораго вернуть Россію въ ея прежнія границы **).

Франція строила свои разсчеты, не принявъ въ соображеніе патріотизма и дочерняго благоговѣнія Елизаветы. Если послѣдняя соглашалась признать участіе Швеціи въ своихъ планахъ и даже побуждала ее къ тому, то она считала оскорбленіемъ памяти отца и измѣной всему народу возвращеніе завоеванныхъ областей, предназначенныхъ служить сообщеніемъ государства съ

---

*) Ла Шетарди, 2 мая.
**) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Амело 16 февраля 1741 г.

моремъ, и защищать доступъ къ новой столицѣ. Отказаться отъ Балтійскаго побережья, значило вернуть Россію на полвѣка назадъ. Развѣ возможно вычеркнуть изъ исторіи страницу Полтавской битвы? Лучше отказаться отъ трона, чѣмъ царствовать такой цѣной. Въ этомъ отношеніи Елизавета оставалась непреклонной; она уклонилась отъ обѣщанія уступки территоріи, несмотря на настоянія Ла Шетарди и шведскаго посланника Нолькена. Послѣднему даже не удалось получить отъ цесаревны письменной просьбы о помощи, обращенной къ шведскому королю и официально подтверждавшей соглашеніе Елизаветы съ врагами государства *).

Такое упорство послужило первымъ камнемъ преткновенія въ планахъ маркиза Ла Шетарди. Вскорѣ явился и второй. Споръ изъ-за этикета, возникшій между Франціей и Россіей, обострялся. Въ маѣ 1741 г. посланникъ получилъ приказаніе объявить графу Остерману, что онъ прекращаетъ всякое общеніе съ дворомъ правительницы, если не получитъ разрѣшенія представить свои ввѣрительныя грамоты самому царю. При свиданіи, когда Ла Шетарди заявилъ ему такой ультиматумъ, старый министръ непожелалъ отвѣтить, ни положительнымъ отказомъ, ни согласіемъ на требуемую аудіенцію. Чтобы избѣжать объясненій, онъ „прибѣгнулъ"—писалъ маркизъ въ депешѣ отъ 16 мая,—„къ своей обычной уловкѣ, когда чѣмъ-либо бывалъ смущенъ, или чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи. У него сдѣлались колотья; жизнь его, по его словамъ, сплошной рядъ страданій. Внезапный приступъ болей заставлялъ его выдѣлывать тысячу гримасъ, въ креслѣ онъ никакъ не могъ найти себѣ удобнаго положенія. У него выступила испарина, поднялся страшный кашель, и постоянно обтирая себѣ лицо, онъ изъ-подъ платка окидывалъ меня испытующимъ взглядомъ" **).

Не получая категорическаго отвѣта, Ла Шетарди принужденъ былъ прервать сношенія со дворомъ и такимъ образомъ

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди, 25 февраля 1741 г.
**) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди 16 мая 1741 г.

отказаться впредь отъ офиціальныхъ посѣщеній Елизаветы. Послѣдняя же еще не рѣшалась назначать ему тайныхъ свиданій. Нолькенъ служилъ нѣкоторое время посредникомъ между ними; къ сожалѣнію вскорѣ онъ былъ отозванъ, не получивъ себѣ преемника. Лестокъ нѣсколько разъ являлся на условленныя мѣста встрѣчи съ Ла Шетарди, но страхъ кнута мѣшалъ его способности соображенія. Въ домѣ, гдѣ происходили свиданья, при малѣйшемъ шумѣ, доносившемся съ улицы, онъ поспѣшно бросался къ окну и считалъ себя уже погибшимъ *). Кромѣ того при дворѣ начинали возникать подозрѣнія. Приближенные правительницы, задумывали измѣнить составъ гвардіи, пополнить ее нѣмецкими рекрутами и расформировать ветерановъ Петра Великаго. Чтобы освободиться отъ Елизаветы, одни совѣтовали заточить ее въ монастырь, другіе—удалить, выдавъ ее замужь на чужбину **).

Нѣсколько недѣль Ла Шетарди не имѣлъ возможности видѣть цесаревну, или получать объ ней извѣстія. Разрывъ со дворомъ лишалъ его всякаго общества, набрасывалъ на него тѣнь подозрѣнія и принуждалъ къ уединенію. Никто не посѣщалъ его, но съ дюжину шпіоновъ день и ночь караулили посольство. Воспользовавшись прекрасной лѣтней погодой, онъ удалился на дачу, нанятую имъ подъ Петербургомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нева, раздѣлившись на множество рукавовъ, омываетъ своими водами острова, покрытые густой растительностью и представляющіе живописные пейзажи и прохладные уголки. Въ своей виллѣ Ла Шетарди велъ жизнь отшельника, къ которой, писалъ онъ печально,—никогда не чувствовалъ призванія. Однако онъ напрасно обвинялъ Елизавету въ равнодушіи и безпечности; цесаревна вовсе не забыла о немъ и всѣми силами стремилась увидаться съ нимъ. Сады посланника спускались къ самой водѣ; сойдя туда послѣ ужина, онъ замѣтенъ бы въ длительныхъ сумеркахъ, едва прикрываю-

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди 15 августа 174 1г.
**) 4 апрѣля.

щихъ сѣверными ночами землю прозрачной тѣнью, таинственную лодку, скользившую по рѣкѣ. Повидимому, въ ней находились запоздавшіе любители прогулокъ; иногда на кормѣ появлялся человѣкъ и трубилъ въ охотничій рогъ, словно желая привлечь къ себѣ чье-то вниманіе. Елизавета сидѣла въ лодкѣ, окруженная нѣсколькими лицами своей свиты. Такъ нѣсколько разъ, но всегда безуспѣшно, старалась она устроить случайное свиданіе. Одно время она подумывала купить домъ, сосѣдній съ виллою посланника. Наконецъ, въ началѣ августа, подъ вліяніемъ возрастающаго честолюбія и безпокойства, она послала къ маркизу своего камергера Воронцова, чтобы условиться относительно мѣста встрѣчи. Было рѣшено, что свиданье состоится завтра по дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ оно имѣло бы видъ простой случайности. Къ сожалѣнію, Елизавета не рѣшалась въ послѣднюю минуту отправиться на него, зная, какъ слѣдятъ за ея малѣйшимъ шагомъ *).

Вдругъ по Петербургу распространилась вѣсть объ окончательномъ разрывѣ съ Швеціей. Стокгольмскій дворъ начиналъ войну и Франція была вдохновительницей такого намѣренія. Рѣшивъ во что бы то ни стало не допустить русскаго вмѣшательства въ Германіи и въ то же время помочь движенію въ пользу Елизаветы, она своими совѣтами побѣдила послѣднія колебанія своей союзницы. Королевскій посланникъ продиктовалъ объявленіе войны противъ Россіи (28 іюля 1741 г.). Правительницѣ это было извѣстно; повидимому, ей не оставалось ничего иного, какъ порвать сношенія съ Франціей; Ла Шетарди ожидалъ ежечасно своего отозванія. Но ничего подобнаго не случилось. Россія не выразила никакого неудовольствія и, желая избѣгнуть недоразумѣній въ минуту серьезной, угрожающей ей опасности, уступила наконецъ въ спорѣ относительно церемоніала. Ла Шетарди получилъ аудіенцію у царя и снова появился при дворѣ. Въ первое же посѣщеніе Лѣтняго дворца, онъ встрѣтился тамъ съ Елизаветой и далъ ей понять, что исключительно для оказанія ей поддержки и содѣй-

---

*) 18 іюля, 1 и 8 апрѣля.

ствія ея успѣхамъ, король, его повелитель, приказалъ ему остаться, несмотря на законные поводы жалобы. „Его Величество въ такой же мѣрѣ озабоченъ средствами возвести на престолъ цесаревну. Онъ съ этой цѣлью уже побудилъ взяться за оружіе шведовъ, своихъ союзниковъ и даже не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы дать имъ возможность довести дѣло до конца“ *). Елизавета отвѣчала искренней благодарностью, но не могла ничего болѣе сообщить, потому что всѣ взгляды были устремлены на нее. На Лестока было возложено продолженіе разговора. На слѣдующій день, въ лѣсу, примыкающемъ къ виллѣ посланника, врачъ передалъ послѣднему самыя успокоительныя свѣдѣнія относительно твердости намѣренія Елизаветы и преданности ея друзей.

Съ тѣхъ поръ заговоръ развивается и Франція принимаетъ на себя рѣшительное руководство имъ. Кардиналъ Флери, восьмидесяти восьми лѣтъ отъ роду и государственный секретарь Амло съ своей педантичной важностью соглашаются на роли заговорщиковъ, и нити таинственной интриги, завязавшейся въ С.-Петербургѣ, оканчиваются въ ихъ рукахъ въ Парижѣ.

Въ первыхъ числахъ октября прохожій шелъ по улицѣ Ришелье, смѣшавшись съ толпой. Онъ вошелъ въ кафэ Фуа, мѣсто свиданій современныхъ литературныхъ знаменитостей, собирателей новостей и людей праздныхъ. Тамъ къ нему не замедлилъ присоединиться другой посѣтитель кафэ, и обмѣнявшись съ нимъ условными знаками, вступилъ въ разговоръ и получилъ переданный съ большими предосторожностями кошелекъ, заключавшій въ себѣ двѣ тысячи червонцевъ **). Первый изъ собесѣдниковъ былъ агентъ министра иностранныхъ дѣлъ, второй—де Мань, другъ маркиза де Ла Шетарди. Де Мань пересылалъ деньги своему племяннику, находившемуся въ то время въ Россіи. Молодой человѣкъ былъ мотомъ и страстнымъ игрокомъ, жилъ на широкую ногу въ Петербургѣ, и никого не могло удивить, что ему

*) Ла Шетарди, 2 сентября 1741 г.

**) 22,423 франка.

пришлось прибѣгнуть къ дядюшкиной щедрости. Въ дѣйствительности же деньги предназначались для Ла Шетарди, которому нельзя ихъ было отправить непосредственно, не возбуждая подозрѣній. Изъ рукъ маркиза онѣ перешли въ гвардейскія казармы, гдѣ съ ихъ помощью появились новые сторонники у Елизаветы и создана твердая почва для переворота *). Нѣсколько разъ правительство Франціи возобновляло подобныя присылки, И одновременно спеціальный посланецъ былъ отправленъ въ Россію, чтобы лишній разъ увѣрить цесаревну въ сердечной заботливости, съ какой король относился къ ея интересамъ **). Наконецъ, при различныхъ сѣверныхъ дворахъ Франція употребляла свое вліяніе въ пользу Елизаветы и предпринимала нужные шаги.

Въ Стокгольмѣ французскіе агенты опутываютъ министровъ, полными горстями разсыпаютъ золото въ сенатѣ и сеймѣ, чтобы поторопить движеніе войскъ, предназначенныхъ для вторженія въ русскую территорію; они внушаютъ шведамъ мысль призвать въ свой генеральный штабъ юнаго герцога Голштинскаго, племянника Елизаветы и внука Петра Великаго, чтобы прикрыться имъ, какъ знаменемъ: русскіе солдаты не рѣшатся сражаться съ законнымъ наслѣдникомъ своихъ государей ради узурпаторской вѣтви.—Въ Варшавѣ, въ Дрезденѣ, французская дипломатія пріучаетъ общество къ мысли о близости переворота въ Россіи. Въ Берлинѣ приходилось дѣйствовать съ большими предосторожностями: Фридрихъ II былъ связанъ съ Брауншвейгскимъ домомъ узами крови, и несмотря на проявляемую имъ относительно этой семьи холодность, можно было опасаться, что онъ съ недоброжелательствомъ отнесется къ подготовленіямъ къ ея паденію. Де Белль-Иль, королевскій посланникъ въ Германіи, получилъ приказаніе осторожно узнать его взглядъ по этому

---

*) Ла Шетарди, 2 сентября 1741 г. Амло 2-го ноября 1741 г.

**) Это обстоятельство, упомянутое въ депешахъ Ла Шетарди, подтверждается Фридрихомъ II въ „Исторіи моего времени“.

поводу: „Въ смыслѣ родственниковъ цинично отвѣчалъ прусскій монархъ „я признаю только своихъ друзей“ *).

Въ Петербургѣ Ла Шетарди является душой заговора. Чтобы достигнуть цѣли, манившей его честолюбіе, очаровавшей сердце, тѣшившей тщеславіе, онъ проявляетъ невѣроятную ловкость: вѣдь онъ чувствовалъ себя въ своей прирожденной стихіи всякій разъ, когда приходилось съ увлеченіемъ вести какую-нибудь сложную интригу, а въ особенности въ пользу очаровательной женщины! Видя съ какой непринужденностью и легкостью онъ разбирается среди затрудненій, можно было бы скорѣе подумать, что онъ занятъ какимъ-нибудь любовнымъ приключеніемъ, чѣмъ предпріятіемъ, гдѣ замѣшаны его жизнь и свобода. Довершенію сходства содѣйствовали таинственныя свиданья, долгіе часы ожиданій на назначенномъ мѣстѣ, быстрый обмѣнъ взглядами, записочки, написанныя въ туманныхъ выраженіяхъ условнымъ языкомъ: Елизавета называется въ нихъ „героемъ“, Лестокъ — „довѣреннымъ лицомъ“, а другой агентъ, нѣмецъ Шварцъ, „посредникомъ“. Впрочемъ, трудно допустить, чтобы отношенія предпріимчиваго француза съ пылкой цесаревной долго сохраняли только видимость любви. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ особенности при русскомъ дворѣ, отъ столь очевидной короткости до болѣе близкой связи былъ всего одинъ шагъ. Переступила-ли его Елизавета и Ла Шетарди? Это не подтверждается никакимъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, но все наводитъ на такую мысль. Елизавета соединяла съ романическимъ воображеніемъ удивительную легкость нравовъ; не придавая, повидимому, сама особой цѣны своей благосклонности, она щедро раздавала и направо, и налѣво. Если Ла Шетарди не разсчитывалъ на особое благоволѣніе, то безусловно въ его личной привлекательности заключалось самое вѣрное средство, чтобы вліять на цесаревну, „чувствовавшую себя“, по словамъ, приписываемымъ фельдмаршалу Миниху, „счастливой только тогда, когда была влюблена“.

---

*) Фридрихъ II. „Исторія моего времени“.

Нѣсколько разъ въ недѣлю Ла Шетарди ухитрялся устроить себѣ со своимъ другомъ продолжительныя свиданія; онъ отправлялся къ ней во дворецъ ночью и переодѣтый; почти ежедневно онъ передавалъ ей совѣты, поощренія, предостереженія, то стараясь умѣрить въ ней преждевременную пылкость, то поднять готовую пошатнуться увѣренность *).

Правительница Анна, ея мужъ и ея министры смутно чувствовали опасность, нависшую надъ ихъ головой, но у нихъ не хватало должнаго мужества, чтобы принять рѣшительныя и разумно задуманныя мѣры предосторожности. Жалобы недовольныхъ доходили до ихъ слуха и смущали ихъ покой; ледяное молчаніе войскъ, когда они проходили передъ его рядами, казалось имъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Чтобы запугать ихъ склонить на свою сторону умы, они прибѣгали поочередно и непослѣдовательно, то къ строгостямъ, то къ милостямъ. „Почему ты невеселъ"? — спросилъ однажды герцогъ Брауншвейгскій капитана, стоявшаго на часахъ у дверей, и вложилъ ему въ руку триста червонцевъ. „Офицеръ",—говоритъ Ла Шетарди, сообщая фактъ—,,остался весьма доволенъ развязкой, не измѣнивъ свои отношенія къ правителямъ" **). Во дворцѣ совѣты министвовъ слѣдовали безпрерывной чередой и не приводили ни къ какому рѣшенію. Иногда правительница, повидимому, забывала свои страхи: цѣлую недѣлю она увлекалась только тѣмъ, что осыпала подарками своего любовника Линара, за котораго собиралась выдать замужъ свою любимицу, Юлію Менгденъ; она посылала имъ брилліанты и серебро, меблировала для нихъ дворецъ***). Вдругъ предчувствія снова охватывали ее; она вскакивала съ постели среди ночи, уходила изъ дворца, спѣшила къ старику Остерману, умоляла его не покидать ее. Въ этомъ смятеніи только одинъ человѣкъ, Линаръ, старался внушить ей необходимость энергичныхъ мѣ-

*) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Ла Шетарди, сентябрь, октябрь, ноябрь 1741 г. Также выписки изъ депешъ англійскаго посланника, напечатанныхъ въ сочиненіи, озаглавленномъ: „La cour de Russie il y a cent ans" (безъ имени автора).

**) Ла Шетарди, 30 мая 1741 г.

***) 12 сентября.

ропріятій; онъ положительно настаивалъ на необходимости ареста Елизаветы. „Къ чему“?—со вздохомъ возразила Анна; потомъ, намекая на молодого герцога Голштинскаго, находившагося въ шведскихъ рядахъ, добавила; „Развѣ вы не видите тамъ чортушку, который вѣчно будетъ нарушать наше спокойствіе *).

Линаръ видѣлъ въ Ла Шетарди настоящаго вдохновителя злоумышленій, направляемыхъ противъ Брауншвейгскаго дома; онъ открылся въ томъ Аннѣ; сообщилъ ей о дѣйствіяхъ француза и посовѣтовалъ захватить хотя его, если правительница отказывается отъ Елизаветы. Къ счастью для маркиза, несчастная Анна была окружена предателями, вплоть до самыхъ приближенныхъ лицъ: служанка ея, услыхавъ предложеніе Линара, поспѣшила передать его Елизаветѣ, предупредившей Ла Шетарди. Послѣдній сейчасъ же офиціознымъ образомъ далъ знать во дворецъ, что „для того, чтобы дать ясное представленіе о народномъ правѣ тѣмъ, кто вздумаетъ посягнуть на его свободу, онъ выброситъ ихъ въ окно“ **). У него въ его домѣ люди были вооружены, пистолеты заряжены, компромитирующія бумаги сожжены: посольство приготовлялось выдержать осаду; никто не рѣшился явиться. Ла Шетарди всѣхъ смутилъ своей храбростью и невозмутимымъ хладнокровіемъ. Сильный страхомъ, какой еще внушало имя Франціи, онъ съ пренебреженіемъ относился ко всему правительству и почти открыто работалъ для его погибели, не отступая относительно его ни на шагъ отъ правилъ этикета и вѣжливости. Проведя день съ Елизаветой, онъ отправлялся вечеромъ ко двору, держался тамъ съ величайшей предупредительностью и любезностью, а разставшись съ правительницей, торопился на таинственное совѣщаніе съ Лестокомъ и Воронцовымъ.

Чтобы подать гвардіи сигналъ возстанія, Елизавета и Ла Шетарди ожидали только наступленія шведскихъ войскъ. Начало войны приближалось; ежедневно русскіе полки проходили

---

*) 26 сентября 1741 г.
**) Ла Шетарди 2-го сентября.

столицу, направляясь къ Финляндіи. Передъ уходомъ офицеры являлись къ Елизаветѣ и выражали ей свою преданность. „По крайней мѣрѣ, отвѣчала она, не убивайте моего племянника *).

Непредвидѣнный случай едва не погубилъ все дѣло, а именно извѣстіе о первомъ неуспѣхѣ шведовъ. Фельдмаршалъ Леси, командовавшій русскими силами, собранными на границѣ, разбилъ нѣсколько полковъ, проникъ на непріятельскую территорію и взялъ приступомъ крѣпость Вилльманстрандъ. Услыхавъ объ этихъ событіяхъ, Ла Шетарди поспѣшилъ къ цесаревнѣ, которую засталъ въ угнетенномъ настроеніи духа; постарался поднять ее упавшее мужество, потомъ, по ея просьбѣ ухитрился вступить въ общеніе съ главной шведской квартирой. Тайнымъ образомъ получилъ онъ оттуда и распространилъ въ обществѣ манифестъ, въ которомъ правительство Стокгольма, выражая дружелюбныя намѣренья относительно „славнаго русскаго народа“, изъявляетъ готовность обрушиться всѣми силами на правительство, притѣсняющее незаконное **).

Несмотря на эти увѣренія Елизавета чувствовала, какъ ускользаетъ надежда, основанная ею на немедленной помощи шведовъ. Настойчиво побуждаемая своими сторонниками, она склонялась къ мысли обойтись безъ нихъ и поторопиться съ развязкой.

3-го декабря 1741 г., она возвращалась къ себѣ во дворецъ послѣ обычной прогулки, когда Шетарди подошелъ, чтобы помочь ей выйти изъ саней. Лицо, взглядъ, голосъ цесаревны выражали глубокое волненіе и крайнее нетерпѣніе; маркизъ понялъ, что она не въ состояніи дожидаться продолжительной отсрочки. Поэтому онъ предложилъ ей назначить въ ближайшемъ времени день переворота, но въ то же время постарался предостеречь ее

---

*) 21 сентября 1741 г. Если вѣрить Фридриху II („Histoire de mon temps“), Елизавета не остановилась бы ни передъ какимъ средствомъ, чтобы склонить на свою сторону войска. „Если любовь,—говоритъ онъ,—погубила правительницу, то любовь, болѣе доступная, какой цесаревна Елизавета награждала преображенскихъ гвардейцевъ, возвела ее на престолъ“.

**) Ла Шетарди 28 октября и 8 ноября.

отъ колебаній послѣдней минуты. Онъ зналъ безпокойную и впечатлительную душу Елизаветы и зналъ, что рискнувъ на все въ пылу увлеченія, она способна все погубить въ порывѣ слабости. Рѣшивъ доказать ей, что разъ борьба начата, не остается другихъ шансовъ къ спасенію кромѣ успѣха, онъ заговорилъ съ ней энергично, почти рѣзко. „Вы принуждаете меня“, — сказалъ онъ. — „не скрывать отъ васъ опасности, какой вы подвергаетесь. Знайте же, что изъ достовѣрныхъ источниковъ мнѣ извѣстно о предположеніи заточить васъ въ монастырь, и вы были бы уже тамъ, если бы не помѣшали нѣкоторыя обстоятельства, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что такая отсрочка не будетъ долговременна. Чѣмъ же вы рискуете, если бы даже ваше предпріятіе не удалось, только возможностью испытать на нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе предназначенную вамъ судьбу, отъ которой вамъ, благодаря принятымъ мѣрамъ, уже не удастся болѣе избавиться? Единственная разница, что пребывая въ бездѣйствіи, вы лишите мужества своихъ друзей, между тѣмъ какъ выказывая твердость духа вы сохраните себѣ сторонниковъ, которымъ ваше несчастье придастъ еще болѣе рѣшимости отомстить за васъ“. Слова эти произвели впечатлѣніе на Елизавету, она пожелала узнать, изъ какихъ источниковъ Ла Шетарди получилъ сообщенныя ей свѣденія. Отвѣты посланника усилили въ ней благодѣтельный испугъ. Она поблагодарила своего совѣтчика за откровенность и добавила, что разъ ее довели до этого, она не обезславитъ крови Петра Перваго.

Воспользовавшись такой горячностью, Ла Шетарди немедленно приступилъ къ обсужденію подробностей предстоящихъ мѣропріятій. Необходимо было обрушиться на правительство неожиданно, чтобы въ одну ночь все было кончено и Петербургу, вставъ по утру, не оставалось ничего иного, какъ привѣтствовать свою новую повелительницу. Преданность солдатъ гвардейцевъ казалась безусловной, офицеры же внушали нѣкоторое сомнѣніе, слѣдовало дѣйствовать, опираясь только на помощь первыхъ. „Вамъ нечего колебаться“,—сказалъ маркизъ,—

„довѣрьтесь имъ и всецѣло отдайтесь въ ихъ руки“. Было рѣшено, что Елизавета, надѣвъ подъ платье кольчугу, отправится въ казармы, подниметъ войска и сама приведетъ ихъ къ Зимнему дворцу, и подъ личнымъ предводительствомъ произведетъ осаду трона. Ла Шетарди, „обдумавъ и тщательно обсудивъ всѣ подробности, относящіяся къ перевороту“—какъ онъ писалъ своему правительству, перешелъ къ другому вопросу, не менѣе интересному. Торжество Елизаветы должно было сдѣлаться побѣдой Франціи, ея восшествіе на престолъ упрочить навсегда французское вліяніе въ Россіи, и по словамъ самого посланника, „нанося ударъ, цесаревна должна арестовать и избавиться отъ всѣхъ враговъ Франціи.“ Ла Шетарди представилъ ей списокъ всѣхъ лицъ, кого по его словамъ слѣдовало взять подъ стражу, и отправить въ ссылку и въ немъ онъ не пропустилъ ни одного изъ явныхъ или тайныхъ сторонниковъ Германіи. Прежде всего значились: Остерманъ, Минихъ, Линаръ и Юлія Менгденъ. Елизавета не возражала ни на одно изъ именъ; получалась любопытная картина французскаго посланника, составляющаго въ Россіи перечень опальныхъ, и помѣстившаго въ числѣ ихъ всѣхъ членовъ правительства, къ которому былъ аккредитованъ *).

Когда Ла Шетарди и Елизавета пришли къ соглашенію относительно всѣхъ пунктовъ, имъ оставалось только назначить день. Этотъ вопросъ былъ отложенъ до будушаго свиданія

На слѣдующій день происходилъ по обыкновенію пріемъ при дворѣ; Елизавета непремѣнно пожелала на немъ присутствовать. Высочайшія особы играли въ галлереѣ; вокругъ столовъ тѣснилась толпа придворныхъ и дежурные офицеры, всѣ иностранные посланники были налицо, а среди нихъ Ла Шетарди. Вдругъ правительница и Елизавета встали и удалились въ уединенный покой. Разговоръ ихъ затянулся; когда онѣ вернулись въ галлерею, на лицѣ Елизаветы отражались слѣды глубокаго волненія. Неужели раскрылась тайна цесаревны, а слѣдовательно и французскаго короля? Ла Шетарди скрылъ свое безпокойство

*) Письмо къ Амло.

подъ невозмутимой любезностью дипломата, но удалился рано и сейчасъ же послалъ за Лестокомъ.

Всю ночь онъ напрасно прождалъ его; лишь на слѣдующій день имъ удалось увидаться. Съ первыхъ же словъ онъ убѣдился въ важности положенія. Вчерашній разговоръ Анны и Елизаветы всецѣло относится къ маркизу. Правительница жаловалась въ горькихъ выраженіяхъ на его интриги, высказывала намѣреніе потребовать его отозванія и упрекала Елизавету въ общеніи съ подобнымъ человѣкомъ. „Разъ это такъ",—возразила Елизавета,—„почему не передадите вы ему черезъ Остермана запрещеніе являться ко мнѣ?"—„Конечно, я этого не сдѣлаю",—отвѣчала Анна,—„людей такого рода не слѣдуетъ раздражать или подавать имъ поводъ жаловаться" *). Споръ разгорѣлся и гнѣвъ, болѣе чѣмъ страхъ, исказилъ лицо Елизаветы.

Итакъ правительство было насторожѣ; это являлось лишнимъ поводомъ дѣйствовать безотлагательно. Лестокъ снова выразилъ свою увѣренность въ надежности солдатъ. „Отлично",—сказалъ Ла Шетарди,—„чтобы облегчить славнымъ гренадерамъ работу на пользу нашей цесаревны, назначимъ день переворота, и пусть Швеція, согласно свѣдѣніямъ, переданнымъ въ Стокгольмѣ отъ имени короля, дѣйствуетъ съ своей стороны". Лестокъ отправился за распоряженіями къ своей повелительницѣ и черезъ нѣсколько минутъ, вернувшись къ посланнику, передалъ: „что назначить день зависитъ отъ его усмотрѣнія, но лишь неизбѣжная необходимость можетъ вызвать отсрочку условленнаго" **). Ла Шетарди взялся переслать съ курьеромъ тайно депешу французскому посланнику въ Швеціи, чтобы генералъ Левенгауптъ, расположившійся со своей арміей на границѣ, поторопился съ нападеніемъ. Такъ какъ необходимо было время, чтобы отправить гонца въ Стокгольмъ, то онъ назначилъ рѣшительную минуту въ ночь съ 11-го на 12-е января 1742 г.

Предстоялъ цѣлый мѣсяцъ мучительнаго ожиданія. Ели-

---

*) Письмо къ Амло.

**) Письмо къ де ла Мондамеру.

завета покорилась бы ему, но какъ разъ въ то время, какъ Лестокъ выходилъ изъ посольства, важное извѣстіе разнеслось по Петербургу. Передавали, что шведы перешли черезъ границу, а вмѣстѣ съ тѣмъ три гвардейскихъ полка получили приказъ готовиться къ выступленію въ походъ завтра утромъ. Такое распоряженіе привело въ отчаяніе вѣрныхъ гренадеръ; уходя, они отдавали свою цесаревну въ руки враговъ; увидятся ли они съ ней по возвращеніи? Вечеромъ, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами, семь изъ наиболѣе рѣшительныхъ отправились къ ней и съ фамильярностью, вызываемой преданностью, заявили, что если цесаревна не согласится на ихъ убѣжденія, они силою заберутъ ее и отведутъ въ казармы. Въ то же время, если вѣрить нѣкоторымъ разсказамъ, Лестокъ показалъ ей листокъ бумаги, на которомъ нарисовалъ изображеніе короны и колеса, со словами: „Первая для васъ, или вторая для меня". Елизавета рѣшилась; жребій былъ брошенъ. Вождь заговора не подавалъ сигнала, а самъ получилъ его. —Цесаревна объявила солдатамъ, что послѣдуетъ за ними и отправится въ роты Преображенскаго полка.

Въ полночь, таинственные сани остановились передъ французскимъ посольствомъ. Въ нихъ сидѣла Елизавета, плотно закутавшись въ шубу; Воронцовъ, довѣренный, посредникъ и семь гренадеровъ составляли ея свиту. Она приказала постучаться въ дверь посланника и передать ему, что „идетъ добывать себѣ славу" *), затѣмъ продолжала свой путь къ казармамъ.

Среди преображенцевъ она въ особенности разсчитывала на роту гренадеръ. Подъѣхавъ къ казармамъ, она направилась прямо къ ихъ помѣщеніямъ; они ее ожидали. „Ребята, вы знаете, чья я дочь?"—обратилась къ нимъ она,—ступайте за мной, мои дѣти"! Всѣ окружили ее, готовые слѣдовать за ней. Тогда она взяла крестъ и стала на колѣни; то же продѣлали всѣ присутствующіе. „Клянусь этимъ крестомъ",—сказала она,—„умереть за васъ; клянитесь и вы умереть за меня". Всѣ принесли клятву. Потомъ, разрѣзавъ барабаны, чтобы нельзя было ими воспользо-

---

*) Письма королю.

ваться и поднять тревогу, отрядъ направился къ Зимнему дворцу, подъ предводительствомъ Елизаветы. Изъ всей арміи единственный человѣкъ былъ бы въ состояніи остановить порывъ войскъ: Минихъ. Офицеръ, стоявшій на караулѣ у его дверей, принадлежалъ къ числу заговорщиковъ; онъ получилъ приказъ арестовать фельдъ-маршала.

Стоялъ сильный морозъ, толстый слой окрѣпшаго снѣга прикрывалъ землю, заглушая всякій шумъ. Двѣсти гренадеръ торопливымъ шагомъ, слѣдовали за санями Елизаветы, молча, и полные рѣшимости; они дали взаимную клятву не произнести ни слова во время перехода и проткнуть штыкомъ перваго малодушнаго. Отъ Преображенскихъ казармъ, расположенныхъ въ предмѣстьяхъ, до Зимняго дворца, путь былъ далекій. Надо было пройти по Невскому проспекту, безлюдному и пустынному. Обширные дворцы уже высились по обѣимъ сторонамъ его и служили жилищемъ для главнѣйшихъ представителей правительства. По мѣрѣ того, какъ отрядъ проходилъ мимо этихъ дворцовъ, нѣсколько солдатъ отдѣлялись въ сторону, заходили въ дома и арестовывали указанныхъ лицъ, чтобы препроводить ихъ, согласно полученному приказанію, въ дворецъ Елизаветы. Въ концѣ Невскаго, при поворотѣ на набережную Невы по пути къ Зимнему дворцу, Елизавета выразила опасеніе, какъ бы скрипъ саней не привлекъ вниманія: она вышла и продолжала дорогу пѣшкомъ. Несмотря на всѣ старанія, ей не удавалось поспѣвать за быстрой походкой солдатъ. „Матушка,—сказали они ей,—такъ не скоро дойдемъ, надо торопиться“ *) и схвативъ цесаревну, они взяли ее на руки и донесли такимъ образомъ до дворцоваго двора.

Она вошла въ кордегардію. „Дѣти, обратилась она къ солдатамъ, вставайте. Вамъ извѣстно, какъ нашъ бѣдный народъ терпитъ отъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей“. Солдаты окружили ее, цѣлуя ей руки; видя колебанія офицеровъ, набросились на нихъ и обезоружили: одинъ изъ офицеровъ былъ бы заколотъ штыкомъ, если бы Елизавета не отвела ружья. По-

*) Письмо королю.

ставивъ караулъ у входовъ и взявъ съ собой сорокъ гренадеръ, предварительно заставивъ ихъ поклясться не проливать крови, она поднялась въ апартаменты. Передъ ней часовые складывали оружіе. Она застала правительницу въ постели и Юлію Менгденъ, лежащую рядомъ съ ней: Анна Леопольдовна не оказала никакого сопротивленія и попросила единственной милости, оставить при себѣ свою любимицу. Одновременно былъ арестованъ герцогъ Брауншвейгскій. Что касается маленькаго царя, Елизавета взяла его на руки и сказала поцѣловавъ: „Бѣдное дитя, ты невинно, но твои родители несутъ тяжелую вину" *). Она посадила его въ одни сани съ правительницей и герцогомъ Брауншвейгскимъ, затѣмъ, усѣвшись въ свои сани, въ сопровожденіи свиты и плѣнниковъ вернулась къ себѣ во дворецъ. Передъ отъѣздомъ она вспомнила объ одной предосторожности, указанной ей третьяго дня Ла Шетарди. Знамена трехъ гвардейскихъ полковъ обыкновенно находились въ Зимнемъ дворцѣ; она захватила ихъ съ собой, зная преданность солдатъ этимъ чтимымъ эмблемамъ и зная, что въ ихъ глазахъ долгъ перемѣщался вмѣстѣ со знаменемъ.

Прибывъ во дворецъ, Елизавета застала тамъ своихъ главнѣйшихъ враговъ, но плѣнниками и подъ надежнымъ карауломъ. Никто не сдѣлалъ попытки сопротивленія, за исключеніемъ Миниха и Остермана, которые принудили солдатъ къ насилію. Елизавета отдала приказъ заключить ихъ въ крѣпость вмѣстѣ съ правительницей, ея мужемъ и сыномъ. Тѣмъ временемъ двадцать человѣкъ преображенцевъ вскочили на коней и помчались во весь опоръ къ казармамъ остальныхъ полковъ, убѣждая гвардію и войска гарнизона присоединиться къ себѣ. Занимался разсвѣтъ; радостное извѣстіе передавалось изъ устъ въ уста. Всѣ недовольные предшествовавшимъ царствованіемъ, всѣхъ кого выгода, опасеніе, или искренняя преданность привязывали къ Елизаветѣ—ея сторонники вчерашніе и завтрашніе—спѣшили къ ея дворцу. Ей представлялись генералы и мужики, епископы и солдаты,

*) Разсказъ о переворотѣ, сохранившійся въ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

и всѣхъ она принимала съ одинаковой привѣтливостью. Наконецъ, въ два часа, депутація, состоявшая изъ лицъ высшаго духовенства и сановниковъ, привѣтствовала ее титуломъ „императрицы всероссійской", а на улицѣ раздавалось бѣшеное „ура" народа и арміи. Надѣвъ Андреевскую ленту, Елизавета вышла къ толпѣ, прошла передъ рядами войскъ и торжественно направилась въ Зимній дворецъ. Какой контрастъ между этимъ тріумфальнымъ шествіемъ и стремительнымъ ночнымъ набѣгомъ! Гвардія, пѣшая и конная, въ парадной формѣ, сопровождала сани государыни: по ея пути солдаты стояли шпалерами; безчисленныя толпы заполняли улицы и привѣтствовали ее единодушными возгласами. Прибывъ въ императорскій дворецъ, Елизавета приказала отслужить благодарственный молебенъ; когда она направилась въ церковь, ее окружили вѣрные преображенцы: „Ты видѣла, матушка", — говорили они, — „какъ усердно сослужили мы свою службу. За это просимъ одной награды—объяви себя капитаномъ нашей роты и пусть мы первые присягнемъ тебѣ! *).

Среди волненій дня Елизавету не покидала мысль о Ла Шетарди. Ежечасно она извѣщала его о ходѣ событій и послѣ провозглашенія своего императрицей обратилась къ нему за совѣтомъ по поводу щекотливаго вопроса: какъ поступить съ маленькимъ, свергнутымъ и плѣннымъ царемъ. Ла Шетарди далъ совѣтъ, двусмысленныя выраженія котораго плохо скрывали жестокость: „Нѣтъ такой предосторожности, которую не слѣдовало бы принять, чтобы уничтожить даже слѣдъ царствованія Ивана VI",—отвѣтилъ онъ.—Только такимъ образомъ можно сохранить Россію рано или поздно отъ несчастій, которыя способны повлечь за собой обстоятельства и которыхъ, послѣ примѣра Лжедмитрія, еще больше можно опасаться въ этой странѣ.

Въ шесть часовъ утра камеръ-юнкеръ явился къ послу съ извѣстіемъ, что императрица его ждетъ. Вотъ разсказъ самого Ла Шетарди объ этомъ свиданіи: „Я немедленно отправился ко двору; ея величество была слишкомъ взволнована, какъ-будто

---

*) Письмо къ королю.

находясь въ какомъ-то вихрѣ. Она быстро спросила меня: Что скажутъ теперь наши друзья англичане? Не легко имъ будетъ теперь сохранить гарантію, данную ими сыну принца Браунгшвейгскаго и ради которой они наконецъ рѣшились ратификовать трактатъ Финча.—„Есть еще человѣкъ, котораго мнѣ хотѣлось вы видѣсь",—продолжала она иронически. — „Это Ботта! *) Я думаю, откровенно говоря, что онъ будетъ въ нѣкоторомъ затрудненіи; но совершенно напрасно; я вполнѣ готова дать ему 30,000 человѣкъ". **)

Послѣ своего торжества, Елизавета не забыла человѣка, о которомъ никогда не вспоминала равнодушно. Одной изъ ея первыхъ мыслей была о Людовикѣ XV. „Я увѣрена" — говорила она Ла Шетарди,—„что его величество болѣе, чѣмъ кто-либо приметъ участіе въ счастливой перемѣнѣ, происшедшей въ моей жизни, и я сама собираюсь сообщить ему, какъ я тронута тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для меня".

Она сдержала слово: черезъ два дня послѣ переворота, прежде чѣмъ иностранные дворы получили извѣщеніе о немъ, она написала французскому королю письмо, содержавшее въ себѣ, вмѣстѣ съ благодарностью за прошлое, обѣщаніе въ будущемъ.

„Мы нисколько не сомнѣваемся, любезнѣйшій братъ и истинный другъ",—писала императрица, разсказавъ о своемъ восшествіи на престолъ,—„что Ваше Величество не только по дружественному отношенію къ нашимъ августѣйшимъ предкамъ съ удовольствіемъ узнаете объ этомъ счастливомъ событіи, благопріятномъ для нашего государства, но что Ваше Величество будетъ одушевлено тѣми же намѣреніями, которыя имѣемъ мы касательно всего, что можетъ служить для ненарушимаго и прочнаго сохраненія и упроченія дружбы, къ счастью связывающей оба двора. Ибо мы, съ нашей стороны, во все наше царствованіе приложимъ особое стараніе къ тому и съ радостью

---

*) Австрійскій посолъ.

**) Письмо къ Амло.

воспользуемся всѣми случаями, чтобы все болѣе и болѣе убѣждать Ваше Величество въ нашихъ искреннихъ и неизмѣнныхъ чувствахъ *).

---

*) Письмо императрицы королю (по-французски), помѣченное 28 ноября стараго стиля 1741 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НЕУДАЧА МАРКИЗА.

Реакція противъ нѣмцевъ.—Франція въ фаворѣ.—Легкость заключенія русскаго союза.—Намѣренія Елизаветы.—Она велитъ разыскать портретъ короля.—Осторожность, которую предписываютъ отношенія Франціи къ Швеціи.—Ошибки Франціи; предпочтеніе, оказываемое ею Швеціи. Она создаетъ Елизаветѣ враговъ на сѣверѣ и на востокѣ.—Инцидентъ съ перехваченнымъ письмомъ.—Россія отклоняетъ посредничество Франціи.—Объясненіе между маркизомъ и императрицей.—Ла-Шетарди проситъ объ отозваніи его.—Коронаціонныя празднества.—Морицъ Саксонскій.—Ужинъ во французскомъ посольствѣ.—Богомолье.—Отъѣздъ маркиза; его остановка въ дорогѣ.—Равнодушіе Франціи къ Россіи.—Память дю-Тейля.—Турція и Венеціанская республика.—Договоръ царицы съ Англіей.—Заговоръ Ботта д'Адорно.—Ла-Шетарди возвращается въ Россію; его планъ.—Бѣшеная скачка.—Посолъ среди льдовъ.—Первое свиданіе.—Ожесточенная борьба. — Полиція канцлера.—Портретъ безъ лести.—Заявленіе Ла-Шетарди; бригадиръ французской арміи.—Обращеніе съ маркизомъ.—Его послѣднія славныя дѣла; его конецъ.

Переворотъ 6 декабря имѣлъ характеръ реакціи противъ иностранцевъ. Господство нѣмцевъ не было безполезно для Россіи: они поддерживали и продолжали реформы Петра Великаго. Однако націи, наконецъ, надоѣло чувствовать надъ собой вѣчное тяготѣніе этихъ суровыхъ учителей. При восшествіи на престолъ Елизаветы, Россія возстала противъ нихъ. Кара постигла прежде всего иностранцевъ, стоявшихъ во главѣ: Остерманъ окончилъ свои дни въ отдаленной провинціи; Минихъ былъ сосланъ въ Пелымь, гдѣ жилъ въ домѣ, построенномъ по его плану для Бирона; прочіе были изгнаны изъ дворцовъ, канцелярій, лагеря—отовсюду, куда они пробрались. При дворѣ остался только одинъ

нѣмецъ—братъ фельдмаршала Миниха. Въ финляндской арміи солдаты отказывались повиноваться офицерамъ съ нѣмецкими фамиліями. Въ Петербургѣ народъ бунтовалъ противъ нѣмцевъ и хотѣлъ растерзать ихъ. Духовенство съ каѳедры называло ихъ „дьявольскимъ отродьемъ“ и сравнивало ихъ господство съ „проклятымъ татарскимъ игомъ“. Чтобы успокоить народное раздраженіе, Елизаветѣ пришлось составить свое министерство изъ людей совершенно новыхъ, не имѣвшихъ никакихъ связей съ иностранцами: князя Черкасскаго, двухъ братьевъ Бестужевыхъ и графа Воронцова.

Переставъ быть нѣмецкой, офиціальная Россія, состоявшая изъ двора и генеральнаго штаба арміи, желала остаться страной европейской. Предполагая, что ея недавнее знакомство съ искусствами, нравами и политикой Запада не позволяетъ ей еще обойтись безъ образца, она ограничилась тѣмъ, что перемѣнила школу. Франція помогала ея освобожденію. „Здѣсь передъ ней преклоняются“, писалъ Ла-Шетарди.—„Французскій посолъ—первый министръ“,—писалъ англійскій посолъ. Русскіе сблизились съ Франціей изъ благодарности. „Они открыли“—сказалъ французскій историкъ Рамбо, „что у нихъ съ нами больше общаго, чѣмъ съ нѣмцами“. Они начали подражать французамъ и успѣли въ этомъ безъ труда. Дворъ преобразился какъ по мановенію волшебнаго жезла: германская внѣшность исчезла немедленно. Французскій языкъ, обычаи, моды пріобрѣли право гражданства въ Петербургѣ, и подъ руководствомъ Ла Шетарди русскіе усвоили себѣ непринужденность манеръ, легкомысленное изящество и изысканную утонченность французскаго общества.

Должно ли было подобное сближеніе между двумя націями повести къ политическому союзу? Въ Европѣ никто не сомнѣвался въ этомъ, и враги Франціи до-смерти перепугались. Минута была торжественная: въ продолженіе всего 1741 года Марія-Терезія держалась противъ французскихъ войскъ, соединенныхъ съ прусскими, но только цѣною крайнихъ жертвъ; силы ея истощались, и у нея оставалась одна только надежда—отторгнуть Фридриха II отъ коалиціи, составившейся противъ Австріи, от-

давъ ему Силезію. И австрійская императрица начала переговоры съ этой цѣлью. Франко-русское соглашеніе удержало бы отъ отпаденія короля прусскаго и сохранило бы его страхомъ русскаго оружія для французскихъ интересовъ и нанесло бы дѣлу Австріи рѣшительный ударъ.

Въ Петербургѣ считали союзъ дѣломъ рѣшеннымъ; говорили о торговомъ трактатѣ, но въ то же время о союзѣ оборонительномъ, подкрѣпленномъ женитьбой герцога Голштинскаго, племянника царицы, объявленнаго наслѣдникомъ престола, на одной изъ французскихъ принцессъ, дочерей Людовика XV. Нѣкоторые шли дальше и шопотомъ разсказывали о прибытіи тайныхъ пословъ изъ Версаля съ тѣмъ, чтобы уговорить Елизавету и подготовить ея бракъ съ храбрымъ принцемъ изъ дома Бурбоновъ. Многимъ русскимъ казалось, что Франція должна стать тѣмъ, чѣмъ была Австрія — любезной арендаторшей. Лестокъ, оставшійся довѣреннымъ секретаремъ императрицы, перешелъ на жалованье Франціи, которое получалъ помѣсячно. Дамы изъ высшаго общества являлись къ Ла-Шетарди, прося его ходатайствовать о назначеніи имъ пособія отъ французскаго короля *). Елизавета, повидимому, поддерживала своимъ поведеніемъ эти надежды и намѣренія: она ежедневно видалась съ маркизомъ и не переставала высказывать не только личную дружбу по отношенію къ нему, но и желаніе войти съ Франціей въ болѣе тѣсныя сношенія. Съ чисто женской деликатностью она пользовалась малѣйшимъ случаемъ, чтобы ярко проявить свою симпатію къ Франціи и ея любезному государю.

„Она вспомнила",—писалъ Ла Шетарди, — „что царь — ея отецъ—привезъ изъ Франціи портретъ короля, которому въ то время шелъ восьмой годъ, и немедленно приказала разыскать и принести его себѣ. Внимательно разсмотрѣвъ его, она сказала: „Мнѣ очень-бы хотѣлось взглянуть на тотъ, который есть у васъ". Я съ сожалѣніемъ исполнилъ ея желаніе, такъ какъ портретъ, заказанный мною для моего посольства, своимъ богатствомъ

*) Ла-Шетарди, январь, февраль, мартъ 1742 г.

далеко не вознаграждалъ недостатковъ живописи, я указалъ, отвѣчая на вопросы Императрицы или самъ предупреждая ихъ, что не удалось неискусному живописцу".

Въ теченіе разговора, довольно продолжительнаго и коснувшагося различнаго рода вопросовъ, царица замѣтила, что стоитъ спиной къ королю и упрекнула себя за разсѣянность: „Это не помѣшаетъ"—сказалъ я ей,—„чтобы король всегда являлся передъ вашимъ величествомъ съ лучшей своей стороны, какъ только представится случай дать вамъ доказательства дружбы."—„Тѣмъ охотнѣе вѣрю этому",—отвѣтила она,—„что король единственное коронованное лицо, къ которому я, съ тѣхъ поръ какъ помню себя, чувствовала бы влеченіе."—„Вы, надѣюсь, позволите, государыня",—сказалъ я,—„передать это Его Величеству королю, ибо, если король, смотря на васъ, какъ на государыню всероссійскую, съ удовольствіемъ узнаетъ взгляды вашего величества на возможность тѣснаго соглашенія между двумя державами, онъ не можетъ не быть весьма доволенъ, что такая очаровательная государыня, какъ ваше величество, всегда имѣла такой образъ мыслей относительно его."—„Я не противлюсь тому, что вы намѣреваетесь сдѣлать, и буду очень рада, если король повѣритъ большому и искреннему желанію съ моей стороны вступить съ нимъ въ самый тѣсный союзъ.

Никогда обстоятельства не казались столь благопріятными для заключенія прочнаго союза съ Россіей. Тѣмъ не менѣе, чтобы воспользоваться благопріятнымъ расположеніемъ этой державы, Франція должна была поступать тактично, ловко и сдержанно.

Вступленіе Елизаветы на престолъ сдѣлало положеніе Франціи на сѣверѣ особенно деликатнымъ. Состоя въ тѣсной дружбѣ съ Швеціей, она побудила послѣднюю державу выступить противъ Россіи, тогда дѣйствовавшей заодно съ противниками Франціи; и вдругъ, по внезапному перевороту, непріятельница превращалась въ друга. Впредь Франція уже не имѣла интереса поддерживать порожденный ею конфликтъ; но имѣла ли она возможность уладить его? Безъ сомнѣнія обѣ воюющія стороны

искали ея посредничества. Къ несчастью, французскій министръ, съ цѣлью склонить шведовъ въ пользу Елизаветы, принялъ на себя указать возможность, что она наконецъ уступитъ земли, которыя такъ энергично отказывалась возвратить: даже, съ прискорбнымъ легкомысліемъ, взялъ на себя формальное обязательство поддерживать въ мирныхъ переговорахъ требованіе Швеціей возврата Балтійскихъ провинцій. Это неблагоразумное обѣщаніе мѣшало Франціи выполнить роль безпристрастнаго посредника и принуждало ее, принимая такую роль, или обидѣть Швецію, или сразу задѣть щепетильность Россіи. При такихъ обстоятельствахъ наилучшимъ казалось тотчасъ же вслѣдъ за совершившимся переворотомъ и еще прежде серьезнаго открытія враждебныхъ дѣйствій,—устроить между сторонами немедленное перемиріе и миръ на основаніи statu quo, если только Швеція согласилась бы на это. Въ противномъ случаѣ, слѣдовало вѣжливо отклонить посредничество, предоставивъ воюющимъ самимъ рѣшить свой споръ, щадить Елизавету, не разрывая съ Швеціей, и честностью своего образа дѣйствія окончательно закрѣпить выразившіяся симпатіи Россіи.

Франція же приняла политику совершенно противоположную. Въ тотъ самый день, когда Елизавета возложила на себя императорскій вѣнецъ, Ла-Шетарди послалъ Левенгаупту совѣтъ остановить движеніе его войскъ и получилъ обѣщаніе втихомолку прекратить военныя дѣйствія. Амло сдѣлалъ ему по этому поводу строгій выговоръ. Государственный секретарь надѣялся, что безпорядокъ, неразрывный со всякимъ переворотомъ, парализуетъ на нѣкоторое время силы Россіи и доставитъ ея врагамъ случай получить успѣхъ легкимъ путемъ. Происшедшее опровергаетъ эти предположенія. Враждебныя дѣйствія возобновились, но съ первыхъ встрѣчъ Швецію постигли неудачи. Тогда Франція выступила съ своимъ посредничествомъ; зимой 1742 г. въ Петербургѣ начались совѣщанія, на которыхъ представителемъ явился Нолькенъ. Шетарди сдѣлалъ ошибку пригласить шведскаго уполномоченнаго остановиться въ французскомъ посольствѣ.

Съ самаго начала переговоровъ Елизавета дала понять, что, если она и согласится уплатить военныя вознагражденія въ память прошедшихъ услугъ, то не уступитъ ни пяди государственной земли. Но Нолькенъ тѣмъ не менѣе настаивалъ на территоріальномъ вознагражденіи, и Ла-Шетарди поддерживалъ это требованіе, что мѣшало Амло находить его „немного слишкомъ русскимъ“*). Министры императрицы не раздѣляли этого взгляда: имъ скоро стало ясно пристрастіе Франціи, на они высказали это Ла-Шетарди въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ. „Намъ весьма прискорбно“,—говорили они,—„ставить въ своемъ неудовольствіи Францію на одну доску съ Швеціей; напротивъ, мы не будемъ претендовать на нее за исполненіе ея обязательствъ относительно Швеціи: мы признаемъ, что Франція не можетъ почетнымъ образомъ отступиться отъ нихъ. Но нельзя сказать того же объ обязательствахъ, приписываемыхъ королемъ теперь, ибо, насколько при первыхъ ему невозможно было предвидѣть будущее, настолько же намъ пришлось бы жаловаться во второмъ случаѣ, если бы его величество, не обращая вниманія на нашу преданность Франціи, способствовалъ созданію намъ новыхъ враговъ. Мы надѣемся, что король не отступится отъ дружбы, которую всегда оказывалъ царицѣ.**)

Франція не обратила никакого вниманія на это воззваніе. Въ эту минуту ея дипломатія главнымъ образомъ была занята именно созданіемъ новыхъ враговъ для Россіи и поступала съ послѣдней какъ будто въ Петербургѣ еще господствовали нѣмцы. Франція только что подписала договоръ союза съ Даніей (15 марта 1742 г.) и не щадила ничего, чтобы устроить тѣсное сближеніе между этимъ королевствомъ и Швеціей. **) Мало того, она открыла въ Константинополѣ дѣятельные переговоры, съ цѣлью побудить турокъ принять по отношенію къ Россіи угрожающее положеніе, которое поддержало бы требованіе Швеціи. Французскій посолъ въ Портѣ, маркизъ Кастелланъ, еще преуве-

---

*) Амло къ Ла Шетарди 3 марта 1742 г.

**) Флассанъ, „Histoire de la diplomatie française“.

личивалъ размѣры инструкцій, пытаясь превратить оборонительную конвенцію, заключенную въ 1740 г. между Швеціей и Турціей, въ наступательный союзъ противъ Россіи. Не добившись отъ безпечной Порты военной поддержки, они убѣдили турокъ обѣщать Швеціи субсидію въ 300,000 піастровъ. Такимъ образомъ враги Франціи получали оружіе, чтобы подорвать французскій кредитъ въ Петербургѣ. Австрія и Англія не дремали: они скоро узнали о дѣйствіяхъ Франціи и предупредили Россію.

22 апрѣля 1742 г. къ Ла-Шетарди явился Лестокъ съ отчаяннымъ видомъ. Бывшій довѣренный Елизаветы сообщалъ въ французское посольство все, происходившее при дворѣ. Онъ разсказалъ маркизу, что австрійскій посолъ Ботта д'Адорно передалъ царицѣ письмо, присланное Амло де-Кастеллану черезъ Вѣну и задержанное австрійской полиціей. „Эта инструкція", прибавилъ Лестокъ, „составлена въ самыхъ оскорбительныхъ для Россіи выраженіяхъ". Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ константинопольскому агенту, что „послѣдній переворотъ означаетъ конецъ московскаго величія, что „цесаревна Елизавета рѣшила не предоставлять ни одной высшей должности иностранцамъ" и что „предоставленная самой себѣ, Россія не преминетъ вернуться въ свое прежнее ничтожество"; что „Порта, желая ускорить это и избавиться отъ сосѣдки, доставившей ей много непріятностей, должна какъ можно скорѣе прибѣгнуть къ дѣйствіямъ и воспользоваться обязательствами, связывающими ее съ Швеціей, чтобы, соединившись съ нею, напасть на Россію" *).

Чтеніе этого письма изумило Елизавету, а отношеніе Франціи огорчило ее.

Когда маркизъ сообщилъ Амло о непріятномъ инцидентѣ, министръ сначала съ негодованіемъ отвергалъ приписываемыя ему слова. По его увѣреніямъ, все письмо съ начала до конца было сфабриковано въ Вѣнѣ и должно быть отнесено на счетъ привычекъ лжи и коварства, столь любезныхъ австрійскому двору.

*) Ла-Шетарди, 23 апрѣля 1742 г.

Нѣкоторое времени спустя, возвращаясь къ тому же факту, Амло измѣнилъ тонъ и не пытался больше отрицать письма, но только извинялся:

„Въ письмѣ“, писалъ онъ, „нѣтъ ничего, что могло бы получить толкованіе, непріятное для Россіи; его единственной цѣлью было встревожить эту державу и такимъ образомъ сдѣлать ее болѣе уступчивой при заключеніи условій мира. Однако, зрѣло обсудивъ, все же было бы лучше не признавать этого письма; за вѣнскимъ дворомъ столько всякихъ поддѣлокъ, что и это изобрѣтеніе можно бы приписать ему *).

Амло признавалъ справедливо,—однако, относясь къ этому философски,—„что трудно будетъ изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ“.

Манера держать себя Ла-Шетарди еще осложняла затрудненіе. Въ первые мѣсяцы за переворотомъ, опьяненный успѣхомъ, думая, что расположеніе Елизаветы закрѣплено за нимъ навѣки; можетъ быть, льстя себя надеждой, что капризъ превратится въ страсть, онъ во-всю пользовался своей удачей, не соблюдая мѣры, предписываемой занимаемымъ имъ положеніемъ дипломата. Онъ держалъ себя не какъ представитель дружественной державы, но скорѣе, какъ признанный фаворитъ, выставляя на показъ свое вліяніе. Онъ то и дѣло появлялся при дворѣ, небрежно принималъ любезности и съ насмѣшливой дерзостью давалъ тонъ придворнымъ. Дежурные офицеры цѣловали у него руку, называя „батюшкой“; гвардейскіе солдаты являлись къ нему на домъ съ привѣтствіями **). Больше чѣмъ когда-либо онъ старался ослѣпить легкомысленную Елизавету своей роскошью и самоувѣренностью своего обхожденія ***). Онъ сопровождалъ им-

---

*) Амло къ Ла-Шетарди, 5 іюля 1742 г.

**) Ла-Шетарди, декабрь 1741 г.

***) Князь Долгорукій говоритъ въ своихъ *Запискахъ*: „Ла-Шетарди пріѣзжалъ иной разъ ко дворцу въ каретѣ шестерней и, не выходя изъ экипажа, объѣзжалъ дворъ два, три, пять разъ... пока Елизавета, открывъ окно, не посылала ему привѣтствія рукой, ласково улыбаясь. Маркизъ, не выходя изъ кареты, отвѣшивалъ

ператрицу на балы, на охоты, на прогулки; принимая участіе во всѣхъ ея удовольствіяхъ, сидя за столомъ рядомъ съ ней, онъ выказывалъ по отношенію къ ней предупредительную вѣжливость и не старался опровергнуть слухи, льстившіе его тщеславію. Какъ послѣ того удивляться, что такое необдуманное поведеніе вызвало зависть и гнѣвъ, создало сторонниковъ Австріи и враговъ Франціи?

Казалось, что Ла-Шетарди старался особенно возбудить ненависть русскихъ министровъ. Однажды, когда онъ замѣтилъ императрицѣ, что ея канцлеръ, князь Черкасскій, плохо знаетъ иностранные языки, она отвѣчала: „Не все ли равно? Вы вѣдь переговариваетесь прямо со мной, а прочіе послы какъ-нибудь справятся. *) Ла-Шетарди поймалъ ее на словѣ и впредь во всѣхъ важныхъ дѣлахъ обращался къ императрицѣ помимо ея офиціальныхъ совѣтниковъ. Послѣдніе страшно досадовали на это, и двое изъ нихъ, братья Бестужевы, изъ которыхъ одинъ былъ вице-канцлеромъ, а другой—гофмаршаломъ, повели противъ вліянія французскаго представителя глухую, терпѣливую, но безпощадную борьбу. Они мало-по-малу убѣдили Елизавету, что Ла-Шетарди лучше умѣетъ завязывать интригу и устраивать удовольствія, чѣмъ давать умные и безпристрастные совѣты въ политикѣ. Весной 1742 г. Елизавета продолжала приглашать маркиза къ себѣ, находя удовольствіе въ его обществѣ, но уже не совѣтовалась съ нимъ. Какъ разъ въ это время чтеніе перехваченнаго письма окончательно охладило ея чувство къ французскому правительству. Бестужевы воспользовались случаемъ и, ловко обойдя императрицу, получили отъ нея, послѣ долгихъ колебаній, разрѣшеніе отклонить французское вмѣшательство. Она тотчасъ же дала знать Ла-Шетарди, что Россія, вполнѣ при-

---

глубокіе поклоны; тогда императрица говорила: „Вотъ настоящая французская любезность! Какъ они любезны, эти французы!“ Я слышалъ этотъ анекдотъ отъ стараго графа Арманъ Сенъ-Пріестъ (Сенъ-При), отцу котораго въ его молодости разсказывалъ все это самъ Ла-Шетарди.

*) Ла-Шетарди, декабрь 1741 г.

знавая всю цѣну услугъ со стороны короля, предпочитаетъ договариваться съ Швеціей безъ посредниковъ.

Ударъ былъ чувствительный для Ла Шетарди; льстившаго себя надеждой, что онъ будетъ играть на сѣверѣ ту же роль, что Вилльнёвъ на востокѣ. Взбѣшенный онъ отправился во дворецъ, воображая, что ему будетъ достаточно повидаться съ царицей, чтобы заставить ее измѣнить рѣшеніе. Елизавета, приглашавшая его по нѣскольку разъ въ недѣлю ужинать за своимъ столомъ или сопровождать ее въ театръ, не рѣшалась дать ему дѣловой аудіенціи. Она заставила его прождать цѣлыхъ два часа. „Мнѣ оставалось только болтать съ фрейлинами,“—говоритъ маркизъ,—„чтобы сдѣлать видъ, что это меня заставляетъ оставаться такъ долго, чтобы слишкомъ большая перемѣна въ положеніи, въ которомъ я очутился, не такъ бросалась въ глаза придворнымъ“.*)

Наконецъ онъ былъ принятъ, но напрасно онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, переходя отъ просьбъ къ упрекамъ и призывая на помощь воспоминанія о прошедшемъ. „Переговорите съ моими министрами“ былъ единственный отвѣтъ Елизаветы. Уступая первому приступу досады, Ла Шетарди тотчасъ попросилъ, чтобъ его отозвали, и просьба его была исполнена.

Елизавета сожалѣла о такомъ рѣшеніи и старалась удвоенной предупредительностью отнять у отъѣзда посла подобіе немилости. Ла Шетарди еще два мѣсяца пробылъ въ Россіи, пока его дворъ не прислалъ ему отзывныя граматы, вмѣстѣ съ вѣрительными граматами Юссонъ д' Алліона, назначеннаго ему преемникомъ, но только въ качествѣ уполномоченнаго министра. Все это время Ла Шетарди былъ предметомъ самаго лестнаго вниманія. Онъ сопровождалъ дворъ въ Москву, куда Елизавета поѣхала короноваться лѣтомъ 1742 г. Старинная столица, заброшенная въ продолженіе десяти лѣтъ, какъ бы вернулась къ днямъ своего великолѣпія, когда Елизавета въ ея стѣнахъ воскресила всю пышность византійскаго коронованія, окруживъ себя на нѣсколько дней всѣмъ военнымъ и религіознымъ блескомъ, и показа-

*) Ла-Шетарди, 25 мая 1742 г.

лась народу съ высотъ Краснаго крыльца въ нарядѣ древнихъ русскихъ царицъ. Отдавъ эту дань обычаямъ старины, дворъ скоро вернулся къ западнымъ увеселеніямъ. Елизавета обожала балы, маскарады, интриги подъ маской, итальянскую оперу и французскую комедію. Она воспользовалась московскими празднествами, чтобы представить герцога Петра Голштинскаго наслѣдникомъ престола. Этотъ болѣзненный, угрюмый, застѣнчивый молодой человѣкъ имѣлъ мало успѣха при дворѣ; ему было восемнадцать лѣтъ и онъ восторгался театромъ маріонетокъ. Въ Москвѣ же появилась другая личность, очень извѣстная въ Европѣ и сразу обратившая на себя вниманіе; графъ Морицъ Соксонскій. Чуть было не завоевавъ себѣ корону Курляндіи, онъ поступилъ на французскую службу и начальствовалъ надъ однимъ изъ корпусовъ въ Германіи, когда до него дошла вѣсть о восшествіи на престолъ Елизаветы. Было время, когда говорили о его женитьбѣ на цесаревнѣ; онъ вообразилъ себѣ, что повидавшись съ нею, онъ сможетъ воскресить въ ея сердцѣ былую симпатію и получить черезъ императрицу герцогство Курляндское, и кто знаетъ? можетъ быть она призоветъ его раздѣлить съ собою престолъ! Въ Германіи враждебныя дѣйствія шли вяло. Морицъ взялъ отпускъ, думая, что между двумя битвами успѣетъ добыть себѣ герцогскую или даже императорскую корону. Елизавета устроила ему великолѣпный пріемъ въ Москвѣ, осыпала его почестями, но отказалась принять на себя какія-либо обязательства. Морицу пришлось остаться великимъ полководцемъ, и его присутствіе въ Россіи только возвысило на нѣсколько дней блескъ русскаго двора.

Между курфюрстомъ Соксонскимъ и Ла Шетарди господствовало полное согласіе: оба любили пышность и удовольствія. Они принимали участіе во всѣхъ развлеченіяхъ императрицы, въ охотахъ и загородныхъ поѣздкахъ, въ парадныхъ спектакляхъ и ужинахъ въ придворныхъ садахъ. 23 іюня Москва была разукрашена. Блестящая кавалькада изъ дамъ и вельможъ цѣлый вечеръ ѣздила по иллюминованнымъ улицамъ. Во главѣ скакала Елизавета, Морицъ Саксонскій и Ла Шетарди. Вдругъ разрази-

лась гроза; императрица со свитой поспѣшила укрыться въ Кремлѣ, гдѣ занялась показываніемъ своимъ гостямъ императорскихъ регалій—сабли, державы и сверкающей драгоцѣнными камнями короны. Собирались разъѣхаться, когда Елизавета вдругъ спросила у Ла-Шетарди не пригласитъ ли онъ ее поужинать у себя. Уже нѣсколько дней посолъ предвидѣлъ эту фантазію и каждый вечеръ все приготовлялъ для пріема высокой гостьи. Когда царица прибыла въ посольскій домъ, фасадъ его былъ великолѣпно декорированъ, при чемъ главнымъ мотивомъ являлись цвѣта лиліи. По обѣ стороны входа были два фонтана вина*) въ домѣ три роскошно накрытыхъ стола ожидали гостей. Елизавета прошлась по покоямъ, все оглядывая. Проходя мимо портрета Людовика XV она поклонилась ему и нѣкоторое время смотрѣла на него съ видимымъ удовольствіемъ. Въ концѣ ужина, она встала и провозгласила тостъ за здоровье своего брата, короля французскаго. Въ теченіе всего вечера она была очень весела и нѣсколько разъ высказывала свое удовольствіе. Было шесть часовъ утра, когда она уѣхала, „затмевшая солнце своей красотой", по выраженію одного личнаго свидѣтеля.

Черезъ нѣсколько дней сцена измѣнилась: Елизавета перешла оть самыхъ легкомысленныхъ развлеченій къ самой строгой набожности. Она дала обѣтъ отправиться на богомолье пѣшкомъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь и совершила это путешествіе, но требовала, чтобъ Ла Шетарди сопровождалъ ее въ придворномъ экипажѣ. Казалось, что передъ разлукой они не могли обойтись одинъ безъ другого. Между тѣмъ день отъѣзда приближался. Ла Шетарди, осыпанный подарками больше чѣмъ на милліонъ, получилъ на прощальной аудіенціи орденъ Андрея Первозваннаго. Онъ путешествовалъ въ каретѣ, рисунокъ которой былъ составленъ самой императрицей, и гдѣ она приказала помѣстить подъ сидѣніемъ нѣсколько бутылокъ стараго венгерскаго

---

*) Ла-Шетарди выписалъ въ Россію 100,000 бутылокъ вина, изъ нихъ 16,800 шампанскаго.

вина. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы Ла Шетарди догналъ пажъ, пожелавшій уѣзжавшему отъ имени императрицы счастливаго путешествія. За нѣсколько дней до отъѣзда посла Елизавета говорила ему: „Никогда не вырвутъ Францію изъ моего сердца *).

Со стороны Ла-Шетарди отъѣздъ былъ уловкой, имѣвшей цѣлью подготовить торжественное возвращеніе. Посолъ воспользовался своими послѣдними бесѣдами съ Елизаветой, чтобы горько жаловаться на Бестужевыхъ. Онъ обрисовалъ ихъ самыми темными красками и думалъ, что подготовитъ имъ немилость. Ла-Шетарди ѣхалъ медленно, часто останавливаясь, надѣясь узнать дорогой что-нибудь, что позволило бы ему вернуться. Проѣзжая черезъ Германію, онъ нашелъ тамъ французскія дѣла въ плачевномъ состояніи: Фридрихъ заключилъ миръ съ Маріей-Терезіей; одна изъ французскихъ армій эвакуировала Австрію, стягиваясь въ Баварію; другая оказалась запертой въ Прагѣ, откуда ей удалось вырваться только съ трудомъ. Изъ Берлина и Дрездена маркизъ продолжалъ интриговать противъ Россіи, поддерживая секретную корреспонденцію и посылая императрицѣ коротенькія записки, въ которыхъ постоянно указывалъ на опасности, которымъ подвергается государь, оказывая довѣріе министрамъ, злоупотребляющимъ этимъ довѣріемъ. Въ Франкфуртѣ курьеръ изъ Петербурга привезъ ему извѣстіе, что императрица намѣревается офиціально просить о его возвращеніи. Онъ отвѣтилъ, что согласится появиться при императорскомъ дворѣ только увѣрившись, что не встрѣтитъ тамъ своихъ враговъ **).

Такъ высокомѣрно выставляя требованія выбирать между собою и Бестужевыми, смѣлый маркизъ разсчитывалъ побѣдить колебанія Елизаветы и нанести своимъ противникамъ рѣшительный ударъ. Но оказалось, что онъ питалъ совершенно обманчивыя иллюзіи. Императрица не имѣла особенной симпатіи ни къ вице-канцлеру, ни къ его брату; но она переносила ихъ по лѣни

*) Ла Шетарди. Депеши въ августѣ и сентябрѣ 1742 г.
**) Подробность, сообщенная д'Алліономъ, преемникомъ Ла-Шетарди.

и нерадѣнію. Вся отдаваясь удовольствіямъ, постоянно занятая какимъ-нибудь новымъ сердечнымъ увлеченіемъ *), она обращала на политику очень мало вниманія; Бестужевы сумѣли сдѣлаться необходимыми, снимая съ нея бремя правленія и оборудывая всѣ дѣла безъ нея. Ла-Шетарди не получилъ категорическаго отвѣта и рѣшился ѣхать во Францію.

Прибывъ туда въ концѣ 1742 г., онъ съ огорченіемъ замѣтилъ глубокое равнодушіе къ Россіи. Въ это время, т.-е. въ самый критическій моментъ войны за австрійское наслѣдство, французская политика колебалась безъ опредѣленнаго направленія. Старикъ Флери уже не управлялъ; онъ умеръ 29-го января 1743 г. Людовикъ XV тоже не управлялъ. Министръ Амло, предоставленный самому себѣ, самъ характеризовалъ свою политику, когда писалъ къ д'Алліону въ Россію: „Мы никогда не питали надеждъ, чтобы какое-либо соглашеніе между королемъ и Россіей могло принести дѣйствительную пользу, кромѣ вопросовъ торговли. Поэтому нашимъ главнымъ стремленіемъ было всегда, и должно быть впредь, мѣшать насколько возможно Россіи дѣлать намъ зло, которое она могла бы сдѣлать, сблизившись съ нашими врагами.

Ла-Шетарди пытался снова обратить вниманіе французскихъ государственныхъ людей на берега Невы, куда стремились постоянно его воспоминанія и надежды. Изъ отеля, гдѣ онъ остановился въ Парижѣ, онъ послалъ въ министерство докладную записку, гдѣ, смѣшивая, какъ всегда, химерическое съ возможнымъ, онъ набрасывалъ планъ конфедераціи между всѣми сѣверными и восточнымиго государствами—Россіей, Швеціей, Пруссіей, Польшей, Турціей, подъ главенствомъ Франціи. Дю-Тейлю, первому правителю канцеляріи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, было

*) Она отличила молодого пѣвчаго, Разумовскаго, котораго сдѣлала графомъ, оберъ-егермейстеромъ, фельдмаршаломъ, но затѣмъ вскорѣ явился ему соперникъ въ лицѣ красавца Шувалова. Изъ этого видно, что если даже Елизавета любила Ла-Шетарди, она тѣмъ не менѣе нашла ему замѣстителей, хотя и грустила о немъ.

поручено подать свое мнѣніе о запискѣ. Въ своей замѣткѣ Дю-Тейль начинаетъ съ того, что смотритъ, и довольно основательно, на проекты маркиза, какъ на чистый романъ, и сравниваетъ мысль союза между царицей и султаномъ съ идеей „женитьбы султана на венеціанской республикѣ“. Затѣмъ онъ прибавляетъ слѣдующія слова, столь же странныя, сколь и прискорбныя въ устахъ одного изъ заправилъ французской дипломатіи: „Самый вѣрный путь воспользоваться Россіей—это дѣлать видъ, что о ней не думаютъ, не имѣть тамъ министра и, если у нея есть таковый въ Парижѣ, не говорить съ нимъ ни о чемъ серьезномъ. Въ томъ случаѣ, если бы регентъ или регентша, фавориты и министры имѣли желаніе получать субсидіи или подарки отъ Франціи, они сумѣютъ ихъ попросить. Можетъ-быть, вовсе не лишнее прибавить, что, отнесись съ такимъ равнодушіемъ Франція ко многимъ другимъ дворамъ, она отъ этого имѣла бы столько же выгодъ, сколько теперь имѣетъ ущерба.

Елизавета въ то время искала союзника. Она прежде всего разсчитывала на Францію; увидавъ, что послѣдняя покидаетъ ее, она стала искать въ другихъ мѣстахъ. Англія предложила себя и сумѣла заручиться сочувствіемъ вице-канцлера Бестужева; Елизавета уступила убѣжденіямъ своего министра и, несмотря на свое отвращеніе отъ англичанъ, заключила съ ними оборонительный союзъ (22 дек. 1742 г.). Однако, она еще не отказывалась отъ всякой надежды на Францію, и князь Кантеміръ давалъ понять въ Версалѣ, что „его повелительница приняла надлежащія предосторожности, чтобы ея договоромъ съ Англіей не могли воспользоваться въ ущербъ интересамъ Франціи. Подобно многимъ изъ ея предшественниковъ, Елизавета старалась разграничить свои личныя симпатіи отъ офиціальныхъ союзовъ, а симпатіи ея всѣ были на сторонѣ Франціи. Когда черезъ нѣсколько времени Англія напала на Францію, чтобы оказать помощь Австріи, Елизавета желала успѣха французамъ, и когда въ первой встрѣчѣ ихъ флотъ побѣдоносно выдержалъ передъ Тулономъ столкновеніе съ британской эскадрой, императрица радовалась неуспѣху державы, съ которой только что заключила союзъ.

Въ теченіе 1743 г. два важныхъ извѣсті єсъ сѣвера, повидимому способствовали возобновленію болѣе дѣятельныхъ переговоровъ между Франціей и Россіей. Швеція, удрученная рядомъ неудачъ, просила мира; договоръ въ Або отнялъ у нея часть Финляндіи и положилъ конецъ войнѣ, которую д'Аллiонъ называлъ „неистощимымъ источникомъ недовѣрія по отношенію къ Франціи". Въ то же время въ Петербургѣ былъ открытъ заговоръ; на одной изъ площадей столицы были казнены нѣсколько придворныхъ, между прочими генералъ Лопухинъ и его жена: у нихъ были вырѣзаны языки, и всѣ наказаны кнутомъ. Затѣмъ народу былъ прочитанъ манифестъ, гдѣ императрица объявляла, что бывшій австрійскій посолъ Ботта д'Адорно, въ то время находившійся въ Берлинѣ, въ бытность свою въ Россіи, забывая свои обязанности и положенія, присоединился къ бунтовщикамъ и вмѣстѣ съ ними замышлялъ свергнуть подвергнутся наказаію правительство страны. Императрица выражала свое намѣреніе требовать отъ венгерской королевы быстраго и примѣрнаго наказанія виновнаго. Дѣйствительно, Ботта пытался — хотя неудачно— сыграть въ пользу лишеннаго престола брауншвейгскаго дома роль, которую сыгралъ Ла-Шетарди, помогая Елизаветѣ. *) Хотя вина его была очевидна, Марія-Терезія обидѣлась оскорбленіемъ, нанесеннымъ одному изъ ея представителей. Она не спѣшила дать требуемаго удовлетворенія и не объявляла своей немилости маркизу Ботта. Елизавета возмущалась подобными отношеніями. Между обоими дворами произошелъ обмѣнъ рѣзкихъ объясненій, какъ бы служившихъ вступленіемъ къ открытому и близкому разрыву.

Эти несогласія доставляли Франціи неожиданный случай вернуть Россію къ себѣ и вовлечь въ свою борьбу съ Австріей. Французскій дворъ рѣшился, наконецъ, отказаться отъ своей апатіи. Франціи нужны были союзники. Марія - Терезія выгнала войска изъ Германіи, а свои подвела къ самой границѣ Эль-

---

*) О интригахъ Ботты сл. Arneth, Geschichte Maria Theresias, сочиненіе составленное по документамъ, хранящимся въ вѣнскомъ архивѣ.

заса и Лотарингіи. Правда, что Фридрихъ II подумывалъ снова взяться за оружіе въ помощь баварскому королю, состоящему подъ покровительствомъ французовъ, чтобы сдѣлать диверсію въ ихъ пользу; но онъ соглашался итти противъ Чехіи только въ томъ случаѣ, если ему будетъ обезпечена помощь, или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ Россіи. Съ другой стороны, Швеція назначила наслѣдникомъ престола принца Петра Голштинскаго, близкаго родственника русскаго цесаревича. Это избраніе облегчало сближеніе между двумя сѣверными державами. Королевское правительство составило проектъ лиги между Франціей, Россіей, Швеціей и Пруссіей противъ Австріи и рѣшило отправить чрезвычайнаго посла съ этимъ предложеніемъ въ Петербургъ. Ла-Шетарди было предложено принять на себя эту миссію, и онъ ее принялъ, несмотря на свое высокомѣрное заявленіе въ Франкфуртѣ.

Подобный выборъ былъ большой ошибкой. Императрица, безъ сомнѣнія, явно высказывала маркизу свое расположеніе; но у непостоянной и вѣтренной коронованной особы черезчуръ большое расположеніе часто предшествуетъ немилости. Кромѣ того, вся погруженная въ удовольствія, Елизавета все менѣе и менѣе занималась дѣлами правленія. Когда д'Алліонъ желалъ говорить съ ней о чемъ-нибудь серьезномъ, ему приходилось ловить ее на балу или говорить съ ней подъ маской; она любезно начинала выслушивать его, но „скоро“, писалъ французскій посолъ, „не могла противиться скрипкамъ, звуки которыхъ раздавались въ сосѣдней залѣ, тихонько начинала отступать къ двери и уходила *). Всѣ дѣла шли черезъ министровъ; и такъ какъ Ла-Шетарди былъ имъ ненавистенъ, то возложить на него какіе-либо переговоры значило заранѣе обречь ихъ на неудачу. Князь Кантеміръ намекнулъ на это въ Версалѣ, между тѣмъ какъ д'Алліонъ писалъ изъ Петербурга: „Я желалъ бы, чтобы г. Ла-Шетарди встрѣтилъ здѣсь сочувственное отношеніе

*) Письмо д'Алліона къ де-Ланмари, посланнику въ Швеціи, 26 февраля 1743 г.

къ заключенію самаго тѣснаго союза между королемъ и царицей; но то, на что я уже имѣлъ честь указать вамъ въ характерѣ высшаго лица въ государствѣ, къ несчастью, слишкомъ вѣрно. Въ моментъ восшествія императрицы Елизаветы, Франція могла вполнѣ сохраняя свои преимущества, побѣдить всѣ препятствія. Когда миновало это первое мгновеніе, явное и вполнѣ заслуженное предпочтеніе, оказываемое г. Ла-Шетарди, возстановило всѣ умы противъ него, что распространилось и на Францію". Д'Алліонъ постоянно возвращался къ ненависти, внушаемой маркизомъ, „лично къ которому недоброжелательство относится гораздо болѣе, чѣмъ къ Франціи. *)

Версальскій дворъ, тѣмъ не менѣе не измѣнилъ своихъ рѣшеній. Онъ думалъ, что обезпечитъ за своимъ посломъ несомнѣнный успѣхъ, давъ ему разрѣшеніе сдѣлать Елизаветѣ уступку, которой напрасно добивались всѣ предыдущіе русскіе государи: признать за ней императорскій титулъ. Маркизъ получилъ двѣ вѣрительныя грамоты за подписью „Людовикъ". Первая, составленая въ обыкновенныхъ выраженіяхъ, упоминала только о титулѣ царицы; на второй въ обращеніи значилось: „Ея императорскому величеству, нашей сестрѣ и совершеннѣйшему другу Елизаветѣ, императрицѣ и *самодержицѣ* всея Россіи". Послѣдней грамотой Ла-Шетарди долженъ былъ воспользоваться только въ случаѣ крайней необходимости и въ качествѣ послѣдняго довода **). Имѣя подобное возбудительное средство въ рукахъ, онъ могъ разсчитывать на успѣхъ своей миссіи. Но все-таки Амло не счелъ излишнимъ въ письменной инструкціи посовѣтовать ему быть осторожнымъ и умѣреннымъ и предписать особенно стараться сохранить расположеніе государыни, а къ министрамъ относиться съ вниманіемъ, какъ того требуютъ приличія. Для Ла-Шетарди подобные совѣты были излишними. Онъ возвращался въ Россію въ воинственномъ настроеніи. Союзъ съ Москвой представлялся ему въ видѣ побѣды, которую надо одержать,—крѣпости, которую пред-

*) Д'Алліонъ, 26 ноября и 10 декабря 1743 г.

стоитъ взять приступомъ. „Мы должны овладѣть Россіей“, писалъ онъ. Свойственная его характеру несдержанность, его ненависть къ Бестужевымъ, безграничное самолюбіе лишали его всякаго благоразумія. Онъ уѣхалъ изъ Парижа, самонадѣянно составивъ себѣ планъ дѣйствія. Онъ намѣревался съ самаго начала заявить себя врагомъ министровъ царицы, находящихся у власти, не посѣщать ихъ, не говорить съ ними и не встрѣчаться. Но посолъ не могъ, не нарушая самыхъ элементарныхъ основъ своего положенія, совершенно отказаться отъ всякихъ сношеній съ министрами правительства, при которомъ былъ аккредитованъ. Поэтому Ла-Шетарди намѣревался явиться не въ качествѣ посла, но въ качествѣ простого французскаго дворянина, спѣшащаго засвидѣтельствовать свое почтеніе императрицѣ всероссійской. Всѣмъ будетъ извѣстно, что онъ привезъ вѣрительныя грамоты, но пока онъ не воспользуется ими. Между тѣмъ, Елизавета, узнавъ, что онъ пріѣхалъ въ ея столицу, конечно, не преминетъ выразить желаніе повидаться съ нимъ; она призоветъ его для частнаго свиданія; его вліяніе вернется къ нему, и онъ воспользуется имъ въ полной мѣрѣ, чтобы доказать императрицѣ со всей возможной очевидностью коварство и неспособность обоихъ Бестужевыхъ и подготовить ихъ паденіе. Неужели ему трудно будетъ справиться съ министромъ послѣ того, какъ онъ опрокинулъ тронъ? По достиженіи этихъ результатовъ личный другъ царицы намѣревался превратиться въ королевскаго посла; онъ торжественно предъявитъ свое дипломатическое порученіе и офиціально сдѣлаетъ предложенія, уже заранѣе принятыя. Взявъ крѣпость приступомъ, онъ торжественно вступитъ въ нее миротворцемъ, гордо поднявъ чело и окидывая все побѣдоноснымъ взоромъ.

Таковы были планы, роившіеся въ головѣ Ла-Шетарди въ то время, какъ его карета катилась по германскимъ и польскимъ дорогамъ. Онъ сдѣлалъ крюкъ на Стокгольмъ, чтобы посѣтить Швецію, и въ концѣ ноября направился въ Россію черезъ Финляндію, несмотря на плохія дороги. Тутъ ему вспомнилось, что годовщина вступленія Елизаветы на престолъ приходится 6 декабря. Если онъ прибудетъ къ этому числу, царица навѣрное

призоветъ его ко двору, избавивъ отъ обычныхъ формальностей; она пригласитъ его отпраздновать съ ней воспоминаніе о славномъ днѣ, когда онъ сыгралъ главную роль; близость такимъ образомъ возстановится безъ посредства министровъ. Къ несчастью, вслѣдствіе неожиданно наступившей оттепели дороги сдѣлались непроѣзжаемы. Но Ла-Шетарди этимъ не смутился. Онъ оставилъ свою свиту, многочисленную сопровождавшую его челядь и экипажи, нанялъ двое плохихъ саней, усѣлся въ нихъ съ тремя довѣренными лицами и пустился по морю грязи и снѣга, отдѣлявшему его отъ Петербурга. Въ три дня онъ семь разъ вывалился изъ саней и оставилъ на пути секретаря, сломавшаго себѣ руку. Полозья ломались, лошади падали, но онъ не останавливался и продолжалъ бѣшено мчаться по проваливавшимся дорогамъ. Наконецъ, въ ночь съ 5-го на 6-е декабря онъ достигъ береговъ Невы, почти напротивъ Петербурга. Здѣсь новая задержка: по рѣкѣ неслись огромныя льдины, дѣлавшія переѣздъ крайне опаснымъ. Маркизъ попросилъ помощи сначала въ домикѣ на берегу, потомъ въ монастырь и, наконецъ, разыскалъ нѣсколькихъ рабочихъ и солдатъ, которые выстроили ему коекакъ мостки, позволившія перебраться черезъ первый рукавъ рѣки. Далѣе онъ пустился по водѣ въ челнокѣ и, съ трудомъ пробираясь между пловучими льдинами, со всѣхъ сторонъ угрожавшими ему, благополучно добрался до противоположнаго берега. Отсюда онъ продолжалъ путь пѣшкомъ, и, наконецъ, около полудня увидалъ передъ собой городскія предмѣстья. Здѣсь его встрѣтили три придворныя кареты, высланныя императрицей, узнавшей о его прибытіи.

Стяжалъ ли онъ награду, ожидаемую послѣ столькихъ испытаній? Онъ разсказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ государыней слѣдующими словами: „Царица избавила меня отъ выраженій сожалѣнія по поводу того, что я не могъ принять участія въ выраженіи радости, высказываемой всѣми по случаю годовщины полученія ею царскаго вѣнца. Увѣренная, что я сдѣлалъ все на свѣтѣ, чтобы прибыть во-время, она не желала лишить меня изъ-за нѣсколькихъ часовъ опозданія случая засвидѣтельство-

вать ей свое почтеніе. И несмотря на то, что вечеромъ не было никакого собранія во дворцѣ и императрица проводила время въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, она сказала мнѣ, что если я отправлюсь къ г. Брюммеру, камергеру герцога Голштинскаго, то могу, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣть удачу случайно увидать ее. Я отправился туда около семи часовъ и оставался тамъ до девяти.

„Нѣтъ такого вниманія, которое императрица не оказала бы мнѣ, пока я былъ при ней. Опускаю подробности; онѣ относились лично ко мнѣ, а я здѣсь только для услугъ короля. Имѣя въ виду исполнить свой долгъ и возбудить со стороны царицы отношенія, которыя можно вызвать въ ней, польстивъ ея самолюбію, я напомнилъ ей то, что она поручила мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ передать королю. „Его Величество“, добавилъ я, когда исчезли нѣкоторые любопытные, ставленники и креатуры Бестужевыхъ, „повелѣлъ мнѣ высказать вамъ, какъ ему это было пріятно. Король надѣется, что вы тѣмъ менѣе усомнитесь въ впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ заявленіемъ, что Его Величество, съ своей стороны, не забылъ обстоятельства 1725 года *), и эти обстоятельства оставили въ его сердцѣ неизгладимое воспоминаніе. Король уже по одной этой причинѣ увѣренъ, что Ваше Величество примете его портретъ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ вамъ его посылаетъ. Я могъ бы даже немедленно передать вамъ его, если бы Его Величество не пожелалъ, чтобы, ради большаго сходства, для васъ былъ сдѣланъ новый, оригинальный“.—Царица покраснѣла, но эта скромность быстро уступила мѣсто радости, которую она не могла скрыть... Она послѣ того разсказывала объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ, такъ что, оказывается, я хорошо сдѣлалъ, постаравшись произвести на нее такое впечатлѣніе тотчасъ по моемъ пріѣздѣ“ **).

Ободренный этимъ пріемомъ, Ла-Шетарди принялся неме-

*) Именно въ 1725 г. шла рѣчь о замужествѣ Елизаветы съ Людовикомъ XV (см. гл. I).

**) Ла-Шетарди, 7 декабря.

дленно за дѣло. Онъ смѣло возвѣстилъ своему двору о намѣреніи „возбудить сторонниковъ Франціи“ и стать во главѣ движенія, организованнаго противъ графа Александра Бестужева, который добился своего назначенія канцлеромъ, между тѣмъ какъ братъ его стушевался, принявъ посольство.

Канцлеръ Бестужевъ былъ опасный соперникъ. Едва отесанный варваръ, хитрый и грубый, природой предназначенный для борьбы, человѣкъ желѣзной воли и неутомимой дѣятельности, онъ, несмотря на свои пороки, былъ головой выше всѣхъ прочихъ министровъ Елизаветы. Чтобы погубить его, Ла-Шетарди пустилъ въ ходъ всѣ мѣры—деньги, подарки, обѣщанія, угрозы. Онъ увеличилъ сумму, уплачиваемую Лестоку, привлекъ къ своей партіи принцессу Ангальтъ-Цербсткую, дочь которой—впослѣдствіи Екатерина II—только что вышла за великаго герцога-цесаревича. Ла-Шетарди имѣлъ всюду своихъ агентовъ; у него были преданные люди даже среди лицъ самыхъ приближенныхъ къ императрицѣ; онъ вступилъ въ сношеніе съ высшими духовными сановниками и хотѣлъ подкупить Синодъ. Часто видаясь съ императрицей наединѣ, онъ выражался о графѣ Бестужевѣ и его товарищахъ очень рѣзко. Елизавета выслушивала его и какъ будто соглашалась съ нимъ. Какъ всѣ слабые государи, она утѣшалась, злословя о своихъ министрахъ, которыхъ смѣнить у нея нехватало мужества. Она осыпала Ла-Шетарди знаками вниманія, посылала ему подарки, меблировала его помѣщеніе великолѣпной мебелью и серебромъ; но взыскательный маркизъ требовалъ отъ нея не только нѣжности въ отвѣтъ; онъ, повидимому, поставилъ себѣ девизомъ гордое изреченіе: „Все или ничего“, и благосклонности безъ власти было съ него недостаточно.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ. Дворъ и городъ раздѣлились: одни стояли за француза, другіе—за его враговъ *). Интриги, начатыя въ Москвѣ, продолжались въ Петербургѣ, куда императорское правительство переѣхало весной 1744 г. Между тѣмъ, всѣ иностранные послы порицали поведеніе Ла-Шетарди. Версальскій

---

*) Переписка Ла-Шетарди съ декабря 1743 по іюль 1744 г.

дворъ, надѣясь, что его дѣятельность приведетъ къ быстрымъ результатамъ, сначала предоставилъ ему извѣстную свободу дѣйствія; но, наконецъ, сталъ выражать неудовольствіе по поводу его медлительности съ врученіемъ вѣрительныхъ грамотъ. Сначала посовѣтовали, а затѣмъ приказали занять подобающее дипломатическое положеніе: въ продолженіе полугода ни одинъ курьеръ не прибывалъ, чтобъ не привезти французскому послу предписанія урегулировать его положеніе *). Шетарди не повиновался, да и не могъ этого сдѣлать; по пути, на который онъ сталъ, надо было итти до конца — побѣдить или самому слетѣть въ пропасть. Кромѣ того, онъ считалъ, что успѣхъ обезпеченъ; онъ тайно велъ переговоры съ духовникомъ императрицы. Его очень удивило бы, если бъ ему сказали, что его удачѣ подходитъ конецъ и что графъ Бестужевъ уже занесъ надъ его головой оружіе, которымъ готовился его сразить.

Полиція канцлера, дѣятельная и бдительная, подкупу противопоставила подкупъ; она проникла даже въ самый домъ маркиза; съ помощью ли предательства кого-нибудь изъ низшихъ служащихъ, или случайно она захватила шифръ, служившій Ла-Шетради для переписки съ его дворомъ и для посылки въ Версаль пикантныхъ разсказовъ, въ которыхъ его насмѣшка не щадила никого и часто касалась самой Елизаветы. „Любовь ко всякимъ пустякамъ, переодѣваніе по четыре и пяти разъ въ день и удовольствіе видѣть себя окруженной у себя дома челядью всецѣло поглощаютъ царицу. Упоенная своимъ положеніемъ, она чѣмъ дальше, тѣмъ больше воображаетъ себѣ, что ея подданные обожаютъ ее и что ей уже не приходится такъ бояться. Мысль о малѣйшемъ дѣлѣ пугаетъ и отталкиваетъ ее, и эта лѣнь доводитъ ее до того, что она ни во что ни вмѣшивается“ **). Таковъ былъ далеко не лестный портретъ государыни, нарисованный лицомъ, способствовавшимъ достиженію ею престола. Въ другихъ депешахъ Ла-Шетарди описывалъ до мелочей

---

*) Амло къ Ла-Шетарди, 6 февраля 1744 г.

**) Ла-Шетарди, 2 апрѣля 1744 г.

интимную жизнь Елизаветы, подробно распространяясь о ея романахъ, радовался продажности придворныхъ, посылалъ тарифъ совѣстей въ Россіи и обнаруживалъ пружины интриги, затѣянной имъ. Русская полиція вскрывала всю заграничную корреспонденцію, проводя ее черезъ *черный кабинетъ* — традиціонное учрежденіе страны. Благодаря похищенной цифровой азбукѣ, Бестужевъ могъ прочесть до семи депешъ Ла-Шетарди—всѣ писанныя между 21 апрѣля и 6 іюня 1744 г. *). Онъ нашелъ ихъ весьма поучительными и передалъ Елизаветѣ въ полномъ засѣданіи совѣта. Лишь только онъ началъ чтеніе, императрица воскликнула: „Это ложь! Все выдумки его враговъ и вы одинъ изъ нихъ“. Бестужевъ показалъ ей разобранныя депеши и требовалъ, чтобы она поступила съ Ла-Шетарди, какъ съ простымъ крамольникомъ, такъ какъ онъ не представилъ вѣрительныхъ грамотъ и не выступалъ въ качествѣ дипломатическаго агента. Вице-канцлеръ Воронцовъ, бывшій другъ маркиза, присоединился къ мнѣнію Бестужева. На этотъ разъ Елизавета не отвѣтила ничего, но не могла сладить съ своимъ волненіемъ. Ея самолюбіе женщины и государыни было сильно задѣто; тысяча различныхъ чувствъ — гнѣвъ, смущеніе, желаніе отмстить, остатокъ расположенія къ виновному, боязнь обидѣть Людовика XV, слишкомъ сурово поступивши съ его министромъ, боролись въ ея душѣ. Она не давала своего рѣшенія въ продолженіе сутокъ, все время высказывала свое безпокойство и совѣтовалась съ близкими, не рѣшаясь поразить Ла-Шетарди, но, наконецъ, рѣшилась **).

12 іюня, ввечеромъ, Ла-Шетарди только что вернулся къ себѣ послѣ ужина у Мардефельда, прусскаго посла, какъ у его дверей появились три офицера, требуя, чтобъ ихъ допустили. Маркизъ принялъ ихъ, и они прочли ему декларацію вице-канцлера

---

*) Пекарскій въ своемъ сочиненіи „*Маркизъ де-Ла-Шетарди*“ считаетъ число депешъ гораздо болѣе значительнымъ. Разобранныя депеши съ замѣтками Бестужева хранятся въ московскомъ архивѣ.

**) Сообщеніе, посланное де-Ланмари, посломъ въ Швеціи, по свѣдѣніямъ, полученнымъ черезъ курьеровъ изъ Москвы. Письмо 24 іюля 1744 г.

отъ имени и по приказанію царицы, составленную, надо признаться, довольно безграмотно: „Г. маркизу де-Ла-Шетарди, бригадиру французской арміи. Ея Величество съ неудовольствіемъ видитъ, что вмѣсто того, чтобы признать ея милости, вы забылись, безъ сомнѣнія вопреки приказу короля, не только до того, что пытались подкупить вѣрность нѣсколькихъ особъ, даже изъ духовенства, составили себѣ партію при дворѣ и пытались произвести перемѣны въ ея министерствѣ, но въ своихъ депешахъ осмѣлились еще дерзко клеветать—чернить Ея священную особу, въ такой степени, что этого не потерпитъ и никогда не потерпѣлъ ни одинъ государь, свидѣтельствомъ чему можетъ служить, какъ было поступлено во Франціи съ княземъ Селламаромъ, испанскимъ посломъ *). Несмотря на то, что вы даете сами право на свою особу, Ея Императорское Величество, руководствуясь въ данномъ случаѣ исключительно своимъ всегдашнимъ желаніемъ сохранить дружескія отношенія съ Его Величествомъ королемъ, вашимъ повелителемъ, великодушно забываетъ свой гнѣвъ и то, что вы не болѣе какъ частное лицо, даже въ случаѣ своего желанія уже не имѣющее возможности занять офиціальнаго положенія, приказываетъ вамъ уѣхать въ двадцать четыре часа, не видавъ никого въ этой столицѣ, а затѣмъ выѣхать немедленно за предѣлы имперіи“. **)

Услыхавъ этотъ приговоръ, Ла-Шетарди сталъ протестовать, выставляя себя жертвой клеветы. Офицеры начали читать ему его собственныя депеши. „Довольно“, сказалъ онъ и прервалъ дальнѣйшія объясненія. На слѣдующій день онъ поспѣшно выѣхалъ изъ той Москвы, гдѣ видѣлъ онъ отъ Елизаветы столько милостей и откуда она теперь выгоняла его съ позоромъ. На одной изъ почтовыхъ станцій спеціально посланный чиновникъ потребовалъ у него брилліантовые знаки ордена Андрея Перво-

---

*) Князь Селламаръ, испанскій посолъ при французскомъ дворѣ, отъ 1715 по 1718 г. принялъ участіе въ интригахъ герцога и герцогини дю-Мэнъ противъ регента. Онъ былъ арестованъ и выпровожденъ за границу.

**) Иностр. дѣла. Переписка съ Россіей. Декларація, сдѣланная Ла-Шетарди 17 іюня 1744 г.

званнаго и портретъ государыни. Маркизъ добрался до границы, какъ лицо подозрительное, почти какъ плѣнникъ. Путешествіемъ распоряжался офицеръ, которому поручено было проводить его до предѣловъ имперіи; отрядъ драгуновъ, скакавшій вокругъ экипажа, не допускалъ сношеній путешественника съ населеніемъ. Проѣзжая такимъ образомъ по мѣстамъ, гдѣ еще недавно онъ путешествовалъ съ почти королевской пышностью, съ какой горечью долженъ былъ вспоминать Ла-Шетарди о своемъ прошломъ и проклинать измѣнчивость фортуны, сначала улыбавшейся ему, а теперь съ такой жестокостью наказывавшей его за непослѣдовательность и легкомысліе.

Французскій дворъ не потребовалъ у русскаго никакого объясненія по поводу причинъ такой неожиданной немилости и счелъ болѣе благоразумнымъ хранить молчаніе. *) Поддерживать Ла-Шетарди значило признать себя сообщникомъ его интригъ; публично отречься отъ него казалось трудно, такъ какъ перехваченныя письма уже свидѣтельствовали о нѣкоторомъ соглашеніи между посломъ и его правительствомъ. Франція, не поддерживая вначалѣ посланника, сдѣлала ошибку, не остановивъ его немедленнымъ приказаніемъ, лишь только узнала о его планахъ. Версальскій кабинетъ не чувствовалъ себя выше упрековъ и какъ бы признался въ этомъ своей снисходительностью къ маркизу. Когда онъ вернулся во Францію, ему былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору, и онъ принужденъ былъ поселиться до новыхъ распоряженій въ своемъ помѣстьѣ, въ Лимузенѣ. Обыкновенно подобное изгнаніе продолжалось для министровъ и вельможъ много лѣтъ, а иногда до конца жизни. Но Ла-Шетарди было дозволено черезъ восемь мѣсяцевъ принять свою прежнюю долж-

---

*) Правительство тщетно старалось узнать предателя, выдавшаго русскимъ тайну дипломатической корреспонденціи. Первый секретарь маркиза былъ арестованъ, заключенъ въ Бастилію, допрошенъ, но выпущенъ на свободу. Если вѣрить мнѣнію, отзвукъ котораго находится въ нѣкоторыхъ министерскихъ бумагахъ, шифръ украла русская, вышедшая замужъ за одного изъ секретарей посла. *Иностр. дѣла*, докладная записка нѣкоего Ла-Фона, отъ 4 іюня 1745 г., приложенная къ перепискѣ съ Россіей.

ность въ французской арміи Пьемонта. Потомъ онъ получилъ мѣсто посла въ Туринѣ. Его неудачная миссія не отбила у него охоты къ дипломатической карьерѣ и не исправила его: на своемъ новомъ посту онъ снова началъ интриги, поступалъ въ разрѣзъ съ даваемыми инструкціями, вызвалъ скандалъ слишкомъ большой близостью съ графиней Сенъ-Жерменъ, любовницей сардинскаго короля. Послѣдній просилъ объ отозваніи Ла-Шетарди; маркизъ снова вернулся въ армію, участвовалъ въ первой кампаніи Семилѣтней войны въ Германіи и умеръ 1-го января 1758 г. въ крѣпости Ганау, которой начальствовалъ отъ имени короля.

ГЛАВА IV.

РАЗРЫВЪ.

Послѣдствія отставки Ла-Шетарди. — Безпорядокъ и нерѣшительность въ королевскомъ Совѣтѣ.—Засѣданіе.—Маркизъ д'Аржансонъ.—Миссія д'Алліона въ Петербургѣ.—Признаніе императорскаго титула.—Безпечность Елизаветы, ея отвращеніе къ дѣламъ.—Марія-Терезія приноситъ извиненіе.—Она пытается вернуть расположеніе Россіи и успѣваетъ въ этомъ.—Трактатъ 1746 г.—Разрывъ съ Елизаветой заставляетъ Францію принять новыя рѣшенія: необходимость противопоставить Россіи серьезное сопротивленіе и поднять противъ нея Швецію, Польшу и Турцію.—Виды Аржансона на Саксонію. — Престижъ и кажущаяся сила Турціи. — Вліяніе Франціи въ Константинополѣ. — Графъ-паша. — Пророческій документъ. — Совѣты Бонневаля Портѣ.—Франція отказывается отъ турецкаго союза.—Ришельё и Аржансонъ. — Султанъ въ роли посредника между христіанскими государями.—Быстрое паденіе французскаго вліянія на Востокѣ. — Бестужевъ становится смѣлѣе.—Проекты вѣчнаго мира между двумя императорскими дворами и Портой.—Франція волнуется.—Восхваленіе папы ренегатомъ.—Бонневаль на смертномъ одрѣ.—Таинственная депеша.—Кіоскъ великаго визиря.—Заключеніе вѣчнаго мира.—Русскіе проходятъ черезъ Польшу.—Попытки Дезаллёра поднять Турцію.—Русскіе въ Германіи.—Ахенскій миръ.

Должны ли были злоключенія Шетарди привести къ разрыву между Людовикомъ XV и Елизаветой? Возложитъ ли русская императрица на Францію вину одного человѣка и распространитъ ли свой гнѣвъ противъ него на весь народъ? Возможно ли было разсчитывать еще на какую-нибудь симпатію съ ея стороны или, по крайней мѣрѣ, на ея нейтралитетъ? Или, напротивъ, приходилось причислить Елизавету къ многочисленнымъ врагамъ Франціи? Таковы были пункты, которые французскому двору необходимо было разъяснить какъ можно скорѣе, чтобы дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Во время послѣдней кампаніи маркиза въ королевскомъ

Совѣтѣ продолжали господствовать безпорядокъ и нерѣшительность. Иностранныя дѣла обсуждались въ нѣкотораго рода комиссіи, гдѣ засѣдали, рядомъ съ главой министерства, старый маршалъ де-Ноайль, морской министръ Морепа и кардиналъ Тансенъ. Маркизъ д'Аржансонъ оставилъ намъ въ своихъ мемуарахъ *) пикантную картину засѣданій этой комиссіи, „гдѣ", по его словамъ, „не услыхать бы и Божьяго грома". Морепа „визжалъ" и не понималъ ничего. Тансенъ высказывалъ свое невѣжество, а несчастный государственный секретарь „долженъ былъ записывать глупости, говоримыя другими". Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1744 г., послѣ отставки Амло, Людовикъ XV не назначилъ ему преемника; онъ попытался самъ направлять внѣшнюю политику Франціи и пожелалъ стать собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ **). Секретарь подготовлялъ дѣла, но всѣ важные вопросы проходили черезъ комиссію, постановлявшую рѣшенія по нимъ. Подобная система вносила безпорядокъ и должна была повести къ безсилію. Черезъ пять лѣтъ здравый смыслъ Людовика XV возмутился такимъ положеніемъ дѣлъ; должность государственнаго секретаря была возстановлена и поручена самому д'Аржансону. Это былъ философъ, хвалившійся дружбой Вольтера. Онъ вносилъ въ правленіе положительные принципы и обдуманные планы, противъ которыхъ можно было спорить во многихъ отношеніяхъ, но нельзя было отрицать, что они основаны на внимательномъ изученіи предмета. У французской дипломатіи впредь была глава.

Не симпатизируя Россіи, д'Аржансонъ, тѣмъ не менѣе, понималъ роль, которую эта держава представляла въ будущемъ, и видѣлъ, что необходимо считаться при политическихъ комбинаціяхъ съ силами новой имперіи. Тотчасъ по вступленіи въ должность, онъ принялся зондировать императорскій дворъ. Д'Алліонъ получилъ приказаніе немедленно вернуться въ Петербургъ въ званіе упол-

---

*) *Д'Аржансонъ*—Мемуары. Томъ IV.

**) См. трудъ *Армана Баше*—Исторія хранилища архивовъ иностранныхъ дѣлъ.

номоченнаго министра. На него была возложена миссія наблюдать за расположеніемъ Россіи и даже, если окажется возможность, начать переговоры о союзѣ, которыхъ не коснулся его горячій предшественникъ *).

Прибывъ на свой постъ, д'Алліонъ нашелъ по его выраженію, что „дворъ и городъ были озлоблены противъ Франціи" **). Только у Елизаветы какъ будто по временамъ пробуждались ея прежнія симпатіи къ Франціи, и министръ рѣшился обратиться къ государынѣ, воспользовался ея тщеславіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ея чувствомъ. Данныя ему инструкціи предписывали ему примѣнить то средство, которымъ Ла-Шетарди не счелъ нужнымъ воспользоваться: обѣщать признаніе за Елизаветой императорскаго титула. Д'Алліонъ выставилъ это признаніе, какъ знакъ особеннаго вниманія со стороны своего государя, и постарался воздѣйствовать еще больше на женщину, чѣмъ на царицу. Онъ попросилъ торжественной аудіенціи, отправился во дворецъ въ великолѣпномъ экипажѣ и въ присутствіи всего двора вручилъ Елизаветѣ письмо, заключавшее въ себѣ магическое слово ***). Елизавета не скрыла своего удовольствія, приняла посла съ своей обычной привѣтливостью, осыпала его подарками и вручила ему орденъ Андрея Первозваннаго. Д'Алліонъ думалъ нѣкоторое время, что его старанія увѣнчались успѣхомъ, но онъ не принялъ во вниманіе возраставшаго съ каждымъ днемъ нерадѣнія императрицы. Болѣе чѣмъ когда-либо работа и дѣла внушали ей непреодолимое отвращеніе, и скоро камергеръ отъ ея имени попросилъ иностранныхъ министровъ не говорить съ ней больше о дѣлахъ. Д'Алліону пришлось доканчивать дѣло съ канцлеромъ Бестужевымъ и его товарищами, и посолъ не замедлилъ открыть подъ холодной вѣжливостью ихъ пріема непреодолимое недовѣріе.

Съ своей стороны, Австрія не щадила никакихъ средствъ,

*) Иностранныя дѣла. Инструкціи, данныя д'Алліону. Переписка 1744 г.

**) Переписка д'Алліона, 19 марта 1746 г.

***) *Флассанъ*—т. V.

чтобы вернуть себѣ вліяніе въ Петербургѣ. Союзъ съ Россіей казался ей нужнѣе чѣмъ когда-либо, съ тѣхъ поръ какъ счастье снова благопріятствовало успѣхамъ оружія христіаннѣйшаго короля. Въ Германіи французскія войска держались въ оборонительномъ положеніи, но Морицъ Саксонскій доставилъ Нидерланды Людовику XV.

Франція трепетала отъ радости и гордости, узнавъ о сраженіи при Фонтенуа.

Чтобы вернуть расположеніе Елизаветы, Марія-Терезія рѣшилась пожертвовать Боттой. 10-го августа 1744 г. она извѣстила императрицу, что виновный посолъ заключенъ въ крѣпость Грацъ. Но этого удовлетворенія было недостаточно, и венгерская королева снизошла до извиненій; чрезвычайный посолъ, графъ Розенбергъ, былъ посланъ въ Петербургъ и заявилъ, что „его государыня считаетъ поступокъ Ботты скандальнымъ и достойнымъ кары“ *).

Марія-Терезія, вѣроятно, надѣялась, что ея крайняя снисходительность еще сильнѣе выставитъ сдержанность Франціи послѣ предосудительныхъ поступковъ Ла-Шетарди; и дѣйствительно, въ Версалѣ думали было послать къ Елизаветѣ чрезвычайное посольство съ маркизомъ Сенъ-Севереномъ во главѣ; но этотъ проектъ былъ оставленъ: выполненіе его задѣло бы слишкомъ гордость Людовика XV **).

Такимъ образомъ, Австрія и Франція искали поддержки у Елизаветы; но первая дѣйствовала настойчивѣе и безцеремоннѣе. Сначала Россія не проявляла намѣренія становиться между двумя державами, соперничество которыхъ нарушало европейскій миръ. Она позволяла ухаживать за собой, но не принимала на себя никакого обязательства и, очевидно, не спѣшила отказаться отъ пассивной роли, льстившей ей, не налагая на нее никакой отвѣтственности. Вице-канцлеръ Воронцовъ говорилъ красивыя слова д'Алліону, но не вступалъ въ серьезные переговоры; канцлеръ Бестужевъ давалъ Маріи-Терезіи положительныя обѣщанія,

*) Мартенсъ. Договоръ Россіи съ Австріей. Т. I.

**) Инструкція Сенъ-Северену была изготовлена и хранится въ архивахъ.

но уклонялся отъ ихъ выполненія. „Онъ—глубоко нечестный человѣкъ“, писалъ д'Алліонъ. „Онъ продаетъ свое вліяніе за деньги англичанамъ и австрійцамъ, не лишая себя свободы подбирать колосья и на другихъ поляхъ“ ***). Однако, вліяніе враговъ Франціи скоро взяло верхъ. Бестужевъ не скрывалъ, что отдаетъ предпочтеніе вмѣшательству въ пользу венгерской королевы: „Когда домъ моего сосѣда горитъ“,—говорилъ онъ,—„я считаю себя обязаннымъ оказать ему помощь, особенно, если этотъ сосѣдъ—мой другъ“. Онъ убѣдилъ свою слабую государыню вступить въ переговоры съ Австріей для возобновленія союза, заключеннаго въ 1726 г. Елизавета сначала колебалась, какъ бы не рѣшаясь на подобную неблагодарность; наконецъ, она уступила министру, которому слѣпо довѣряла. Трактатъ былъ заключенъ 22-го мая 1745 г. и ратификованъ скоро послѣ того обѣими императрицами. По этому поводу въ дипломатическихъ кругахъ ходилъ анекдотъ. Разсказывали, что Елизавета начала подписываться подъ конвенціей и написала первые два слога своего имени, какъ вдругъ остановилась подъ вліяніемъ совѣсти или воспоминанія. Она выронила перо и нѣсколько минутъ сидѣла неподвижно въ задумчивости. Понадобилось не мало времени и уговоровъ, чтобы Елизавета рѣшилась закончить начатую подпись *).

Трактатомъ 1749 г. Елизавета не *обязывалась* объявить войну Франціи, но *обѣщала* начать ее. Она бралась доставить Маріи-Терезіи 37-тысячный корпусъ, не обусловливая, куда будетъ направлена ея армія. Австрія воевала съ Франціей, слѣдовательно

---

*) Д'Алліонъ, 4 января 1746 г. Благодаря необыкновенному искусству русской полиціи разбираться въ шифрованныхъ депешахъ, самъ Бестужевъ прочелъ депешу съ такимъ лестнымъ отзывомъ о себѣ, но ограничился только замѣчаніемъ на поляхъ: „Мое мнѣніе—предоставить ему еще нѣкоторое время свободу изливать свой ядъ“. (У Соловьева. *Исторія Россіи.*) Большая часть переписки д'Алліона такъ же, какъ Шетарди, *перлюстрировалась*, по выраженію того времени.

**) Этотъ разсказъ былъ переданъ де-Бретейлю, французскому министру въ Россіи, пятнадцать лѣтъ спустя и записанъ въ его депешѣ отъ 21 августа 1760 г. Архивъ иностранныхъ дѣлъ.

русскіе должны были сражаться съ Франціей. Хотя по международному праву восемнадцатаго вѣка подобное враждебное выступленіе не обусловливалось непремѣнно существованіемъ войны между двумя государствами и даже допускало сохраненіе дипломатическихъ сношеній, версальскій дворъ не замедлилъ отозвать д'Алліона.

Франція и Россія оказались одна противъ другой въ такомъ же положеніи, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ при Петрѣ Великомъ и въ началѣ войны за польское наслѣдство. Несмотря на то, что инстинктивная симпатія побуждала ихъ къ сближенію и соединенію, онѣ не сошлись въ условіяхъ соглашенія; Россія отстранилась отъ Франціи, чтобы броситься въ объятія ея враговъ. Исполняя свои договоры съ Англіей и Австріей и доставляя имъ обѣщанную помощь, она бросала на вѣсы тяжесть, которая склоняла ихъ на сторону противниковъ Франціи. Слѣдовательно, всѣ усилія послѣдней должны были клониться къ тому, чтобы лишить царицу возможности выполнить ея обязательства и задержать ея войска на германскихъ и нидерландскихъ дорогахъ. Надо было, не вспоминая о прошедшемъ и не предаваясь тщетнымъ сожалѣніямъ, принять положеніе такимъ, какимъ его сдѣлали обстоятельства или ошибки Франціи, и, не имѣя возможности пріобрѣсти Россію союзницей, открыто признать ее за врага. Необходимо было еще найти ей недруговъ у самыхъ ея границъ, создать ей препятствія, занять ее внутренними дѣлами и помѣшать ея вмѣшательству въ общія дѣла къ ущербу Франціи. Благоразуміе не позволяло послѣдней заняться на Рейнѣ, на Альпахъ и въ Бельгіи отчаянной борьбой съ арміями Маріи-Терезіи и короля англійскаго, отвлечь вниманіе отъ своихъ границъ, чтобы сосредоточить его на отдаленныхъ областяхъ, которыя предстояло пройти русскимъ, направлявшимся въ центральную Европу. Чтобы удержать ихъ или оттѣснить назадъ, Франціи не нужно было увеличивать свои силы; было достаточно открыть энергическую и послѣдовательную дипломатическую кампанію.

Прежде чѣмъ проникнуть въ Германію, русскимъ пришлось бы пройти черезъ Польшу, нарушивъ ея нейтралитетъ, т.-е. по-

сягнуть на независимость республики, рискнуть поссориться съ Турціей, гарантировавшей эту независимость, и доставить Швеціи предлогъ и случай попытаться взять реваншъ. Ни Швеція, ни Польша, ни Турція не имѣли бы силы или смѣлости начать борьбу каждая въ отдѣльности; заключивъ же тѣсный союзъ и дѣйствуя сообща и рѣшительно, эти три государства могли бы противопоставить нашествію сильную преграду, по крайней мѣрѣ принудить Россію поразмыслить и, можетъ-быть, отказаться отъ своихъ плановъ. Слѣдовательно, Франція должна была, съ одной стороны, поддерживать мужество этихъ „робкихъ государствъ", какъ выражался д'Аржансонъ, а съ другой — служить между ними звеномъ и, соединяя, удваивать ихъ силы.

Д'Аржансонъ сначала какъ будто понялъ эту политику и придерживался ея. По его инщіативѣ французская дипломатія проявила нѣкоторую дѣятельность при второстепенныхъ сѣверныхъ и восточныхъ дворахъ: благопріятная ей партія снова взяла верхъ въ стокгольмскомъ сеймѣ и вліяніе Франціи начало чувствоваться въ Польшѣ. Франція даже подумывала заключить съ Пруссіей и Саксоніей второй оборонительный союзъ противъ Россіи. Важность роли, предоставляемой саксонскому дому, сдѣлалась характерной чертой восточной политики маркиза д' Аржансона. Въ 1733 г. Франція сражалась съ Августомъ III подъ Варшавой и Данцигомъ; по мнѣнію д' Аржансона, слѣдовало, признавъ совершившійся фактъ, примириться съ этимъ государемъ, помочь ему превратить его корону, доставшуюся по избранію, въ наслѣдственную и съ помощью Саксонской династіи спасти Польшу. Д'Аржансонъ мало-по-малу отдалялъ курфюрста-короля отъ австрійскаго союза и приближалъ къ Франціи, стараясь въ то же время приблизить его къ королю прусскому, и пытался устроить бракъ дочери Августа III съ французскимъ королемъ.

Но несмотря на ободреніе со стороны Франціи, саксонцы, поляки и шведы, повидимому, не намѣревались браться за оружіе прежде, чѣмъ ихъ поддержитъ Оттоманская имперія. Среди

*) Объ этихъ переговорахъ см. у Флассана. Т. V.

всѣхъ естественныхъ противниковъ Россіи одна только Турція представляла изъ себя дѣйствительную силу: внушаемый ею ужасъ даже превосходилъ ея рессурсы. Славный Бѣлградскій договоръ поднялъ, благодаря Франціи, ея значеніе и принудилъ Европу повѣрить въ ея жизнеспособность. Можетъ-быть оказалось бы достаточно простой военной демонстраціи, чтобы сдержать готовившуюся къ выступленію армію Елизаветы. Слѣдовательно, Франціи слѣдовало энергически и настойчиво добиваться вмѣшательства турокъ и воспользоваться ихъ государствомъ, какъ рычагомъ, чтобы всколыхнуть Востокъ. Въ данное время главныя усилія Франціи должны были направляться на Константинополь, и на этомъ военномъ театрѣ ей надо было отыскивать то, что могло бы сдѣлать правительство Людовика XV и что оно сдѣлало, чтобы помѣшать Россіи вторгнуться въ Польшу и затѣмъ въ Германію.

Въ Константинополѣ обстоятельства, казалось, особенно благопріятствовали успѣху французскихъ совѣтовъ. Если султанъ Махмудъ, невидимый въ глубинѣ своего сераля, проявлялъ еще менѣе своихъ предшественниковъ воинственный пылъ, то его министры съ благодарностью вспоминали о французскомъ вмѣшательствѣ въ Бѣлградѣ и выгодномъ мирѣ, заключенномъ, благодаря этому вмѣшательству. Они не пропускали случая высказать своего уваженія къ „императору“ Франціи, самому древнему и могущественному союзнику блистательной Порты*). Королевскій посолъ при султанѣ, де-Кастелланъ, наслѣдовалъ отчасти вліяніе, которымъ пользовался его предшественникъ Вилльнёвъ. Правда, что совѣты Порты могли оказаться весьма драгоцѣнными, если бы версальскій дворъ рѣшился на политику дѣйствія. Одинъ французъ, графъ де-Бонневаль, пользовался у турецкихъ министровъ нераздѣльной милостью. Эта необыкновенная личность недостойна уваженія, но его способности заслуживаютъ вниманія, и познакомившись съ его взглядами и проектами, мы будемъ въ

---

*) Турки всегда называли французскаго короля „императоромъ“.

состоянии схватить скрытую мысль, руководившую въ то время восточной политикой.

Бонневаль былъ однимъ изъ знаменитыхъ авантюристовъ, вліяніе которыхъ въ Европѣ за первую половину восемнадцатаго вѣка составляетъ одну изъ пикантныхъ чертъ этой эпохи. Время великихъ министровъ, глубокихъ политиковъ и патріотовъ прошло; у правительствъ пріобрѣтаютъ вліяніе иностранцы съ новыми взглядами, ослѣпляющіе оригинальностью своихъ идей и разнообразной плодовитостью своего ума. У всѣхъ этихъ личностей есть общія черты: пылкое воображеніе, смѣлость мысли, удивляющая современниковъ, проницательный и вмѣстѣ съ тѣмъ химерическій умъ, стремленіе къ широкимъ планамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь къ интригѣ; иногда предугадываніе будущаго въ соединеніи съ страстью къ романтическимъ проектамъ. Изъ этихъ авантюристовъ Альберони былъ самымъ знаменитымъ; другіе являются уже какъ бы повтореніемъ его. Мы уже встрѣтили Герца и Рипперду; Бонневаль былъ не менѣе замѣчателенъ Одинаково годный для войны и переговоровъ, онъ служилъ сначала въ французской арміи, а потомъ въ австрійской, отправляясь туда, гдѣ сражались и гдѣ стрѣляли, пока ссора съ принцемъ Евгеніемъ не превратила его могущественнаго покровителя въ непримиримаго врага*). Изгнанный изъ Германіи, Бонневаль нашелъ себѣ пріютъ въ Турціи, съ которой сражался наканунѣ, принялъ магометанство и подъ именемъ Ахмедъ-паши сдѣлался любимымъ совѣтникомъ всѣхъ великихъ визирей, смѣнявшихся въ сералѣ впродолженіе пятнадцати лѣтъ. Турки пользовались особенно его политическими талантами и мало-по-малу передали въ его руки направленіе своей дипломатіи.

Горячо стоя за интересы своей новой родины и пораженный

---

*) До сихъ поръ появился въ печати только одинъ достовѣрный документъ о Бонневалѣ; это: „*Записки принца Линя о графѣ Бонневаль съ прибавленіемъ писемъ графини Бонневаль о ея мужѣ*". Въ этомъ сочиненіи говорится, главнымъ образомъ, о частной жизни графа, и авторъ, повидимому, не подозрѣваетъ значенія его политической роли.

быстрыми шагами впередъ московскаго царства, Бонневаль, видѣлъ единственное спасеніе Турціи въ союзѣ съ Франціей. Онъ составилъ планъ вѣчной конфедераціи между Франціей, султаномъ, Польшей и Швеціей, т.-е. постоянной коалиціи противъ Россіи, коалиціи, дѣятельность которой направляла бы Франція. Онъ развивалъ эту мысль въ докладныхъ запискахъ, написанныхъ по-французски, и передавалъ ихъ Портѣ; а французское правительство получало копіи. Уже съ 1734 г., за двѣнадцать лѣтъ до эпохи, которою мы заняты, Бонневаль съ удивительной точностью предсказалъ постоянное развитіе могущества русскаго государства и указывалъ на наиболѣе подходящія средства, чтобы положить предѣлъ этому росту.

„Нѣтъ сомнѣнія“, писалъ онъ, „что московское государство при своемъ внезапномъ увеличеніи измѣнитъ всю европейскую систему. Его положеніе и интересы дѣлаютъ Россію непремѣнной союзницей австрійскаго императора, слѣдовательно—врагомъ Порты и Франціи. Этотъ союзъ между Россіей и императоромъ такъ прочно основывается на взаимной помощи, которую они могутъ оказать другъ другу, что онъ не измѣнится, если только не случится какого-либо необычайнаго и до сихъ поръ непредвидѣннаго событія. Мнѣ кажется весьма необходимымъ, съ одной стороны, въ интересахъ Турціи, а съ другой для поддержанія равновѣсія въ Европѣ, въ которомъ заинтересована Франція, чтобы эти двѣ державы заключили постоянный союзъ, съ цѣлью вернуть Россію въ ея прежнія границы и помѣшать ей вмѣшиваться въ интересы другихъ царствующихъ домовъ Европы. Если не подумать объ этомъ серьезно и заранѣе, московитяне легко могутъ послать императору до двухсотъ тысячъ регулярнаго, хорошо дисциплинированнаго войска: людей въ этомъ государствѣ достаточно. Могущество этой страны, которую всегда презирали, получитъ новый блескъ отъ ея вступленія въ среду христіанскихъ государей, и она пріобрѣтетъ впослѣдствіи вліяніе на все, что будетъ происходить въ Европѣ и Азіи: такова была великая цѣль покойнаго царя. Теперешнее русское министерство, хотя, повидимому, не особенно умное и благоразумное, идетъ тѣмъ

же путемъ и, наконецъ, достигнетъ того, къ чему стремится, если другіе будутъ спать...

Русскія войска очень хороши, покорны, пріучены къ работѣ и утомленію, довольствуются малымъ и способны переносить голодъ, холодъ и жаръ, какъ случится. Это качества хорошихъ солдатъ, рѣдко встрѣчающіяся у прочихъ націй...

И поэтому, по моему мнѣнію, самое лучшее, что можно бы сдѣлать при существующихъ условіяхъ,—это заключить Портѣ союзъ или конфедерацію съ Франціей противъ однихъ московитянъ... Я не долженъ скрывать, что какова бы ни была дружба между Портой и Франціей, религіозные взгляды обѣихъ державъ будутъ служить большимъ препятствіемъ для выполненія такого проекта. Но если Франція понимаетъ собственные интересы, ее не остановитъ этотъ щекотливый вопросъ, и она безъ затрудненій заключитъ даже вѣчный союзъ для сохраненія королевства и поддержанія польской республики противъ русскихъ, уже не говоря о другихъ государствахъ. Въ тотъ же договоръ должна быть включена Швеція подъ такими же условіями, безъ чего старанія французскаго императора на пользу Польши могутъ встрѣтить большія затрудненія, и если онъ не успѣетъ въ своемъ предпріятіи, Франція лишится своего кредита въ Европѣ и впослѣдствіи ей трудно будетъ пріобрѣсти его вновь, какъ бы ни было продолжительно правленіе короля, потому что вся Европа увидитъ, что это уже не та страна, что при Людовикѣ XIV.

Франція напрасно стремится къ завоеванію въ Италіи: она ничего отъ этого не выиграетъ, и такимъ путемъ никогда не осуществитъ своихъ видовъ, которые должны заключаться въ сохраненіи свободы поляковъ и сбитіи спѣси московскаго государства". *)

Со времени составленія этой записки, Бонневаль не переставалъ хлопотать объ осуществленіи своихъ плановъ, къ которымъ иногда примѣшивалъ самые романтическіе проекты, на-

---

*) Записка, посланная съ письмомъ де-Лилльнева, помѣченнымъ 15 февраля 1734 года.

примѣръ, въ родѣ образованія наступательнаго и оборонительнаго союза между султаномъ и Великимъ Моголомъ при посредничествѣ христіаннѣйшаго короля. *) По инициативѣ графа, Диванъ нѣсколько разъ дѣлалъ Франціи предложеніе превратить дружественныя отношенія, существовавшія между двумя дворами, въ настоящій союзъ. Версальскій кабинетъ постоянно отказывался отвѣчать; онъ предпочиталъ сохранять спокойную, ни къ чему не обязывавшую политику, которой Франція держалась по отношенію къ Турціи въ продолженіе многихъ столѣтій. Франція смотрѣла на турокъ какъ на подчиненную вспомогательную силу, отъ которой могла требовать самыхъ серьезныхъ услугъ, не считая себя обязанной платить тѣмъ же. Какъ только являлась необходимость въ отвлеченіи, она выдвигала турокъ впередъ, но не принимала на себя относительно ихъ никакихъ обязательствъ и напускала ихъ на Австрію, отрекаясь отъ нихъ, когда ей было того нужно. Бонневаль открылъ великому визирю глаза на эти расчеты; онъ постоянно повторялъ ему, что въ предыдущемъ вѣкѣ турки брались за оружіе противъ Австріи по настоянію Франціи, что Людовикъ XIV покинулъ ихъ на Рисвикскомъ конгрессѣ, подписавъ миръ безъ нихъ, и предоставилъ имъ однимъ выдерживать давленіе всѣхъ германскихъ силъ. Съ начала войны за австрійское наслѣдство турки доказали, что они воспользовались уроками опытности и совѣтами Бонневаля. Когда Франція стала понуждать ихъ принять участіе въ своей борьбѣ противъ Австріи, они прежде всего потребовали подписанія договора, который предохранилъ бы ихъ отъ всякихъ дипломатическихъ нарушеній трактата со стороны Франціи. Наконецъ, въ 1745 г. году, когда сдѣлалось очевидно, что Россія окончательно уходитъ отъ Франціи, чтобы сблизиться съ Австріей, и что ея войска присоединятся, пройдя черезъ Польшу, къ войскамъ Маріи-Терезіи, Порта отвѣтила на указаніе французскаго посла о необходимости диверсіи предложеніемъ заключить формальный союзъ съ королемъ. Условіе, подписанія котораго желала Турція,

---

*) Сенъ-При *„Записки о посольствѣ въ Турціи"*.

не обязывало Францію доставлять Портѣ матеріальную помощь; оно заключало только обѣщаніе не подписывать мира единолично. За такую цѣну турки соглашались собрать свои войска на границахъ Украйны и отвѣчать на всякое вторженіе русскихъ войскъ въ предѣлы республики немедленнымъ объявленіемъ войны, которая подняла бы Польшу и уничтожила колебаніе Швеціи.

Минута была торжественная; Францiя не могла уклониться отъ рѣшенія. Отъ нея зависѣло, сдѣлавъ смѣлый шагъ, побудить подняться все пространство отъ Балтики до Босфора и, можетъ-быть, заставить Россію дорого поплатиться за ея неблагодарность. Надо было только, чтобы король далъ Портѣ просимыя гарантіи и согласился на открытый союзъ съ невѣрными. Сто двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Ришелье не поколебался привлечь изъ глубины Швеціи еретика Густава Адольфа, чтобы противопоставить его Австріи. Неужели въ министерствѣ философа д'Аржансона Франція могла проявить больше щепетильности, чѣмъ въ правленіи великаго кардинала? Маршалъ де Ноайль, совѣтами котораго Людовикъ XV продолжалъ пользоваться, передалъ записку, гдѣ проводилъ противъ союза съ оттоманами основанія религіозныя и нравственныя; онъ представлялъ, что союзъ между старшимъ сыномъ церкви и недругами христіанскаго имени вызоветъ въ Европѣ всеобщее негодованіе и отвратитъ отъ французскаго оружія божественное благословеніе. Доводы Ноайля взяли верхъ: предложенія Турціи были отклонены *).

Этотъ отказъ оправдалъ недовѣріе Порты; онъ нанесъ первый ударъ французскому вліянію на Востокѣ. Отчаявшись въ помощи Франціи, Турція старалась по крайней мѣрѣ обезпечить себѣ поддержку со стороны главнаго ея союзника, короля прусскаго, и предложила наступательный союзъ. Французъ Бонневаль служилъ посредникомъ въ переговорахъ, впервые завязавшихся между оттоманской имперіей и Пруссіей: онъ просилъ версаль-

---

*) *Мемуары маршала де Ноайля.*

**) *Сенъ-При*—О. с.

ское министерство поддержать въ Берлинѣ предложенія Порты **). Когда Фридрихъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ, турки обвинили французскую дипломатію въ томъ, что она своимъ нежеланіемъ и нерѣшительностью подготовила эту неудачу, и стали искать другого способа, который доставилъ бы имъ возможность принять активное участіе, если не оружіемъ, то по крайней мѣрѣ переговорами, въ спорахъ христіанскихъ государей. Желаніе вступить съ блескомъ въ европейскій концертъ, служа умиротворителемъ и третейскимъ судьей между главными державами, побудило султана къ неожиданному шагу. Онъ торжественно написалъ всѣмъ воюющимъ, предлагая свое посредничество и прося созвать конгрессъ, гдѣ два дервиша, избранные муфтіемъ, уладили бы споры сообща съ двумя папскими делегатами. Европа улыбнулась на это предложеніе; Франція отвѣтила вѣжливо, но подчинила принятіе предложенія рѣшенію другихъ государствъ. Послѣдніе не отвѣтили. *) Это униженіе вызвало сильное неудовольствіе со стороны турокъ уже и по адресу Франціи за то, что она не только понудила государей принять посредничество Турціи, но сама первая выступила противъ него. И съ этихъ поръ Порта стала относиться къ Франціи съ недовольной сдержанностью. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ конца 1745 г. до начала 1747 г., вліяніе Франціи въ Константинополѣ, очевидно, упало; де-Кастелланъ не встрѣчалъ прежняго пріема ни со стороны великаго визиря, ни со стороны *рейсъ-эффенди* или министра иностранныхъ дѣлъ, и видѣлъ ясное предубѣжденіе противъ себя.

Этой минуты ждалъ Бестужевъ, чтобы привести въ исполненіе свои планы противъ Франціи. Пока послѣдняя, какъ казалось, имѣла силу по своему произволу двигать турокъ или сдерживать ихъ, русскій канцлеръ отсрочивалъ выполненіе обязательства, принятаго по отношенію къ Франціи. Въ началѣ 1747 г. онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе; въ западныхъ губерніяхъ Россіи стягивались войска, готовясь пройти черезъ Польшу для соединенія съ австрійской арміей. Однако, русское правительство

---

*) Подробности о посредничествѣ у Флассана. Т. V.

ЛЮДОВИКЪ XV (1741.)

(изъ коллекціи Ротшильда.)

не хотѣло отдавать приказа о выступленіи, не удостовѣрившись окончательно въ нейтралитетѣ Турціи. Съ цѣлью позондировать намѣреніе Дивана, посланники Россіи и Австріи предложили ему сообща возобновить подъ именемъ вѣчнаго мира прежніе трактаты, заключенные съ ихъ дворами и носившіе названіе перемирій на неопредѣленное время. Великій визирь не отвергъ этого предложенія, и переговоры начались *).

Франція одновременно узнала о выступленіи русскихъ и о началѣ переговоровъ въ Константинополѣ съ ея врагами. Ошибка, сдѣланная два года тому назадъ, когда были отвергнуты миролюбивые шаги Турціи, теперь принесла свои плоды. У версальскаго кабинета открылись глаза: его щепетильность отступила на нѣкоторое время передъ выгодой. Вступивъ въ прямыя сношенія съ Бонневалемъ и присоединяя его въ нѣкоторомъ отношеніи къ константинопольскому посольству, министръ иностранныхъ дѣлъ вступилъ съ всемогущимъ ренегатомъ въ частную переписку съ помощью цифровой азбуки, къ которой ключа не имѣлъ даже самъ посолъ: маркизъ де-Кастелланъ ограничивался тѣмъ, что передавалъ по назначенію письма, получаемыя для Бонневаля.

Послѣдній, несмотря на годы и болѣзнь, не опровергъ утвердившейся за нимъ репутаціи очень дѣятельнаго человѣка. Онъ увѣрялъ, что въ успѣхѣ сомнѣнія быть не можетъ, и клялся, что заставитъ турецкихъ министровъ отказаться отъ переговоровъ съ непріятными лицами, если Франція согласится, наконецъ, на договоръ. „Въ томъ случаѣ“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ д'Аржансону, „если король отрѣшится отъ суевѣрныхъ предразсудковъ нашихъ предковъ относительно союза съ турками, ему не будетъ отказа ни въ чемъ, и мнѣ кажется, что это весьма нужно, чтобы создать противовѣсъ силѣ московскаго государства... Его святѣйшество папа, безъ сомнѣнія, одобритъ, если король воспользуется турками для усиленія своего могущества противъ враговъ-еретиковъ и, слѣдовательно, такихъ же отверженныхъ, какъ турки. Давно уже церковь не имѣла столь просвѣщеннаго

*) Иностранныя дѣла. *Переписка съ Турціей. 1746 г.*

главы *), и ему нетрудно будетъ объяснить, что все не клонящееся къ распространенію магометанства и, напротивъ, выгодное католичеству—не только справедливо, но даже необходимо" **).

20 марта 1747 г. де-Кастелланъ получилъ отъ маркиза д'Аржансона письмо къ Бонневалю, написанное секретнымъ шифромъ. Этого письма ждали давно; оно должно было заключать окончательную формулировку французскихъ предложеній. Въ то же время посолъ узналъ, что графъ опасно боленъ и находится при смерти. Не смѣя открыть депешу, которую, впрочемъ, онъ не сумѣлъ бы прочесть, онъ рѣшилъ передать ее въ собственныя руки. Вечеромъ, безъ факеловъ, въ сопровожденіи одного только секретаря онъ отправился во дворецъ, гдѣ на берегу Босфора графъ-паша соединилъ удобства европейской жизни съ восточной роскошью. Введенный въ компату больного, посолъ засталъ его въ обществѣ молодого итальянца, котораго Бонневалъ называлъ своимъ пріемнымъ сыномъ и который принялъ исламъ подъ именемъ Солиманъ-Бея. Бонневаль сохранялъ полную ясность разсудка; онъ взялъ письмо и положилъ себѣ подъ подушку. „Я прикажу разобрать его завтра", сказалъ онъ де-Кастеллану, „и пошлю вамъ оригиналъ вмѣстѣ съ копіей" ***). Лишь только посолъ вышелъ, Бонневаль впалъ въ летаргію и умеръ черезъ нѣсколько дней.

На слѣдующее утро Солиманъ-Бей передалъ де-Кастеллану, очевидно измѣненное извлеченіе изъ депеши. Посолъ прочелъ лишь неопредѣленное разсужденіе о необходимости двинуть турокъ противъ Россіи, и кромѣ того, разрѣшеніе истратить 190,000 червонцевъ, чтобы устранить колебанія Порты. Кастелланъ, желая удостовѣриться, потребовалъ оригиналъ письма; ему отвѣтили, что онъ брошенъ въ колодезь вмѣстѣ съ прочими бума-

---

*) Бенедиктъ XIV, избранный папой въ 1740 г., умершій въ 1758 г.

**) Иностранныя дѣла. Турція. Конфиденціальное письмо Бонневаля отъ 20 января 1747 г.

***) Кастелланъ, 23 марта 1747 г.

гами графа. Французскій государственный секретарь никогда не выяснилъ содержанія таинственной депеши *).

Вслѣдствіе недовѣрчивости своего правительства, де-Кастелланъ оставался безъ инструкцій и въ своихъ сношеніяхъ съ оттоманскими министрами не зналъ, до какихъ границъ слѣдуетъ доводить уступки. Между тѣмъ, время шло; увѣряли, что договоръ о вѣчномъ мирѣ между двумя императорскими дворами ждетъ только подписи султана. Рѣшившись дѣйствовать, Кастелланъ добился аудіенціи у великаго визиря. Министръ принялъ его въ кіоскѣ, окруженномъ садами, среди обстановки, скорѣй располагавшей къ лѣнивому созерцанію, чѣмъ къ дѣловому разговору. Лишь только Кастелланъ коснулся политическаго вопроса, визирь перемѣнилъ разговоръ, выражая удовольствіе, что можетъ наслаждаться послѣ суровой зимы такимъ прекраснымъ днемъ въ обществѣ друга. Между тѣмъ, посланникъ настаивалъ на томъ, что, благодаря вмѣшательству Россіи, война можетъ разгорѣться. „Война", отвѣтилъ визирь, „роковая необходимость; за ней слѣдуетъ миръ". Кастелланъ въ яркихъ краскахъ изобразилъ возрастающее затрудненіе Франціи. — „Счастье перемѣнчиво", отвѣтилъ визирь; „не слѣдуетъ ни опьяняться успѣхомъ, ни падать духомъ при неудачахъ". Наконецъ, рейсъ-эффенди, присутствовавшій при разговорѣ, высказался откровеннѣе: „Мы не желаемъ ни льстить вамъ, ни обманывать васъ. Порта не пойдетъ ни на что способное вызвать разрывъ". *) Нѣсколько дней спустя, извѣстіе о подписаніи вѣчнаго мира сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ.

Уступая настояніямъ двухъ императорскихъ дворовъ, турки сразу проявили и трусость и непредусмотрительность. Думая упрочить достигнутое въ Бѣлградѣ восемь лѣтъ тому назадъ, благодаря французской дипломатіи, они въ сущности уничтожили

*) Кастелланъ, 23 марта 1747 г. По Гаммеру депеша давала Бонневалю надежду, что въ награду за свои услуги онъ получитъ разрѣшеніе вернуться во Францію.

**) Кастелланъ, 28 марта 1747 г.

все. Францiя гарантировала договоръ, заключенный при ея посредничествѣ и имѣвшiй цѣлью сохранить неприкосновенность оттоманской имперiи. Такъ какъ значенiе этого акта измѣнилось безъ участiя Францiи, то съ короля снималась отвѣтственность за гарантiю, составлявшую главное основанiе безопасности Турцiи. Что касается Францiи, она пожала плоды своей слабой и нерѣшительной политики, которой придерживалась съ 1739 г. какъ въ отношенiи Россiи, такъ и Турцiи: она лишилась послѣдней, не прiобрѣтя первой.

Польша сама открыла свои границы солдатамъ царицы, и войска Августа III стояли шпалерами при проходѣ русскихъ батальоновъ. Несмотря на субсидiю отъ Францiи, Швецiя не пошевелилась. Фридрихъ II, только что заключившiй съ ней союзъ при французскомъ посредничествѣ не могъ увлечь ее, а дѣйствовать одинъ не рѣшался. *) Одинъ русскiй корпусъ проникъ въ Германiю, другiе намѣревались послѣдовать за нимъ. Въ то же время канцлеръ Бестужевъ добился отъ своей государыни новой конвенцiи, по которой русская императрица обязывалась предоставить вторую армiю въ распоряженiе морскихъ державъ, Англiи и Голландiи. **) 30,000 русскихъ расположились по берегамъ Балтiйскаго моря въ ожиданiи англiйскихъ кораблей, которые должны были перевезти ихъ въ Нидерланды, чтобы выставить противъ побѣдителя при Фонтенуа и Року.

Францiя тогда употребила послѣднiя усилiя, чтобы вывести Турцiю изъ ея апатiи. Маркиза д'Аржансона постигла неожиданная немилость, но его преемникъ де-Пюизье раздѣлялъ его взгляды. Когда успѣхъ не оказался въ соотвѣтствiи съ усилiями де-Кастеллана, его дворъ назначилъ ему замѣстителемъ Дезаллера. Этотъ дипломатъ получилъ полномочiя болѣе широкiя, чѣмъ его предшественникъ; но все же инструкцiи полны сдержанности и робости. Францiя рѣшилась заключить договоръ съ султаномъ, но не желала, чтобы упоминалось слово „союзъ", а

---

*) См. *Флассанъ*—т. V.

**) 2 августа 1748 г. Мартенсъ: „*Договоры Россiи съ Австрiей*".

требовала, чтобы оно было замѣнено выраженіемъ болѣе общимъ: „дружественное соглашеніе“. Она не намѣревалась брать на себя обязательства доставлять Турціи прямую помощь, но обѣщалась побудить шведовъ сдѣлать диверсію въ ея пользу. „Всякій другой договоръ“, говорили инструкціи, данныя Дезаллёру, „былъ бы гнусенъ и вооружилъ бы большинство христіанскихъ государствъ противъ Франціи. *) Когда новый посланникъ прибылъ въ Константинополь и началъ свои хлопоты, рейсъ-эффенди признался ему конфиденціально, что онъ берется за дѣло столь же трудное, какъ „рыть колодезь иглой“. **) Дезаллёръ не упалъ духомъ и передалъ великому визирю одну за другой семь докладныхъ записокъ, гдѣ указывалъ на опасность, которой Порта подвергнется со стороны Россіи, если та будетъ продолжать на югъ свое прерванное наступленіе. Но всѣ его настоянія не могли побудить турокъ къ рѣшительному шагу. На всѣ доводы со стороны Франціи они отвѣчали, что не обязаны никакими договорами помогать ей.

Такимъ образомъ Франція чувствовала, какъ ослабѣваетъ и уходитъ изъ ея рукъ опора, которую она стала поздно искать противъ Россіи. Русскія войска дошли до Франконіи; они были всего въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Эльзаса, когда извѣстіе о мирѣ ихъ остановило. Засѣдавшіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на конгрессѣ уполномоченные наконецъ достигли цѣли своихъ усилій; 30-го апрѣля 1748 г. Ахенскій договоръ возстановилъ миръ между Франціей и Испаніей съ одной стороны, и Австріей, Англіей и Голландіей съ другой. Россія, участвовавшая въ войнѣ только какъ вспомогательная сила, не появилась на конгрессѣ, и подписи Елизаветы не значилось подъ мирнымъ актомъ: между государствами, подписавшими трактатъ, было только рѣшено, что Россія выведетъ въ возможно скорѣйшій срокъ свои войска изъ Германіи. Русскія войска вернулись на свою далекую родину, не понюхавъ французскаго пороха и даже не ви-

*) Инструкція Дезаллеру, 1 апрѣля 1747 г.
**) Переписка Дезаллера, 25 марта 1748 г. Иностранныя дѣла.

давъ французскихъ аванпостовъ. Казалось, будто таинственная судьба, вторично остановивъ Францію и Россію въ ту минуту, какъ онѣ готовы были сразиться, предвидѣла будущее, желала предупредить непоправимый разрывъ и оставить возможность къ примиренію, несмотря на ошибки французской политики, безумство маркиза де Ла-Шетарди, легкомысліе и неблагодарность Елизаветы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОЙНА И ПРИМИРЕНІЕ.

Личное вліяніе Людовика XV начинаетъ давать себя чувствовать въ европейской политикѣ.—Восточный вопросъ въ 1748 г.—Отношеніе короля къ Россіи.—Его пристрастіе къ таинственности и скрытность.—*Карманный визирь*.—Отель Тампля.—Старанія принца Конти жениться на Елизаветѣ.—Его свиданіе съ польскими послами.—Король пользуется своимъ двоюроднымъ братомъ какъ орудіемъ для проведенія своихъ плановъ въ Польшѣ и на Востокѣ.—Проектъ коалиціи противъ Россіи.—Секретная переписка; ея цѣль.—Старанія и успѣхъ Дезаллера въ Константинополѣ.—Русскіе занимаютъ Финляндію.—Угроза вооруженнаго вмѣшательства.—Памятка о Бонневалѣ.—Посольство де-Брольи въ Польшу; результаты его.—Разрывъ съ Англіей.—Сэръ Уильямсъ отправляется въ Петербургъ.—Воинственныя инструкціи де-Верженну.—Французскій посолъ при дворѣ хана татарскаго.—Перспектива открытой борьбы съ Россіей.—Внезапный переворотъ.—Истинное значеніе политическаго переворота 1756 г.—Петербургскій трактатъ; Вестминстерскій трактатъ; первый Версальскій трактатъ.—Отношеніе Елизаветы.—Чѣмъ можно было заставить ее улыбнуться.—Безстрашный путешественникъ.—Арестъ де-Валькруассана.—Новыя сообщенія.—Обычныя лица на пріемѣ принца Конти.—Табакерка съ двойнымъ дномъ; что въ ней заключалось.—Два путешествія сэра Дугласа.—Преданіе.—Истина.—Первое появленіе кавалера д'Эона.—Услуга Мишеля.—*Двѣ добрыя дамы*.—Елизавета намѣревается заключить прямой союзъ.—Франція колеблется; она прячется за Австрію.—Удивленіе Елизаветы.—Пруссаки въ Саксоніи.—Общая война.—Присоединеніе Россіи къ Версальскому трактату.—Прекрасный *тайный актъ*.—Необходимыя условія русско-французскаго союза.—Необходимость обуздать честолюбіе Фридриха II.—Мнѣніе датчанина о развитіи Пруссіи.

I.

Въ годы за Ахенскимъ миромъ впервые проявилось личное и непосредственное вмѣшательство Людовика XV въ европейскія дѣла. Пока былъ живъ Флёри, молодой монархъ покорялся всемогущей волѣ своего бывшаго наставника. Послѣ смерти карди-

нала поступки короля не шли замѣтнымъ образомъ въ разрѣзъ съ дѣятельностью Совѣта: Людовикъ XV, казалось, еще неограниченно довѣрялъ своимъ министрамъ до того дня, какъ вдругъ онъ отвѣтилъ имъ, отставивъ ихъ. Однако, мы видѣли, что онъ уже рано привыкъ собирать свѣдѣнія и составлять себѣ мнѣніе независимо отъ своихъ официальныхъ совѣтчиковъ и что въ продолженіе долгаго времени при немъ состоялъ министръ-совѣтникъ маршалъ де-Ноайль рядомъ съ министрами, которымъ поручалось дѣйствовать. Съ помощью совѣтовъ маршала Людовикъ создавалъ свои политическіе планы, но исполненіе ихъ онъ предоставлялъ своимъ государственнымъ секретарямъ и былъ въ отношеніи ихъ всегда честнымъ. Однъ разъ де-Ноайль предложилъ ему скрыть свой образъ дѣйствія—именно по отношенію къ Россіи. Въ 1744 г. Ла-Шетарди вернулся къ Елизаветѣ, получивъ приказаніе возвратить расположеніе ея, а въ то же время подготовить ея сближеніе съ Швеціей. Маршалъ намекнулъ, что записка къ французскому послу въ Петербургѣ, писанная рукой самого короля, сильно повліяла бы на возбужденіе его ревности и, при случаѣ, могла бы служить официальнымъ подтвержденіемъ его словъ. Людовикъ XV отказался отъ подобнаго образа дѣйствія. „Обдумавъ все хорошенько", отвѣтилъ онъ маршалу, „я не могу написать своимъ министрамъ въ Россіи и въ Швеціи записки, какъ вы мнѣ предложили. Дверь должна быть или отворенной или запертой, и это недовѣріе къ лицамъ, которымъ я долженъ, повидимому, довѣрять не прилично мнѣ и негодится для моихъ плановъ" *). Нѣсколько лѣтъ спустя, король измѣнилъ свои взгляды и, повидимому, не подозрѣвая, что написалъ собственное осужденіе, возвелъ въ систему образъ дѣйствія, который Ноайль совѣтовалъ ему примѣнить только какъ попытку.

Подобно всѣмъ государямъ своего дома, Людовикъ XV съ

---

*) Переписка Людовика XV съ маршаломъ де-Ноайлемъ, изданная Руссэ по рукописямъ военнаго архива.

истиннымъ интересомъ и постояннымъ вниманіемъ относился къ дѣламъ внѣшней политики. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на дѣла короля, въ отличіе отъ дѣлъ государственныхъ, т.-е. внутреннихъ. Признаваясь съ презрительной откровенностью въ своемъ невѣдѣніи въ дѣлахъ управленія и особенно финансовъ, онъ всегда любилъ выставлять на показъ свои дипломатическія знанія и считалъ, что сношенія Франціи съ иностранными государствами требуютъ полнаго вниманія со стороны ея государя. До 1748 г. эта склонность не выходила за границы платоническаго пристрастія и проявлялась только въ общемъ руководствѣ внѣшней политикой Франціи; но послѣ Ахенскаго мира одинъ вопросъ особенно заинтересовалъ короля, какъ по своей новизнѣ, такъ и по важности: это тотъ вопросъ, который мы теперь называемъ „восточнымъ“. Рожденный въ началѣ восемнадцатаго вѣка успѣхами русскаго могущества, которымъ соотвѣтствовало отступленіе на второй планъ Турціи, Польши и Швеціи, этотъ вопросъ достигъ въ 1748 г. полнаго своего развитія. Одновременно менѣе сложный и болѣе обширный, чѣмъ въ наши дни, заключавшій въ себѣ меньшее количество разнородныхъ элементовъ, но касавшійся болѣе обширной территоріи и затрогивавшій судьбу большаго количества государствъ, онъ волновалъ все пространство отъ Балтійскаго моря до Дуная и Босфора. Дѣла шведскія, польскія и турецкія образовали его главные пункты; онъ касался не столько „востока“ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ всей восточной Европы. Если впослѣдствіи вопросъ сузился и вмѣстѣ съ тѣмъ осложнился, его сущность не измѣнилась; съ 1748 г. его элементы вполнѣ опредѣлились. Безнаказанное вторженіе русскихъ войскъ на польскую территорію доказало все увеличивающееся безсиліе сѣверныхъ и восточныхъ государствъ. Съ другой стороны, Россія по иниціативѣ Бестужева намѣревалась продолжать свою политику захвата. Канцлеръ открыто высказывалъ положеніе, что только энергическая и послѣдовательная внѣшняя дѣятельность можетъ упрочить внутреннее спокойствіе въ государствѣ. Между тѣмъ какъ прочія государства распускали свое войско, петербургскій дворъ увеличивалъ русскую армію; онъ

сближался все тѣснѣе съ Вѣной и Лондономъ *), угрожалъ Швеціи, притѣснялъ Польшу и со всѣми своими сосѣдями принималъ тонъ высокомѣрнаго покровительства. Съ этого времени сталъ вопросъ: позволено ли Россіи насильственное уничтоженіе или медленное поглощеніе слабыхъ національностей, окружающихъ ее; возстанетъ ли Германія противъ ея успѣховъ или постарается ими воспользоваться, и наконецъ, какое положеніе займутъ относительно ея западныя государства, особенно Франція? Людовикъ XV принялъ въ обсужденіи этихъ вопросовъ участіе съ необычайнымъ для него увлеченіемъ и пожелалъ всецѣло руководить лично, до мелочей, восточной политикой Франціи.

По принципу и наклонностямъ правнукъ Людовика XIV придерживался старыхъ традицій. Какъ въ внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ онъ терпѣть не могъ новшествъ; ему казалось, что лучше всего слѣдуетъ придерживаться системы, принесшей его предшественникамъ выгоду и славу. Вслѣдствіе того онъ считалъ необходимымъ имѣть всегда въ своемъ распоряженіи Турцію и Швецію и поддерживать связи съ Польшей. Россію же, молодую, смѣлую державу, напротивъ, онъ не любилъ, и ея вмѣшательство въ общія дѣла его тревожило. Къ этому чувству въ немъ присоединялась личная непріязнь къ Елизаветѣ, возмутившей его своей неблагодарностью. Послѣ Ахенскаго мира, когда царица окольными путями обратилась къ нему, какъ бы хлопоча о возобновленіи дипломатическихъ сношеній **), онъ не отвѣтилъ на ея любезность. Онъ не только не желалъ возстановленія дружбы съ Россіей, но даже желалъ сразиться съ ней; ему казалось, что французская дипломатія не можетъ направить свою дѣятельность болѣе полезнымъ образомъ, чѣмъ постараться поднять

*) 30 октября 1750 г. Англія присоединилась къ договору, заключенному въ 1746 г. между Елизаветой и Маріей-Терезіей.

**) Россія пожелала присоединиться къ Ахенскому договору, но представитель Франціи Сенъ-Северенъ формально воспротивился этому, напоминая о той помощи, которую оказали войска Елизаветы: „Если мы будемъ принимать государства, отдающія свои войска внаемъ, то конца не будетъ“, высокомѣрно заявилъ онъ.

Турцію, Польшу и Швецію. Прекрасно понимая связь, существовавшую между этими государствами, онъ чувствовалъ, что судьба одного изъ нихъ неразрывно связана съ другими и что дорога изъ Москвы въ Константинополь ведетъ черезъ Стокгольмъ и Варшаву. Такимъ образомъ христіаннѣйшій король дошелъ до того, что вернулся къ проекту ренегата Бонневаля—образованію оборонительной конфедераціи противъ Россіи между султаномъ, польской республикой и Швеціей, при посредствѣ Франціи и подъ ея руководствомъ.

Выполненіе этого проекта представляло теперь болѣе серьезныя затрудненія, чѣмъ въ 1745 г.: кредитъ Франціи значительно упалъ въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Прежде всего надо было вернуть вліяніе, которымъ Франція пользовалась нѣкогда при этихъ трехъ дворахъ, и расположить ихъ благопріятно выслушать ея совѣты. Послѣ того, надо было извлечь эти государства изъ ихъ оцѣпенѣнія, открыть имъ глаза, указать всю величину опасности, нависшей надъ ихъ головами; можетъ-быть, попытаться внести улучшеніе въ ихъ внутреннее устройство и поставить въ возможность выдержать въ болѣе или менѣе близкомъ времени борьбу за ихъ существованіе. Предпріятіе было смѣлое; предстояло пытаться почти что воскресить ихъ; но Людовикъ XV не счелъ задачу выше силъ Франціи.

Людовику нетрудно было бы сдѣлать своихъ министровъ покорными орудіями своей воли при выполненіи задуманнаго плана. Но король былъ и робокъ и скрытенъ; онъ думалъ, что окольные и потайные пути ведутъ вѣрнѣе къ цѣли; кромѣ того, боясь борьбы съ Россіей въ скоромъ будущемъ и можетъ-быть возобновленія военныхъ дѣйствій, онъ опасался, что о его проектахъ узнаютъ, если онъ станетъ стараться открыто ихъ выполнить. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать черезъ министровъ, онъ сталъ дѣйствовать одинъ, тайкомъ отъ нихъ.

Когда государь займется такими таинственными интригами, ему не обойтись безъ довѣреннаго; у государя долженъ быть вѣрный человѣкъ, который можетъ хранить его тайны и взять на себя организацію ихъвыполненія такъ же, какъ и выборъ аген-

товъ. Послѣ смерти кардинала Флёри, Людовикъ XV торжественно заявилъ, что не будетъ имѣть перваго министра. Онъ не нарушилъ этого обѣщанія, но обошелъ его; у него были негласные первые министры, или, по выраженію одного изъ нихъ, „карманные визири“ *). Онъ сталъ искать такого, какъ только вздумалъ повести дѣла съ Востокомъ и Россіей согласно своимъ личнымъ взглядамъ, и нашелъ этого необходимаго помощника среди собственной семьи, у самаго подножія своего трона.

Въ Парижѣ восемнадцатаго вѣка, подъ сѣнью старинныхъ башенъ Темпля, стоялъ отель, по внушительному фасаду и величественной архитектурѣ котораго сразу можно было узнать княжеское жилище. Здѣсь каждый вечеръ собиралось блестящее, разнообразное общество, гдѣ поэты и философы встрѣчались съ министрами, съ маршалами и герцогинями, и гдѣ обсуждались живо, безъ педантичности достоинства новой пьесы на ряду съ самыми важными политическими вопросами. Этотъ дворъ, болѣе открытый и свободный, чѣмъ версальскій, собирался вокругъ внучатаго племянника великаго Кондэ, принца Луи-Франца де-Конти. Уже давно Луи де-Конти занималъ выдающееся и высокое положеніе. Побѣда Конти, одержанная имъ въ двадцать семь лѣтъ, заставила всѣхъ сравнивать его съ славнымъ побѣдителемъ при Рокруа. Послѣ того, хотя фортуна и не дала ему встрѣтить на его пути ни Ленса, ни Фрибурга, но зато мирныя работы доставили ему не одно удовлетвореніе. Его участіе въ преніяхъ парламента, гдѣ онъ блисталъ изяществомъ и стилемъ своихъ рѣчей, нѣсколько разъ обращали на него вниманіе. Счастливыя способности, развитыя образованіемъ, различные таланты, неутомимая умственная дѣятельность давали ему право надѣяться на блестящую будущность; пока же его любезность, радушіе и предупредительность, надежность его дружбы и веселость привлекали къ нему всѣ умы. Кругомъ него образовался многочисленный кружокъ преданныхъ лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества.

*) Выраженіе принца Конти, приведенное графомъ Брольи.

Несмотря, а можетъ-быть именно благодаря разницѣ ихъ характеровъ, король Людовикъ XV и принцъ Конти полюбили другъ друга. Подозрительный монархъ, не словоохотливый и скрытный, откровенно разговаривалъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ о государственныхъ дѣлахъ и особенно цѣнилъ его мнѣніе о внѣшней политикѣ. Это довѣріе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало видамъ Конти. Отличительной чертой принца было крайнее честолюбіе. Поддаваясь химерическимъ мечтамъ, увлекаясь и впадая въ ошибки, благодаря своему воображенію, онъ часто брался за разныя рискованныя дѣла и бросалъ ихъ: то онъ мечталъ сдѣлаться выборнымъ королемъ, мужемъ государыни, генералиссимусомъ войскъ большой имперіи, принцемъ Невшательскимъ и кардиналомъ. Относиться съ особеннымъ интересомъ къ внѣшнимъ, а главнымъ образомъ сѣвернымъ дѣламъ его заставляли личные соображенія. Въ этой части Европы династіи держались менѣе прочно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и государственные перевороты случались чаще; неожиданные театральные эффекты ежечасно мѣняли декораціи, и не рѣдко храбрый и увлекательный военный полководецъ добывалъ себѣ корону своей шпагой или ловко проведенной интригой.

Ища осуществленія своихъ плановъ, Конти прежде всего обратился къ Россіи. Осенью 1741 г., когда Елизавета еще не вступала на престолъ, но могущественная партія уже прокладывала ей дорогу къ трону, Конти отправилъ въ Петербургъ особаго эмиссара, дворянина д'Авена, поручивъ ему разузнать взгляды цесаревны на замужество и подготовить ее къ офиціальному предложенію. Д'Авенъ обратился къ Елизаветѣ черезъ посредство одной француженки Каравакъ, близкой къ императрицѣ или скорѣе, принятой у нея. Вмѣшательство этой дамы не привело къ желательнымъ результатамъ; Елизавета лестно отозвалась о французскомъ принцѣ, но высказала намѣреніе никогда не выходить замужъ, чтобы не лишиться своей самостоятельности. *) Ла-Шетарди зналъ объ этихъ переговорахъ и скорѣе

*) Иностранныя дѣла. Переписка съ Россіей 1741 г., послѣдніе мѣсяцы.

старался противодѣйствовать имъ, чѣмъ способствовать; онъ не намѣревался работать на пользу соперника. Послѣ переворота, возведшаго Елизавету на престолъ ея отца, принцъ Конти возобновилъ свои попытки. Мы читали нѣсколько записокъ, писанныхъ рукой принца, къ кардиналу Флёри, гдѣ принцъ старался заинтересовать кардинала въ своемъ проектѣ. Въ этой перепискѣ видно его чрезвычайное честолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ юношеская робость; онъ широковѣщательно развиваетъ свой обширный планъ, но проситъ кардинала ничего не говорить матери. *) Флёри не отнесся къ дѣлу серьезно и не далъ ему хода.

Несмотря на неудачу, принцъ не выпустилъ тотчасъ изъ виду Россію; въ 1745 г. онъ еще писалъ д'Алліону, спрашивая у него подробностей о русскомъ дворѣ. Д'Алліонъ отвѣтилъ обстоятельной докладной запиской, гдѣ сопровождалъ политическія извѣстія пикантными подробностями о привычкахъ Елизаветы, о ея любовныхъ похожденіяхъ, числѣ и характерѣ ея фаворитовъ. **) Конечно, принцу было непріятно отказаться отъ своихъ надеждъ, но въ это время ему сообщили о прибытіи нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, спеціально пріѣхавшихъ изъ Варшавы въ Парижъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Враждебно настроенные противъ Россіи и Саксоніи, они искали возможности воскресить въ Польшѣ французскую партію; рѣшившись подготовить исподволь избраніе, которое должно было состояться послѣ смерти Августа, они надѣялись, что успѣхъ кандидата изъ дома Бурбоновъ обезпечитъ и возстановитъ значенія ихъ партіи и ихъ собственное благополучіе. Ихъ выборъ остановился на Людовикѣ Конти, слава котораго достигла и до нихъ. Будучи приняты въ отелѣ Тампля, они изложили съ откровенностью и увлеченіемъ, свойственными ихъ націи, свои планы, настаивая особенно на томъ, что Франція не должна покидать Польши. Роль,

---

*) Иностранныя дѣла. Письмо принца Конти къ кардиналу Флери, 15 и 27 января 1742 г.

**) Д'Алліонъ, 4 января 1746 г.

предназначаемая ими принцу, была слишкомъ соблазнительна для него, чтобы онъ заранѣе не примкнулъ къ ихъ проекту *).

Теперь съ свойственной ему подвижностью Конти перенесъ свои надежды съ Россіи на Польшу. Онъ отправился къ королю, передалъ сдѣланныя ему предложенія и просилъ у короля разрѣшенія дать благопріятный отвѣтъ. Людовикъ XV тотчасъ же понялъ пользу, которую могъ бы извлечь изъ честолюбивыхъ стремленій двоюроднаго брата для выполненій своихъ личныхъ замысловъ. Наконецъ, онъ нашелъ себѣ секретнаго министра, котораго искалъ. Пока продолжалась война за Австрійское наслѣдство, онъ ограничивался тѣмъ, что ободрялъ принца и давалъ ему разрѣшеніе вступать въ прямыя сношенія съ Варшавой, принимать и отправлять эмиссаровъ. Послѣ заключенія мира, они поручили ему организовать подъ величайшей тайной политическую работу для возстановленія французскаго вліянія въ Турціи, Польшѣ и Швеціи и избавленія своего государства отъ вліянія Петербурга и Вѣны. Избраніе принца Конти на польскій престолъ должно было служить наградой его усиліямъ, увѣнчать предпринятое дѣло и доставить естественную главу предполагаемой коалиціи противъ деспотизма Россіи.

Тайными орудіями борьбы, которая должна начаться, предполагалось сдѣлать французскихъ посланниковъ при всѣхъ дворахъ сѣвера и востока. Выборъ ихъ являлся дѣломъ очень щекотливымъ, и принцъ Конти принялъ въ немъ главное участіе. Уже нѣсколько времени онъ замѣщалъ вакансіи въ посольствахъ своими друзьями и лицами, которымъ покровительствовалъ. Онъ предложилъ для Константинополя графа Дезаллёра, частаго посѣтителя отеля Тампля; не безъ его участія обошлось отправленіе Дезисара въ Польшу, шевалье де-ла-Тушъ—въ Берлинъ и маркиза д' Авренкура—въ Швецію. Сношенія между этими агентами и могущественнымъ покровителемъ, которому они обязаны своей карьерой, конечно, должны были продолжаться; поэтому принцу Конти нетрудно было завести съ ними личную

*) Д'Аржансонъ, *Мемуары.*

переписку помимо министровъ внутреннихъ дѣлъ, но прочитываемую королемъ. Таково было происхожденіе знаменитой секретной переписки, долго интриговавшей потомство, пока пикантное разоблаченіе не удовлетворило, хотя отчасти, любопытство. Слѣдуетъ только замѣтить, что въ моментъ, когда начались эти таинственныя сношенія, маркизъ Пюисіё, министръ иностранныхъ дѣлъ и официальный представитель французской политики, раздѣлялъ взгляды короля и его довѣреннаго, хотя они и не были сообщены ему. Слѣдовательно, секретная переписка не имѣла цѣлью мѣшать дѣйствіямъ оффиціальной дипломатіи, какъ то часто утверждали, но, напротивъ, клонилась къ поддержанію ихъ и сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ невидимой помощницей ей. Король намѣревался извлечь изъ этой переписки ту пользу, чтобы она служила дополненіемъ къ перепискѣ министра иностранныхъ дѣлъ, „развивая и объясняя иногда истинныя намѣренія Его Величества“ [1]) говорилъ графъ Брольи, призванный впослѣдствіи для завѣдыванія ею.

Людовикъ понялъ лучше, чѣмъ его правительство въ 1745 году, необходимость прежде всего и впервые дѣйствовать въ Константинополѣ. Разъ Турція будетъ снова пріобрѣтена, уже не представится затрудненія дѣйствовать черезъ ея посредство на Польшу и Швецію. Такимъ образомъ графу Дезаллёру выпала честь открыть дѣйствія. Энергія, выказанная имъ до Ахенскаго мира, давала понятіе о его усердіи и способностяхъ. Одно современное письмо описываетъ намъ его слѣдующимъ образомъ: „Это человѣкъ очень умный, вдумчивый, говорящій мало, сразу принимавшійся за дѣло; съ виду простой и откровенный, но тонкій и дальновидный“. Побуждаемый оффиціальными инструкціями и секретными предписаніями, онъ сталъ упорно оспаривать вліяніе у русскаго резидента, австрійскаго интернунція и англійскаго посла. Отправляя великому визирю одну докладную записку за другой и преподавая туркамъ совѣты о реформахъ ихъ арміи и усиленіи артиллеріи, онъ пріобрѣталъ себѣ помощниковъ, даже въ самомъ сералѣ, ведя тайные переговоры съ кизляръ-агой или начальникомъ черныхъ евну-

ховъ, пользуясь продажностью оттоманскаго министра, заставляя соперничать французскіе червонцы съ русскими рублями. Мало-по-малу и благодаря ему, къ Франціи вернулось утраченное ею вліяніе въ Польшѣ. Такъ какъ не предвидѣлось немедленнаго начала военныхъ дѣйствій, то вопроса о союзномъ договорѣ не касались, но Турція, повидимому, была готова принять предназначаемую ей Франціей роль, отъ которой ей, собственно, никогда не слѣдовало бы отступать,—роль охранительницы Польши. Событія скоро поставили на пробу ея готовность.

Россія заняла Финляндію, принимая предлогомъ безпорядки и раздоры, господствовавшіе въ Швеціи. Въ этой несчастной странѣ всюду царилъ безпорядокъ; напрасно стали бы искать планы правительства—всюду были одни партіи. Четыре палаты, безсильный король, принужденный принимать участіе въ интригахъ, партія *шапокъ* и *шляпъ*, одна подкупленная Россіей, вторая—Франціей, старались вырвать другъ у друга власть и уничтожали ее совершенно. Между тѣмъ нѣсколько членовъ французской партіи и нѣсколько министровъ, тайно поддерживаемыхъ шведскимъ королемъ, пытались измѣнить нелѣпую конституцію, полученную страной по смерти Карла XII и узаконившую анархію. Они прежде всего хлопотали о возвращеніи коронѣ части ея прерогативъ. Петербургскому кабинету подобные проекты, которые могли спасти Швецію и вернуть ей долю могущества, были вовсе не по душѣ. Онъ вспомнилъ, что въ 1721 г. гарантировалъ Ништадтскимъ миромъ новую конституцію, и, вооружившись этимъ дипломатическимъ документомъ, намѣревался силой воспротивиться всякой реформѣ. Въ концѣ 1748 г., когда войска, посланныя на помощь Маріи-Терезіи, возвращались по домамъ, новыя готовились направиться въ Стокгольмъ, и Россія между тѣмъ расширяла и укрѣпляла свои владѣнія въ Финляндіи.

Франція храбро взялась за спасеніе шведской свободы. Она обратилась къ туркамъ, указывая имъ случай воспользоваться французскими совѣтами и заговорить энергично съ державой, присваивающей себѣ чужую землю: „Истинный мотивъ, руководящій Россіей,—должна была сказать Турція устами Дезаллёра,—

только унизить и уничтожить сосѣдей, слава и могущество которыхъ возбуждаютъ зависть, низвести ихъ на степень униженія и слабости, которыя сдѣлаютъ ихъ навсегда безполезными для ихъ союзниковъ, доставить себѣ жестокое удовлетвореніе измѣнить стокгольмское министерство цѣной покоя и крови шведовъ и всѣхъ, кто принуждены будутъ принять участіе въ войнѣ, и, наконецъ, распространить на Швецію деспотическую тиранію, подъ которой уже страждетъ Польша. Можетъ ли Европа видѣть равнодушно, какъ ея спокойствіе и цѣлыя арміи приносятся въ жертву несправедливому властолюбію Россіи? Но Порту долженъ заставить противиться осуществленію русскихъ плановъ, кромѣ того, ея личный, неотложный интересъ. Пусть турки припомнятъ, какъ расширились владѣнія, какъ увеличились кредитъ и могущество Россіи съ начала вѣка, и какъ уменьшилось вліяніе Порты въ общихъ европейскихъ дѣлахъ. Можетъ ли быть для свободы сѣвера, и для оттоманской имперіи въ особенности, что-либо опаснѣе, какъ переносить домогательства націи, только что вышедшей изъ мрака варварства и невѣжества и намѣревающейся покорить подъ свое иго постепенно всѣ окружающіе народы, не зная другого закона, кромѣ превосходства своихъ силъ? Имѣютъ ли турки болѣе насущный и важный интересъ, чѣмъ воздвигнуть преграду этому бурному потоку, уже произведшему такія опустошенія. Чѣмъ скорѣе будетъ воздвигнута эта преграда и чѣмъ она будетъ прочнѣе, тѣмъ лучше". *)

Турки сдались на доводы, высказанные такъ настоятельно. 25-го мая 1750 г. они передали русскому резиденту угрожающую ноту, въ которой заявляли, что если оккупаціи Финляндіи не будетъ положенъ въ скоромъ времени предѣлъ, они увидятъ себя вынужденными примѣнить союзный трактатъ, связывающій ихъ съ Швеціей съ 1740 года, и доставить ей обѣщанную помощь. Франція не ограничилась посылкой въ Петербургъ косвенныхъ представленій; она грозила Россіи военнымъ вмѣшательствомъ; приготовили къ отправкѣ въ Балтійское море двѣнадцать воен-

*) Пюисе Дезаллеру, 20 апрѣля и 5 іюня 1750 г.

ныхъ кораблей, а въ Швецію — армейскій корпусъ *). Твердый тонъ заявленія заставилъ Бестужева призадуматься. Его дворъ отвѣтилъ на турецкую ноту увѣреніями въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и предлагалъ Портѣ присоединиться къ ней, чтобы поддержать шведскую конституцію, но потомъ пытался переговорами затянуть дѣло. Въ концѣ 1750 г. король шведскій умеръ. Его преемникъ, Адольфъ-Фридрихъ, вступая на престолъ, объявилъ всенародно о своемъ намѣреніи пока не производить никакой реформы въ конституціи. Россія приняла это заявленіе за предлогъ, чтобы вывести свои войска изъ Финляндіи, и такимъ образомъ Франція и Турція могли поздравить себя съ полууспѣхомъ **).

Версальскому кабинету не такъ посчастливилось въ другихъ переговорахъ, начатыхъ имъ въ Константинополѣ, по рѣшенію или, скорѣе, отсрочкѣ, шведскаго вопроса. И на этотъ разъ Франція только воспользовалась одной изъ счастливыхъ идей Бонневаля, старавшагося, но безуспѣшно, соединить союзнымъ договоромъ Турцію и Пруссію. Версальскій дворъ воскресилъ этотъ проектъ и представлялъ этимъ двумъ государствамъ, что, несмотря на разстояніе, отдѣляющее ихъ, они имѣютъ въ Австріи общаго врага, котораго слѣдуетъ сдерживать и помѣстить между двумя огнями. Фридрихъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ Франціи; онъ послалъ графу Дезаллёръ свои полномочія договариваться и подписываться отъ его имени. Турки сначала какъ будто были расположены къ союзу, но затѣмъ ихъ природная робость взяла верхъ. Графъ Дезаллёръ писалъ: „Оттоманскій министръ убѣжденъ, что король прусскій—военный талантъ: его враги и наши постарались убѣдить въ этомъ Порту. Король прусскій не желалъ союза въ мирныя времена; онъ, повидимому, ищетъ его, когда отношенія сдѣлались натянутыми. Турецкій министръ, до крайности недовѣрчивый и подозрительный, предполагаетъ, что онъ это дѣлаетъ съ цѣлью начать тотчасъ по заключенію своего

---

*) д'Аржансонъ.

**) Сенъ-При... Memoires sur l'ambassade de Turquie.

договора войну, принять участіе въ которой Порта боится *). Ничто не могло побѣдить эти опасенія. Начатыя въ 1749 г. переговоры продолжались больше двухъ лѣтъ и не повели ни къ чему.

Съ 1752 г. поле дѣйствія французской дипломатіи расширяется: не прекращавшаяся въ Константинополѣ борьба съ Россіей завязалась и въ Варшавѣ. До сихъ поръ французскіе агенты при польскомъ королѣ и республикѣ ограничивались глухой оппозиціей интригамъ дворовъ вѣнскаго и петербургскаго. Они имѣли главнаго помощника и истиннаго представителя на сеймахъ и совѣтахъ курфюрста-короля въ лицѣ англійскаго министра, сэра Хенбери Уильямса, великаго интригана, ловкаго дипломата, не останавливавшагося ни передъ чѣмъ, когда являлась возможность удовлетворить непримиримой его ненависти къ Франціи. Воинственному англичанину, наконецъ, предстояло встрѣтить противника, достойнаго себя. Въ мартѣ 1752 г. графъ де-Брольи былъ назначенъ королевскимъ посломъ въ Польшѣ. До сихъ поръ онъ былъ извѣстенъ только своей дѣятельностью въ арміи; но онъ принадлежалъ къ числу людей нигдѣ не умѣстныхъ и ему суждено было доказать, что дипломатическія способности иногда обнаруживаются неожиданно. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ записку, писанную рукой короля, слѣдующаго содержанія: „Графъ де-Брольи будетъ довѣрять всему, что сообщитъ принцъ де-Конти, и никому не скажетъ ни слова **). То, что принцъ имѣлъ сказать ему, оказалось очень длиннымъ; дѣло шло не менѣе, какъ о возстановленіи во Франціи французской партіи и побужденіи ее вступить рѣшительно на арену борьбы. Офиціальныя инструкціи новому министру иностранныхъ дѣлъ, де-Сенъ-Контесту, клонились къ той же цѣли; графъ старался одновременно удовлетворить и свое высшее начальство и своего офиціознаго вдохновителя. Одно краснорѣчивое перо ***)

---

*) Дезаллеръ, 4 января 1751 г.
**) Секретная корреспонденція Людовика XV, 12 марта 1752 г.
***) Брольи. Secret du Roi.

нарисовало вѣрную картину работы графа Брольи въ Польшѣ, его стычекъ съ сэромъ Уильямсомъ, его военныхъ хитростей и побѣдъ. Въ увлекательномъ разсказѣ, до конца не утрачивающемъ свой интересъ, мы видимъ, какъ молодой посолъ, перенесенный въ незнакомую среду, относящуюся къ нему подозрительно, быстро пріобрѣтаетъ себѣ друзей и партію; смѣлымъ, неожиданнымъ выступленіемъ, въ то время, когда сеймъ 1752 г. готовъ былъ превратиться въ конфедерацію, которая заставила бы республику принять законы, продиктованные Россіей, онъ „разорвалъ“ сеймъ и предупредилъ всякую конфедерацію; какимъ чудомъ онъ отнялъ власть у Чарторижскаго, главы огромнаго Острожскаго староства, заключавшаго часть Украйны. Менѣе чѣмъ черезъ два года по прибытіи графа, польское дворянство снова приняло сторону Франціи, и принцъ Конти счелъ, что наступила благопріятная минута для осуществленія его личныхъ плановъ.

У короля Августа существовало предрасположеніе къ апоплексіи; его смерть не должна была застать Францію врасплохъ. Принцъ писалъ Брольи, чтобы тотъ выставилъ его кандидатуру и подготовилъ избраніе. Но на этотъ разъ между тайной дипломатіей и министерствомъ обнаружилось несогласіе; Сенъ-Контестъ не подозрѣвалъ плановъ Конти и не одобрилъ бы ихъ. У него существовалъ планъ—воскресшій проектъ д'Аржансона — соединить неразрывными узами саксонское курфюршество съ польскимъ королевствомъ и превратить эти два слившихся государства въ точку опоры для французскаго вліянія на Сѣверѣ. Получившему двѣ подобныя противорѣчивыя инструкціи Брольи оставался только выборъ—какой изъ нихъ ослушаться? Планъ Конти казался ему лишеннымъ всякаго шанса на успѣхъ. И вотъ онъ преспокойно бросаетъ своего покровителя и рѣшительно принимается работать на пользу саксонскаго дома. При близкомъ разсмотрѣніи, между обоими проектами существовала одна точка соприкосновенія — оба были одинаково неосуществимы. Франція только при помощи Пруссіи могла надѣяться возвести на польскій престолъ короля по своему выбору, вопреки желаніямъ Австріи и Россіи. Фридрихъ же II, продолжая считаться союзни

комъ Франціи, одинаково не одобрялъ какъ одну, такъ и другую изъ предложенныхъ комбинацій. *) Такимъ образомъ остроумно спланированное зданіе Брольи рушилось бы при первомъ толчкѣ. Въ этомъ человѣкѣ, „порабощенномъ деспотизмомъ своихъ плановъ", по словамъ д'Аржансона, „приходится удивляться приведеніямъ въ исполненіе этихъ плановъ больше, чѣмъ вѣрности взглядовъ, средствамъ больше, чѣмъ намѣреніямъ".

Въ началѣ 1755 г. старанія графа Брольи какъ будто привели къ намѣченной цѣли: онъ получилъ отъ своего правительства бланкетъ для подписанія Августомъ III союзнаго договора. Какъ курфюрстъ, онъ долженъ былъ обѣщать доставлять Франціи вооруженную поддержку; какъ король, онъ обѣщалъ никогда не допускать русскую армію на польскую территорію и заранѣе разрѣшалъ своимъ подданнымъ образовать конфедераціи, т.-е. подниматься массами для борьбы съ Россіей. Въ то же время Дезаллёръ предлагалъ Турціи выработать основаніе возможнаго соглашенія съ Франціей, въ виду осложненій, которыя могли возникнуть въ Польшѣ **).

Первая часть королевскаго плана была выполнена. Къ Франціи вернулось ея прежнее вліяніе въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Ея агенты при различныхъ дворахъ вели кампанію противъ Россіи съ замѣчательнымъ единодушіемъ и энергіей. Европа въ это время казалась раздѣленной на двѣ партіи, какъ будто готовыя вступить въ рукопашную: противъ англо-австро-русской коалиціи стояла Франція, опиравшаяся на югѣ на Испа-

---

*) 24 декабря 1754 г. Фридрихъ въ письмѣ къ своему министру въ Парижѣ выражалъ страхъ передъ интригами графа Брольи въ пользу принца Конти. „Принцъ имѣлъ бы самые вѣскіе поводы совершенно отречься отъ своего министра", писалъ король. 18 октября 1755 г. Фридрихъ, разсматривая возможность соглашенія между Франціей и Саксонскимъ домомъ, объявлялъ, что „въ такомъ случаѣ ему остается только выйти изъ игры и что онъ не возьметъ пера въ руки, чтобы подписать возобновленіе своего трактата съ Франціей". *Депеши*, приведенныя Брольи въ Secret du Roi, по бумагамъ архива иностранныхъ дѣлъ и документамъ, опубликованнымъ въ Берлинѣ.

**) Историческія записки де-Верженна о секретной политикѣ Франціи и Турціи.

нію и бурбоновъ въ итальянскихъ государствахъ, поддерживаемая, кромѣ того, Пруссіей, Швеціей, Турціей и большей частью Польши. При такихъ условіяхъ всякій конфликтъ между двумя государствами, принадлежавшимъ къ различнымъ партіямъ, могъ превратиться въ общую войну. Уже нѣсколько лѣтъ между лондонскимъ и версальскимъ кабинетами возникли обостренныя отношенія изъ-за ихъ владѣній въ Америкѣ. Въ 1754 г. между французскими и англійскими колоніями неожиданно открылись военныя дѣйствія. Пожаръ, вспыхнувшій въ Новомъ Свѣтѣ, разгорался и грозилъ захватить также Европу. Англійскіе крейсеры начали на всѣхъ моряхъ преслѣдовать французскіе корабли; война открылась еще до офиціальнаго объявленія.

Англія считала себя неуязвимой на своемъ островѣ; но это не распространялось на короля ея: ему принадлежало на материкѣ курфюршество Гановерское, наслѣдственное въ его семьѣ, безоружное противъ Франціи, а еще болѣе противъ Пруссіи, ея союзницы. Георгу II пришла мысль нанять для защиты Гановера русскія войска. Онъ отправилъ изъ Дрездена въ Петербургъ сэра Уильямса, поручивъ ему обѣщать хорошую плату за вторженіе русскихъ въ Германію. Взгляды петербургскаго кабинета, извѣстные королю, не допускали сомнѣнія въ успѣшности этого путешествія.

Подобная угроза по адресу Франціи не осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, какъ англичанинъ направлялся въ Петербургъ, въ Константинополѣ высадился новый французскій министръ съ титуломъ чрезвычайнаго посла и спеціальной миссіей: то былъ шевалье де-Верженнъ; онъ прибылъ на мѣсто графа Дезаллёра, похищеннаго преждевременной смертью (конецъ 1754 г.). Дезаллёръ подготовлялъ выступленіе турокъ противъ Россіи: Верженнъ получилъ приказаніе побудить Порту къ рѣшительному шагу.

„Его Британское величество“, писали ему изъ Версаля скоро послѣ пріѣзда посла, „поспѣшно отправилъ въ Петербургъ сэра Уильямса, одного изъ главныхъ виновниковъ всѣхъ интригъ Англіи въ Имперіи и волненій въ Польшѣ. Говорятъ, что онъ будетъ вести переговоры о наймѣ и предоставленіи въ рас-

поряженіе Англіи корпуса въ шестьдесятъ или семьдесять тысячъ человѣкъ русскихъ солдатъ. Вы знаете, что дворы вѣнскій и лондонскій уже давно заняты этимъ планомъ. Воспользуются ими противъ насъ? Или хотятъ силой провести избраніе римскаго императора, а мимоходомъ поработить Польшу; или же желаютъ доставить вѣнскому двору возможность предпринять завоеваніе Силезіи? Можно смѣло приписать дворамъ лондонскому, вѣнскому и петербургскому нѣкоторые изъ этихъ плановъ, и даже всѣ, если судить по ихъ поведенію послѣ Ахенскаго мира. Какова бы ни была цѣль отправки сэра Уильямса, она непремѣнно грозитъ европейскому миру, а особенно же безопасности сосѣдей Россіи. Слѣдовательно, надо изъ всѣхъ силъ стараться не дать этимъ переговорамъ состояться. Мы принимаемъ и будемъ принимать всѣ зависящія отъ насъ мѣры для этого. Патріотическая партія въ Польшѣ усиливается и проявляетъ стойкость. Шведскій посолъ держитъ себя благоразумно, но нервничаетъ. Король прусскій значительно увеличиваетъ свои войска и не оставитъ своихъ трехъ соперниковъ безъ помощи, въ которой они могутъ нуждаться. Его величество приготовленъ ко всѣмъ событіямъ, которыя могутъ случиться; и съ этой стороны всѣ пружины приведены въ движеніе, чтобы помѣшать планамъ Лондона и Петербурга. Теперь слѣдуетъ только побудить Порту держать себя такъ, чтобы Россія призадумалась. Она должна объявить, что не потерпитъ вторженія на польскую территорію или посягательства на свободу этой республики. Движеніе же нѣкотораго количества турецкихъ войскъ къ границамъ Россіи и Польши могло бы произвести впечатлѣніе на царицу и помѣшать ей смущать спокойствіе своихъ сосѣдей и присоединяться къ планамъ дворовъ вѣнскаго и лондонскаго, нарушая покой Пруссіи и остальной Европы...

Если не нарушить слишкомъ близкія и разросшіяся отношенія между этими дворами, трудно будетъ Швеціи, Польшѣ и Пруссіи сохранить ихъ неприкосновенность. Лишь только двѣ императрицы окончательно ослабятъ этихъ трехъ сосѣдокъ, стѣсняющихъ и сдерживающихъ ихъ, онѣ воспользуются первымъ слу-

чаемъ, когда турки будутъ заняты чѣмъ-либо другимъ, чтобы напасть на Оттоманскую имперію, какъ сдѣлали это въ 1737 г. Какова бы ни была политика Турціи—миролюбивая или воинственная—въ нашихъ интересахъ заботиться, чтобы миръ и судьба Оттоманской имперіи не зависѣли отъ каприза вѣнскаго или петербургскаго двора. Пока Порта будетъ показывать, что она интересуется дѣлами шведскими, польскими и прусскими, Россія и Австрія будутъ оставлять ихъ въ покоѣ, а пока тѣ три государства останутся въ своемъ настоящемъ положеніи, вѣнскій и петербургскій дворы не подумаютъ смущать спокойствія Оттоманской имперіи, или нападать на нее, или ей придется воевать съ Персіей или у нея случатся внутреннія смуты. Одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ помѣшать Россіи притѣснять ея сосѣдей и поддаваться планамъ дворовъ вѣнскаго и лондонскаго—это не позволять ни подъ какимъ видомъ ея войскамъ проходить черезъ Польшу такъ же свободно, какъ они то сдѣлали въ 1738 г., нападая на Оттоманскую имперію, а въ 1748 г., вторгнувшись въ Германію. Если политикой Турціи будетъ сдерживаніе Россіи въ подобающихъ границахъ, то его Величество всегда будетъ готовъ дѣйствовать заодно съ Портой, чтобы эта политика могла имѣть полное осуществленіе. Король считаетъ подобное согласное дѣйствіе справедливымъ и планомѣрнымъ, а также несомнѣнно полезнымъ для Оттоманской имперіи и Его Величество никогда не найдетъ затруднительнымъ вступить по этому вопросу въ переговоры съ Его Высочествомъ.

„Если требуется сдѣлать какіе-либо подарки турецкимъ министрамъ или лицамъ, пользующимся вліяніемъ на Порту, чтобы обезпечить успѣхъ этого плана и особенно демонстрацій, которыя его Величество желалъ бы, чтобы турки произвели для острастки Россіи и для удержанія ея отъ заключенія или, по крайней мѣрѣ, отъ исполненія договора, составляющаго, по нашему мнѣнію, главный предметъ миссіи г. Уильямса въ Петербургѣ, то король разрѣшаетъ вамъ употребить сумму въ милліонъ, а если потребуется, то и больше“ *).

*) Инструкція Де-Верженну, 11 мая 1755 г.

Верженнъ употребилъ всѣ усилія, чтобы устремить Турцію на лѣвый флангъ Россіи въ ту минуту, когда послѣдняя готовилась вступить на европейскую территорію. Прежде чѣмъ турки успѣли собрать свои силы, онъ сумѣлъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ найти армію, которую могъ выставить противъ Россіи.

Степи, простирающіяся на сѣверномъ берегу Чернаго, моря еще входили въ составъ владѣній султана; по нимъ бродили воинственныя татарскія племена, остатки великаго переселенія двѣнадцатаго вѣка. Верховный глава этихъ племенъ—крымскій ханъ не измѣнилъ воинственнымъ наклонностямъ своихъ предковъ, всегда готовыхъ покинуть тѣнистые сады Бахчисарая ради набѣговъ на Московское царство, новыхъ подвиговъ противъ традиціоннаго врага и бѣшеныхъ скачекъ по Украйнѣ. Съ нѣкотораго времени онъ чувствовалъ, что Россія прямо угрожаетъ ему. Противъ владѣній татаръ, на обоихъ берегахъ Буга, въ пустынныхъ, мѣстностяхъ, признанныхъ Бѣлградскимъ договоромъ нейтральными, честолюбивая держава воздвигала подъ именемъ Новой Сербіи рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ и военныхъ поселеній, имѣя цѣлью возможность двинуть неожиданно въ Крымъ и Бессарабію заранѣе сформированную армію. Вслѣдствіе жалобъ Порты, Россія въ 1754 г. обѣщала пріостановить работы, а, между тѣмъ, продолжала ихъ. Оживить опасенія татаръ, раздражить ихъ противъ сосѣда, стремящагося къ захватамъ, и довести ихъ до того, чтобы они первые открыли военныя дѣйствія, такова была цѣль Франціи. Людовикъ XV отправилъ къ татарскому хану секретнаго агента, барона де-Тотта *), и по совѣту Франціи ханъ скоро собралъ свою многочисленную, храбрую конницу и только ждалъ случая, чтобы пустить ее въ дѣло. Наконецъ, французская дипломатія создала царицѣ враговъ даже внутри ея государства. Де-Брольи и Верженнъ отправили къ запорожскимъ казакамъ, нетерпѣливо переносившимъ гнетъ, эмис-

---

*) Де-Тоттъ, венгерскій офицеръ, находившійся на службѣ Франціи, уже выполнилъ нѣсколько подобныхъ порученій въ бытность посломъ маркиза де-Вилль-нева. Его сынъ игралъ важную роль во время первой турецкой войны Екатерины II Онъ оставилъ интересныя записки „О туркахъ и татарахъ“ 1784 г.

саровъ, которымъ было поручено ознакомиться съ ихъ планами и подготовить возстаніе. Вступленіе московскихъ войскъ въ Польшу должно было послужить предлогомъ къ всеобщему взрыву. Конфедерація польскихъ магнатовъ задержала бы русскія войска, а вторженіе татаръ, авангарда тяжелыхъ оттоманскихъ полковъ, въ предѣлы Россіи принудило бы русскихъ вернуться. Россія оказалась охваченной кругомъ врагами, готовыми устремиться на нее по сигналу, данному изъ Версаля.

Но этого сигнала не послѣдовало. Во французской политикѣ готовился внезапный и неожиданный переворотъ. Людовикъ XV долженъ былъ однимъ почеркомъ пера уничтожить терпѣливую работу семи лѣтъ. Инструкціи, посылаемыя Верженну въ началѣ его миссіи, имѣли видъ объявленія войны дворамъ вѣнскому и петербургскому. Онѣ помѣчены 15 мая 1755 г. 1-го мая 1756 Франція и Австрія подписали союзный трактатъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, войска царицы наводнили Польшу, но съ согласія и вѣдома Франціи. Франція и Россія примирились на полѣ битвы, и это неожиданное сближеніе, состоявшееся благодаря личному вліянію Елизаветы, представляло не послѣдній сюрпризъ, который готовилъ Европѣ годъ, когда всѣмъ союзамъ суждено было рушиться сразу, чтобы затѣмъ возникнуть на новыхъ основаніяхъ.

II.

Перемѣна, происшедшая въ политическихъ отношеніяхъ въ 1756 г., самая глубокая и важная по своимъ послѣдствіямъ изъ всѣхъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ восемнадцатый вѣкъ. Цѣпь традицій порвалась, старые политики были сбиты съ толку и измѣнились отношенія между большинствомъ государствъ. Видѣть въ этой перемѣнѣ только сближеніе двухъ вѣковыхъ враговъ—Франціи и Австріи, соединившихся, чтобы сообща проучить короля прусскаго, сдѣлавшагося по своимъ требованіямъ и вѣроломству одинаково невыносимымъ Людовику XV, его союзнику, Маріи-Терезіи, его врагу значило бы умалять значеніе совершившагося переворота. Если потомство болѣе вѣка заблуждалось относительно истиннаго характера договора между христіаннѣйшимъ королемъ и императрицей, подписаннаго въ Версалѣ, то это главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что на этотъ актъ смотрѣли въ отдѣльности, не связывая его со всѣми переговорами, которые шли тогда въ большинствѣ европейскихъ столицъ. Договоръ, заключенный между Австріей и Франціей, не является ни началомъ, ни концомъ. Чтобы разобраться въ различнаго рода преданіяхъ, которымъ долгое время вѣрили, когда государственные или частные архивы различныхъ государствъ позволили заглянуть въ ихъ тайны. Истина обнаружилась мало-по-малу, отрывками. Передъ нами проходили толкованія этого акта австрійское, саксонское и, наконецъ, французское; и всѣ оставляли въ тѣни роль, принадлежавшую Россіи въ 1756 году. Дополнивъ этимъ новымъ элементомъ свѣдѣнія, доставленныя намъ различными цѣнными

работами, мы получили возможность освѣтить пункты, остававшіеся неразъясненными, и окончательно возстановить, какъ все было. *)

Какъ ни соблазнительна теорія, объясняющая великія событія малыми причинами, но нельзя приписывать сближеніе между Франціей и Австріей оскорбленному сарказмами Фридриха II самолюбію г-жи де-Помпадуръ, которую дочь римскихъ цезарей не поспѣшила утѣшить какимъ-либо льстивымъ знакомъ вниманія. При освѣщеніи новыми документами договоръ, подписанный Франціей, является актомъ зрѣло обдуманнымъ и вынужденнымъ обстоятельствами. Уже давно происходили попытки къ сближенію между двумя великими континентальными державами: мы видѣли, что Флери желалъ окончательнаго примиренія съ Австріей, и кардиналу нехватило бы только немного твердости, чтобы выполнить планъ, отвѣтственность за который долго несла мадамъ де-Помпадуръ. Послѣ Ахенскаго мира Марія-Терезія сдѣлала нѣкоторыя попытки; ея министръ Кауницъ подготовлялъ почву, и въ 1755 году она предложила очень распространенный союзъ. Людовикъ XV, хотя и расположенный лично къ императрицѣ, колебался; онъ выслушалъ ея предложенія, поручилъ аббату Берни разсмотрѣть ихъ и обсудить въ совѣтѣ; но въ концѣ-концовъ уклонился, соглашаясь только на неопредѣленное условіе—гарантію, по которому союзники обѣихъ сторонъ, т.-е. Пруссія съ одной стороны и Россія съ другой, тоже приглашались присоединиться (7 сентября 1755). Если, девять мѣсяцевъ спустя послѣ этого уклончиваго отвѣта, Людовикъ XV снова вернулся къ проекту Маріи-Терезіи, измѣнивъ его, и къ Австріи, которую отвергъ, то причину такой перемѣны не слѣдуетъ искать въ совѣтахъ фаворитки, или внезапно возникшихъ враждебныхъ чувствахъ къ королю прусскому. Необходимо пере-

*) См. особенно: Записки и письма кардинала Берни, опубликованныя Массономъ. 1878 г. Эти записки представляютъ документъ чрезвычайной важности для исторіи дипломатическихъ сношеній XVIII вѣка; см. также Arneth, Geschichte Marie-Theresias по вѣнскимъ архивамъ, и интересную работу графа Вицтумъ по дрезденскимъ архивамъ.

ступить черезъ границы Франціи, миновать Германію и добраться до Петербурга, чтобы понять, что послужило поводомъ къ дипломатическому шагу, повлекшему за собой общій переворотъ въ союзахъ и отозвавшемуся послѣ Берлина и въ Версалѣ.

Мы видѣли, какъ весною 1755 г. сэръ Уильямсъ отправился въ Россію съ порученіемъ добиться трактата, по которому Россія обязывалась поднять оружіе въ защиту Гановера. Прибывъ къ своему посту, британскій посолъ нашелъ дѣло улаженнымъ; канцлеръ Бестужевъ, болѣе англичанинъ, чѣмъ русскій, обѣщалъ ему все желаемое. По С.-Петербургскому трактату (30 сентября 1755 г.), Россія предоставляла въ распоряженіе Англіи армію въ 70 тысячъ человѣкъ за плату въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Этотъ трактатъ былъ косвенно направленъ противъ Франціи и прямо противъ Пруссіи, которою Франція разсчитывала воспользоваться, чтобы напасть на континентальныя владѣнія враговъ Франціи; онъ произвелъ настоящую панику въ Берлинѣ. Отчаянно смѣлый Фридрихъ II во всю свою жизнь зналъ только одинъ страхъ передъ русскими войсками. Онъ одинъ во всей Европѣ предчуствовалъ ту тяжесть, которую должны были положить на вѣсы эти многочисленныя, приведенныя въ боевую готовность, плохо предводительствуемыя и медленно двигавшіяся, но опасныя по своему мужеству и несокрушимой выносливости, войска. „Легче перебить русскихъ, чѣмъ побѣдить“, говорилъ Фридрихъ. Уже въ 1744 г. его посолъ въ Петербургѣ сообщалъ объ опасеніяхъ своего государя Ла-Шетарди; впослѣдствіи самъ Фридрихъ писалъ, говоря о Россіи: „Эта страшная держава, передъ которой черезъ полстолѣтіе задрожитъ вся Европа“ *). Узнавъ о трактатѣ, подписанномъ сэромъ Уильямсомъ, онъ увидалъ, что ему придется бороться со всѣми силами московскаго государства, если онъ сохранитъ принятыя имъ обязатель-

---

*) Цитированъ у Сореля Восточный вопросъ въ XVIII вѣкѣ. Одинъ изъ предшественниковъ Фридриха, курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ говорилъ: „Я знаю, какъ спустить съ цѣпи русскаго медвѣдя, но потомъ, кто опять посадитъ его на цѣпь?“ Донесеніе французскаго посла въ Пруссіи Валори. Иностранныя дѣла.

КАВАЛЕРЪ Д'ЭОНЪ.
(Съ карт. Анжелики Кауфманъ.)

ства относительно Франціи. Съ этихъ поръ у него только одна мысль—отвратить опасность, войдя въ соглашеніе съ Англіей, державшей въ своихъ рукахъ грозу. Онъ завязалъ оживленные переговоры въ Лондонѣ, и за англо-русской конвенціей послѣдовалъ договоръ между великобританскимъ королемъ и Фридрихомъ, подписанный въ Вестминстерѣ 16 января 1756 г. Король прусскій обязывался дѣйствовать за одно съ Англіей противъ всякой державы, которая вздумала бы коснуться германской территоріи, т.-е. обязывался защищать Ганноверъ противъ Франціи *).

Это условіе было несовмѣстимо съ договоромъ, связывавшимъ Пруссію съ Франціей впродолженіе 15 лѣтъ, и срокъ которому истекалъ только въ іюлѣ 1757 года. Слѣдовательно, такое условіе представляло настоящую дипломатическую измѣну. Пытались объяснить поведеніе Фридриха тѣмъ, что онъ зналъ о сношеніяхъ Франціи съ Вѣной; кромѣ того, говорили, что Франція оскорбила его и пыталась оказывать деспотическое давленіе на всѣ его поступки. Слѣдовательно, отступничество короля прусскаго, яко-бы, является возмущеніемъ достигшаго совершеннолѣтія воспитанника противъ воспитателя, не соглашающагося отказаться отъ своихъ правъ. Мы полагаемъ, что Фридрихъ повиновался прежде всего соображеніямъ практическаго характера: его договоръ съ Англіей гарантировалъ ему безопасность отъ русскаго вооруженія.

Вестминстерскій договоръ былъ подписанъ, но не ратификованъ, когда въ Берлинъ прибылъ герцогъ Нивернуа, прямо изъ Версаля съ порученіемъ офиціально предложить Фридриху возобновленіе союза съ Франціей. Король прусскій признался въ своемъ вѣроломствѣ и прямо указалъ на побудительную причину—страхъ передъ войсками Елизаветы **). Франція напрасно пыталась привлечь его обратно на свою сторону; онъ ратификовалъ трактатъ на глазахъ у герцога Нивернуа.

---

*) Записки Фридриха II.

**) Записки Берни.

Францiя не могла не имѣть союзника въ Германiи; ей не оставалось теперь выбора между императрицей-королевой, продолжавшей предлагать ей свой союзъ, и Пруссiей, отворачивавшейся отъ нея. Тогда то Людовикъ XV далъ знать въ Вѣну, что онъ не отказывается болѣе отъ переговоровъ на основанiи предложенiй, отвергнутыхъ въ 1755 году, чтобы версальскiй договоръ сдѣлался отвѣтомъ на вестминстерскiй, подобно тому, какъ этотъ послѣднiй былъ послѣдствiемъ с.-петербургской конвенцiи. Въ союзъ Францiи съ Императрицей вошли лишь условiя оборонительныя: ими миръ Германiи ставился подъ охрану Францiи и Австрiи въ то время, какъ морская война привлечетъ и поглотитъ всѣ силы первой.

Въ то же время возникали другiе переговоры, еще болѣе таинственные, чѣмъ предшествующiе. До сихъ поръ исторiя знала ихъ только по ихъ результатамъ; но почти невидимую нить она не могла схватить. Уже больше десяти лѣтъ Францiя и Россiя встрѣчались врагами на всѣхъ поляхъ дипломатическихъ битвъ. Между тѣмъ версальскому двору было извѣстно, что крайняя бестужевская политика не соотвѣтствовала тайнымъ желанiямъ Елизаветы. Если вѣрить не разъ обнаружившимся признакамъ, Императрица въ душѣ сохраняла особенную симпатiю къ Францiи и скорѣй руководясь ею, чѣмъ разсчетомъ, желала сближенiя. Вмѣсто того, чтобы стараться путемъ союза съ врагами Францiи укрѣпить могущество Россiи, она предпочла бы искать соглашенiя съ французами. Рѣдкiе представители этой нацiи, которымъ удавалось проскользнуть къ русскому двору, возвращались съ странными разсказами. Они говорили, что Императрица сохраняетъ нѣжное воспоминанiе о своихъ бывшихъ отношенiяхъ съ Людовикомъ XV, раскаивается въ своей неблагодарности и порой оказывалось необходимымъ для успокоенiя ея сердца или развлеченiя говорить съ ней о Францiи и ея королѣ. Вотъ что разсказываетъ одинъ путешественникъ: „Между французами, попавшими по разнымъ причинамъ въ Москву, былъ нѣкто Сомпсуа, сынъ швейцара герцога де-Жевръ. Обладая талантомъ живописца-миніатюриста, онъ просилъ разрѣшенія

сдѣлать портретъ Императрицы. Послѣдовало согласіе, и въ одинъ изъ сеансовъ, она хорошо отозвалась о Франціи; живописецъ отвѣтилъ ей ловко, что имя ея величества пользуется большимъ почетомъ во Франціи, и что, какъ онъ слышалъ отъ герцога де-Жевръ, Людовикъ XV раздѣляетъ мнѣніе своихъ подданныхъ. Отвѣтомъ живописцу была улыбка, которую онъ схватихъ и воспроизвелъ на портретѣ" *). Не ручаемся за достовѣрность анекдота, но развѣ онъ не интересенъ при нѣкоторой жеманности, и развѣ отъ него не вѣетъ какъ бы запахомъ давнишнихъ, забытыхъ духовъ? Такимъ образомъ, полновластная владычица двадцати милліоновъ людей, императрица всея Руси не была свободна въ своихъ собственныхъ рѣшеніяхъ; она была подъ деспотическимъ вліяніемъ своего перваго министра и слѣдовала направленію, которому собственно не сочувствовала. Однако, она не отказывалась отъ осуществленія въ будущемъ своихъ личныхъ взглядовъ и, не смѣя явно выступить противъ канцлера, втихомолку дѣйствовала ему наперекоръ.

По странной игрѣ судьбы, въ это время государи Франціи и Россіи тайкомъ преслѣдовали политику, противоположную своимъ правительствамъ. Елизавета, какъ и Людовикъ XV, имѣла наперсника—вице-канцлера Воронцова. Мы видѣли, что Воронцовъ участвовалъ въ событіи, доставившемъ тронъ Елизаветѣ, и послѣдняя изъ благодарности, а также признавая его умные, осторожные совѣты, относилась къ нему скорѣе, какъ къ другу, чѣмъ какъ къ министру. Хотя, по своему положенію, онъ могъ дѣлить съ Бестужевымъ веденіе дѣлъ, но, по врожденной склонности, онъ стушевывался передъ властнымъ канцлеромъ: онъ предпочиталъ заслужить довѣріе государыни, помогая ей въ тайныхъ замыслахъ. Онъ зналъ Францію, посѣтивъ ее въ 1744 году, полюбилъ ее и вмѣстѣ съ Елизаветой искалъ способа примирить и объединить оба государства.

То была задача не легкая. Съ 1747 года у короля не было

---

*) „Путешествіе въ Петербургъ или новыя записки о Россіи" де-Мессамера. Позже Мессамеръ былъ прикомандированъ къ Лопиталю, послу въ Россіи.

въ Россіи ни посла, ни повѣреннаго въ дѣлахъ, ни консула, съ которыми можно бы было переговорить. Представителями Франціи были только нѣсколько незначительныхъ лицъ, принятыхъ дворомъ, да простыхъ купцовъ. Между послѣдними былъ нѣкто Мишель, котораго одна корреспонденція того времени называетъ: „человѣкомъ, дружнымъ со всѣми наиболѣе замѣчательными людьми Россіи" *). Этотъ Мишель былъ безстрашнымъ путешественникомъ и ему часто приходилось, по коммерческимъ дѣламъ, ѣздить изъ Петербурга на свою родину въ Руанъ. Онъ отправлялся, несмотря ни на погоду, ни на дальность пути, ни на опасности, которыя могли ему встрѣтиться на ни чѣмъ не охраняемыхъ дорогахъ въ Россіи и Германіи; ничто не могло удержать его. Въ одно изъ такихъ путешествій онъ въ 1753 г. проѣхалъ въ Версаль и просилъ аудіенцію у министра иностранныхъ дѣлъ и сообщилъ данное ему тайное порученіе: Елизавета давала знать Франціи, что она желала бы возобновить сношенія и первая проситъ забыть прошедшее.

Король и его совѣтъ нашли, что не пришло время отвѣчать на такой призывъ, они въ то время ожесточенное боролись съ русскимъ вліяніемъ въ Польшѣ и на Востокѣ и не вошли въ сношенія съ офиціознымъ посланнымъ **).

Однако, послѣ его отъѣзда французскій дворъ опомнился, захотѣлъ отвѣтить на сдѣланный царицею первый шагъ, но неловко принялся за это. Въ 1754 г. русская полиція была увѣдомлена о пріѣздѣ, подъ чужимъ именемъ, въ Петербургѣ француза г-на де-Валькруассана; Бестужевъ заподозрилъ въ немъ секретнаго эмиссара и велѣлъ арестовать. Валькруассанъ не пожелалъ объявить о цѣли своего пріѣзда, такъ что канцлеръ могъ выдать его за шпіона, прибывшаго съ дурными намѣреніями. Несчастный французъ, сидя въ Шлиссельбургской крѣпости, съ перспективой можетъ-быть еще и попасть въ Ладожское озеро,

---

*) Иностранныхъ дѣлъ. Письмо Дуглоса отъ 15 января 1757 г.

**) Иностранныхъ дѣлъ. Письмо кординанта Берни, отъ 30 іюля 1757 г.

могъ раздумывать объ опасности путешествовать по Россіи, безъ опредѣленнаго положенія.

Безъ сомнѣнія, Валькруассанъ имѣлъ порученіе осъ своего правительства, но въ чемъ оно состояло, до сихъ поръ покрыто неизвѣстностью. Въ началѣ 1755 года версальскій дворъ снова получилъ намекъ со стороны Елизаветы. Въ то время, какъ ея министръ ожидалъ сэра Уильямса, чтобы покончить договоръ о субсидіи съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ, царица стремилась къ тому, чтобы сблизиться съ нами. „Нѣсколько частныхъ мнѣній“, какъ впослѣдствіи выражалось въ французскомъ офиціальномъ документѣ, „подтвердили искренность первыхъ переговоровъ“ *).

Обстоятельства были настолько критическими, что Людовикъ XV не могъ болѣе оставаться равнодушнымъ. Онъ не желалъ настоящаго союза съ Елизаветой, который, покоясь на серьезныхъ основаніяхъ, заставилъ бы Францію измѣнить ея политику на Востокѣ и въ Польшѣ; онъ надѣялся на основаніи дружескихъ чувствъ Елизаветы заставить ее безъ всякаго вознагражденія отказаться отъ враговъ Франціи ради только любезности къ Европѣ. Онъ не хотѣлъ союза съ Россіей, но думалъ обезоружить ее безъ боя **).

Рѣшили послать въ Петербургъ тайнаго агента, но кого выбрать оказалось труднымъ. Профессіональный дипломатъ не захотѣлъ бы участвовать въ такой авантюрѣ; подчиненное лицо не внушило бы довѣрія и, вообще, всякій французъ возбудилъ бы подозрѣніе русскаго министерства. Принцъ Конти разрѣшилъ это затрудненіе. Среди покровительствуемыхъ имъ лицъ, которыя отличались своей оригинальностью, умомъ и странною судьбой, на вечерахъ Тампля присутствовали будущіе дипломаты, случайные политическіе дѣятели, молодые писатели, жаждавшіе выставиться, иностранцы, явившіеея во Францію въ надеждѣ на на-

---

*) Инструкціи министра барону Бретейлю 16 марта 1760 г.

**) Эта мысль выступаетъ ясно въ инструкціи, данной Людовикомъ XV Бретейлю, которую мы печатаемъ ниже.

живу. Между послѣдними находился шотландецъ, кавалеръ Мэкензи Дугласъ, непокорный подданный англійскаго короля, поддерживавшій Стюартовъ, сопутствовавшій претенденту въ его романическихъ экспедиціяхъ и теперь спасшійся во Францію, по его выраженію только „съ шапкой и шпагой“ *).

Вмѣстѣ съ упорствомъ его племени, онъ отличался храбростью, желаніемъ отличиться и преданностью интересамъ принца Конти. Послѣдній представилъ его какъ достойнаго роли развѣдчика въ Россіи и получилъ на это согласіе. Объ этомъ путешествіи велись переговоры между Монономъ, секретаремъ принца Конти, и Терсье, служащимъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, завѣдующимъ тайной перепиской. Прибавимъ, что все совершалось не безъ вѣдѣнія государственнаго секретаря Рулье, такъ что тайная дипломатія и министерство соединились въ приготовленіи этого таинственнаго предпріятія.

Передъ отъѣздомъ Дугласъ получилъ табакерку съ двойнымъ дномъ, гдѣ скрывались мелко написанныя инструкціи, маршрутъ, приказанія и совѣты. Этотъ документъ былъ напечатанъ **), мы передадимъ его вкратцѣ. Ковалеру не поручались переговоры, онъ долженъ былъ только узнать истинныя намѣренія царицы; надо было не завоевать, но вновь открыть Россію. Дугласъ долженъ былъ ознакомиться съ состояніемъ государства, съ его финансами, торговлей, военной силой; также узнать о проискахъ Уильямса, о вліяніи Бестужева и Воронцова, фаворитовъ императрицы, о симпатіи послѣдней къ Франціи, о ея видахъ на Польшу, Швецію и Турцію. Корреспонденція должна была быть условною, какъ-будто дѣло шло о предполагаемой покупкѣ мѣховъ. Уильямсъ превратился въ „чернобурую лисицу“, Бестужевъ—въ „волка“. Слова „соболь упалъ въ цѣнѣ“ означало пониженіе вліянія канцлера, „бѣличьи шкурки“ войско, оплачиваемое Англіей. Наконецъ, если бы пришлось

---

*) *Корреспонденція кавалера Дугласа*, 15 января 1757 г.

**) *Гольярде*—Записки кавалера д'Эона; *Бутарикъ*—Тайная переписка Людовика XV; *герцогъ де Брольи*—Секретъ короля.

отозвать Дугласа, ему написали бы, чтобы онъ не покупалъ муфты, такъ какъ она уже пріобрѣтена.

Напутствуемый такимъ образомъ Дугласъ лѣтомъ 1755 г. пустился въ путь, но для большей безопасности сдѣлалъ крюкъ. Онъ отправился въ Вѣну, проѣхалъ по Чехіи, какъ праздный путешественникъ: въ Польшѣ и Силезіи онъ осматривалъ копи, въ Дрезденѣ началъ любовную интрижку; въ Данцигѣ онъ провелъ время съ большей пользой, познакомившись съ нѣкоторыми приверженцами Франціи и кое-что узнавъ отъ нихъ о Россіи. Онъ высказывалъ желаніе закончить свое знакомство съ горнопромышленными центрами Европы, но вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе и направился къ Петербургу, куда, благодаря счастливой звѣздѣ, прибылъ безпрепятственно въ первыхъ числахъ октября *). Теперь слѣдовало втереться ко двору и добыть требуемыя свѣдѣнія; тутъ уже осторожность и хитрость были необходимы.

Въ 1755 г., какъ и теперь, англійскій туристъ менѣе всего подвергался подозрѣніямъ, но Дугласъ долженъ былъ опасаться проницательнаго взгляда также представителя и своей націи. Сэръ Уильямсъ упрочилъ свое положеніе въ Россіи и зорко слѣдилъ за его сохраненіемъ. Съ согласія Бестужева, онъ установилъ правило, что ни одинъ англичанинъ не будетъ представленъ ко двору безъ его рекомендаціи. Дугласъ рѣшилъ проникнуть въ крѣпость подъ покровительствомъ ея защитника; онъ храбро отправился къ Уильямсу съ просьбой представить его. Но онъ недостаточно оцѣнивалъ проницательность посланника; послѣдній заподозрилъ его какъ шотландца и католика, отказалъ ему и извѣстилъ объ этомъ канцлера. Чтобы не подвергнуться участи Валькруассана, французскому посланнику оставался одинъ исходъ—ретироваться, что онъ и сдѣлалъ въ концѣ года, снова перейдя границы на обратномъ пути.

Недолго пробылъ Дугласъ во Франціи, и 26 апрѣля 1756 г. снова былъ въ Петербургѣ. Въ этотъ разъ всѣ двери открыва-

*) Подробности, извлеченныя изъ корреспонденціи Дугласа, passim.

ются передъ нимъ, всѣ препятствія сглаживаются; черезъ мѣсяцъ послѣ своего пріѣзда, онъ принятъ государыней, которой вручаетъ свои довѣрительныя грамоты, какъ посолъ Франціи, которому поручено возобновленіе дипломатическихъ сношеній.

Что произошло во время его отсутствія? Какимъ образомъ кавалеръ Дугласъ, потерпѣвшій крушеніе лично, восторжествовалъ во время своего отсутствія? Долго неимѣніе подлинныхъ документовъ мѣшало намъ освѣтить эту тайну; переписки Дугласа во время его перваго пребыванія въ Россіи и въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ не имѣется ни въ національномъ французскомъ архивѣ, ни въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Слѣдовало ли отказаться отъ разъясненія этой неизвѣстности или наполнить промежутокъ романтическимъ разсказомъ, правдивость котораго нельзя было установить? Создавшаяся пикантная легенда о примиреніи Людовика XV съ Елизаветой была принята многими серьезными трудами; изслѣдуемъ ее, чтобъ узнать, заключается ли въ ней хоть искра правды, или ее надо совершенно отбросить.

По этой легендѣ, Дугласъ пріѣхалъ въ Россію не одинъ, но въ обществѣ своей племянницы, двадцатилѣтней дѣвицы Ліи де-Бомонъ. Принужденный бѣжать отъ происковъ Бестужева и Уильямса, онъ оставилъ этого оригинальнаго союзника, предварительно представивъ его Воронцову. Послѣдній ввелъ любезную француженку къ императрицѣ и устроилъ ее въ числѣ фрейлинъ, выбираемыхъ изъ дѣвицъ высшаго дворянства, большею частью молодыхъ и красивыхъ, составлявшихъ граціозный штатъ повелительницы.

Очарованная своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ, императрица помѣщаетъ дѣвушку въ ближайшихъ къ себѣ апартаментахъ, гдѣ уже жила княгина Дашкова, извѣстная впослѣдствіи своими путешествіями, сочиненіями и приключеніями. Раздѣляя комнату и даже постель со своей товаркой, мадемуазель Бомонъ втирается въ близость царицы и завоевываетъ ея расположеніе. Тогда она рѣшается открыть секретъ, о которомъ уже шептались фрейлины. Она признается Елизаветѣ, что для того, чтобъ пере-

дать ей письмо Людовика XV, она должна была прибѣгнуть къ сокрытію своего имени и пола: Лія де-Бомонъ оказывается кавалеромъ Эономъ де-Бомонъ, другомъ и повѣреннымъ Дугласа; хрупкое сложеніе и безбородое лицо молодого человѣка, помогали ему успѣшно играть роль женщины. Вмѣсто того, чтобы разсердить, это романическое приключеніе забавляетъ Елизавету. Ея отношенія къ Людовику XV начались съ любовной интриги, не съ любовной ли интриги они возобновятся? Она поручаетъ Эону возвратиться къ своему государю и передать ему, что его посланіе принято благосклонно. Кавалеръ честно передаетъ порученіе, и тогда Франція рѣшается послать въ Россію свое оффиціальное представительство, во главѣ котораго находится Дугласъ, а Эонъ сопровождаетъ посольство въ одѣяніи своего настоящаго пола, съ титуломъ секретаря *).

Обративъ вниманіе на неправдоподобность этого разсказа, извѣстный ученый утверждаетъ, что отъ таинственнаго проникновенія молодого человѣка къ Елизаветѣ до появленія бывшей фрейлины въ видѣ блестящаго кавалера со шляпой съ перомъ и при шпагѣ, нѣтъ ни одной подробности, которая выдерживала бы критику **). Одно достовѣрно, что весною 1756 года, когда Дугласъ получилъ приказаніе вернуться въ Россію, онъ привезъ съ собою, въ должности секретаря, молодого человѣка, извѣстнаго литературными работами и также, какъ онъ, покровительствуемаго принцемъ Конти, по имени Эонъ де-Бомонъ ***). Въ этомъ мѣстѣ исторія соприкасается съ легендой. Что же касается до предварительнаго пребыванія въ Россіи двусмысленнаго кавалера, то въ подтвержденіе этого у насъ нѣтъ ни одного досто-

*) Записка кавалера д'Эона, изд. Гальярде. Гальярдэ, пользуясь оригинальными документами, почерпнутыми въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, составилъ романическую біографію кавалера д'Эона, но впослѣдствіи издалъ вполнѣ историческій трудъ объ этомъ предметѣ, который мы и цитируемъ.

**) Брольи—Секретъ короля.

***) Мы напоминаемъ, что въ полѣ Эонѣ нѣтъ болѣе сомнѣній. Послѣ его смерти въ Лондонѣ въ 1810 г. тѣло его было вскрыто и по офиціальному донесенію врачей Карлъ-Женевьевъ—Тимофей Эонъ де-Бомонъ былъ мужчина.

вѣрнаго документа, напротивъ, есть разнообразныя и достовѣрныя свидѣтельства, что Эонъ въ первый разъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ и чувствовалъ себя непріятно въ странѣ, языкъ и нравы которой были ему чужды. Мы приведемъ эти доказательства въ нашемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Такимъ образомъ ничего не осталось отъ сказки, которой долго вѣрило потомство, и теперь остается замѣстить ее правдой. Не имѣя ничего по поводу первой поѣздки Дугласа, наши архивы обладаютъ всѣми письмами, которыя онъ писалъ и получалъ во время второго путешествія. Эта переписка полна намеками на прошлое и по ней мы можемъ составить себѣ картину предыдущихъ событій. Кромѣ того, между дѣлами о перепискѣ съ Россіей, мы находимъ отчетъ, поданный министру иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ содержится изложеніе событій, приведшихъ къ возобновленію отношеній съ императорскимъ дворомъ *). Эти документы разсѣиваютъ мракъ и возстановляютъ истину; къ сожалѣнію, интересъ утрачивается, поэзія уступаетъ мѣсто прозѣ, посредникомъ въ примиреніи Людовика XV и Елизаветы является не предпріимчивый кавалеръ, переряженный въ фрейлину, а честный французскій негоціантъ, съ рвеніемъ работавшій на пользу родины.

Послѣ неудачной попытки попасть ко двору и собираясь уѣзжать, Дугласу пришла мысль повидаться съ Мишелемъ, такъ какъ онъ зналъ, что послѣдній принималъ къ сердцу интересы Франціи и тайно былъ принятъ въ Версалѣ въ 1753 году. Мишель не отказался взять въ свои руки это выгодное для Франціи дѣло, какъ бы то ни было трудно. Пользуясь своимъ знакомствомъ съ Воронцовымъ, онъ представилъ ему Дугласа, а вице-канцлеръ обо всемъ донесъ государынѣ. Вскорѣ французскій посланный узналъ, что Елизавета горячо желала возобновить сношенія съ Франціей. Елизавета ставила одно условіе примиренія, а именно, чтобы оно было полное и служило шагомъ къ открытому союзу. Она обѣщала принять и заставить уважать всякаго посланника, имѣющаго отъ короля полномочія заключить

*) Иностранныя дѣла. Томъ, озаглавленный „Мемуары и документы“ XXX.

трактатъ; Воронцовъ согласился подтвердить это Дугласу письменно.

Съ этимъ драгоцѣннымъ удостовѣреніемъ шотландецъ возвращается во Францію. Въ его отсутствіи Мишель ведетъ съ нимъ переписку, старается поддерживать добрыя намѣренія Воронцова и государыни и подстрекаетъ Францію къ дѣйствію. Наконецъ, Дугласъ возвращается, но его правительство еще опасается окончательно связать себя и поручаетъ ему только начать переговоры. Пріѣхавъ въ Петербургъ, посланникъ и его секретарь д'Эонъ помѣщаются въ домѣ Мишеля, контора купца превращается въ канцелярію; приказчики переписываютъ депеши; хозяинъ одолжаетъ Дугласу десять тысячъ ливромъ на ближайшіе расходы и во второй разъ способствуетъ его сближенію съ нужными людьми.

Елизавета находила, что дѣйствія короля не вполнѣ соотвѣтствуютъ ея желаніямъ; въ свою очередь она медлила, боясь открыто порвать со своимъ первымъ министромъ, непреклонно преданнымъ интересамъ Англіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней шла ожесточенная борьба между французами и ихъ врагами. Чтобы погубить французовъ, Бестужевъ не гнушался даже убійствомъ: впослѣдствіи въ его бумагахъ нашли планъ убійства Дугласа, Мишеля и д'Эона. Если вѣрить свѣдѣніямъ того времени, въ квартирѣ Дугласа ночью были произведены выстрѣлы, пули остались въ стѣнѣ *). Съ другой стороны, Воронцовъ и Мишель дѣлали все возможное, чтобы доставить побѣду Франціи: послѣдній имѣлъ во дворцѣ кліентовъ и должниковъ и пользовался ихъ услугами. Въ пользу французовъ выступило также вліяніе, которое сумѣлъ пріобрѣсти на сердце и чувственность императрицы графъ Иванъ Шуваловъ. „Несчастье въ томъ“,—говорилъ со вздохомъ Бестужевъ Уильямсу,—„что у насъ теперь молодой фаворитъ, умѣющій говорить по-французски и любящій французовъ и ихъ моды. Ему хочется, чтобы пріѣхало сюда пышное французское посольство“.

---

*) Иностранныя дѣла. „Мемуары и документы“ XXX.

Наконецъ, Елизавета рѣшилась проявить свою волю; она выразила согласіе принять французскаго посланца; Дугласъ возвратился съ аудіенціи съ довольнымъ видомъ, а Елизавета послала въ Версаль уполномоченнаго. Побѣжденный Бестужевъ перемѣнилъ тактику: онъ сдѣлался мягкимъ и низкопоклоннымъ и распространялся повсюду, что считаетъ союзъ съ Франціей естественнымъ послѣдствіемъ союза этого государства съ Австріей, всегдашнимъ другомъ Россіи. Чтобы не выпустить изъ рукъ власть, онъ соглашался раздѣлить ее съ Воронцовымъ; оба они были назначены для переговоровъ съ Дугласомъ.

Роль Мишеля этимъ не кончилась. Онъ продолжалъ свои полуторговыя, полуполитическія путешествія и катался между Петербургомъ и Парижемъ, чтобы передать нужныя, недовѣряемыя почтѣ свѣдѣнія. Послѣ представленія Дугласа къ императорскому двору, купецъ въ восемнадцать дней доѣхалъ до Парижа, чтобы передать добрую вѣсть; онъ возвратился съ декларaціей короля, въ которой послѣдній обѣщалъ послать въ Россію постояннаго посла, и Мишель поторопился доставить примиряющій документъ. Въ Данцигѣ одинъ изъ его корреспондентовъ видѣлъ, какъ онъ „пролетѣлъ по городу подобно молніи", и свидѣтельствуетъ, что съ нимъ были двѣ дамы" *). Онъ приводитъ ихъ имена: одна изъ нихъ Карравакъ, когда-то посвященная въ намѣренія принца Конти, касавшіяся самой Елизаветы. Не бросаетъ ли это заявленіе странный свѣтъ на все это дѣло и не заставляетъ ли искать посредниковъ союза двухъ государствъ среди лицъ не высокопоставленныхъ, но близкихъ къ императрицѣ? **)

---

*) Депеша Уильямса отъ 9 іюня 1756 г., опубликована въ книгѣ „Русскій дворъ сто лѣтъ назадъ".

**) Былъ ли Мишель во Франціи между двумя путешествіями Дугласа и имѣлъ ли тайное порученіе отъ императрицы? Мы находимъ въ тайной перепискѣ Людовика XV за 14 января 1756 г. слѣдующее письмо, адресованное королемъ главному комиссару Терсье: „Если принцъ Конти снова заговоритъ съ вами о второмъ путешествіи г-на Мишеля въ Россію и будетъ разспрашивать васъ, то вы можете подъ большимъ секретомъ передать ему, что вы знаете". Но Мишель, жившій въ Петер-

Эти подробности не только любопытны, но показываютъ, что сближенiе Францiи съ Россiей не было послѣдствiемъ союза съ Австрiей, но произошло по самостоятельному соглашенiю обѣихъ державъ. Елизавета дала волю своимъ долго сдерживаемымъ желанiямъ, какъ только Людовикъ XV далъ ей къ этому поводъ. Чтобы не было сомнѣнiя въ ея намѣренiяхъ, она объявила, что не предоставитъ вѣнскому двору регулировать ея отношенiя съ Францiей. „Я не желаю", говорила она Дугласу, „никакихъ посредниковъ, никакого третьяго лица между мной и королемъ Отъ него я требую только правды, прямоты и полной взаимности въ томъ, что будетъ между нами условлено" *). Ея влiянiе на управленiе начало давать себя чувствовать, и первымъ шагомъ, выразившимъ ея возстановленный авторитетъ, было предложенiе ею, при посредствѣ офицiально утвержденнаго въ своей должности Дугласа, прямого союза.

При такомъ настроенiи Россiи, было бы цѣлесообразно воспользоваться имъ и подписать отдѣльное отъ обязательствъ къ Австрiи условiе. Несмотря на союзъ, интересы Францiи и Австрiи не совпадали. Рискуя возбудить всеобщiй пожаръ, Марiя-Терезiя прежде всего желала возвратить прекрасную, отнятую у нея Фридрихомъ II провинцiю; Францiи же слѣдовало имѣть въ виду единственную цѣль: сохраненiе мира на континентѣ. Въ Версальскомъ трактатѣ Людовикъ XV старался обезпечить миръ, а Марiя-Терезiя—возможность войны. Искреннее согласiе съ Россiей давало бы Францiи возможность сдерживать въ то же время и Австрiю, и Пруссiю; было бы достаточно заодно съ царицей дать знать Фридриху, что Францiя одинаково воспрепятствуетъ

бургѣ, не могъ считаться *путешествующимъ въ Россiю*, куда онъ возвращался, какъ на свое обычное мѣстожительство. Съ другой стороны, записка *объ услугахъ г-на Мишель*, сохранившаяся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, не упоминаетъ о нахожденiи негоцiанта въ Парижѣ зимою 1755—1756 гг. Наконецъ, мы читаемъ у Ла-Мессельеръ, что когда Дугласъ съ Эономъ весною 1756 г. отправился въ Россiю, онъ для безопасности принялъ псевдонимъ Мишеля. Не подразумѣвалъ ли Людовикъ XV въ своемъ письмѣ къ Терсье второе путешествiе Дугласа?

*) Иностранныя дѣла. Дугласъ, 25 сентября 1756 г.

какъ его агрессивнымъ дѣйствіямъ, такъ и всякимъ попыткамъ, направленнымъ противъ его государства.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ согласованнымъ дѣйствіемъ дипломатіи Франціи и Россіи удавалось предупредить войну съ Германіей и удержать равновѣсіе *); въ другіе періоды исторіи онѣ не исполнили такой миссіи.

Въ 1756 г. французская политика сплоховала болѣе по слабости, чѣмъ по незнанію. Ея вождь, аббатъ Берни, хотя еще не былъ членомъ совѣта, но направлялъ правительство вслѣдствіе своего вліянія на короля и на г-жу де-Помпадуръ. При наилучшихъ намѣреніяхъ, при остромъ и здравомъ умѣ, Берни не хватало характера, чтобы направить подготовлявшіяся важныя событія; у него были таланты, въ то время какъ требовался геній. Ему не удалось сохранить для Франціи въ сношеніяхъ съ Австріей не только первенства, но даже равенства, онъ далъ себя незамѣтно увлечь туда, куда хотѣла Марія-Терезія. Въ Петербургѣ особенно Франція пряталась за свою союзницу, хотѣла дѣйствовать только съ ея помощью: начавъ переговоры о союзѣ съ Елизаветой, Франція ихъ прекратила и потребовала вмѣстѣ съ вѣнскимъ дворомъ присоединенія Россіи къ Версальскому договору. Вслѣдствіе этого, настоящимъ представителемъ Франціи оказался не Дугласъ, а графъ Эстергази, посолъ королевы-императрицы.

Эта сдержанность удивляла и обижала Елизавету: „Вы предписываете мнѣ“, писалъ Дугласъ министру иностранныхъ дѣлъ Рулье, „совѣтоваться съ вѣнскимъ посланникомъ, а здѣшніе министры находятъ, что это значитъ подчиняться ему и наши поступки ставить въ зависимость отъ вѣнскаго двора... Ихъ очень удивляетъ ваше сердечное отношеніе къ нему и то, что вы теряете выгоды, которыя имѣли бы отъ сближенія съ здѣшнимъ посломъ. Наконецъ, говоря откровенно, не скрою отъ васъ, что

*) Въ 1778 г. на Тешенскомъ конгрессѣ, Франція и Россія прервали начавшуюся между Австріей и Пруссіей войну и остановили завоевательныя вожделѣнія ихъ. Въ 1803 году трудное дѣло секуляризаціи церковныхъ имуществъ Германіи было проведено при содѣйствіи перваго консула и царя Александра I-го.

намекъ, сдѣланный вѣнскимъ посланникомъ, о томъ, что вы непрочь дать субсидіи здѣшнему двору, по просьбѣ вѣнскаго, о чемъ я не былъ поставленъ въ извѣстность, очень удивилъ наиболѣе преданныхъ вамъ друзей; имъ кажется, что это оскорбляетъ достоинство, лишаетъ искренности прямые переговоры и ставитъ наше согласіе съ здѣшнимъ дворомъ въ зависимое положеніе, на которое послѣдній не можетъ и не желаетъ согласиться" *). Австрія сумѣла употребить нашу нерѣшительность въ пользу своихъ воинственныхъ стремленій. Въ мартѣ 1756 г графъ Эстергази, подъ величайшимъ секретомъ, передалъ Елизаветѣ планъ общихъ военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи **). Елизавета поручила Бестужеву слѣдить за этимъ дѣломъ; 17-го мая канцлеръ прочелъ въ совѣтѣ докладъ, гдѣ онъ указывалъ: „что новое расширеніе Пруссіи вредно для Россіи. Фридрихъ,—говорилъ онъ,—увеличилъ свою армію съ восьмидесяти тысячъ человѣкъ до двухсотъ тысячъ; изъ доходовь съ Силезіи и изъ милліоновъ, отнятыхъ у Саксоніи, онъ составилъ капиталъ на случай войны; онъ имѣетъ виды, съ одной стороны, на Ганноверъ съ другой—на Курляндію, онъ сдѣлался опаснѣйшимъ изъ сосѣдей" ***). Эта картина, не лишенная правды, соотвѣтствовала личной ненависти, которую Елизавета всегда питала къ Фридриху. По возстановленіи добрыхъ отношеній между дворами петербургскимъ и версальскимъ Австрія снова напомнила первому о необходимости поставить границу угрожающему величію Пруссіи. Франція, болѣе всѣхъ нуждавшаяся въ мирѣ, своимъ молчаніемъ какъ бы поддерживала предложенія Австріи, и царица все болѣе склонялась къ наступательной политикѣ.

Марія-Терезія вела такія же сношенія съ Дрезденомъ и приготовляла коалицію противъ Фридриха. Послѣдній видѣлъ опасность; онъ предпочелъ самъ начать дѣйствовать, не ожидая нападенія своихъ враговъ, и вообразилъ, что однимъ ударомъ меча разсѣчетъ окутавшіе его путы. 29-го августа 1756 г. прус-

---

*) Иностранныя дѣла. Дугласъ, 25 сентября 1756 г.

**) Мартенсъ. 1.

***) Приведено у Рамбо.

саки неожиданно появляются въ Саксоніи, отягощаютъ страну контрибуціями, разграбляютъ дрезденскіе архивы, желая отыскать въ нихъ доказательства направленнаго противъ ихъ повелителя дипломатическаго заговора, заставляютъ саксонское войско смириться и насильно зачисляютъ его въ свои ряды,—все это ранѣе, чѣмъ австрійское войско могло перевалить черезъ Богемскія горы.

Это уже была общая война; императрица-королева была задѣта въ особѣ своего союзника, курфюрста саксонскаго, а Людовикъ XV долженъ былъ помогать ей въ силу Версальскаго договора; casus foederis былъ налицо. Россія также не могла не исполнить своихъ старинныхъ обязательствъ, возобновленныхъ и расширенныхъ въ 1746 году. Въ то время какъ Людовикъ XV рыцарски спѣшилъ исполнить свои обѣщанія и сосредоточивалъ войско въ нашихъ восточныхъ провинціяхъ, царица рѣшилась двинуть свои войска обычнымъ путемъ черезъ Варшаву: событія въ Саксоніи ускорили переговоры объ присоединеніи Россіи къ Версальскому трактату.

Возникло затрудненіе. Соединяясь съ дочерью Петра Великаго, должна ли будетъ Франція пожертвовать ей не только Польшей, которую собирались занять ея войска, но и Турціей? Какъ въ 1732, такъ и въ 1742 годахъ, Франція должа была выбирать между новой дружбой и столѣтними привязанностями. Союзъ, установленный Весальскимъ трактатомъ, обязываетъ членовъ его помогать другъ другу въ войнѣ, вопросъ заключался въ томъ, внесетъ ли Франція въ договоръ исключеніе на случай войны между Турціей и Россіей, или должна будетъ послать одинъ изъ своихъ флотовъ бомбардировать Константинополь, въ то время какъ русскіе будутъ переходить Дунай? Передъ этой крайней необходимостью, проистекавшей изъ новой политики, король отступилъ и написалъ Дугласу, чтобъ онъ настоялъ на исключеніи въ пользу Турціи. Но французскій посланникъ уже привыкъ покорно слѣдовать внушеніямъ австрійскаго посла: графъ Эстергази только о томъ и мечталъ, чтобы разорвать наши отношенія съ Портой; онъ посовѣтовалъ Дугласу не задер-

живать присоединеніе къ союзу Россіи несвоевременными переговорами. Дугласъ постарался обойти данныя ему инструкціи: онъ упомянулъ въ трактатѣ объ исключеніи, но подписалъ статью, названную секретнѣйшей, которой Франція обязывалась, въ случаѣ войны съ Турціей, предоставить своей союзницѣ денежную помощь.

Ратификація короля задерживалась. Дугласъ сдался только послѣ усиленной борьбы и не зналъ послѣдствій своего ослушанія; онъ поручилъ Мишелю поѣхать въ Версаль и представить какъ секретное обязательство, такъ и подписанный актъ присоединенія. Онъ думалъ, что послѣднее помѣшаетъ обратить вниманіе на первое. По этому поводу мы находимъ въ корреспонденціи подтвержденіе роли, разыгранной нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Мишелемъ, и, кто бы могъ повѣрить? изъ собственныхъ устъ Эона. „Я бы желалъ", пишетъ молодой секретарь первому комисару Терсье, „быть носителемъ памятника побѣдъ вашихъ и Дугласа, но, по справедливости, эта награда должна принадлежать Мишелю, показавшему до сихъ поръ во всѣхъ случаяхъ истинно патріотическое рвеніе" *).

Въ Версалѣ секретнѣйшая статья возбудила всеобщее негодованіе. Всѣ возстали на несчастнаго Дугласа; принцъ Конти обѣщалъ сдѣлать ему строгій выговоръ; Рулье написалъ ему письмо съ упреками и развилъ въ офиціальной депешѣ тѣ правила чести, которыя никогда не дозволятъ королю подтвердить обѣщаніе, данное его именемъ. Людовикъ XV, по своему обыкновенію, прежде всего разразился гнѣвнымъ частнымъ письмомъ къ Терсье: „Я порицаю также, говорилъ онъ, „прекрасное тайное условіе, которое кавалеръ Дугласъ имѣлъ глупость подписать" **). Министры считали, что нѣсколько собственноручныхъ строкъ короля убѣдятъ царицу не настаивать. Онъ сначала отказался, опасаясь себя этимъ скомпрометировать, но потомъ рѣшился и написалъ Елизаветѣ, прося ее уничтожить условіе ***).

---

*) Частное письмо кавалера д'Эона къ Терсье, 1 января (стараго стиля) 1757 года.
**) Секретная корреспонденція Людовика XV, 13 февраля 1757 г.
***) То же 24 февраля.

Польщенная этой любезностью, государыня оказалась сговорчивой, и инцидентъ остался безъ послѣдствій. Бестужевъ и Воронцовъ разорвали декларацію въ присутствіи сконфуженнаго и раскаявшагося Дугласа. Елизавета лично увѣрила короля въ неизмѣнности ея чувствъ, и обмѣнъ ратификацій воспослѣдовалъ *).

Присоединяясь къ трактату 1756 г., русская императрица обѣщала Людовику XV-му „искреннюю и постоянную дружбу" **). Она обѣщала нейтралитетъ въ войнѣ Франціи съ Англіей. Кромѣ этого ограниченія и исключенія, относящагося къ Турціи, оба государя обязывались помогать другъ другу военными силами противъ какого бы ни было государства. По тексту статей это обязательство было высказано вообще и никого не касалось въ частности. Но въ Европѣ уже бряцало оружіе, и французскія и русскія войска готовы были перейти, одни Рейнъ, другія Нѣманъ, чтобы напасть на Фридриха. 1-го мая 1757 г., ровно черезъ годъ послѣ перваго Версальскаго трактата, Франція и Австрія подписали новый, въ томъ же городѣ. Направленный противъ Фридриха, новый союзъ опредѣлялъ условія войны и имѣлъ цѣлью, какъ говоритъ предисловіе, „поставить власть короля прусскаго въ такія границы, чтобъ ему невозможно было въ будущемъ тревожить общій миръ". Россія согласилась со вторымъ трактатомъ, какъ и съ первымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ Швеція выразила желаніе присоединиться къ коалиціи противъ Фридриха, Франція, Австрія и Россія приняли ея помощь и заключили подписанную ими конвенцію, которая еще болѣе связала ихъ (22 сент. 1757 г.). Итакъ, возобновленіе дипломатическихъ отношеній французскаго двора съ петербургскимъ, встрѣченное Людовикомъ XV-му съ осторожностью и недовѣріемъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, вслѣдствіе непреложнаго хода событій, обратилось въ военный союзъ.

Проектъ, основаніе котораго положилъ сорокъ лѣтъ тому

---

*) 19 апрѣля 1757 г.

**) См. текстъ договора у Массона въ приложеніи къ корреспонденціи Берни.

назадъ Петръ Великій въ своихъ разговорахъ съ регентомъ въ отелѣ Лэдигьеръ и въ садахъ Тюльери, какъ бы осуществлялся. Однако соглашеніе состоявшееся въ Петербургѣ не было тожественно тому, котораго желалъ царь-реформаторъ. Въ глазахъ Петра Великаго, союзъ Франціи и Россіи былъ принципіальною необходимостью. его дочь смотрѣла на него, какъ на бракъ по любви, а Людовикъ, какъ—на требованіе минуты. Въ 1757 году этотъ союзъ не имѣлъ ни устойчивости, ни выгодности, которыя имѣлъ въ началѣ столѣтія, въ 1732 году, даже въ 1742 г. Хотя наклонности Елизаветы въ отношеніи къ Франціи представляли все, что можно было желать, при ея дворѣ было много лицъ, съ наслѣдникомъ во главѣ, питавшихъ симпатіи къ врагамъ Франціи Перемѣна царствованія могла произвести отступленіе Россіи и представить рядъ новыхъ осложненій. Кромѣ того, новыя обязательства, принятыя Франціей, отнимали у нея плоды ея усилій и успѣховъ въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ. Вся ловкость Дезаллера, Брольи и Верженна оказывалась напрасной; напрасно французы пріобрѣли расположеніе второстепенныхъ дворовъ Сѣвера и Востока. Теперь приходилось отказаться отъ покровительства имъ, и предоставить ихъ вновь вліянію России, противъ котораго Франція не могла итти. Болѣе того, чтобы оставаться вѣрной новымъ обязательствамъ, Франція должна была сама уличить себя въ противорѣчіи, говоритъ противоположное тому, что говорила прежде, совѣтовать Турціи смотрѣть сквозь пальцы на захваты Россіи, увѣрять Польшу, что ея сосѣди завоевываютъ ее для ея же пользы и подвергнуться тому, что ея прежніе кліенты, по справедливости, могли назвать ее неустойчивой и легкомысленной.

Какъ ни важны были эти затрудненія, ихъ искупала неоцѣнимая выгода, такъ какъ новая система позволяла Франціи загладить ошибку, которую она сдѣлала, способствуя расширенію Пруссіи и увеличенію ея притязаній. Франція дорого поплатилась за свою ошибку, Фридрихъ II заплатилъ за ея услуги явной измѣной, и этотъ неудобный другъ превратился въ опаснѣйшаго врага. Чтобы довести его до безсилія, надо было принять новое по-

ложеніе со всѣми его послѣдствіями, честно исполнить обязательства съ Вѣной и Петербургомъ и силой военныхъ и дипломатическихъ ходовъ заставить союзниковъ итти заодно съ Франціей. Надо было усиліями трехъ государствъ задавить прусское королевство, своими безмѣрными вожделѣніями, неожиданными нападеніями и своимъ презрѣніемъ къ закону и къ обѣщаніямъ, сдѣлавшееся причиной постоянной смуты и ужасовъ въ Европѣ. Графъ Бернсторфъ, справедиво славившійся, какъ одинъ изъ самыхъ разумныхъ и проницательныхъ умовъ своего времени, хорошо опредѣлилъ опасность будущаго, предупредить которую были призваны Франція, Австрія и Россія. „Война возгорѣлась," писалъ онъ,*) „не ради достиженія мелкой или преходящей цѣли, не ради пріобрѣтенія той или другой провинціи или части земли, а ради самаго существованія новой монархіи, созданной прусскимъ королемъ съ искусствомъ и быстротой, удивившими одну часть Европы и обманувшими другую. Война возникла потому, что надо было рѣшить, должно ли существовать это новое королевство, не сплоченное, состоящее изъ разныхъ частей, не имѣющихъ ни необходимыхъ связей, ни нужнаго имъ распространенія, но обладающее воинственнымъ настроеніемъ, свѣжестью и силой, ловкостью и жадностью молодыхъ и еще не насытившихся существъ; должна ли имперія имѣть двѣ головы, а ея сѣверная часть—повелителя, превратившаго свое государство въ военный лагерь, а свой народъ—въ войско и обѣщающаго, если ему дадутъ время, расширить и укрѣпить свои владѣнія, сдѣлаться вершителемъ всѣхъ великихъ европейскихъ дѣлъ и опредѣленной тяжестью на международныхъ вѣсахъ".

---

*) Переписка графа Бернсторфа съ герцогомъ Шуазелемъ, письмо Бернсторфа отъ 18 декабря 1759 г. Эта переписка была издана датскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

БОРЬБА СЪ ПРУССІЕЙ.

Важность роли, предоставленной России въ войнѣ съ Пруссіей. — Франція должна побуждать Елизавету къ принятію рѣшительныхъ мѣръ.—Посылка де-Л'Опиталя въ Петербургъ.—Его характеръ.—Двойное дѣло.—Елизавета въ сорокъ восемь лѣтъ.—Дружба и любовь. — Молодой дворъ; Петръ Голштинскій и Екатерина Ангальтская.—Пріемъ въ лѣтнемъ дворцѣ.— *Тріо мошенника, безумца и фата.* — Инструкціи, данныя Л'Опиталю; какъ онъ ихъ исполнялъ.—Преднамѣренная медлительность елизаветинскихъ генераловъ.—Интриги, направленныя къ тому, чтобы отдать командованіе русскими войсками принцу Конти.—Посылка въ Версаль кавалера д'Эона; его приключенія.—Ссора короля съ его повѣреннымъ; неудовольствіе г-жи де-Помпадуръ. — Отказъ Людовика XV подчиниться намѣреніямъ принца. — Таинственный вѣстникъ изъ Лиль-Адана.—Отставка.—Вступленіе русскихъ въ Польшу.—Людовикъ XV не соглашается съ этимъ; противорѣчія его политики.—Борьба министерства съ тайной дипломатіей, де-Берни съ де-Брольи.—Послѣдній достигаетъ отозванія Понятовскаго; гнѣвъ Екатерины.—Ея и Бестужева интриги ведутъ къ отозванію арміи послѣ побѣды при Гросъ-Егердорфѣ.—Росбахъ. — Горе Елизаветы. — Арестъ Апраксина; паденіе Бестужева; опасность для великой княгини.—Елизавета желаетъ усилить связь съ Франціей.—Личная переписка съ Людовикомъ XV. —Предметы, о которыхъ говорилось между королемъ и императрицей; придворный докторъ, актеры французской сцены, денежные вопросы, крестины.—Сердечное охлажденіе.—Походъ 1758 г.—Истощеніе Франціи.—Берни старается уладить дѣла. — Неудача великаго союза.—Немилость Берни и замѣщеніе его Шуазелемъ.

I.

Въ начинающейся борьбѣ залогомъ побѣды трехъ союзныхъ державъ было ихъ единеніе и согласованность принимаемыхъ ими мѣръ. Фридрихъ съ его геніемъ и рѣшительностью могъ разбить ихъ каждую по одиночкѣ, но не выдержалъ бы ихъ общаго натиска. Съ осени 1756 года австрійцы дрались противъ его

войскъ въ Чехіи: то побѣдители, то побѣжденные, они отстаивали Прагу и ждали появленія на сценѣ военныхъ дѣйствій французскихъ и русскихъ войскъ. Весною 1757 года французскіе полки перешли Рейнъ; прежде чѣмъ добраться до Фридриха, надо было завладѣть Ганноверомъ и отдѣлаться отъ враждебной арміи герцога Кумберландскаго, брата англійскаго короля; не было возможности начать дѣйствія противъ Пруссіи раньше осени. Къ тому времени русская армія, состоявшая изъ восьми-десяти тысячъ человѣкъ, тихо двигавшаяся по границамъ Польши, должна была перейти Одеръ и стать лагеремъ менѣе чѣмъ въ пятидесяти верстахъ отъ Берлина. Роль Россіи въ союзѣ была важная: она заключалась въ томъ, чтобы явиться въ тылу Фридриха, занятаго борьбой съ австрійцами, саксонцами и французами, и этимъ способствовать его пораженію или, если онъ уже былъ побѣжденъ, нанести ему послѣдній, окончательный ударъ.

Союзныя государства полагались на число и храбрость солдатъ Елизаветы, но не имѣли того же довѣрія къ ея генераламъ, подозрѣвая ихъ въ неспособности и вѣроломствѣ. О главнокомандующемъ Апраксинѣ, ставленникѣ Бестужева говорили, что, онъ преданъ англичанамъ и склоненъ щадить Пруссію. Франція и Австрія опасались, что, несмотря на твердую волю царицы, русскіе не прибудутъ во-время въ означенное мѣсто и своей медлительностью разстроятъ успѣхъ компаніи. Чтобы предупредить эту опасность и погубить окончательно довѣріе къ врагамъ Франціи въ Петербургѣ, версальскому и вѣнскому дворамъ надо было напрячь всѣ свои силы, и Франція взялась завершить это общее дѣло. Елизавета въ выборѣ между Маріей-Терезіей и Людовикомъ XV не скрывала своего предпочтенія французскому монарху и желанія слушать его совѣты. Такимъ образомъ посланникъ, котораго король собирался послать въ Россію, дѣлался главнымъ представителемъ интересовъ союза; казалось, что ему доставалась славная задача направлять издали операціи русскихъ войскъ, двигать ихъ въ самый центръ прусскихъ владѣній и дать имъ явиться на поле брани въ ту важную минуту, когда рѣшается побѣда.

Этого посланника ожидали цѣлый годъ. Назначенный въ іюнѣ 1756 года, маркизъ Л'Опиталь достигъ мѣста своего назначенія въ іюнѣ 1757 г.; онъ замѣнилъ Дугласа, оставивъ его на время въ качествѣ помощника и подчиненнаго. Франція для осуществленія союза съ Австріей и Россіей выбрала совершенно не похожихъ другъ на друга министровъ. Въ то время, какъ она посылала въ Вѣну одного изъ самыхъ живыхъ, ловкихъ и блестящихъ своихъ дипломатовъ, графа Шуазёль-Стенвиля, сдѣлавшагося въ послѣдствіи герцогомъ Шуазёлемъ, она назначила въ Россію стараго барина, разбитаго подагрой и стремящагося только къ покою. Л'Опиталь честно служилъ своему государю и на войнѣ, и въ посольствахъ, но его года и болѣзни требовали скорѣе отдыха, чѣмъ боевой дѣятельности. Какъ у большей части бар̆ъ того времени, пребываніе при дворѣ съ его разнообразной жизнью развило въ немъ наблюдательность и вѣрность глаза; онъ опредѣлялъ людей и вещи быстро, но довольно поверхностно, и замѣчанія свои выражалъ пикантно и остроумно. Честнѣйшій человѣкъ, съ прекрасными манерами, великодушный, не думающій о своихъ выгодахъ, когда дѣло шло о пользѣ службы, онъ могъ бы быть достойнымъ представителемъ Франціи при какомъ-нибудь мирномъ дворѣ германскомъ или итальянскомъ. Сразу перенесенный изъ Неаполя въ Россію, на восемьсотъ миль отъ своего государства, на незнакомую почву, усѣянную западнями, онъ ступалъ по ней, спотыкаясь. Онъ не обладалъ ни иниціативой, ни энергіей въ ту минуту, когда онѣ были такъ необходимы.

Въ Петербургѣ въ 1757 году иностранный посланникъ имѣлъ передъ собой двоякую задачу. Вмѣсто одного двора въ Россіи ихъ было два — дворъ императрицы и дворъ ея наслѣдниковъ, Петра Голштинскаго и Екатерины Ангальтской. Эти дворы не сливались, каждый изъ нихъ имѣлъ свое направленіе и свою политику и оказывалъ почти одинаковое вліяніе на теченіе дѣлъ. Приходилось распутывать двойной рядъ интригъ, льстить различнымъ страстямъ, узнавать разныя намѣренія, уничтожать предубѣжденія; представителю Франціи также было важно зару-

читься симпатіями молодыхъ супруговъ, предназначенныхъ со временемъ на царскій престолъ, какъ и милостью самой императрицы.

Елизавета уже не была той живой и пылкой правительницей, съ быстрыми движеніями, съ мужественными вкусами, которую мы знали прежде. Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она отправилась въ казармы, разожгла своимъ присутствіемъ солдатъ, стала въ ихъ главѣ и смѣлой рукой захватила власть. Она сохранила легкомысліе, но не порывы молодости; къ ея природнымъ качествамъ—уму, чувству, высотѣ сердца, она уже не прибавляла усердія къ работѣ, вкуса къ серьезнымъ занятіямъ. Ея жизнь проходила въ борьбѣ съ двумя одолѣвающими ее врагами: старостью и болѣзнями. Болѣе женщина, чѣмъ правительница, несмотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, она болѣе желала нравиться, чѣмъ управлять; открытіе какой-нибудь морщинки огорчало ее болѣе проиграннаго сраженія. „Императрица“, пишетъ Л'Опиталь, „боится потерять свою красоту и поддерживаетъ ее всѣми средствами и всею помощью искусства. Она употребляетъ на это безконечное время, и ее можно видѣть только тогда, когда оконченъ ея туалетъ и когда ея убранство заслужило одобреніе ея дамъ и ея зеркала“. *) Въ это время она переживала опасный для ея здоровья переломъ: она боялась за жизнь, звала докторовъ, слушала ихъ съ волненіемъ и не исполняла ихъ предписаній; у нея нехватало характера отказаться отъ праздной и неумѣренной жизни, усиливавшей ея болѣзнь, волновавшей ея душу и раздражавшей ея и безъ того напряженные нервы.

Она не спала ночей, боясь, какъ говорила, той же участи, которую она уготовила герцогинѣ Брауншвейгской. Иногда, почувствовавъ вновь любовь къ удовольствіямъ, она устраивала празднества, съ увлеченіемъ участвовала въ нихъ, пока хватало силъ, а потомъ обмороки, сильные припадки грозили ея жизни или разсудку, Придя въ себя, она предавалась набожности, стояла

---

*) Л'Опиталь 10 августа 1758 г.

часами передъ образомъ избранной святой, говорила съ ней, просила у нея помощи и утѣшенія. Она рѣдко показывалась своимъ подданнымъ, проходила передъ дворомъ, какъ мимолетное явленіе, и жила уединенно въ своихъ покояхъ съ нѣсколькими женщинами и небольшимъ числомъ близкихъ людей. Ея жизнь протекала между Воронцовымъ и Иваномъ Шуваловымъ, между дружбой и любовью. Совѣты Воронцова дѣйствовали на нее благотворно, но вице-канцлеру не хватало нужной энергіи, чтобы своимъ вліяніемъ овладѣть ею вполнѣ: онъ какъ бы стѣснялся доставшеюся на его долю милостью. Графъ Шуваловъ представлялъ изъ себя образецъ только что принявшаго цивилизацію русскаго; онъ подражалъ, утрируя нравамъ, рѣчи и вѣжливости Запада, выписывалъ изъ Парижа мебель и одежду, цѣнилъ французскихъ художниковъ поверхностно и позволялъ преподнести себѣ титулъ „русскаго мецената". Несмотря на участіе въ примиреніи Людовика XV и Елизаветы, можно было спросить настолько ли близко было его сердце къ Франціи, какъ его манеры, и можно ли вполнѣ довѣрять его громко выражаемой преданности?

Только при посредничествѣ Воронцова и Шувалова можно было имѣть доступъ къ императрицѣ. Послѣдняя вовсе не желала отказаться отъ власти, горячо держалась правилъ своей сердечной политики, желала союза съ Австріей и еще болѣе близкаго союза съ Франціей. Къ несчастью, если она и выступала иногда съ блескомъ въ какомъ-нибудь рѣшеніи, подробности ежедневныхъ дѣлъ ускользали отъ нея; нерѣшительность росла съ годами; она иногда по недѣлѣ не рѣшалась подписать какую-нибудь бумагу. Какъ удивляться, что эта женщина, лѣность и болѣзненность которой могли часто возбуждать мысль о скорой перемѣнѣ въ управленіи страной, давала разрастись вліянію своихъ наслѣдниковъ? Какъ удивляться тому, что русскіе, ожидая можетъ-быть внезапной перемѣны царствованія, старались выслужиться передъ будущими повелителями.

Уже пятнадцать лѣтъ прошло со свадьбы Петра Голштинскаго съ Екатериной Ангальтской. Въ этомъ несчастномъ бракѣ,

заключенномъ по политической необходимости и кончившемся катастрофой, все носило отпечатокъ судьбы. Въ 1743 г. Елизавета вызвала принцессу Цербскую, чтобы обручить ее съ царевичемъ; молодые люди понравились другъ другу. Но мать Екатерины поссорилась съ императрицей, и свадьба разстроилась бы, если бъ не настояли на ней женихъ и невѣста. Нѣсколько недѣль до свадьбы Петръ заболѣлъ и оспа изуродовала его лицо и тѣло. Екатерина увидѣла его послѣ этого въ день свадьбы и упала въ обморокъ; только уговоры матери заставили ее побѣдить отвращеніе. Очень скоро послѣ свадьбы при дворѣ распространились слухи о связи великой княгини съ красавцемъ Салтыковымъ *).

Петръ не хотѣлъ обращать вниманія на поведеніе своей жены. Недостатки его наружности, мѣшая надеждамъ нравиться, еще усилили его природныя склонности къ пустому и грубому препровожденію времени. Онъ велъ жизнь унтеръ-офицера, проводилъ ночи въ пьянствѣ и куреніи, изъ придворныхъ дамъ приблизилъ къ себѣ только дѣвицу Воронцову, „похожую,—говоритъ одинъ французскій допломать,--на трактирную служанку“ **).

Умъ великаго князя казался такимъ же искалѣченнымъ, какъ его тѣло. Странный до безумія, мелочный и мечтательный, онъ строилъ великіе планы, кончавшіеся нелѣпыми фантазіями, считалъ себя великимъ полководцемъ, потому, что игралъ въ солдатики. Въ этомъ мозгу, полномъ мелочей, по словамъ Л'Опиталя, „царствовало съ страстной силой одно чувство, одна мысль, восторгъ передъ Фридрихомъ II, доходившій почти до маніи“. „Слушая дурные совѣты“, говоритъ Л'Опиталь, „можетъ-быть потому, что онъ не способенъ понять хорошихъ, Петръ сдѣлался обезьяной своего героя -прусскаго короля; однако, онъ можетъ подражать только внѣшнимъ признакамъ: одеждѣ, любви ко всему

---

*) Эти подробности были переданы при дворѣ матери Екатерины, принцессы Ангальтъ-Цербской, де-Шампо, французскомъ агентомъ въ Гамбургѣ. Мемуары Шампо, 8 сент. 1758 г.

**) Иностранныя дѣла. 1762. Переписка барона де-Бретейля.

военному, выражающейся въ томъ, что онъ заставляетъ безпощадно маршировать и крутиться одинъ или два батальона на своей дачѣ" *).

Несмотря на презрѣніе, которое не могла не чувствовать Екатерина къ этому некрасивому и несимпатичному супругу, она своей сильной душой сумѣла подчинить его и заставить стушеваться передъ ней. Екатерина стояла во главѣ молодаго двора; соблазнительная и высокомѣрная, она съ женственной граціей соединяла мужество и несокрушимую энергію; страстная, жаждущая власти, хитрая, она своимъ очарованіемъ или угрозою сплотила около себя партію приверженцевъ, достаточно сильную, чтобы сопротивляться волѣ Елизаветы. Послѣдняя возненавидѣла ее смертельно: болѣзненная и старѣющаяся, государыня возгорѣлась ревностью къ этой прекрасной молодой женщинѣ, полной силы и здоровья; она сама увеличивала силу Екатерины, признавая ее своей соперницей. Часто собиралась она изгнать ее вмѣстѣ съ мужемъ, но останавливалась по слабости или по другимъ таинственнымъ, несознаваемымъ причинамъ. Всѣмъ извѣстенъ особенный интересъ, съ которымъ она относилась къ великому князю Павлу, тамъ покорно усыновленному Петромъ. Если вѣрить тому, о чемъ шептались придворные, Павелъ I былъ сыномъ Елизаветы, подмѣненнымъ при рожденіи плоду любви Екатерины и Салтыкова. **) Боясь и его подвергнуть немилости родителей, императрица боялась явно покарать Петра и Екатерину и предавалась тайному походу противъ нихъ: допекала ихъ мелочами, отказывала въ деньгахъ, заставляла ихъ прибѣгать къ частнымъ займамъ, но не въ силахъ была помѣшать великой княгинѣ возставать противъ себя и слишкомъ часто узурпировать ея права и ея мѣсто, какъ при дворѣ, такъ и дѣлахъ государственныхъ.

Когда къ де Л'Опиталь явился въ первый разъ въ Лѣтній дворецъ, 10-го іюля 1757 г., его приняла и привѣтствовала Екатерина. Когда маркизъ явился со своей свитой, весь дворъ при-

---

*) Л'Опиталь, 27 іюля 1757 г.
**) Л'Опиталь, 27 іюля 1757 г.

сутствовалъ, одной императрицы не было. Екатерина занимаетъ первое мѣсто, окруженная блестящей свитой изъ четырехсотъ дамъ; она принимаетъ привѣтствіе посланника Франціи и отвѣчаетъ на него. Подходитъ вечеръ, несмотря на то что еще свѣтло, балъ начинается. Сторы опускаются и зажигаются тысяча двѣсти свѣчей. Екатерина предлагаетъ свою руку Л'Опиталю и танцуетъ съ нимъ почетный менуэтъ; танцы въ разгарѣ, а императрица не является. Наконецъ двери изъ ея комнатъ распахиваются, Елизавета появляется между двойнымъ рядомъ блестящихъ мундировъ. На ней придворный костюмъ, строгій, и граціозный; большія фижмы, пудра, корона изъ драгоцѣнныхъ камней, весь блескъ ея убранства выдвигаетъ ея благородную осанку и прелесть ея красоты. Она какъ будто забыла на время свои горести и страданія; съ улыбкою на устахъ она обходитъ различныя группы, обращаясь преимущественно къ женщинамъ съ радушіемъ, присущимъ ея душѣ.

Когда Л'Опиталь, приблизившись, цѣлуетъ ея руку, она фамильярно разговариваетъ съ нимъ и выражаетъ ему свое удовольствіе, что видитъ при своемъ дворѣ посланника короля. Ея мысль переходитъ на Людовика XV, и она говоритъ о немъ съ участіемъ, почти съ нѣжностью. Она только что узнала о преступной попыткѣ Дамьена и желаетъ узнать подробности. *) Однако ея присутствіе продолжается недолго: пройдя на хоры, чтобы взглянуть на удовольствія, въ которыхъ она уже не можетъ участвовать, она удаляется. Екатерина остается; она играетъ роль хозяйки за ужиномъ; она сажаетъ рядомъ съ собою Л'Опиталя и очаровываетъ его остроумнымъ разговоромъ и до конца исполняла для него обязанности хозяйки императорской резиденціи.

Этой чуть ли не государынѣ нужны были министры и фавориты; такъ какъ Елизавета передала свое довѣріе Воронцову,

*) 5-го января 1757 т. король садился въ экипажъ на Версольскомъ дворѣ, когда Дамьенъ нанесъ ему ударъ кинжаломъ; рана оказалась легкой.

Екатерина привязала къ себѣ Бестужева, который еще по своему положенію имѣлъ вліяніе и при дворѣ, и въ арміи. Такъ какъ Елизавета имѣла явнаго фаворита Шувалова, Екатерина завела себѣ Понятовскаго. Кто тогда въ этомъ молодомъ человѣкѣ двадцати шести лѣтъ, преданномъ только любви, могъ бы заподозрить будущаго короля Польши? Кто бы могъ предвидѣть, что онъ впослѣдствіи будетъ имѣть честь царить надъ своей родиной и несчастье быть оружіемъ ея гибели? Высокаго происхожденія, находясь въ родствѣ съ первыми семьями въ Польшѣ, будучи племянникомъ Чарторижскихъ, графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій побывалъ во Франціи и Англіи, прежде чѣмъ пріѣхалъ въ Россію. Въ Парижѣ, въ салонѣ г-жи Жофренъ, окончилъ онъ свое свѣтское, щегольское и литературное образованіе. Онъ переписывался съ французскими философоми, цитировалъ Вольтера, и, какъ другіе иностранцы и его, да и всѣхъ временъ, подражая французамъ, ненавидѣлъ ихъ. По внѣшности онъ былъ типомъ славянской красоты: высокій, бѣлокурый, стройный, гибкій, съ лицомъ пріятнымъ, но невыразительнымъ, съ почти женской граціей. Въ нравственномъ отношеніи онъ, казалось, совмѣщалъ въ себѣ всѣ прекрасныя качества и представлялъ внѣшній образъ порядочности. У него было болѣе высокомѣрія, чѣмъ храбрости, болѣе блеска, чѣмъ глубины, немного врожденнаго ума и большой даръ подражательности. Однимъ словомъ Понятовскій обладалъ всѣми качествами, которыя необходимы, чтобы нравиться женщинамъ. Когда случай привелъ въ Россію, въ 1755 году, Екатерина страстно влюбилась въ него и, не желая разлучаться со своимъ возлюбленнымъ, настояла передъ польскимъ королемъ и его министромъ Брюлемъ на томъ, чтобъ Понятовскій остался въ Петербургѣ съ титуломъ посланника республики. Молодой человѣкъ, всемогуществомъ любви превращенный въ политическаго дѣятеля, не нашелъ ничего лучшаго, какъ взять себѣ въ руководители Уильямса, съ которымъ былъ давно друженъ.

Бестужевъ, Уильямсъ и Понятовскій сдѣлались оракулами молодого двора. „Они“, откровенно говоритъ Л' Опиталь, „состав-

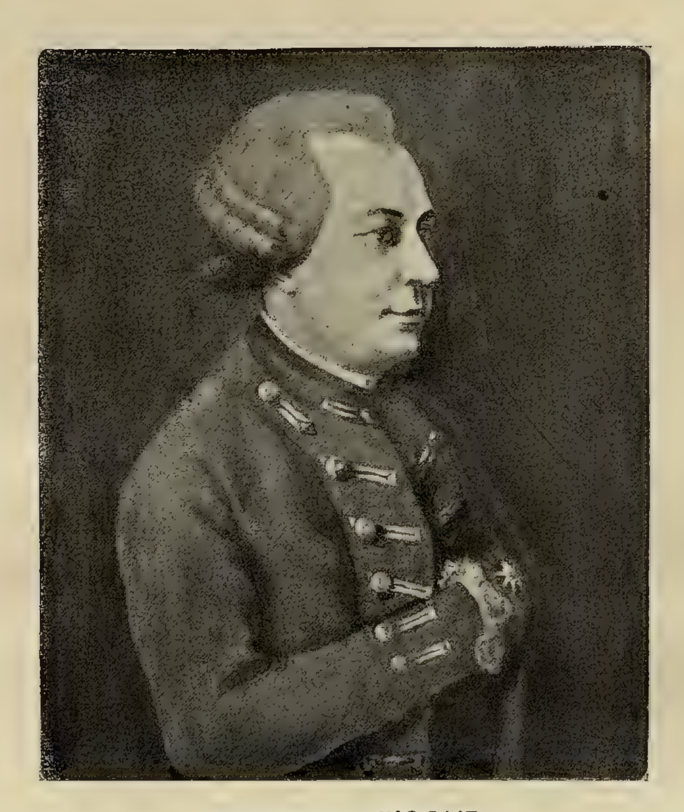
ляли тріо мошенника, безумца и фата“ *). Давній приверженецъ Англіи, Бестужевъ продался Фридриху II, несмотря на то, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ редактировалъ направленную противъ короля докладную записку. „Я старался“, пишетъ Уилльямсъ, „ чтобъ склонить канцлера въ пользу прусскаго короля. Сначала онъ былъ непреклоненъ, но, по мѣрѣ увеличенья цифры вознагражденія, началъ колебаться. Наконецъ, онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: „Съ этой минуты я—его другъ“ **). Чтобы доказать твердость своихъ намѣреній и получить заслуженную плату, Бестужевъ старался привлечь великую княгиню на сторону Англіи и Пруссіи, что ему до 1757 года вполнѣ удавалось. Было ли возможно повернуть сочувствіе молодаго двора въ сторону Франціи? Если фанатическая преданность великаго князя Фридриху и исключала подобную возможность, то съ Екатериной дѣло обстояло иначе. Молодая женщина еще не выработала никакой системы; она желала власти почти инстинктивно, а не для того, чтобъ чего-нибудь опредѣленнаго достигнуть. Ея поведеніе зависѣло отъ вліявшихъ на нее окружающихъ. Еслибъ Франціи удалось перемѣнить ея совѣтниковъ, Франція могла бы выиграть дѣло. Во время прибытія Л' Опиталя, Уильямсъ удалился: Елизавета потребовала его отозванія, и французскій посланникъ долженъ былъ торжественно занять помѣщеніе уѣхавшаго министра *). Бестужевъ хранилъ въ душѣ свою ненависть, но скрывалъ ее, „понимая, какъ онъ говорилъ своимъ близкимъ, что нельзя плыть противъ теченія“. Оставался Понятовскій: непредвидя даже конца его фавора, развѣ нельзя было обратить въ пользу Франціи молодого дипломата, не поддерживаемаго болѣе своимъ англіискимъ менторомъ? Въ концѣ концовъ вся политика влюб-

---

*) Л' Опиталь, 4 мая 1758 г.

**) Уильямсъ, 28 сентября 1756 г.

***) Ла-Мессельеръ. „Елизавета высказала желаніе, чтобы французскій посланникъ переѣхалъ изъ своего отеля въ занимаемый прежде посланникомъ англійскимъ. Помѣщеніе дѣйствительно было обширнѣе, красивѣе и лучше расположено. Эти два дома раздѣлены между собою узкимъ канальчикомъ, названнымъ съ тѣхъ поръ въ Петербургѣ Pas de Calais“.



КАВАЛЕРЪ Д'ЭОНЪ.

(СЪ ПОРТРЕТА ХЮКЬЕ.)

леннных заключалась въ томъ, чтобы не разставаться; Екатерина безъ всякаго стѣсненія признавалась, что будетъ держаться той державы, которая своимъ вліяніемъ въ Польшѣ и Россіи удержитъ Понятовскаго въ Петербургѣ, гдѣ у него были враги и гдѣ онъ не понравился императрицѣ. Франціи слѣдовало не бороться съ фаворитомъ, а постараться согласиться съ нимъ, привязать его къ себѣ и, такимъ образомъ, найти доступъ къ сердцу Екатерины.

Было и другое средство дѣйствовать на молодой дворъ: Петръ и Екатерина нуждались въ деньгахъ; Австрія не погнушалась ролью ихъ банкира и предоставила имъ форменнымъ контрактомъ ежегодную субсидію. Л'Опиталь имѣлъ порученіе предложить имъ то же самое съ тѣмъ, чтобы купить, если не ихъ союзъ, то, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ *). Впрочемъ инструкціи л'Опиталю гласили: „Поступая согласно съ желаніями императрицы, стараться понравиться насколько возможно великому князю и великой княгинѣ и внушить имъ чувства, согласныя съ постояннымъ союзомъ обоихъ государствъ **). Двойная игра, которую предлагали л'Опиталю, не была въ его вкусѣ, да и не могла быть имъ исполнена. Маркизъ не любилъ сложныхъ интригъ, онѣ ему не удавались, и ничего для него не было худшаго, по его словамъ, какъ быть между молотомъ и наковальней ***). Онъ нарочно забылъ свои инструкціи и остался при совершенно пассивной роли. Онъ былъ доволенъ лестнымъ пріемомъ Елизаветы и ему безъ особенныхъ усилій удавалось угождать ей. Что же касается молодаго двора, то л'Опиталь оставался по отношенію къ нему въ предѣлахъ вѣжливости, представился непонимающимъ довольно ясныхъ намековъ великой княгинѣ и, такимъ образомъ, позволилъ врагамъ Франціи удержать въ своихъ сѣтяхъ Екатерину и Понятовскаго. Вліяніе молодого двора продолжало быть въ пользу Англіи и Фридриха; это влі-

---

*) Берни къ Л'Опиталю, 17 іюля 1757 г.

**) Л'Опиталь передъ отъѣздомъ.

***) Л'Опиталь, 23 мая 1758 г.

яніе особенно сильно отразилась на главномъ штабѣ арміи. Собранная съ трудомъ армія намѣренно медлила двигаться по пространству, отдѣлявшему ее отъ врага; она дѣлала двѣ три мили въ день, когда слѣдовало удвоить это число, и провела первое время кампаніи въ проволочкахъ и ненужныхъ движеніяхъ. „Апраксинъ", писалъ англійскій посланникъ, „необычайно толстъ, лѣнивъ, развратенъ и, конечно, не храбръ" *). Онъ никогда не видалъ вражеской силы и не спѣшилъ помѣриться съ войскомъ Фридриха.

Эти проволочки приводили въ отчаянье сторонниковъ Франціи и возбуждали опасенія въ вѣнскомъ и версальскомъ дворахъ. Въ нѣсколькихъ, истинно преданныхъ союзу, умахъ родилась мысль предпринять довольно рискованное средство, чтобъ вырвать русскую армію изъ рукъ неспособныхъ или вѣроломныхъ вождей. Въ этомъ смыслѣ составился цѣлый заговоръ. Л'Опиталь и не подозрѣвалъ, что заговоръ, существовавшій болѣе года, долженъ былъ ко времени его пріѣзда перевернуть ходъ событій. Цѣль была въ томъ, чтобы на мѣсто фельдмаршала Апраксина поставить во главѣ русскаго войска, кипящаго храбростью и отвагой, француза, уже извѣстнаго своими подвигами и столь высокаго сана, что не могло возникнуть никакой зависти,—принца Людовика Конти.

Съ нѣкоторыхъ поръ, принцъ мало обращалъ вниманія на Польшу ради Россіи и всей душой слѣдилъ за колебаніемъ французской политики. Оставляя, можетъ-быть, на время свои претензіи на Польшу, онъ старался сблизиться съ Елизаветой. Если государыня ранѣе отказалась раздѣлить съ нимъ свой престолъ, то она могла предложить въ подарокъ другую корону тому, кто ей понравится. Россія овладѣла Курляндскимъ герцогствомъ, послѣ ареста герцога Бирона, и, не конфискуя его окончательно, все же держала его въ своей власти. Конти мечталъ о такомъ подаркѣ со стороны Елизаветы, который осуществилъ бы желаніе его жизни, заключавшееся въ томъ, чтобы

*) Уильямсъ, 18 сентября 1756 г.

занять мѣсто среди владѣтельныхъ особъ. Однако скромное герцогство не вполнѣ удовлетворяло его безмѣрному честолюбію и неутомимой энергіи. Принцъ хотѣлъ вмѣстѣ съ Курляндіей получить отъ Елизаветы руководство дѣйствіями противъ Пруссіи и званіе главнокомандующаго. Онъ воображалъ что, получивъ возможность развернуть свои воинскіе таланты, онъ сразится съ первымъ полководцемъ вѣка, и уже видѣлъ себя побѣдоносно входящимъ въ Берлинъ, гдѣ получитъ изъ благодарныхъ рукъ Австріи и Россіи польскую корону.

Предлагая послать Дугласа въ Петербургъ, онъ разсчитывалъ сдѣлать изъ него орудіе своихъ цѣлей. Передъ каждой изъ своихъ поѣздокъ кавалеръ получалъ инструкціи не только изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но также изъ дворца Тампля. Онъ обязанъ былъ поддерживать съ принцемъ тайную переписку, въ которой принималъ участіе и д'Эонъ. Государственный секретарь не былъ освѣдомленъ объ этомъ, но Людовикъ XV зналъ объ ней и ободрялъ ее; всѣ письма кавалера читались имъ *).

Въ Петербургѣ Дугласъ не забылъ тайной стороны своей миссіи и подбадривалъ принца удовлетворительными извѣстіями. Не довѣряя своимъ полководцамъ и слѣдуя мудрымъ совѣтамъ Воронцова, Елизавета была не прочь поставить во главѣ своего войска француза королевской крови и уже испытанныхъ способностей. Въ началѣ 1757 года, послѣ подписанія акта присоединенія, она уже рѣшила, въ согласіи съ Людовикомъ XV, дать ходъ этому проекту, когда получилось письмо христіаннѣйшаго короля къ его „доброй сестрѣ и другу“, по поводу *секретнѣйшей* декларацiи. Въ этомъ посланіи Людовикъ говорилъ не только о туркахъ и объ осторожности по отношенію къ нимъ, но, вспоминая о постоянныхъ дружескихъ чувствъ къ нему Елизаветы, предлагалъ ей вести личную и интимную корреспонденцію ради

*) Эти и послѣдующія подробности извлечены изъ докладной записки, редактированной Терсье и имѣвшей цѣлью дать резюме тайной корреспонденціи съ Россіей отъ 1756 до 1758 года. Этотъ меморандумъ былъ составленъ въ первые мѣсяцы 1758 г.

тѣснѣйшаго соединенія двухъ государствъ. Онъ это называлъ предложить „маленькое дѣльце“ *). Надо припомнить, что письмо было редактировано Рулье, начальникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ: король послалъ ему письмо открытымъ. Только въ силу знакомаго намъ удивительнаго притворства, онъ присоединялся къ идеѣ своего министра, чтобы похитить ее, и, черезъ Терсье, доводилъ до свѣдѣнія Дугласа свои настоящія намѣренія, касающіяся переписки. Онъ готовъ былъ поддерживать личныя сношенія съ Елизаветой, но лишь посредствомъ Дугласа и Воронцова и тайно отъ канцлера **).

Въ этой инструкціи подозрительный монархъ поступалъ согласно своей привычки не довѣрять своимъ офиціальнымъ совѣтникамъ. Удивительнѣе всего то, что онъ приказывалъ Дугласу хранить молчаніе и съ принцемъ Конти: онъ начйналъ обманывать своего наперсника, какъ и своихъ министровъ. Къ этому времени надо отнести первые симптомы охлажденія между королемъ и принцемъ. Гордость послѣдняго не захотѣла склониться передъ г-жею де Пампадуръ, и фаворитка старалась уменьшить его значеніе. Она заставила отказать ему въ командованіи рейнскими войсками, которое онъ просилъ въ ожиданіи переговоровъ съ Россіей, и предпочесть ему принца Субизъ, болѣе придворнаго, чѣмъ воина. Конти обидѣлся и долго не показывался ко двору. Людовикъ отнесся къ этому равнодушно: „Мнѣ кажется, что я воленъ въ своемъ выборѣ“, говорилъ онъ. „Тѣмъ хуже для него“ ***). 29-го янв. 1757 г. онъ предъувѣдомлялъ Терсье, „что положеніе, въ которое поставилъ себя принцъ Конти, становится невозможнымъ, чтобъ корреспонденція съ Россіей продолжала проходить черезъ его руки“ ****)...

Какъ таинственныя и тонкія нити, исходящія изъ одной точки и, соприкасаясь, но не сливаясь другъ съ другомъ, веду-

*) Тайная переписка Людовика XV. Король къ Терсье, 24 февр. 1757 г.

**) Записка Терсье.

***) Секретная переписка Людовика XV. Король къ графу Брольи. 24 декабря 1756 г.

****) Записка Терсье.

щія къ одной цѣли, три секретныя переписки готовы завязаться между Франціей и Петербургомъ. Принцъ Конти продолжаетъ посылать свои распоряженія Дугласу; послѣдній получаетъ непосредственно приказанія короля; наконецъ Людовикъ XV предлагаетъ Елизаветѣ интимную переписку. Терсье оказывается посредникомъ между этими нитями, исходящими изъ его кабинета и туда же возвращающимися.

Елизаветѣ было крайне желательно вступить въ правильныя сношенія съ государемъ, съ которымъ она когда-то мечтала раздѣлить его тронъ. Но ни она, ни Воронцовъ не подозрѣвали мелкихъ интригъ, разыгрывавшихся въ маленькихъ аппартаментахъ версальскаго дворца; однако, та разница, которую дѣлалъ Людовикъ XV между откровеніями своими и своего яко бы фаворита, смутила ихъ. Сочувствуя проектамъ Конти, они желали согласія на него короля и потому рѣшились откровенно спросить послѣдняго, уполномочиваетъ ли онъ, какъ государь и глава дома, своего двоюроднаго брата принять командованіе русскихъ войскъ? Воронцовъ не рѣшился довѣрить такой важный документъ почтѣ, находившейся подъ безцеремоннымъ наблюденіемъ Бестужева; онъ сталъ искать ловкаго и скромнаго посредника и обратилъ вниманіе на молодого человѣка, котораго и въ посольствѣ и при дворѣ называли „маленькій д'Эонъ".

Кавалеръ, прибывшій не только какъ дипломатъ, но и какъ туристъ и литераторъ, находился уже годъ въ Петербургѣ. Онъ собирался изучать бытовыя стороны Россіи, надѣялся, что офиціальное положеніе поможетъ ему проникнуть въ офиціальные кружки и привезти въ Парижъ пикантную картину незнакомой и курьезной страны. Намѣренія его, однако, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ измѣнились. Притянутый Дугласомъ къ работамъ надъ щекотливыми переговорами и тайной кореспонденціей, онъ втянулся въ нихъ, пожелалъ окончательно перейти на дипломатическую карьеру и собирался обратить на себя вниманіе министерства длиннымъ сочиненіемъ о политическомъ состояніи Россіи и о тайнахъ ея правительства *).

*) Переписка кавалера д'Эона съ Терсье, 1 янв. 1757 г.

Жизнь Эона дѣлилась между серьезными изслѣдованіями и элегантной свѣтской жизнью. Онъ сначала обворожилъ дворъ, а потомъ привелъ его въ недоумѣніе. Живость его ума и увѣренность его манеръ, казалось, противорѣчили его женственой внѣшности и воздержанной жизни, непонятной для развращеннаго общества восемнадцатаго вѣка. Съ мужчинами онъ былъ оживленъ и веселъ; смѣло ѣздилъ верхомъ, хорошо владѣлъ шпагой, былъ очень щепетиленъ въ вопросахъ чести; вольностью рѣчи какъ бы хотѣлъ скрыть чистоту своей жизни. Съ женщинами онъ былъ любезенъ и предупредителенъ, но ничего больше; онъ казался всѣмъ загадочнымъ, его пріятное обращеніе и интересный разговоръ заставляли искать его общества, но къ этому примѣшивалось и любопытство; вездѣ на него смотрѣли какъ на хорошаго и никого не компрометирующаго товарища. Вотъ почему онъ въ то время былъ принятъ въ кружокъ фрейлинъ и, можетъ-быть, какой-нибудь случай, какое-нибудь переодѣваніе дало поводъ той сказкѣ, героемъ которой Эонъ впослѣдствіи любилъ представлять себя. По счастью, легкомысленный успѣхъ молодого человѣка не портилъ его репутаціи серьезности и ловкости, которыми онъ пользовался у важныхъ сановниковъ. Бестужевъ боялся его, а Воронцовъ, бывшій довольно близкимъ съ нимъ, оказывалъ ему полное довѣріе. Весной 1775 г., зная, что д'Эонъ намѣревается возратиться во Францію, онъ поручилъ ему подъ большимъ секретомъ повидаться въ Парижѣ съ принцемъ Конти и предложить ему рѣшительно Курляндію и командованіе русской арміей, но съ условіемъ, чтобы король далъ свое согласіе на этотъ двойной проектъ. *)

До тѣхъ поръ не казалось, чтобы Елизавета особенно замѣчала кавалера. Она ограничилась тѣмъ, что одобрила выборъ Воронцова: „Когда отправляется секретарь Дугласа?“ спросила она нѣсколько дней спустя и приказала, чтобы ему дали отъ нея триста червонцевъ. Д'Эонъ, который былъ богатъ только надеждами, былъ безгранично благодаренъ; въ продолженіе всего

---

*) Письмо д'Эона, опубликованное Галльярде.

путешествія его переписка съ Дугласомъ, начальникомъ и другомъ, дышала наивной радостью. Во многихъ письмахъ онъ позаботился самъ опредѣлить, что полученная милость была первой, опровергая еще разъ большую роль, приписываемую ему въ примиреніи Франціи съ Россіей, за которую Елизавета не преминула бы отблагодарить его съ привычной щедростью.

„Раздумывая вчера въ каретѣ,“ писалъ онъ изъ Риги, „я разсуждалъ самъ съ собой и сказалъ: съ тѣхъ поръ, какъ я на свѣтѣ, я всегда жилъ на свой собственный счетъ, я не получалъ денегъ ни отъ министровъ, ни отъ государей, хотя я зналъ многихъ изъ нихъ. Какъ лестно для меня, что я могу вписать въ мое завѣщаніе слѣдующія слова: „Моя философія всегда заставляла меня избѣгать всѣхъ случаевъ, гдѣ можно было бы получить деньги, мой добрый геній доставилъ мнѣ знакомство и любовь Дугласа; онъ перенесъ меня въ новый свѣтъ, который заставилъ меня забыть старый, и тутъ, благодаря обязанности и благоговѣйной признательности, я получилъ милость Императрицы Всея Руси“. Я смотрю на это время какъ на самое славное въ моей жизни и, если бы принудили меня жениться, я передалъ бы воспоминаніе о немъ моему маленькому потомству. Но самое слово „потомство“ устрашаетъ мою кроткую философію, слишкомъ презирающую жизнь, чтобы давать ее другимъ. Я найду въ своей литературной карьерѣ тысячу случаевъ воспѣть добродѣтели, величественность и щедрость Ея Императорскаго Величества, и мои хвалы, оставаясь чужды всякому личному интересу, будутъ достойны истины и заслужатъ больше довѣрія у потомства. Я ѣду въ каретѣ. Мнѣ некогда заботиться о краткости моихъ писемъ. Мое перо пишетъ все то, что думаетъ мое сердце, и если бы я описалъ всю благодарность, испытываемую къ Вамъ, я не пріѣхалъ бы никогда въ Парижъ“!*)

Въ дорогѣ д'Эонъ не терялъ времени и старался путешествовать „шагомъ посланника“, какъ онъ говорилъ, намекая на

---

*) Иностранныя дѣла. Частная переписка кавалера д'Эона съ Дугласомъ, помѣченная: „Рига, 21 апрѣля 1757 г.“

медлительность л'Опиталя. Чтобы миновать Пруссію, ему нужно было проѣхать черезъ Вѣну. Въ моментъ, когда онъ вступилъ въ этотъ городъ, гремѣли пушки и трезвонили колокола: императорскій дворъ только что получилъ извѣстіе о побѣдѣ. Фридрихъ, продолжая свои военныя операціи въ Богеміи, наткнулся передъ Коллиномъ на холодное упорство маршала Дауна и былъ принужденъ отступить съ большими потерями. Этотъ успѣхъ союзника казался счастливымъ предзнаменованіемъ для французской и русской армій. д'Эонъ взялъ на себя привезти объ этомъ первое извѣстіе Людовику XV. Послѣ этого онъ не останавливался больше и скакалъ во весь опоръ. Едва миновавъ Страсбургъ, его карета опрокинулась и онъ сломалъ себѣ ногу. Несмотря на боль, онъ продолжалъ путь и пріѣхалъ въ Версаль изнуренный страданіемъ и усталостью, но поддерживаемый надеждой на хорошій пріемъ. Король послалъ ему одного изъ своихъ медиковъ, чтобы осмотрѣть его, и кончилъ леченіе съ помощью грамоты на чинъ поручика съ жалованьемъ въ три тысячи ливровъ. Едва оправившись, д'Эонъ занялся порученіемъ на счетъ принца Конти. Однако, прежде чѣмъ итти въ отель Тампль, онъ отправился къ Терсье. Съ начала разговора онъ понялъ, что ссора, случайно происшедшая между королемъ и двоюроднымъ братомъ, заставляла его быть крайне осторожнымъ. Если Людовикъ XV имѣлъ еще тайное министерство, то принцъ Конти не былъ уже главой его, и слишкомъ большое усердіе, выказываемое къ его интересамъ, могло не понравиться государю. Поведеніе д'Эона было очень корректно. Онъ далъ почувствовать Терсье, что желалъ бы выполнить его порученіе, но что сдѣлаетъ это только съ разрѣшенія короля. Людовикъ XV довольно немилостиво далъ испрашиваемое разрѣшеніе: „Такъ какъ господинъ д'Эонъ имѣетъ порученіе отъ Воронцова повидаться съ принцемъ Конти, то— пусть повидается, но онъ долженъ отдать вамъ точный отчетъ объ отвѣтѣ.“ *)

Д'Эонъ вернулся въ Тампль, гдѣ предложенія, переданныя

---

*) Тайная переписка Людовика XV. Король къ Терсье 20 іюля 1757 г.

имъ, оживили надежды сблизиться съ королемъ, заставить забыть прошлое и побудить его личнымъ вмѣшательствомъ поддержать намѣренія, высказанныя царицей,—такова была впредь единственная цѣль Конти. Къ несчастью, онъ не принялъ въ разсчетъ холодной непріязни Людовика XV, поддерживаемый пламенной злобой маркизы. Король никогда не простилъ бывшему фавориту, „дувшемуся" на него*). Переговоры между двумя принцами продолжались два мѣсяца, съ конца іюля до сентября. Терсье служилъ передаточнымъ пунктомъ; безпрестанно по дорогѣ отъ Версаля къ Тамплю или въ Лиль Аданъ, лѣтнюю резиденцію принца Конти, онъ получалъ отъ послѣдняго огромныя докладныя записки, пересылалъ ихъ королю, и получалъ въ отвѣтъ лаконическія.**) Людовикъ XV обѣщалъ свое согласіе, когда дѣло будетъ рѣшено; а пока онъ отказывался его ускорить хотя бы одной строкой, однимъ словомъ, которыя могли бы показать, что онъ сочувствуетъ проектамъ принца и желаетъ разсѣять безпокойство Елизаветы. Предлогомъ къ такой сдержанности онъ выставлялъ необходимость ближе ознакомиться съ намѣреніями Россіи и боязнь подвергнуть себя непріятности. „Если русская императрица", говорилъ онъ, „зоветъ дѣйствительно принца де Конти для командованія надъ ея арміей и хочетъ дать ему Курляндію въ ожиданіи лучшаго, я буду радъ, но пока я не могу принять въ этомъ иного непосредственнаго участія, какъ не препятствовать ему и дать мое согласіе, когда только за нимъ станетъ дѣло" ***). Нѣсколько дней спустя онъ повторилъ: „Когда я получу," писалъ онъ Терсье, „нравственную увѣренность, что императрица Россійская предоставляетъ принцу командованіе арміей и Курляндію, я дамъ всѣ полномочія и разрѣшенія, какія отъ меня попросятъ. Пока же я противъ этого, боясь сдѣлать ложный шагъ, который можетъ причинить намъ больше зла, чѣмъ добра" ****).

---

*) Король къ Брольи, 21 декабря 1756 г.
**) Письма принца Конти къ Терсье, 1757 г.
***) Секретная передиска Людовика XV. Король къ Терсье, 15 апрѣля 1757 г.
****) То же 21 сентября 1757 г.

Такимъ образомъ, Конти пришлось отпустить д'Эона съ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, который могъ имѣть слѣдствіемъ разрывъ переговоровъ. Король захотѣлъ прочесть письмо и призналъ, что ему тамъ „нечего урѣзать, но также нечего и прибавить*). Кавалеръ отправился въ путь и добрался до границы съ своей обычной быстротой; но здѣсь мы видимъ, что онъ внезапно останавливается у Страсбурга, благодаря тайному приказу, и тамъ скрывается въ продолженіе пяти дней. Въ концѣ этого времени, къ нему присоединился таинственный курьеръ, пріѣхавшій прямо изъ Лиль Адана. Онъ не привезъ ему еще благопріятнаго отвѣта, но внушилъ надежду на его полученіе. Пытались добиться новыми неотступными просьбами согласія Людовика XV, и д'Эонъ долженъ былъ уже въ Петербургѣ получить увѣдомленіе о результатѣ въ письмѣ на условленномъ языкѣ, которое должно прійти раньше его. Фраза: „Вы можете отправиться съ тѣмъ, что вамъ было поручено", обозначала, что король соглашается, и что д'Эонъ долженъ замѣнить отвѣтъ, который онъ везъ, положительнымъ принятіемъ предложенія. Напротивъ, если ему напишутъ: „Не отправляйтесь больше", надо было воздержаться отъ всякихъ попытокъ и бросить все предпріятіе. Д'Эонъ продолжалъ свой путь; пріѣхавъ въ Петербургъ, первой его заботой было освѣдомиться, не пришло ли письмо по его адресу. Рѣшительное увѣдомленіе, на которое онъ разсчитывалъ, не пришло и никогда не должно было притти.

Несмотря на всѣ усилія, принцу не удалось побѣдить упорство Людовика XV, ни вывести его изъ презрительнаго молчанія. Послѣ этого его рѣшеніе было принято. Глубоко огорченный этой холодностью, послѣ такой близости, онъ сдался, согласно его выраженію, „передъ озлобленіемъ, питаемымъ противъ него нѣкоторыми людьми", и сошелъ съ политической сцены; отказался играть роль и, наполняя все свое время научными занятіями, старался только найти въ уединеніи тишину и забвеніе. Пятаго ноября, когда Терсье находился въ Фонтенебло съ дворомъ,

*) Людовикъ XV къ Терсье, 2 сентября 1757 г. Отвѣтъ, приготовленный Конти, находится при Иностранныхъ Дѣлахъ, въ секретной перепискѣ.

Моненъ, личный секретарь принца, вручилъ ему обширный пакетъ, заключавшій всю секретную переписку. Одновременно въ письмѣ, адресованномъ секретарю Людовика, Конти подалъ окончательную отставку отъ должности тайнаго министра. Въ этомъ письмѣ чувствуется горечь души, справедливо оскорбленной, но рѣшившейся не жертвовать больше своимъ достоинствомъ честолюбію.

„Я не долженъ болѣ, милостивый государь", говорилъ онъ, „получать отъ короля приказанія по секретнымъ дѣламъ, довѣреннымъ вамъ и находившимся подъ моимъ руководствомъ. Послѣ того, какъ я подвергся незаслуженному обращенію, у меня уже нехватаетъ достаточно свободы духа, чтобы заниматься ими. Но я до послѣдняго момента считаю должнымъ доказать королю свои усердіе и вѣрность. Ради этого, ради того, чтобы служба его не страдала отъ непріятности, причиненной мнѣ имъ, чтобы онъ могъ по своему усмотрѣнію оставить или продолжать всѣ различныя дѣла, начатыя мной, и чтобы онъ могъ избрать способъ, какъ это сдѣлать, я вамъ посылаю сегодня полученныя письма, на которыя еще не отвѣчалъ, а также замѣтки, примѣчанія и даже планы отвѣтовъ сдѣланные мной, прилагаю мой шифръ для переписки, вмѣстѣ съ копіями, главными документами, относящимися ко всѣмъ дѣламъ, начатымъ по волѣ Его Величества и, можетъ-быть, не достаточно извѣстнымъ вамъ. Сверхъ того, я вамъ далъ бы еще больше свѣдѣній и подробностей въ разговорѣ, который охотно имѣлъ бы съ вами, если бы вы могли пріѣхать въ Парижъ, куда также охотно могу пріѣхать и я, чтобы васъ видѣть. Впрочемъ, вы можете быть увѣрены, что отъ меня никогда никто не узнаетъ о томъ особенномъ довѣріи, которое оказываетъ вамъ король, и вы не будете, благодаря моей нескромности, имѣть какую-либо непріятность съ вашими начальниками. Я васъ прошу быть убѣжденнымъ, милостивый государь, что уваженіе, которое вы мнѣ внушаете, никогда не можетъ измѣниться, и что я всегда съ радостью воспользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать его вамъ"*).

*) Иностранныя дѣла. Тайная переписка Конти съ Терсье. Это письмо было тотчасъ послано королю главнымъ секретаремъ.

Неудача проектовъ принца де Конти нанесла тяжелый ударъ коалиціи; его присутствіе было необходимо для воодушевленія русской арміи, которая казалась разбитой параличомъ на дорогахъ Литвы. Можно было подумать, что Апраксинъ никакъ не рѣшался удалиться отъ границъ имперіи и заботился только объ одномъ— разрушить планъ трехъ союзныхъ дворовъ. Когда они остановились на общемъ главномъ планѣ дѣйствій, было рѣшено съ согласія польскаго правительства, что русскіе быстро пройдутъ Польшей, чтобы напасть на Фридриха: выйдя изъ Смоленска, полки фельдмаршала должны были двинуться сначала къ Двинѣ, потомъ направиться черезъ Вильну къ Нѣману и занять восточную Пруссію; другія войска должны были пройти черезъ Варшаву и Познань, чтобы угрожать или Силезіи или Бранденбургу. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ эти проекты оставались мертвой буквой, русскіе ограничились тѣмъ, что вступили въ предѣлы республики и заняли нѣкоторыя пограничныя области.

Наконецъ, лѣтомъ 1757 года, Польша увидѣла проходившую восьмидесятитысячную армію; сначала шли легковооруженные отряды, посланные авангардомъ,—донскіе казаки, алчные и жестокіе, калмыки, пришедшіе изъ предѣловъ Азіи, безпорядочныя и хищныя орды, относившіяся къ области, которую они должны были мирно пройти насквозь, какъ къ завоеванной странѣ. Затѣмъ шла регулярная армія, состоявшая изъ грубыхъ крестьянъ, собранныхъ съ сѣвера и центра имперіи. Они опустошали методично, съ упорной ненавистью русскихъ, земли своего западнаго сосѣда. Полки слѣдовали за полками, каждый тащилъ или разрушалъ то, что щадили его предшественники. Требованія, злоупотребленія, возникавшія со стороны начальства, военныя экзекуціи,— все пришлось перенести Польшѣ отъ этихъ странныхъ союзниковъ и въ мирное время она претерпѣла всѣ ужасы войны. Ея мученія грозили продолжаться, потому что похитители устроили запасные магазины и поставили гарнизоны на ея территоріи. Ихъ грабительство возмущало всѣхъ поляковъ, которыхъ принципы или ихъ интересы не связывались съ Россіей. Многочисленная группа, называвшая себя „патріотической партіей“, предлагала

дѣйствовать суровыми мѣрами и говорила о возстаніи. Во время различныхъ кризисовъ, переживаемыхъ страной, эта партія имѣла привычку обращать взоры къ отелю королевскаго посланника въ Варшавѣ, увѣренная, что найдетъ тамъ ободреніе и опору. Также и на этотъ разъ она обратилась къ французскому представителю. Что могли ей отвѣтить, пока Франція и Россія дѣйствовали заодно? Людовикъ XV, избравшій новую систему, которая привела къ подписанію двухъ договоровъ между Версалемъ и австрійскимъ домомъ и къ присоединенію петербургскаго двора къ этому великому дипломатическому акту, долженъ былъ бы зрѣло обдумать и взвѣсить послѣдствія предпріятія, которое онъ взялъ на себя. Но абсолютнымъ условіемъ всякаго соглашенія съ Россіей было полное воздержаніе Франціи отъ вмѣшательства въ польскія дѣла. Какъ ни тяжело было бы для самолюбія сердца и интимныхъ чувствъ короля принести въ жертву старинныхъ союзниковъ, надо было рѣшиться на это, чтобы не осудить Францію на безконечныя затрудненія. Невозможно было, чтобы Франція требовала отъ правительства царицы честнаго содѣйствія, въ то же время, какъ въ Варшавѣ партія, организованная, воодушевленная и подкупленная французами, продолжала открытую борьбу противъ Россіи. На этой почвѣ эта держава не знала справедливости: не стремясь включить Польшу въ свою имперію, она смотрѣла на нее, какъ на область, въ которой она не допускала, чтобы какое-либо вліяніе соперничало съ нею. „Зачѣмъ вамъ мѣшаться въ наши ссоры съ Польшей?—говорили министры Елизаветы.—Намъ же нѣтъ дѣла до споровъ, которые вы можете вести съ швейцарскими кантонами“. Слѣдовательно, если ужъ королю, по великодушнымъ мотивамъ, дѣлавшимъ ему честь, хотѣлось облегчить страданія Польши во время занятія войскомъ, то ему приходилось дѣйствовать съ крайней осторожностью, и его замѣчанія русскому правительству должны были дѣлаться дружественнымъ и довѣрчивымъ тономъ и вмѣсто того, чтобы усиливать взаимную ненависть, онъ старался ее смягчить.

Министры Людовика XV, казалось, поняли необходимость политики умѣренной и мирной; аббатъ де Берни, стоявшій

съ конца іюня во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, придавалъ слишкомъ большую важность главной цѣли великаго союза—униженію Пруссіи, чтобы всѣ другія соображенія не казались ему второстепенными.

И на этотъ разъ король украдкой дѣйствовалъ въ разрѣзъ съ своимъ совѣтомъ. Тайная дипломатія, разстроенная на нѣкоторое время опалой принца Конти, снова вступила въ свои права подъ личнымъ руководствомъ монарха и скоро стала въ открытую оппозицію съ министрами. Отставая отъ офиціальной политики, она продолжала основываться на принципахъ, царившихъ съ 1748 г. по 1755 г. и высказавшихся въ усиленіи непріязни противъ двухъ имперскихъ дворовъ, особенно же противъ петербургскаго. Съ свойственными ему нерѣшительностью и вѣроломствомъ, составлявшими неискоренимый его недостатокъ его характера, Людовикъ XV подрывалъ украдкою систему, которой слѣдовалъ открыто. Если онъ призналъ русскій союзъ, какъ временную необходимость, и согласился воспользоваться арміей Елизаветы, чтобы наказать Фридриха, онъ не отказался сразиться съ Россіей за Варшаву и не согласенъ былъ уступить права высокаго покровительства, которое онъ присвоилъ себѣ надъ республикой. Одинъ изъ главныхъ упрековъ, поставленныхъ ему потомствомъ, было, что онъ съ преступнымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на разореніе Польши. Въ дѣйствительности же одною изъ его наиболѣе важныхъ ошибокъ было то, что въ продолженіе всей семилѣтней войны онъ жертвовалъ существенными интересами Франціи исключительной, страстной и безразсудной пріязни къ Польшѣ.

Посланникомъ Франціи въ Варшавѣ былъ все еще графъ де Брольи; послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отпуска, онъ снова возвратился на свой постъ, по именному приказу короля, 1-го іюля 1757 г., въ то время, когда первые русскіе батальоны достигли Нѣмана. Зачѣмъ Франція, когда ей было необходимо щадить Россію, послала въ Польшу бурнаго дипломата, знаменитаго своими выпадами противъ русскаго вліянія, кажется очень страннымъ. А еще удивительнѣе содержаніе секретныхъ инструкцій,

данныхъ ему. Людовикъ XV приказалъ ему черезъ Терсье „въ случаѣ, когда не будетъ возможности примирить необходимыя уступки Россіи съ чувствами, которыя король питалъ всегда къ Польшѣ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе интересамъ Польши“*).

Графъ получилъ отъ де Берни приказанія, прямо противоположныя: онъ не поколебался ихъ нарушить, чтобы приноровиться къ приказаніямъ государя. Едва вернувшись на арену своихъ первыхъ подвиговъ, онъ беретъ на себя роль мстителя за обиды республики и не только выслушиваетъ, но даже старается возбудить жалобы поляковъ. Онъ дѣлаетъ изъ своего отеля мѣсто свиданія всѣхъ недовольныхъ, принимаетъ угнетенныхъ, возбуждаетъ ихъ сопротивленіе, выставляетъ всѣ ихъ обиды на видъ королю Августу, сопровождая ихъ язвительными комментаріями, и диктуетъ угрожающія ноты по адресу петербургскаго кабинета. Онъ добивается, такимъ образомъ, того, что движеніе русскихъ полковъ останавливается. Боясь возстанія, они подвигаются только съ крайней осторожностью, оставляя Пруссіи время организовать свою защиту.

Однако, Берни старался умѣрить опасную горячность французскаго посланника; Терсье жа поощрялъ графа именемъ короля.**) Правитель канцеляріи дѣлаетъ больше: обязанный по своей должности вести офиціальную корреспонденцію, онъ старался въ депешахъ, имъ составляемыхъ, если не передѣлать, то по крайней мѣрѣ ослабить мысль, которую ему поручалось выразить. „Я постараюсь“, писалъ онъ графу, „никогда ничего не ставить, что бы противорѣчило приказамъ короля, чтобы вамъ было удобнѣе“. ***) Вскорѣ де Брольи уже не удовольствовался извѣщеніями въ рѣзкой формѣ о безпорядкахъ и невоздержанности оккупаціонной арміи: узнавъ, что Россія, по случаю смерти Августа III, намѣревается рекомендовать его старшаго сына на голосованіе сейма, онъ постарался возбудить противъ этой кандидатуры всю знать и объединить ее на избраніи другого сына цар-

*) Тайная переписка, 1757 г.

**) Тайная переписка. Терсье—Брольи, 2 дек. 1757 г.

***) Терсье—Брольи, 21 окт. 1757 г.

ствующаго государя. Въ концѣ-концовъ терпѣніе де Берни лопнуло; онъ обратился къ посланнику съ строгимъ выговоромъ; Брольи тотчасъ написалъ королю, прося его подтвердить или же отмѣнить его частные приказы. *) Попавши между своими министрами и агентами, Людовикъ XV боялся одного: чтобъ его тайны не обнаружились. Онъ рѣшилъ не отвѣчать и снова вернулся къ своимъ удовольствіямъ. „Очень печально", писалъ графъ къ Терсье, „что его величество не имѣетъ и четверти часа въ продолженіе дня, чтобы посвятить дѣламъ", и въ ожиданіи онъ дѣйствовалъ только, какъ ему было угодно.

Французская политика, однако, еще не дошла до послѣдняго слова своихъ противорѣчій. Между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ л'Опиталь получалъ совѣтъ щадить великую княгиню Екатерину и ея фаворита Понятовскаго, въ Варшавѣ де Брольи не щадилъ никакихъ усилій, чтобы достигнуть отставки молодого посланника. Такъ какъ князья Чарторижскіе стояли во главѣ русской партіи, то онъ полагалъ, что присутствіе ихъ племянника при императорскомъ дворѣ, особенно съ офиціальнымъ титуломъ, составляло постоянную опасность для польскихъ свободъ. Онъ настаивалъ съ такимъ упорствомъ и искусствомъ у курфюрста-короля, что достигъ отозванія Понятовскаго. Понятно, каково было отчаяніе Екатерины при этомъ извѣстіи, которое такъ жестоко сокрушало ея сердце, и какая жестокая ненависть скопилась въ этой пылкой и мстительной душѣ противъ виновниковъ ея горя. Благодаря этой двойственной и необдуманной политикѣ, Франція заготовила сама оружіе своимъ противникамъ и врагамъ, которые представляли ее въ Петербургѣ, какъ союзницу вѣроломную, ради которой было бы безразсудно подвергнуть себя непріятности навсегда. Великобританскій король, послалъ на мѣсто Уильямса министра очень благоразумнаго и не менѣе способнаго, Кейта, вліяніе котораго скоро стало чувствоваться. Екатерина и Бестужевъ набирались смѣлости; довольствуясь до тѣхъ

*) Брольи королю, 5 сент. 1757 г.

поръ задержкой Апраксина, они отдали тайно приказъ остановить его. *)

Русскія войска ступили, наконецъ, на прусскую территорію. Перейдя Нѣманъ, занявъ незначительный городъ Мемель и обойдя Кенигсбергъ, они находились въ виду непріятельскаго корпуса Левальда, который Фридрихъ послалъ имъ навстрѣчу.

Сраженіе произошло при Гросъ-Егерсдорфѣ: оно было жаркое и кровопролитное. Пруссаки оставили пять тысячъ мертвыхъ на мѣстѣ; русскіе почти столько же; но послѣдніе, благодаря численному превосходству, удержали за собой поле битвы. Чтобы повиноваться приказамъ своихъ петербургскихъ друзей, Апраксинъ тщательно избѣгалъ повторять битву на другой день. Онъ возвратился въ свой лагерь, принялъ оборонительное положеніе и, сдерживая пылъ своего войска, старался получить прощеніе за свою невольную побѣду. Россія окончательно намѣревалась исчезнуть съ театра главныхъ военныхъ дѣйствій.

Чтобы побѣдить колебаніе союзниковъ Франціи и заставить ихъ снова перейти къ наступленію, оставалось одно только средство: самой Франціи достигнуть рѣшительнаго успѣха. Какъ и прежде, храбрость французскихъ солдатъ должна была, казалось, исправить слѣдствія слабости и легкомыслія французской дипломатіи. Времени нельзя было терять. Австрійцы вели кампанію съ начала года, но ихъ силы начали истощаться; послѣ ихъ побѣды у Коллина, они освободили Прагу, заняли Пруссію, взяли Бреславль и Швейдницъ, но не завоевали окончательно Силезію, которую Фридрихъ оспаривалъ у нихъ шагъ за шагомъ. Одни они не могли справиться съ общимъ врагомъ и ждали, чтобы выступленіе Франціи на поприще борьбы заставило Россію снова двинуться впередъ. Французы перешли Рейнъ съ весны, затѣмъ маршалъ д'Эстре употребилъ четыре мѣсяца на завоеваніе Ганновера; гоня передъ собой армію герцога Кумберландскаго, онъ разбилъ ганноверцевъ при Гастенбекѣ; его преемникъ Ришелье загналъ ихъ къ Эльбѣ и могъ бы ихъ взять до послѣдняго. Но

*) Л'Опиталь, 14 мая 1758 г.

вмѣсто того, чтобы добиться ихъ капитуляціи, онъ дозволилъ имъ заключить договоръ, извѣстный подъ именемъ *Клостерзевенской конвенціи,* по которому они обязывались нейтралитетомъ. Они, впрочемъ, его не сохранили. Между тѣмъ, вторая французская армія вступила въ Германію подъ начальствомъ принца Субиза. Она имѣла задачей, собравъ въ Тюрингіи войска изъ германскихъ округовъ, двинуться прямо въ Саксонію и вступить въ борьбу съ Фридрихомъ одинъ на одинъ. Прусскій король оставилъ Силезію, чтобы итти навстрѣчу французамъ. Европа ожидала новости о великомъ столкновеніи; старая слава французской арміи, свѣжее воспоминаніе о Фонтенуа, Року, Магонѣ, заставляли вѣрить въ побѣду Франціи или по крайней мѣрѣ ожидать нѣсколькихъ битвъ кровавыхъ и спорныхъ.

Встрѣча произошла при Росбахѣ. Росбахъ, это наименованіе звучитъ еще печально въ сердцахъ всѣхъ французовъ, даже послѣ многихъ побѣдъ и бѣдствій Франціи. Въ этотъ день, когда изумленіе превратилось въ катастрофу, когда пятьдесять тысячъ людей почти безъ битвы обратились въ бѣгство передъ двадцатью-пятью тысячами, оставляя свое оружіе, пушки, знамена, въ этотъ день позоръ прибавился къ несчастьямъ Франціи. Фридрихъ могъ преслѣдовать остатки арміи де Субиза, но онъ предпочелъ вернуться къ австрійцамъ, которые продолжали подвигаться къ Силезіи. Пятаго декабря, ровно мѣсяцъ послѣ Росбаха, онъ разбилъ при Лиссѣ армію маршала Дауна и отбросилъ ее въ Моравію. События, совершившіяся на берехъ Заала и Одера, отражались и на берегахъ Нѣмана. Фельдмаршалъ Апраксинъ, воспользовавшись временнымъ ухудшеніемъ въ здоровьѣ Елизаветы, самовольно распорядился начать отступленіе. Онъ перевелъ свои войска обратно въ Курляндію и расположилъ ихъ тамъ на зимнія квартиры. Такимъ образомъ кампанія кончилась къ славѣ Пруссіи, и Фридрихъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, гдѣ ему готовилась погибель.

II.

Побѣда при Росбахѣ удовлетворила и ненависть враговъ Франціи и зависть ея союзниковъ. Марія-Терезія сердилась на неудачи въ концѣ кампаніи, оплакивала Силезію, утраченную ею вторично, но не могла безъ тайнаго удовольствія видѣть неудачу французскаго оружія, успѣхи котораго столько разъ унижали Австрію. Къ довершенію несчастья, и въ самой Франціи чувство національной гордости дремало. Общество присутствовало при борьбѣ, какъ равнодушный зритель; отзывчивое, какъ всегда, на смѣлось и ловкость, оно привѣтствовало Фридриха, встрѣчая родныхъ солдатъ насмѣшками и свистками. Въ этотъ печальный періодъ проявленія участія къ несчастьямъ, постигшимъ Францію, были настолько рѣдки, что они заслуживаютъ вниманія и благодарности потомства. Въ то время какъ Парижъ сталъ на сторону враговъ, а Вольтеръ въ своихъ стихахъ прославлялъ короля прусскаго, на другомъ концѣ Европы сердце женщины-государыни истекало кровью при извѣстіи о неудачѣ Франціи. Елизавета серьезно опечалилась, узнавъ о битвѣ при Росбахѣ, и сообщила объ этомъ Людовику XV въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. „Прошу васъ, м. г.“, говорила она Л'Опиталю, „передать королю, что я никогда не забываю его и сочувствую ему во всѣхъ случаяхъ, касающихся его“.

„Она подкрѣпила эти слова,—говоритъ Л'Опиталь,—жестомъ, положивъ руку на сердце“.

Между тѣмъ какъ за пораженіемъ при Росбахѣ слѣдовали другія, и въ первыхъ мѣсяцахъ 1758 г. завоеванія Франціи въ Гановерѣ и Вестфаліи одно за однимъ уходили изъ ея рукъ, царица относилась къ Л'Опиталю съ удвоенной предупредитель-

ностью. Если французскій посолъ появлялся съ физіономіей болѣе озабоченной, чѣмъ обыкновенно, если бюллетени врага или газетныя сообщенія сообщали о новомъ пораженіи, преувеличивая его, Елизавета непрестанно подходила и, взявъ его, какъ близкаго человѣка, за руку, говорила: „Милый мой посланникъ, я прошу васъ не огорчаться черезчуръ; подождемъ подробностей; вѣдь всегда преувеличиваютъ“. *)

Въ душѣ императрицы къ горести примѣшивалось раскаяніе; не на нее ли падала въ значительной степени отвѣтственность за общее несчастье, если она безнаказанно позволяла своимъ генераламъ преступать ее приказанія и помогать врагу своей вялостью? Росбахъ и Лисса какъ-будто заставили ее выйти изъ ея оцѣпенѣнія. Среди зимы, въ январѣ мѣсяцѣ, она приказала своимъ войскамъ, несмотря на холодъ и снѣгъ, возобновить безотлагательно военныя дѣйствія, снова двинуться за Нѣманъ и итти прямо на Кенигсбергъ. Апраксинъ, отрѣшенный отъ командованія и замѣненный генераломъ Ферморомъ, былъ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ въ Петербургъ, для отвѣта за свой образъ дѣйствія. Фельдмаршалъ былъ не болѣе, какъ орудіе измѣны: Елизавета поняла, что главныхъ руководителей надо искать выше и ближе къ трону. Уже нѣсколько времени немилость Бестужева была у нея дѣломъ рѣшеннымъ, и императрица ждала только удобнаго случая. **) Вмѣстѣ съ Апраксинымъ были взяты и его бумаги и къ разсмотру ихъ приступила особая комиссія. Въ нихъ нашлись подавляющія свидѣтельства противъ канцлера. Оказалось, что фельдмаршалъ далъ Екатеринѣ клятву не двигать армію безъ ея разрѣшенія, а великая княгиня, видя, что императрица безповоротно рѣшила начать зимнюю кампанію, послала Апраксину нѣсколько собственноручныхъ строкъ, освобождая его отъ взятаго на себя обязательства. Бестужевъ служилъ посредникомъ въ этой перепискѣ и согласился передать записку.

*) Л'Опиталь, 19 іюля 1758 г.

**) „Потерпите,—говорила Елизавета австрійскому послу,—мы скоро отъ него отдѣлаемся“. Л'Опиталь, 29 января 1758 г.

Тогда Елизавета рѣшилась нанести ударъ измѣнившему ей министру, надѣясь одновременно уничтожить интриги великой княгини.

Канцлеръ пытался увѣреніями и разными уловками отвратить грозившій ему, какъ онъ чувствовалъ, ударъ. Когда ему сообщили объ арестѣ Апраксина, онъ воскликнулъ: „Онъ былъ мнѣ другомъ, но будь онъ мнѣ даже отецъ, я скажу, что онъ заслуживаетъ строжайшаго наказанія". Ему удалось усыпить подозрительность маркиза Л'Опиталя, который наивно радовался, что заставилъ его служить своему дѣлу. На французскаго посла не падаетъ нисколько вины въ немилости, постигшей смертельнаго врага Франціи. 25 февраля 1758 г. Бестужевъ входилъ въ зимній дворецъ, какъ часовые, вмѣсто того, чтобы отдать ему честь, окружили его и арестовали. Его заключили въ собственномъ домѣ, и два часовыхъ дежурили у него днемъ и ночью въ спальнѣ. Съ невѣроятной смѣлостью Екатерина рѣшилась написать ему, и ея письмо дошло, но отвѣтъ былъ перехваченъ. Приближенные слуги великой княгини были тотчасъ арестованы. Елизавета намѣревалась поступить съ ней жестоко, и Екатерина думала, что все погибло *).

Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста канцлера, таинственный посланный отъ великой княгини велѣлъ доложить о себѣ королевскому послу. То былъ французъ по имени Ремберъ, „вхожій къ ней и дававшій ей много денегъ взаймы" **), какъ писалъ о немъ Л' Опиталь. При посредствѣ этого посланнаго Екатерина рѣшилась извиниться за свой образъ дѣйствія въ прошломъ. Теперь она просила у французскаго посла совѣта и поддержки. Черезъ нѣсколько дней она повторила ту же просьбу черезъ одного изъ офицеровъ, состоявшихъ при великомъ князѣ. Маркизъ не воспользовался представившимся случаемъ, чтобы связать Екатерину съ Франціей, если не узами благодарности, то по крайней мѣрѣ выгодой. Онъ передалъ Воронцову о томъ, съ

*) Л'Опиталь, 14 мая, 1758 г. Эта депеша содержитъ подробный разсказъ о министерской революціи въ Россіи. Ср. выдержки изъ корреспонденціи англійскаго посланника, опубликованныя въ книгѣ „Россія сто лѣтъ назадъ".

**) Л'Опиталь, 24 марта 1778 г.

чѣмъ къ нему обратились, и не сдѣлалъ ничего въ пользу Екатерины, боясь навлечь неудовольствіе Елизаветы. Быстро оправившись, Екатерина вернулась къ своему высокомѣрію, заперлась въ своихъ аппартаментахъ и просила отпустить ее обратно въ Германію. Не рѣшаясь на окончательный разрывъ, Елизавета послала къ великой княгинѣ Воронцова съ предложеніемъ покориться; но эта неукротимая душа оставалась непреклонной. Утомившись борьбой, Елизавета предложила прощеніе безъ всякихъ условій, и Екатерина согласилась принять его.

Между обѣими женщинами не произошло никакого объясненія, не было обмѣна никакихъ обѣщаній. Однажды вечеромъ дворъ, собравшійся въ дворцовомъ театрѣ на французскій спектакль, увидалъ, что великая княгиня вошла въ свою ложу рядомъ съ ложей императрицы, пустовавшую три мѣсяца. Такимъ образомъ, Екатерина показала свое намѣреніе снова занять положеніе, отъ котораго, казалось, намѣревалась отказаться. Однако, партія молодого двора какъ бы пала духомъ; главные ея совѣтчики исчезали одинъ за другимъ. Послѣ Уильямса долженъ былъ удалиться Понятовскій. Апраксинъ былъ найденъ мертвымъ въ каретѣ, перевозившей его въ Петербургъ. Особая комиссія подробно занималась процессомъ Бестужева; затѣмъ императорскимъ указомъ онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и лишенъ чиновъ за измѣну ея величеству. Его имѣнія были отобраны, а онъ самъ, хотя, по словамъ указа, и заслуживалъ смерти, былъ сосланъ на вѣчное житье въ Сибирь. Бестужевъ отправился въ ссылку, какъ его предшественникъ Биронъ, Минихъ и Остерманъ. Воронцовъ получилъ званіе канцлера, и съ этихъ поръ въ его рукахъ сосредоточилось верховное управленіе дѣлами. Великая княгиня на нѣкоторое время стушевалась; что же касается ея мужа, то онъ утѣшился, прибавивъ хоръ музыкантовъ къ своимъ тремъ батальонамъ *). Встрѣтивъ Л'Опиталя черезъ нѣсколько дней послѣ переворота въ министерствѣ, Петръ сказалъ ему: „Какъ жаль,

---

*) Л'Опиталь, 30 октября 1758 г.

что мой другъ Ла-Шатерди умеръ. Онъ бы порадовался, узнавъ о судьбѣ Бестужева“ *).

„Событія въ Россіи могутъ спасти отечество“, писалъ 24 марта 1758 г. Берни **). Дѣйствительно, побѣжденные при Росбахѣ и Лиссѣ, французы одержали побѣду въ Петербургѣ, и эта побѣда, одержанная среди зимы, когда пушки молчали почти повсюду, была отчасти дѣломъ тонкой дипломатіи и геройскихъ усилій Фридриха. Елизавета, снова овладѣвъ съ помощью насилія властью, ускользавшей отъ нея, намѣревалась воспользоваться этой властью, чтобы укрѣпить связи съ своими союзниками, а главное—съ Франціей.

„Между мною и королемъ существуетъ старинная симпатія, — говорила она Л'Опиталю, — симпатія, возникшая еще съ дѣтства. Вы можете увѣрить его, что я не измѣнюсь и постоянно буду давать ему искреннѣйшія доказательства моей дружбы, точно такъ же, какъ разсчитываю на его расположеніе... Вы можете увѣрить короля, что я буду всѣми силами способствовать выполненію всѣхъ его плановъ, точно такъ же, какъ увѣрена, что онъ займется моими. Планы же мои въ настоящее время клонятся къ тому, чтобы обуздать короля прусскаго“. Въ то же время Елизавета приглашала Людовика XV присоединиться къ конвенціи, подписанной ею 22 іюня 1757 г. съ императрицей - королевой, по смыслу которой, она взяла на себя обязательство содержать постоянную армію изъ двадцати четырехъ тысячъ солдатъ на службѣ общаго дѣла. Елизавета пошла еще дальше. Она снова зондируетъ французскій дворъ относительно его взглядовъ на прямой союзъ. И въ это время между королемъ и Елизаветой начинается переписка, которую намѣревались начать годъ тому назадъ и главнымъ передаточнымъ пунктомъ которой служилъ кавалеръ д'Эонъ.

Молодой человѣкъ вернулся въ Россію въ концѣ 1757 г., привезя обезкураживающій отвѣтъ принца Конти. Не такое пору-

---

*) Л'Опиталь, 10 марта 1758 г.

**) Переписка Берни, изд. Массонами.

ченіе онъ мечталъ положить къ стопамъ императрицы. Правда, что Терсье постарался вознаградить его. Въ скромный багажъ д'Эона онъ положилъ экземпляръ „*Духа законовъ*" Монтескьё, который кавалеръ считалъ драгоцѣннѣе всего своего имущества. Переплетъ книги состоялъ изъ двухъ слоевъ — верхней крышки изъ кожи и второй изъ мраморной бумаги, склеенныхъ крѣпко между собой по краямъ. Между этими двумя покрышками искусная рука помѣстила шифръ, которымъ должны были пользоваться Людовикъ XIV и Елизавета. Къ шифру было приложено письмо Терсье къ Воронцову, въ которомъ, отъ имени короля, возобновлялось предложеніе начать тайную переписку *).

Воронцовъ немедленно далъ отвѣтъ, что мысль и способъ ея выполненія встрѣтилъ одобреніе отъ государыни. Этотъ отвѣтъ прибылъ въ Парижъ въ февралѣ 1758 г., какъ разъ во время паденія Бестужева.

Между тѣмъ какъ желаніе сближенія со стороны Елизаветы росло, король въ этомъ отношеніи какъ бы охладѣвалъ. Взявъ первый инициативу проекта, онъ колебался привести его въ исполненіе, боясь принять безповоротныя обязательства относительно Россіи. Онъ просилъ Терсье, своего обычнаго совѣтчика въ этихъ дѣлахъ, представить ему докладную записку по этому вопросу. Терсье добросовѣстно повиновался и, передавъ въ безпристрастномъ разсказѣ исторію секретной переписки въ Россіи, прибавилъ свои личныя соображенія. Этотъ трудъ указываетъ, восхваляя главный недостатокъ политики, которая, привыкнувъ дѣйствовать полумѣрами и говорить намеками, принимала поверхностныя соображенія за глубокіе расчеты и лишала себя притязанія на прямоту, не успѣвая обмануть или разгадать **).

„Повидимому, нельзя сомнѣваться въ искренности намѣреній русской императрицы", писалъ Терсье, „такъ же, какъ въ ея привязанности къ особѣ его величества. Всѣ убѣждены въ непріяз-

*) д'Эонъ самъ разсказывалъ объ этой особенности книги въ письмѣ отъ 28 мая 1776 г.

**) Мы уже приводили нѣсколько мѣстъ изъ этой докладной записки, и эти строки служатъ ея заключеніемъ.

ни царицы къ королю прусскому и даже озлобленіи, вызванномъ въ государынѣ нѣкоторыми поступками его королевскаго величества короля прусскаго. Она желаетъ его притѣснить и покровительствовать королю польскому. Съ другой стороны, природная робость Воронцова мѣшаетъ ему, несмотря на хорошія намѣренія, дѣлать необходимыя представленія императрицѣ. Кромѣ того, онъ боится навлечь на себя неудовольствіе молодого двора, приверженнаго Англіи.

„Несмотря, однако, на сказанное о характерѣ императрицы и ея министра, могутъ случиться счастливыя обстоятельства, когда воспользуются этой перепиской, чтобы довести до свѣдѣнія императрицы вещи, которыя графъ Воронцовъ не былъ бы въ состояніи самъ сказать ей, возбудить ея чувства и предупредить замыслы противъ общаго дѣла, которые могли бы возникнуть въ Петербургѣ со стороны враговъ ея величества, или недоброжелателей.

Повидимому, настоящая корреспонденція можетъ служить для такой цѣли въ продолженіе войны и для мирныхъ переговоровъ.

Такъ какъ его величество съ неослабнымъ интересомъ слѣдитъ также за дѣлами Польши, какъ въ дѣлѣ сохраненія ея свободъ, а также могущаго быть избранія, то при его дальновидности онъ пойметъ, какую пользу возможно извлечь при этомъ изъ такой переписки.

Ваше величество въ состояніи получить, возможность такимъ пріемомъ побуждать русскую императрицу щадить Польскую республику, давая государынѣ знать то, что она никогда не узнаетъ инымъ путемъ, а именно, какой ущербъ поведеніе ея генераловъ наноситъ ея интересамъ...

Можно также обнаружить интриги графа Брюля вмѣстѣ съ Англіей относительно Россіи, уже не говоря о молодомъ дворѣ, и предотвратить послѣдствія.

Изложивъ его величеству мои взгляды на пользу подобной переписки, я обязанъ указать и на неудобства, которыя она можетъ представлять.

О честности графа Воронцова вообще отзываются одобри-

тельно, но можно ли быть убѣжденнымъ въ ней настолько, чтобы довѣриться ей безгранично? Кромѣ того, при дворѣ такомъ неспокойномъ, гдѣ враги ея величества имѣютъ такую силу и ведутъ столько интригъ, министра можетъ постигнуть немилость, тогда его бумаги захвачены и корреспонденція обнаружена даже, можетъ-быть, противъ воли государыни, ужъ не говоря о томъ случаѣ, если бы она умерла. Англія поспѣшила бы воспользоваться подобными разоблаченіями въ своихъ видахъ и представила бы эту корреспонденцію въ ложномъ свѣтѣ въ Вѣнѣ, Константинополѣ, Польшѣ и повсюду, гдѣ сочла бы нужнымъ для своихъ интригъ.

Послѣ этихъ разсужденій, которыми руководило возможное безпристрастіе, кажется, что вниманіе, которое должно быть обращено на желаніе поддерживать подобную переписку, высказанное русской императрицей черезъ ея министра, обязываетъ отвѣтомъ. Но во избѣжаніе неудобствъ, беремъ на себя смѣлость сказать, что подобная переписка вначалѣ должна вестись съ крайней осторожностью и сдержанностью. Слѣдуетъ остерегаться зайти слишкомъ далеко, употребляя, впрочемъ, самыя привѣтливыя выраженія. Очень вѣроятно, что графъ Воронцовъ желаетъ узнать планы его величества, точно такъ же, какъ въ интересахъ короля знать намѣренія не только императрицы, но и русскаго двора. Очень выгодно было бы устроить дѣло такъ, *чтобы узнавать секреты другихъ, не выдавая своего.*

На основаніи этого, сочли удобнымъ въ проектѣ отвѣта графу Воронцову, который имѣетъ смѣлость нынѣ предложить на разсмотрѣніе его величества, ограничиться лишь увѣреніями самой искренней дружбы со стороны короля къ императрицѣ и довѣрія къ ея министру вообще, не входя ни въ какія частныя объясненія... Вотъ какія соображенія мы сочли нужнымъ изложить его величеству. Всенижайше просимъ его отнестись съ полнымъ вниманіемъ. Этотъ вопросъ, столь же щекотливый, сколько и важный, требуетъ самыхъ точныхъ приказаній".

Король всецѣло одобрилъ предложенія де Терсье, и переписка началась на основаніяхъ, указанныхъ въ докладной за-

пискѣ. Собственно, между обоими государями не было обмѣна частными посланіями. Дѣло велось иначе. Четыре или пять разъ въ году, французскій посолъ торжественно передавалъ императрицѣ собственноручное письмо короля, составленное въ офиціальномъ стилѣ по всѣмъ правиламъ этикета. Титулы и формулы вѣжливости занимали половину посланія; вторая была посвящена церемоннымъ увѣреніямъ дружбы, къ которымъ примѣшивалось нѣсколько совѣтовъ. Елизавета спѣшила отвѣтить въ томъ же тонѣ и не менѣе напыщенно. Подобная переписка могла продолжаться долго, не принося никакихъ серьезныхъ результатовъ. Съ своей стороны, графъ Воронцовъ передавалъ де-Терсье подъ величайшимъ секретомъ при посредствѣ кавалера д'Эона написанныя особымъ шифромъ объемистыя посланія, гдѣ излагалъ взгляды, желанія и личныя чувства императрицы. Ни одинъ русскій, кромѣ Олсуфьева, довѣреннаго секретаря Елизаветы, не принималъ участія въ передачѣ этихъ писемъ. Самъ Шуваловъ былъ посвященъ въ секретъ только впослѣдствіи. Терсье посылалъ королю письма съ проектомъ отвѣта, которыя Людовикъ просматривалъ и поправлялъ собственноручно, но которыя секретарь отправлялъ отъ своего имени и за своей подписью. Такимъ образомъ Людовикъ XV и Елизавета писали другъ другу безъ обращенія: они только руководили перепиской, которую вели ихъ довѣренныя лица.

Было бы легко такимъ способомъ передавать въ Петербургъ мудрые совѣты и полезныя указанія и пріобрѣсти на нерѣшительную Елизавету неограниченное вліяніе. Къ несчастью, король французскій слишкомъ подчинялся взглядамъ, высказаннымъ Терсье въ его докладной запискѣ. Боясь себя скомпрометировать, онъ избѣгалъ объясненій по какому-либо поводу, и больше года переписка, на которую онъ согласился какъ бы изъ любезности, ограничивалась общими фразами или безполезными подробностями. Сношенія между королемъ и императрицей приняли характеръ какъ бы разговора двухъ частныхъ лицъ, скорѣе чѣмъ политическаго союза, основаннаго на общности взглядовъ, симпатій и интересовъ.

Елизавета сообщила королю о своихъ болѣзняхъ. Людо-

викъ XV прислалъ ей одного изъ придворныхъ врачей, пользовавшагося во Франціи большой извѣстностью, Пуассонье. По прибытіи въ Петербургъ этотъ посолъ новаго сорта былъ очень хорошо принятъ царицей и Шуваловымъ, но его собратья по профессіи отнеслись къ нему недружелюбно: они боялись его превосходства. Грекъ Кондоиди, обыкновенно лѣчившій Елизавету, объявилъ, что, такъ какъ придворные врачи имѣютъ въ Россіи чинъ генералъ-поручика, то онъ отказывается отъ всякой консультаціи съ французомъ, пока тотъ не получитъ отъ своего государя по крайней мѣрѣ чина статскаго совѣтника. Елизавета видалась съ Пуассонье и пользовалась его совѣтами почти тайкомъ *).

Когда Елизавета бывала здорова, она просила короля доставить ей развлеченіе. Она страстно любила театръ и всегда оказывала предпочтеніе французскому репертуару и игрѣ французскихъ актеровъ. Скучая среди грубыхъ или однообразныхъ развлеченій своего двора, она просила Людовика XV прислать ей двухъ первыхъ актеровъ изъ театра Французской Комедіи — Лекена и мадемуазель Клеронъ. Король считалъ, что соображенія высшей политики не позволяли ему исполнить этого желанія; онъ боялся возбудить неудовольствіе французской публики, отнимая у нея ея любимцевъ. Кардиналъ Берни принялъ на себя передать извиненіе своего короля. Онъ писалъ: „Нѣтъ ничего, чего бы мы не сдѣлали, чтобы выразить императрицѣ нашу готовность быть ей пріятными. Я бы очень желалъ способствовать ея развлеченію, пославъ въ Петербургъ г. Лекена и госпожу Клеронъ; но это оказывается невозможнымъ. Они принадлежатъ королю, который съ радостью уступилъ бы ихъ русской императрицѣ; но они принадлежатъ также публикѣ, какъ входящіе въ составъ труппы Французской Комедіи, которой служатъ главной опорой. Удовольствія парижанъ требуютъ вниманія со стороны правительства. Отнять у Французской Комедіи въ настоящее время этихъ двухъ актеровъ значило бы погубить ее. Если бы въ

*) Л'Опиталь, 14 октября 1758 г.

одной изъ провинціальныхъ труппъ нашлись актеры, достойные играть передъ императрицей, мы сдѣлаемъ все, чтобы препроводить ихъ въ Петербургъ, какъ для удовлетворенія просьбы императрицы, такъ и для распространенія въ иностранной странѣ вкуса къ французскому театру". *)

Въ сношеніяхъ между двумя государями, Елизавета дѣлала всевозможные авансы; Людовикъ XV принималъ ихъ съ изысканной вѣжливостью, но не спѣшилъ на нихъ отвѣчать. Правда, что иногда любезности его державной корреспондентки предшествовали просьбами, исполненіе которыхъ обходилось довольно дорого. Около половины 1757 г. она намекнула черезъ Л'Опиталя, что очень желала бы получить ежегодную субсидію или заемъ въ пять милліоновъ рублей: русская казна была пуста, и императрицѣ трудно было добывать деньги взаймы. Можетъ - быть, оказалось бы выгодно часть огромныхъ субсидій, выплачиваемыхъ Франціей Австріи, передать Россіи. Но ни король, ни его министры не соглашались на это **). Впослѣдствіи Елизавета повторила свою просьбу въ секретной перепискѣ и снова получила отказъ.

Царица больше не настаивала: ея вниманіе обратилось на новый предметъ, потому что онъ заинтересовалъ ея сердце. Великая княгиня была беременна и, несмотря на несогласія свои съ императрицей, не могла не выбрать ее въ крестныя матери своего ребенка. Елизавета соглашалась, но подъ условіемъ, что крестнымъ отцомъ будетъ король французскій. Дугласу, возвращавшемуся во Францію, было поручено конфиденціально сообщить королю объ этомъ желаніи, между тѣмъ какъ Воронцовъ говорилъ съ маркизомъ Л'Опиталемъ, поручая ему предупредить Берни, но подъ секретомъ. Канцлеръ не скрылъ, что его повелительница придавала очень большую цѣну успѣху попытки. Когда ей намекнули, что кромѣ Людовика XV можно имѣть въ

*) Берни по Л'Опиталь, 16 сентября 1757 г.

**) Иностранное дѣло. Письмо Рулье, 24 апрѣля 1757 г.

виду еще принца изъ австрійскаго дома, она отвѣтила съ сердцемъ: „Не хочу никого, кромѣ короля и себя“ *).

Такимъ предложеніемъ нельзя было пренебрегать; принявъ его, король исполнилъ бы завѣтнѣйшее желаніе Елизаветы, отказавшись, онъ рисковалъ ее обидѣть. Кромѣ того, семейныя связи между государями имѣли тогда совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь. Ребенокъ, котораго предстояло крестить, могъ впослѣдствіи вступить на престолъ россійскій и вспомнить, что французскій король былъ его воспріемникомъ. Обсуждались ли подобныя соображенія въ совѣтѣ? Или, по крайней мѣрѣ, были ли они разсмотрѣны въ кабинетѣ, куда Людовикъ XV съ нѣсколькими приближенными направляетъ ходъ своей личной дипломатіи? Сказать трудно. Но какъ бы то ни было, вотъ отвѣтъ кардинала Берни на письмо, въ которомъ Л'Опиталь сообщалъ ему о намѣреніяхъ Елизаветы:

„Милостивый Государь, я передалъ королю о письмѣ, которымъ вы меня почтили и которое заключаетъ выраженіе желанія императрицы русской воспріять изъ купели младенца, въ скоромъ времени ожидаемаго великой княгиней, вмѣстѣ съ его величествомъ. Его величество по своей набожности никогда не смотрѣлъ, какъ на простую церемонію, на обязательства, принимаемыя крестнымъ отцомъ, обязательства, налагающія отвѣтственность слѣдить насколько возможно, чтобы ребенокъ воспитывался въ католической вѣрѣ. А такъ какъ императрица россійская, великій князь и великая княгиня исповѣдаютъ греческую религію, то имѣющій родиться младенецъ, по законамъ страны, долженъ быть воспитанъ въ ней же, и его величество не рѣшается стать воспріемникомъ младенца, который не будетъ крещенъ и наставляемъ въ католической вѣрѣ. Онъ уже отказалъ нѣсколькимъ владѣтельнымъ особамъ, обращавшимся къ нему съ подобной просьбой. Поэтому, при всемъ желаніи показать Европѣ, что онъ продолжаетъ питать прежнія чувства къ императрицѣ россійской и что поведеніе фельдмаршала Апраксина не вызвало ни-

---

*) Л'Опиталь, 16 сентября 1757 г.

какихъ измѣненій, его величество не можетъ выполнить желаній императрицы. Если съ вами заговорятъ объ этомъ, вы должны выставить эти причины и объяснить, что религіозные принципы являются единственной причиной" *).

Эти послѣднія слова кажутся ироніей; что касается до религіозныхъ сомнѣній —они были удивительны у Людовика XV, но мы не откажемся имъ вѣрить. Если совѣсть короля молчала передъ его страстями, то она не теряла вполнѣ своихъ правъ и иногда вознаграждала себя, не щадя народныхъ интересовъ: она запретила союзъ съ турками и запрещала слишкомъ тѣсный союзъ съ императрицей-схизматичкой. Елизавета не замѣнила никѣмъ Людовика XV, не назначила воспріемника молодому князю и принимала его отъ купели при крещеніи одна.

Отказъ короля оскорбилъ ея женское самолюбіе; наши политики не щадили монархиню. Въ Польшѣ французское представительство не измѣнилось. Правда, Берни достигъ, наконецъ, отставки де Брольи, который свое посольство промѣнялъ на командованіе въ арміи, воевавшей въ Германіи. Но графъ, удаляясь изъ Варшавы, оставилъ тамъ, какъ повѣреннаго въ дѣлахъ, ученика и кліента, Дюрана, которому внушилъ свои собственные принципы. Брольи сверхъ того скоро долженъ былъ принять наслѣдіе принца де Конти и ему было поручено общее управленіе секретной дипломатіей. Письма, которыя онъ писалъ изъ лагерей гессенскаго и вестфальскаго Дюрану, предписывали этому агенту продолжать борьбу противъ русскаго вліянія. Въ то же время версальскій дворъ отказывался формально приступить къ новому договору, заключенному между двумя императрицами, и скрѣпить такимъ образомъ узы, уже связывавшія Францію съ Россіей **). Франція съ своей стороны заключила нѣкоторыя частныя соглашенія съ Вѣной, имѣвшія цѣлью обезпечить двумъ державамъ территоріальныя выгоды, въ случаѣ успѣха ихъ армій: какъ только она завоевала бы Силезію, Австрія должна была бы

---

*) Берни къ Л'Опиталю, 16 октября 1757.

**) Берни и Л'Опиталь, 11 августа и 8 октября 1758 г.

уступить нѣкоторыя части Нидерландовъ, а остальное передать принцу изъ дома бурбоновъ. Эти условія были включены во второй Версальскій договоръ 1-го мая 1757 года, но подъ видомъ секретныхъ пунктовъ, и не были сообщены Россіи. Эта держава была извѣщена объ этомъ частнымъ образомъ и была удивлена недовѣрчивостью къ себѣ. Елизавета жаловалась устами Воронцова:

„Я долженъ вамъ отдать отчетъ", писалъ Л'Опиталь Берни, „о той откровенной бесѣдѣ, которую Воронцовъ велъ со мной, скорѣе какъ съ другомъ, чѣмъ съ министромъ, извѣстивъ и о томъ, что онъ просилъ меня сообщить Вамъ. Онъ мнѣ сказалъ: Я не долженъ отъ васъ скрывать, что ея императорское величество извѣщена съ разныхъ сторонъ, что Франція и вѣнскій дворъ условились между собой о нѣкоторыхъ взаимныхъ выгодахъ, и говорятъ будто, Франція получитъ во Фландріи часть земель императрицы-королевы. Такъ какъ эти новости считаются за вѣрныя — не лучше ли было бы, чтобы вашъ дворъ дружески сообщилъ ея императорскому величеству эти секретные пункты. Это доказало бы императрицѣ довѣріе короля къ ней. Ея величество не злоупотребила бы имъ и, напротивъ, вѣроятно, отнеслась бы сочувственно къ этимъ желаніямъ. Если же, напротивъ, все, что ей сообщили за истину, ложно, то она можетъ смѣло отвергнуть эти свѣдѣнія, какъ не согласныя съ истиной. Благодаря этому поведенію, вы съ нашей стороны вызвали бы подобное же довѣріе къ намѣреніямъ, которыя императрица могла бы имѣть въ моментъ мира. Однимъ словомъ—это оружіе противъ тѣхъ, кто постарался бы уменьшить довѣріе, которое такъ драгоцѣнно и такъ необходимо поддерживать и даже увеличить. Онъ добавилъ, что ея величество питаетъ искреннюю любовь къ императрицѣ-королевѣ, но она будетъ претендовать, если король окажетъ предпочтеніе этому двору, обратившись по заключеніи мира къ Вѣнѣ, вмѣсто того, чтобы сноситься непосредственно съ ея министромъ" *).

Франція отвѣтила на это выступленіе только неопредѣлен-

*) Л'Опиталь, 14 мая 1758 г.

ными увѣреніями въ дружбѣ и не постаралась удовлетворить любопытство царицы, а также не успокоила ее относительно своихъ намѣреній. Пытаясь сблизиться съ Людовикомъ XV, Елизавета искала руководства и помощи противъ своей собственной слабости; она ихъ не нашла. Предоставленная самой себѣ и какъ бы утомленная отъ порыва энергіи, благодаря которому она избавилась отъ своего перваго министра, она снова впала въ апатію, которая огорчала тихаго Воронцова, но которую онъ не могъ побѣдить. Неизмѣнная въ своихъ привязанностяхъ и въ ненависти, она искренне желала доставить своимъ союзникамъ дѣйствительную помощь и способствовать уничтоженію Фридриха, но колебалась въ исполненіи своихъ плановъ. Всякій рѣшительный шагъ ее пугалъ; отдать приказаніе было для нея мученіемъ. Подъ этимъ постояннымъ, но слабымъ импульсомъ Россія потратила безконечно много времени, чтобы развернуть свои силы; и только въ моментъ, когда война приближалась къ концу и когда ея союзники были истощены, мы видимъ, что она играетъ роль, соотвѣтствующую дѣйствительной степени ея могущества.

Русская армія открыла дѣйствія своихъ орудій первый разъ въ кампаніи 1758 года. Въ январѣ мѣсяцѣ она перешла Нѣманъ по льду, безъ кровопролитія вступила въ Кёнигсбергъ и заняла восточную Пруссію. Послѣ этого завоеванія, чтобы углубиться до центра Прусскаго государства, ей нужно было снова пройти по польской территоріи и пересѣчь палатинаты Торна и Помераніи. Русскіе двигались небольшими переходами, разоряя безъ различія друзей и враговъ, Пруссію и Польшу; ни начальники, ни солдаты не спѣшили двигаться навстрѣчу врагу: какъ по таланту, такъ и по дѣятельности Ферморъ стоилъ Апраксина. Неопытность начальства, отсутствіе дисциплины въ войскѣ, недостатокъ провіанта и боевыхъ запасовъ замедляли движеніе арміи; скудныя средства захваченной страны были скоро истощены, и нужно было извлекать припасы изъ магазиновъ, расположенныхъ въ ста миляхъ позади.

Еще другая причина пріостанавливала операціи. Изъ всѣхъ армій, соединенныхъ противъ Фридриха, одна только русская

начинала тогда атаку и не имѣла поддержки со стороны союзниковъ. На другомъ концѣ театра войны французы опять перешли въ безпорядкѣ Рейнъ, были прогнаны обратно принцемъ Брауншвейгскимъ и нашли въ Крефельдѣ новый Росбахъ (25 іюня). Что касается Австріи, то Фридрихъ имѣлъ смѣлость атаковать ее на ея собственной территоріи въ Моравіи; фельдмаршалъ Даунъ защищалъ съ большимъ трудомъ городъ Ольмюцъ и ждалъ, чтобы успѣхи русскихъ освободили его. Онъ ждалъ долго. Въ іюнѣ русскіе были только въ Познани; въ іюлѣ они достигли, наконецъ, Бранденбурга и выстроились эшелонами на Одерѣ. Ихъ правое крыло старалось соединиться съ шведами, которые слабо оперировали въ Помераніи, а центръ подъ начальствомъ Фермора атаковалъ и бомбардировалъ Кюстринъ. Внезапно главные караулы замѣтили главную прусскую армію, сопутствуемую лично Фридрихомъ. Отбитый передъ Ольмюцемъ и узнавъ о приближеніи русскихъ, король перешелъ поспѣшно черезъ Богемію и Саксонію и полетѣлъ на помощь угрожаемому Берлину. Сраженіе произошло 25-го августа близъ Цорндорфа; послѣ долгихъ часовъ боя обѣ арміи остались на своихъ позиціяхъ. Казалось, что русскіе не могли ни побѣдить, ни быть побѣжденными; находясь подъ слишкомъ плохой командой, чтобы одержать рѣшительный перевѣсъ, они боролись, благодаря своей численности и храбрости противъ геніявеликаго Фридриха. На другой день сраженіе возобновилось; лѣвое прусское крыло, сильно тѣснимое въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, было спасено кавалеріей генерала Зейдлица, и вечеромъ русскіе отступили въ полномъ порядкѣ за милю отъ поля сраженія.*) На другой день великое веселіе и залпы артиллеріи въ двухъ лагеряхъ: каждый приписывалъ себѣ побѣду. Въ дѣйствительности былъ побѣдителемъ Фридрихъ. У русскихъ было выбито изъ строя двадцать тысячъ человѣкъ и ихъ правое крыло потеряло всѣ свои пушки.

---

*) Подробности были сообщены въ главный штабъ шведской арміи, находившійся тогда въ Помераніи, Монталамберомъ, французскимъ офицеромъ, которому было поручено наблюдать за операціями этой арміи.

Ферморъ ждалъ только случая, чтобы прервать кампанію; онъ далъ сигналъ къ отступленію и расположился на Вислѣ.

Въ этой войнѣ ни разу Фридриху не удалось одержать побѣды; онъ только что собрался преслѣдовать русскихъ, какъ узналъ, что австрійцы были въ Силезіи и осаждали Нейссъ. Онъ ихъ скоро нагналъ, потерпѣлъ пораженіе при Гохкирхѣ (15 октября), поправилъ свое положеніе, благодаря своему искусству снялъ блокаду съ Нейсса, отбросилъ Дауна въ ущелье Богеміи и, когда зима раздѣлила арміи, снова спасъ Силезію и сохранилъ за собой Саксонію. На Рейнѣ французы на короткое время перешли къ наступленію; но, несмотря на серьезный успѣхъ принца Субиза въ Лютербергѣ (7 октября), имъ не удалось вернуть ни Вестфалію, ни Гессенъ. Вообще дѣло кончилось еще разъ успѣхомъ Фридриха, но его монархія уже не вышла цѣльной изъ борьбы. Восточная Пруссія осталась въ рукахъ врага; русскіе тамъ совсѣмъ водворились, и представлялось труднымъ ихъ оттуда выжить.

Эта кампанія, обильная сраженіями безъ результата, безполезными потерями, большими усиліями, плохо вознагражденными, дала урокъ дворамъ французскому, австрійскому и русскому. Стало очевидно, что Фридриха нельзя сразить однимъ ударомъ. Чтобы побѣдить его сопротивленіе, не достаточно было пройти черезъ его владѣнія, ни даже наносить ему пораженія; нужно было медленными и серьезными завоеваніями отнимать одну за одной провинціи, составлявшія его королевство, занять города, укрѣпиться на пріобрѣтенныхъ позиціяхъ, предупредить наступательныя движенія врага и сузить мало-по-малу кругъ, въ которомъ прусская армія могла бы двигаться, пополняться и продовольствоваться. Дѣло было не невозможное, но долгое и трудное; оно требовало много времени и упорства, много людей, много денегъ. Къ несчастью, изъ трехъ великихъ государствъ, соединенныхъ противъ Пруссіи, одно, казалось, уже лишилось способности бороться, и это государство была Франція. Принужденная поддерживать въ Германіи разорительную войну и въ то же время продолжать поединокъ, который она начала съ Англіей на всѣхъ моряхъ и на всѣхъ материкахъ, Франція истощалась

отъ этой двойной задачи и видѣла, что ея потери увеличиваются. Ея пораженія на Рейнѣ не были самыми тяжелыми изъ понесенныхъ ею. Британскій флотъ разбивалъ или блокировалъ французскія эскадры, нападалъ на берега Франціи, отрѣзывалъ ее отъ сношеній съ французской Индіей, Канадой и Антильскими островами. Всѣ французскія колоніи представляли изъ себя осажденные города. Мѣстные гарнизоны храбро защищали ихъ, но они осуждены были на погибель за неимѣніемъ помощи. Столько несчастій обнаружило ошибки французскаго государственнаго строя, показало безсиліе правительства безпорядочность администраціи, общій недостатокъ дисциплины, ослабленіе у французовъ всѣхъ добродѣтелей, которыя дѣлаютъ народъ великимъ или достойнымъ величія.

Берни продолжалъ управлять официальной политикой Франціи. Хитрый и осторожный, но быстро падавшій духомъ, лишенный той упругости, которая позволяетъ сильнымъ умамъ противиться несчастью, онъ преувеличивалъ свою собственную отвѣтственность и всю жизнь жаловался и раскаивался. *) Онъ видѣлъ одно средство помочь несчастью: поспѣшно начать переговоры, по крайней мѣрѣ, съ Пруссіей. Онъ считалъ невозможнымъ чтобы Франція, принужденная приносить послѣднія жертвы для сопротивленія всѣмъ силамъ Англіи, продолжала расточать свою армію и свои богатства въ войнѣ, гдѣ она являлась только помощницей Австріи. Такимъ образомъ, примиреніе съ Германіей, было желаніемъ де Берни, и онъ старался его подготовить. Съ своей стороны Фридрихъ стремился къ покою; онъ надорвался, стараясь побѣдить, видѣлъ, что его армія таетъ, и чувствовалъ, что отъ побѣды къ побѣдѣ шелъ на свою погибель и поэтому онъ высказывалъ намѣреніе согласиться на всѣ условія, лишь бы они обезпечивали цѣлость его государства. Марія - Терезія долго уклонялась передъ необходимостью отказаться отъ Силезіи; наконецъ Берни, путемъ дипломатіи, вырвалъ у нея согласіе къ

---

*) См. переписку Берни и Шуазеля, опубликованную въ извлеченіяхъ Филономъ въ его докладѣ о посольствѣ Шуазеля въ Вѣнѣ.

началу переговора. Согласіе Саксоніи и Швеціи было внѣ сомнѣнія, оставалось достигнуть его со стороны Россіи. Берни опасался озлобленія Елизаветы противъ Фридриха, но онъ помнилъ, что этому чувству у царицы могъ служить противовѣсомъ христіанскій страхъ передъ пролитіемъ крови. Сверхъ того онъ разсчитывалъ на помощь Воронцова, которому по его порученію были сдѣланы осторожные намеки, не вызвавшіе отпора. Къ осени 1757 года все, казалось, клонилось къ мирному разрѣшенію; союзные дворы признали свое безсиліе восторжествовать надъ геніемъ одного человѣка: великій союзъ клонился къ разрушенію. Въ этотъ моментъ разнеслось извѣстіе о министерскомъ кризисѣ въ Версалѣ. Событіе слишкомъ часто повторялось, чтобы Европа обратила на него вниманіе, если бы она не замѣтила скоро, что дѣло идетъ не о перемѣнѣ личности, а о перемѣнѣ системы. Маркиза Помпадуръ порицала примирительныя тенденціи де Берни и вѣрила въ возможность немедленнаго реванша противъ Пруссіи. Видя сопротивленіе своимъ стремленіямъ, кардиналъ высказалъ желаніе удалиться; Людовикъ XV поймалъ его на словѣ, принялъ его отставку, но за то, что онъ подалъ ее, наказалъ его изгнаніемъ (13 декабря 1758 года). Графъ Шуазель-Стенвилль, призванный изъ Вѣны и возведенный въ герцоги, былъ сначала приставленъ въ помощники Берни въ управленіе иностранными дѣлами. Послѣ немилости кардинала онъ сдѣлался его преемникомъ. Принявъ портфель, онъ сталъ первымъ министромъ, потому что госпожа Помпадуръ предоставила къ его услугамъ все вліяніе, которымъ она располагала, и его коллеги получили въ немъ начальника, который взялъ верхъ двойной властью: талантомъ и фаворомъ. Шуазель нѣсколько разъ высказывался за продолженіе войны. Подъ этимъ новымъ импульсомъ политика Франціи должна была перемѣнить свой характеръ и свои пріемы. Поднимаясь къ власти, новый государственный секретарь могъ бы написать французскимъ представителямъ, какъ кардиналъ Ришелье, его славный предшественникъ: „Совѣтъ измѣнилъ свой взглядъ“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ШУАЗЕЛЬ И СОЮЗЪ СЪ РОССІЕЙ.

Характеръ герцога Шуазеля; трудность составить объ этомъ министрѣ окончательное сужденіе.—Война до крайности.—Плоды досуговъ графа Шуазеля-Пралена.—Довѣрчивая и опредѣленная политика по отношенію къ Россіи. — Уничтоженіе секретной дипломатіи.—Военныя приготовленія; проектъ высадки въ Англію; шведскій флотъ и русскіе солдаты, призванные принять въ томъ участіе.—Балтійскій договоръ.—Англичане разбиваютъ нашу эскадру; рядъ неудачъ; Шуазель сдается на договоръ.—Важность роли, которую онъ предоставляетъ Россіи въ переговорахъ.—Инструкціи, данныя де Л'Опиталю.—Посланникъ не повинуется своему министру, а слушается своего секретаря.—Образчикъ стиля де Шуазеля.—Неожиданныя новости.—Битва при Кунерсдорфѣ; пораженіе прусскаго короля; ея послѣдствія.—Россія требуетъ восточную Пруссію.—Испугъ и гнѣвъ Людовика XV; секретная дипломатія старается вернуть свое вліяніе.—Щекотливое положеніе французскаго посла въ Петербургѣ.—Увлеченія Екатерины съ политической точки зрѣнія.—Миссія, порученная де Бретейлю.—Усилія графа де Брольи и де Терсье разрушить планы Шуазеля.—Пикантная месть.—Офиціальныя инструкціи де Бретейлю; его секретныя инструкціи, важность этого неизданнаго документа для исторіи секретной корреспонденціи.—Король жертвуетъ Францію Польшѣ; онъ старается пріостановить военныя операціи.—Первое сближеніе Бретейля и Екатерины; скромность и бездѣятельность молодого министра.—Самая жалкая изъ всѣхъ кампаній.—Внезапное взятіе Берлина.—Вопросъ о занятіи Данцига.—Необходимость мира; Шуазель сообщаетъ свои планы петербургскому двору; русскіе контръ-проекты.—Возможность для Франціи достигнуть почетнаго мира черезъ посредничество Елизаветы, путемъ нѣкоторыхъ уступокъ Польшѣ. — Усилія Шуазеля наталкиваются на упорный отказъ Людовика XV.—Королевское письмо.—Разрывъ переговоровъ; новыя несчастья.—Продолженіе непріятельскихъ дѣйствій въ Германіи; Фридрихъ доведенъ до крайности.—Просвѣтъ надежды.—Болѣзнь и опасенія Елизаветы; ея послѣдняя воля.—Вечеръ въ императорскомъ театрѣ.—Секретарь царицы.—Смерть Елизаветы.—Характеръ и результатъ ея политики.

I.

Герцогъ Шуазель представляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ личностей восемнадцатаго вѣка; онъ является олицетвореніемъ большей части качествъ и недостатковъ своей эпохи, и о немъ можно сказать, что онъ былъ не только человѣкомъ, но

также и министромъ своего вѣка. Онъ ослѣпилъ современниковъ, представляя имъ своей личностью высшую степень качества, которое они цѣнили болѣе всего,—умъ, и онъ имѣлъ рѣдкое счастье видѣть, что его популярность пережила его могущество. Когда онъ палъ, Франція взволновалась, философія пѣла свои хвалы и самая значительная, по крайней мѣрѣ самая шумная часть общественнаго мнѣнія возвела его въ великіе люди. Подобныя сужденія, высказываемыя единогласно, рѣдко бываютъ непреложными, и вопросъ переходитъ всегда на судъ потомства. Исторія еще не высказала относительно Шуазеля окончательнаго сужденія, да и трудно было бы это сдѣлать. Въ этомъ министрѣ,—я чуть не сказалъ въ правителѣ,—такомъ одаренномъ во всѣхъ отношеніяхъ, хорошее и дурное перемѣшивалось до такой степени, что кажется одинаково несправедливымъ примкнуть какъ къ поклонникамъ герцога, такъ къ его клеветникамъ. Мы не пытаемся дать общую оцѣнку Шуазеля, такъ какъ намъ предстоитъ разсмотрѣть только одну сторону его политики, въ продолженіе одной изъ фазъ его министерства. Намъ кажется, что въ послѣдній періодъ Семилѣтней войны его вліяніе на отношенія Франціи къ континентальнымъ державамъ, и въ особенности къ Россіи, было искусно и благотворно, что онъ пытался придать усиліямъ Франціи единство и рѣшительность, неизвѣстныя до него, и что если ему удалось разрѣшить эту задачу только вполовину, то этотъ неуспѣхъ слѣдуетъ приписать тайнымъ вліяніямъ, которыя препятствовали его намѣреніямъ.

Едва ставъ министромъ, Шуазель началъ преслѣдовать политику очень смѣлую и активную, противоположную вялой политикѣ Берни. Несмотря на неудачи Франціи, онъ рѣшилъ, что пока у нея еще есть сколько-нибудь солдатъ, пушекъ и кораблей, она не должна капитулировать передъ Англіей; но въ то же время онъ находилъ возможнымъ продолжать съ успѣхомъ войну противъ прусской монархіи. Онъ разсуждалъ, что, имѣя союзниковъ, Франція должна ими пользоваться, и вмѣсто того, чтобы домогаться у нихъ разрѣшенія начать переговоры, слѣдовало сблизиться съ двумя имперскими дворами, скрѣпить союзъ,

который стремился ослабнуть, и приступить съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ прежде, къ дипломатическимъ переговорамъ и совмѣстнымъ военнымъ операціямъ.

Убѣжденный приверженецъ австрійскаго союза, который онъ превозносилъ до 1756 г., Шуазель слѣдовалъ естественной склонности, ища сближенія съ Маріей-Терезіей. Что касается Россіи, то хотя онъ и не любилъ ее, боялся ея честолюбія и грядущихъ послѣдствій ея успѣховъ на сѣверѣ и на востокѣ, однако, не заблуждался относительно важности роли, которую русская армія играла въ борьбѣ противъ Фридриха, и думалъ, что необходимо какою бы то ни было цѣной обезпечить себѣ ея помощь. Послѣ заключенія мира можно было опять вернуть себѣ свободу дѣйствій. Можетъ-быть, онъ и не заключалъ бы союза съ Россіей; найдя его заключеннымъ, онъ предполагалъ извлечь изъ него всю возможную выгоду. Сверхъ того онъ любилъ вести дѣло начистоту и не замедлилъ удивиться, что въ то время, какъ властелины Франціи и Россіи поддерживали отношенія, свидѣтельствовавшія о сердечной дружбѣ, правительства двухъ державъ стояли на почвѣ недовѣрія и подозрительности.

Въ это время герцогу подали докладную записку, датированную Вѣной; она была подписана его двоюроднымъ братомъ, графомъ Шуазелемъ-Праленъ, посланникомъ Франціи при австрійскомъ дворѣ, и называлась: „*Размышленія о настоящемъ положеніи нашихъ отношеній съ русскимъ дворомъ*". Знатный, честолюбивый и извѣстный коллекціонеръ де Праленъ трактовалъ о политикѣ, какъ любитель; его картинная галлерея доставила ему большую извѣстность, чѣмъ его дипломатическіе успѣхи. Однако, онъ имѣлъ довольно мѣткія сужденія и былъ достаточно проницателенъ. Неопредѣленное положеніе, въ которомъ Франція и Россія находились по отношенію другъ къ другу, его поразило и онъ справедливо критиковалъ такой порядокъ вещей. Онъ набросалъ свои мысли на бумагу, хотя предметъ и не относился прямо къ дѣламъ его посольства. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ его труда:

„Можно указать, что между Франціей и Россіей нѣтъ союза. Эти двѣ державы одна въ отношеніи другой—подобны чуждымъ

другъ другу лицамъ, имѣющимъ общаго друга и дѣйствующимъ заодно въ интересахъ этого друга; но они не имѣютъ никакой прямой связи во всемъ остальномъ, что относится не къ нему. Таково до настоящаго времени политическое отношеніе между Франціей и Россіей. Вѣнскій дворъ — точка соединенія этихъ двухъ державъ, единственная связь между ними. Это приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: первое, что вѣнскій дворъ имѣетъ существенный интересъ поддерживать такое положеніе вещей и сохранить себѣ два союзныхъ государства, всегда готовыхъ вооружиться ради нея, не соглашаясь между собой о своихъ взаимныхъ выгодахъ. Второе—то, что Россія была почти всегда врагомъ нашихъ друзей и другомъ нашихъ враговъ. Эта кажущаяся странность, между тѣмъ, очень естественна и вытекала по необходимости изъ внезапнаго переворота, совершившагося въ нашей политической системѣ, гдѣ мы хотѣли связать противоположное, и изъ того, что мы имѣли съ ней только косвенную и временную связь. Отъ этого возникаютъ неясность и затрудненность нашихъ переговоровъ въ Петербургѣ и какъ бы недовѣріе, которое царитъ между двумя дворами, недавно вступившими въ дружественныя сношенія, не имѣющія никакой точки опоры. Отсюда проистекаетъ взаимно-двусмысленное положеніе.

Послѣ этого изложенія кажется, что есть только два способа создать систему твердыхъ и рѣшительныхъ отношеній съ Россіей: первое—смотрѣть на эту державу, какъ на косвенную и постороннюю союзницу; держаться этой точки зрѣнія, не искать съ ней болѣе близкой связи и ожидать отъ нея только относительной помощи въ общемъ союзѣ, не считая, что она могла бы быть намъ полезной чѣмъ-нибудь особенно и лично. При принятіи подобной системы индиферентности наши сношенія съ Петербургомъ стали бы просты и мало интересны... Второе — привлечь эту державу прямыми узами и заключить съ ней договоры, вмѣсто того, чтобы присоединиться обоимъ къ договору съ вѣнскимъ дворомъ“ *).

*) Иностранныя дѣла. Записки и документы. XXX. Размышленія Пралена опубликованы почти цѣликомъ Флассаномъ.

Авторъ записки высказывается безъ колебанія за вторую систему; но онъ особенно сожалѣлъ о настоящемъ положеніи „Не боюсь сказать“, прибавляетъ онъ въ заключеніе, „что странное состояніе, въ которомъ мы находимся, колеблясь между совершенной индиферентностью и настоящимъ союзомъ, есть система ложная, которая имѣетъ неудобства, безъ какой - либо пользы“.

Георгъ Шуазель раздѣлялъ мнѣнія своего кузена и рѣшилъ откровенно объясниться съ Россіей и, выводя ее изъ заблужденія относительно мирныхъ намѣреній, все еще приписываемыхъ Франціи, указать ей на необходимость болѣе тѣснаго соглашенія, чтобы разбить общаго врага. „Вы можете сказать, графу Воронцову, чтобы онъ отдалъ отчетъ императрицѣ русской“ писалъ онъ Л'Опиталю, „что если король желаетъ мира для счастья своего народа и спокойствія Европы, то только на условіяхъ, почетныхъ для Его Величества и его союзниковъ, которыя твердо укрѣпили бы всеобщее спокойствіе. Но онъ далекъ отъ этой мысли теперь, и всѣ приготовленія сдѣланы, чтобы продолжать войну и вести ее самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы довести враговъ до соглашенія на справедливыхъ и разумныхъ основаніяхъ. Чтобы дать императрицѣ россійской несомнѣнныя доказательства о чувствахъ Его Величества въ этомъ отношеніи и разсѣять всякій поводъ къ недовѣрію и неудовольствію, Его Величество повелѣлъ заключить съ двумя императрицами вмѣстѣ, или съ одной русской императрицей, такое условіе, которое будетъ признано необходимымъ, чтобы скрѣпить болѣе союзъ и дать новыя увѣренія, что Его Величество не сдѣлаетъ и не приметъ никакого предложенія иначе, какъ съ согласія съ своими союзниками, которымъ они будутъ сообщены съ той довѣрчивостью, которая должна царить между двумя державами, связанными дружбой и общими интересами“ *).

Въ моментъ, когда Шуазель писалъ эти строки, Людовикъ XV и Марія-Терезія согласились подписать новый договоръ.

---

*) Шуазель Л'Опиталю, 9 января 1757 г.

(30 декабря 1758 г.), которымъ подтверждались всѣ прежнія условія, опредѣлялись съ большей точностью всѣ взаимныя обязательства двухъ дворовъ на время войны, опредѣлялась въ точности сумма даваемой субсидіи, и Франція обязывалась держать въ Германіи армію въ сто тысячъ человѣкъ. Царица была приглашена присоединиться къ этому договору, и она на это согласилась *).

Шуазель не зналъ о существованіи тайной корреспонденціи, но онъ о ней подозрѣвалъ. Пораженный стойкостью и смѣлостью, съ которой наши агенты въ Польшѣ слѣдовали личной политикѣ наперекоръ государственной, онъ предположилъ таинственное поощреніе и рѣшилъ круто покончить съ этими происками. Терсье потерялъ мѣсто главнаго секретаря и въ видѣ пенсіи получилъ завѣдываніе архивомъ **). Въ Варшаву былъ отправленъ новый посолъ маркизъ де-Польми. Для этой миссіи Шуазель нарочно избралъ вельможу лѣниваго, не обладавшаго ни любовью, ни способностью къ дѣламъ и готоваго удовольствоваться ролью исключительно представительной. Инструкціи, данныя де Польми, безусловно воспрещали ему пользоваться какими бы то ни было средствами вліянія и предписывали отказаться отъ руководства патріотической партіей. Это былъ актъ отреченія. Съ обычной горячностью своего характера Шуазель впалъ въ крайность, противоположную той, которую хотѣлъ подавить, и дошелъ до того, что находилъ, „что продолженіе въ Польшѣ анархіи служило на пользу интересовъ Франціи“ ***). Въ особенности совѣтовалъ онъ посланнику короля воздерживаться отъ принятія жалобъ поляковъ, чиненія русскимъ какихъ-либо затрудненій и поощренія шляхты къ заговору противъ вторгнувшихся въ страну. Водворивъ маркиза де-Нольми на его постъ, Шуазель не могъ добиться отозванія Дюрана, оставшагося прикоманди-

*) См. текстъ договора у Мартена.

**) Для отозванія Терсье воспользовались предлогомъ, что онъ въ качествѣ королевскаго цензора пропустилъ изданіе книги „О разумѣ“, Гельвеція.

***) Эти инструкціи опубликованы въ „Исторіи французской дипломатіи“, въ „Исторіи Флассанъ“ и въ „Секретѣ короля“ Брольи.

рованнымъ къ посольству въ качествѣ „сотрудника“ по общепринятому выраженію той эпохи. Во всякомъ случаѣ точныя и рѣшительныя приказанія премьера сдерживали нѣкоторое время агентовъ, причастныхъ къ тайной перепискѣ и внушили имъ, если не послушаніе, то по крайней мѣрѣ осторожность*).

Весной 1759 г. французы и русскіе перешли одновременно къ дѣйствіямъ наступательнымъ, тогда какъ австрійцы ограничивались защитой границъ Богеміи. Французскія войска послѣ блестящей побѣды, одержанной при Бергенѣ маршаломъ де-Брольи, братомъ графа, двинулись къ Везеру подъ начальствомъ маршала де-Контада. И въ то же время русская армія выступила изъ Польши, направляясь къ Одеру, подъ командой графа Салтыкова, замѣстителя Фермора. Французскій штабъ-офицеръ, маркизъ де-Монталамберъ, долженъ былъ сопровождать главный штабъ, слѣдить за дѣйствіями и сообщать о томъ непосредственно въ Петербургъ и Версаль**).

Возлагая извѣстныя надежды на войска Салтыкова, Шуазель разсчитывалъ примѣнить русскую армію не только противъ короля Пруссіи и на равнинахъ Бранденбурга; онъ намѣревался воспользоваться ими для смѣлаго предпріятія, вполнѣ соотвѣтствовавшаго стремленію къ новизнѣ и широкому размаху, проявляемому первымъ министромъ во всѣхъ дѣлахъ. Отказавшись побѣдить англичанъ въ ихъ родной стихіи, гдѣ могъ выставить противъ нихъ силы слабѣйшія, Шуазель задумалъ высадку въ Англіи: онъ рѣшилъ собрать и нѣкоторымъ образомъ заставить сосредоточиться въ самихъ себѣ всѣ силы Франціи, чтобы устремить ихъ на Великобританію, сразиться съ ней грудь съ грудью и спасти Канаду и Пондишери. Двѣ сильныя эскадры подготовлялись въ Тулонѣ и Брестѣ. Онѣ должны были соединиться въ Ламаншѣ, чтобы сопровождать флотилію плоскодонныхъ судовъ, предназначенныхъ для перевозки на берегъ Англіи арміи графа

---

*) Секретная переписка. Терсье изливаетъ свои жалобы въ письмѣ графу де-Брольи. 15 іюля 1759 г.

**) Де Монталамберъ перешелъ изъ шведской арміи въ русскую. См. его переписку.

Салтыкова: „Если пятьдесятъ тысячъ человѣкъ погибнутъ въ первой экспедиціи“, писалъ Шуазель, „то король выразилъ рѣшеніе послать вслѣдъ имъ еще пятьдесятъ тысячъ, и мы не откажемся отъ своего намѣренія, пока останутся во Франціи войска“ *.) Въ то же время герцогъ Эгильонъ долженъ былъ отплыть въ Шотландію съ двѣнадцатью тысячами человѣкъ. Въ этой диверсіи должны были принимать участіе и русскія войска. Шуазель предлагалъ Воронцову отдѣлить отрядъ отъ большой арміи Салтыкова и приказать ему спуститься по Одеру до Штеттина. Овладѣвъ затѣмъ городомъ, русскіе сядутъ на шведскія суда, ожидающія ихъ въ устьѣ рѣки, и тѣ, захвативъ въ Готенбургѣ двѣнадцатитысячное подкрѣпленіе, доставятъ въ Шотландію соединенныя силы **).

Воронцовъ не отказывался отъ такого предложенія, но откладывалъ его исполненіе. Осада Штеттина была труднымъ предпріятіемъ, приступить къ которому русская армія намѣревалась, только овладѣвъ среднимъ теченіемъ Одера и соединивъ свое лѣвое крыло съ австрійцами, вступавшими въ Силезію. Вообще торговая данница Англіи, Россія уклонялась отъ мысли вступить съ ней въ открытую борьбу, а Швеція раздѣляла такое отношеніе. Обѣ державы ограничились заключеніемъ союза оборонительнаго, который могъ служить переходной ступенью къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Соглашеніемъ 8-го марта 1759 г., въ которомъ принимали участіе Франція и Данія, ими былъ воспрещенъ доступъ въ Балтійское море всякому иностранному военному кораблю. Тѣмъ же договоромъ онѣ гарантировали свободу торговли всѣмъ портамъ, не находившимся въ состояніи блокады, отказывались отъ правъ вооружать каперы и впервые объявили тѣ принципы, которые впослѣдствіи привели къ образованію лиги нейтралитета ***). Флоты Россіи и Швеціи соединились, чтобы обезпечить независимость и миръ Балтійскаго моря.

*) Переписка графа Бернсторфа съ герцогомъ Шуазелемъ. Письмо Шуазеля, 29 іюля 1759 г.

*) Шуазель Л'Опиталю, 9 января 1759 г.

*) Текстъ договора былъ пересланъ Л'Опиталемъ съ депешей отъ 12 марта 1759 г.

Людовикъ XV.

(Снято съ особаго разрѣшенія въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

Судьбѣ войны суждено было разрѣшиться на иныхъ моряхъ. Укрѣпленные на своемъ островѣ, англичане поджидали французскій флотъ. Не дождавшись его появленія, они отправились ему навстрѣчу къ французскимъ берегамъ; лѣтомъ 1759 г. бомбардировали Гавръ, сожгли часть кораблей, предназначенныхъ для перевозки войскъ, и въ то же время уничтожили средиземную эскадру при ея выходѣ изъ Гибралтарскаго пролива. Высадка становилась чрезвычайно затруднительной или невозможной, раньше чѣмъ было положено начало къ ея осуществленію. Шуазель сейчасъ же сообразилъ всю важность постигшей Францію неудачи и съ свойственной ему быстротой рѣшенія принялъ намѣреніе начать переговоры, какъ только представится къ тому удобный случай. Послѣ шести мѣсяцевъ безплодныхъ усилій взять верхъ силой оружія, онъ вернулся къ мирной политикѣ Берни, однако съ нѣкоторыми измѣненіями; онъ хотѣлъ дѣйствовать совмѣстно съ своими союзниками и черезъ ихъ посредничество и считалъ, что для переговоровъ, какъ и на случай войны, содѣйствіе Россіи можетъ оказаться наиболѣе полезнымъ. Несмотря на положеніе, занятое теперь Елизаветой, и подписаніе договора относительно Балтійскаго моря, Англія высказывала желаніе не разрывать открыто сношеній съ царицей и сохранять хотя наружно дружескія отношенія. Ея посланникъ не былъ отозванъ, и всѣмъ были извѣстны сношенія, поддерживаемыя лондонскимъ дворомъ, въ особенности съ великой княгиней Екатериной. При этихъ условіяхъ Россія, союзница Франціи, не будучи врагомъ Англіи, представлялась посредницей, предназначенной выступить въ пользу мира. Противопоставивъ воюющимъ сторонамъ свое вооруженное посредничество, она могла согласовать обоюдныя требованія, принудить къ взаимнымъ уступкамъ, положить конецъ морской войнѣ, умиротворивъ въ то же время Германію, и, быть-можетъ, добиться отъ Англіи возстановленія французскихъ колоній.

Немного ранѣе этого, канцлеръ Воронцовъ въ частномъ разговорѣ съ Л'Опиталемъ выразилъ желаніе видѣть свою родину въ такой роли посредницы и умиротворительницы. Шуа-

зель поспѣшилъ использовать этотъ намекъ и 8 іюля 1759 г. отправилъ Л'Опиталю инструкцію, настойчиво мотивированную и предписывавшую ему планъ дѣйствій. Посланникъ долженъ былъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы шепнуть Воронцову, подъ видомъ собственной мысли, что Россія стяжала бы себѣ славу и право на признательность Европы, выступивъ посредницей между Австріей и Пруссіей, одинаково истощенныхъ войной. Уладивъ распри между двумя германскими державами, Шуазель полагалъ, что наступитъ благопріятный моментъ, чтобы прибѣгнуть къ содѣйствію Россіи, а можетъ-быть и великой княгини Екатерины, для переговоровъ съ Англіей *).

У Л'Опиталя была привычка не предпринимать ничего, не посовѣтовавшись предварительно съ секретаремъ, пользовавшимся его безграничнымъ довѣріемъ, а секретаремъ этимъ былъ никто иной, какъ д'Эонъ. Молодой человѣкъ находился, повидимому, на верху улыбнувшейся ему удачи. Онъ разрѣшилъ трудную задачу: пріобрѣлъ уваженіе и расположеніе своего посланника, утаивая отъ него и пересылая за его спиной секретную переписку обоихъ государей. Добрякъ Л'Опиталь на все смотрѣлъ глазами д'Эона и увѣрялъ его въ покровительствѣ, въ которомъ тотъ нисколько не нуждался. Въ то же время кавалеръ настолько укрѣпился въ расположеніи императрицы и канцлера, что они предложили ему окончательно перейти на службу Россіи. Онъ отвѣчалъ отказомъ любезнымъ, но рѣшительнымъ, съ чѣмъ его усиленно поздравляли въ Версалѣ. По этому поводу онъ писалъ, что со времени пріѣзда въ Россію „онъ всегда старался поворачиваться спиной къ Сибири и не чувствовалъ никакого желанія измѣнить своего положенія". Частныя письма, получаемыя имъ отъ Терсье, знакомили его съ сокровенными мыслями французскаго короля, и онъ не замедлилъ убѣдиться, что послѣдній въ глубинѣ души не одобрялъ виды Шуазеля относительно русскаго посредничества. Опасаясь увеличить престижъ Россіи и доставить ей случай дипломатическаго успѣха, поручивъ ей перего-

---

*) Шуазель Л'Опиталю, 8 іюля 1759 г.

воры, гдѣ ей предстояло играть первенствующую роль, Людовика XV предпочиталъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Англіей и неохотно слѣдовалъ по пути, на который старался его увлечь первый министръ. Освѣдомленный о недоброжелательномъ отношеніи короля, д'Эонъ посовѣтовалъ своему начальнику не считаться съ инструкціей отъ 8 іюля. Л'Опиталь покорно подчинился его мнѣнію.

А Шуазель, между тѣмъ, удивлялся такой бездѣятельности. Онъ ждалъ два мѣсяца, наконецъ взялся за перо и отправилъ посланнику частное письмо, гдѣ его мысль, отбросивъ условности оффиціальнаго языка, вылилась просто и свободно. „Онъ хочетъ", писалъ онъ Л'Опиталю, „открыть ему душу, какъ брату". То былъ способъ выразить нѣсколько довольно горькихъ истинъ, не задѣвая самолюбіе, и любезно, предложить, не давая повода быть оскорбленнымъ, уступить свое мѣсто преемнику, болѣе послушному или болѣе искусному. „Позвольте мнѣ, дорогой маркизъ", писалъ герцогъ, „сказать вамъ, что вы черезчуръ много занимаетесь представительствомъ посольства и недостаточно заботитесь о его прочности. Моя депеша № 48 (отъ 8 іюля) давала вамъ указанія о предположеніяхъ короля, изъ которыхъ вы до сихъ поръ не извлекли никакой пользы, дорогой маркизъ. Очевидно, вы не имѣли возможности, но вамъ слѣдовало мнѣ сообщить, соглашаетесь ли вы и какъ вы соглашаетесь исполнить приказанія Его Величества относительно вопроса столь же щекотливаго, сколько и выгоднаго. Зрѣло обдумайте это. Я говорю съ вами какъ другъ, я вамъ открываю нашъ планъ, и если вы не въ состояніи его усвоить такъ же глубоко, какъ проникнуты имъ мы, то вы слишкомъ преданный слуга короля, чтобы въ томъ себѣ не сознаться, и въ этомъ случаѣ, такъ какъ вы не желаете его измѣнить, было бы лучше оставить постъ посланника подъ предлогомъ болѣзни, чѣмъ содѣйствовать плану, въ пригодности котораго вы не убѣждены. Такое признаніе съ вашей стороны, могу васъ увѣрить, оказалось бы настолько же пріятнымъ королю, какъ успѣхъ, ожидаемый нами отъ вашихъ переговоровъ.

„Маркиза Л'Опиталь передавала мнѣ о вашемъ желаніи получить герцогскій титулъ, отъ души хотѣлъ бы быть вамъ въ томъ полезнымъ. Предоставьте себѣ возможность, въ видѣ благодарности, какую вы можете ожидать отъ короля, просить этой милости. Скажу вамъ просто: существуютъ только два способа— или исполнить предначертанія депеши № 48 и этого частнаго письма, или покинуть свой постъ. Я предпочелъ бы первое, чѣмъ второе. Но второе достигнетъ также своей цѣли, если вы быстро откажетесь отъ перваго, т. к., безъ сомнѣнія, я представлю доводы, что вы не можете возвратиться безъ выдающейся награды".*)

Письмо герцога Шуазеля разошлось съ курьерами, привезшими изъ Германіи и Россіи извѣстіе, которому суждено было разстроить всѣ предположенія. Фридрихъ потерпѣлъ крупное пораженіе.

Въ концѣ іюня русская армія сосредоточилась вокругъ Познани. Отсюда она рѣшительно направилась къ Франкфурту на Одерѣ, второму городу Бранденбурга. Прусскій отрядъ стремился преградить ему дорогу и былъ изрубленъ въ куски подъ Цюллихау (23 іюля). Франкфуртъ растворилъ ворота, послѣ чего и произошло соединеніе русскихъ войскъ съ войсками австрійскаго генерала Лаудона, поспѣшившаго имъ навстрѣчу изъ глубины Силезіи. Какъ въ прошломъ году, Фридриху пришлось покинуть Саксонію, чтобы устремиться на помощь своему наслѣдственному государству; онъ надѣялся возобновить свои успѣхи подъ Цорндорфомъ и одной выигранной битвой обезсилить русскихъ на всю дальнѣйшую кампанію. Онъ произвелъ на нихъ нападеніе на мѣстѣ ихъ расположенія подъ Кунерсдорфомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Франкфурта (13 августа), имѣя 18 тысячъ человѣкъ противъ 80 тысячъ. Смѣлымъ обходнымъ движеніемъ пруссаки обрушились на лѣвое крыло непріятеля и прорвали первую его линію; но всѣ ихъ усилія разбились о вторую, поддержанную всѣми резервами. Послѣ одиннадцатичасовой борьбы, они

*) Частное письмо герцога Шуазеля къ маркизу Л' Опиталю 2 октября 1759 г.

начали колебаться, когда ринулась на нихъ русская кавалерія и превратила ихъ отступленіе въ бѣгство. Непобѣдимая армія Фридриха разсѣялась, побросавъ оружіе, запасы, 172 пушки. Она потеряла 2,000 человѣкъ убитыми и ранеными, безчисленное количество плѣнныхъ; Салтыковъ отправилъ въ Петербургъ 26 знаменъ и штандартовъ *). Фридрихъ бѣжалъ съ поля битвы въ сопровожденіи нѣсколькихъ гусаръ. „Жестокое несчастье“, писалъ онъ нѣсколько дней спустя, „я его не переживу. Послѣдствія сраженія хуже, чѣмъ само сраженіе. Я не вижу больше никакихъ надеждъ и, говоря правду, думаю, что все погибло“ **).

Дѣйствительно Фридриха ожидала погибель, если бы Салтыковъ, двинувшись на Берлинъ, извлекъ бы изъ своей побѣды всю возможную пользу. Видя свою армію ослабленной жестокими потерями, русскій генералъ удовлетворился опустошеніемъ Силезіи, даже не думая тамъ оставаться и расположился на зимнюю стоянку. Тѣмъ не менѣе занятіе Саксоніи австрійцами и ихъ возвращеніе въ Дрезденъ были первыми послѣдствіями битвы при Кунерсдорфѣ. Могуществу Фридриха былъ нанесенъ ударъ, отъ котораго ему казалось труднымъ оправиться. Послѣ дня 13-го августа, если королю прусскому и удалось собрать бѣглецовъ и вновь сформировать остатки своей арміи, то въ истощенныхъ рядахъ народа не нашлось уже достаточно людей, чтобы замѣстить убитыхъ и плѣнныхъ. Въ его распоряженіи оставалась лишь горсть солдатъ передъ лицомъ врага, силы котораго возобновлялись безпрестанно, и не представляло никакого сомнѣнія, что ближайшая кампанія завершится его гибелью.

Важной услугой, оказанной общему дѣлу, Россія пріобрѣла право первенствующаго голоса въ концертѣ коалиціи державъ. Она этимъ воспользовалась. До сихъ поръ она снаряжала арміи, давала битвы, проливала кровь, тратила деньги, повидимому, не стремясь извлечь изъ борьбы никакихъ матеріаль-

---

*) Офиціальное сообщеніе о битвѣ подъ Кунерсдорфомъ, напечатанное въ „С.-Петербургской Газетѣ“ и присоединенное къ корреспонденціи изъ Россіи.

**) Цитировано у Ромбо. Письмо къ Финкенштейну.

ныхъ выгодъ: доказать вѣрность взятымъ на себя обязательствамъ казалось единственной руководившей ею цѣлью. Во всякомъ случаѣ, хотя многократно ей случалось хвалиться своимъ безкорыстіемъ, однако, ей не было желательно, чтобы союзники относились слишкомъ серьезно къ такимъ увѣреніямъ, и она ожидала лишь случая, предоставленнаго успѣхомъ, чтобы выставить свои требованія. Австрія желала получить на свою долю Силезію, Франція выговаривала себѣ расширеніе владѣній въ Польшѣ. Россія сочла справедливымъ также потребовать уплаты за издержки, понесенныя по случаю войны, а извѣстно, что эта держава всегда обнаруживала пристрастіе къ возмѣщенію убытковъ увеличеніемъ своихъ владѣній. Кромѣ того, у нея въ рукахъ находилось желаемое ею вознагражденіе: въ теченіе двухъ лѣтъ ея войска занимали и хозяйничали въ восточной Пруссіи, т.-е. на длинной полосѣ земли, окаймляющей Балтійское море отъ Мемеля до устьевъ Вислы. Послѣ Кунерсдорфа россійское канцлерство вручило дворамъ Версаля и Вѣны записку съ помѣткой 26-го октября, затѣмъ подтвердительную ноту съ помѣткой 1-е декабря, гдѣ царица объявляла намѣреніе сохранить за собою въ случаѣ мира восточную Пруссію и просила союзныя державы гарантировать ей ея новыя пріобрѣтенія. Россія не разсчитывала присоединить эту область къ своимъ обширнымъ владѣніямъ, но скорѣе намѣревалась предложить Польшѣ въ обмѣнъ нѣкоторой части Украйны, куда ужъ много лѣтъ она устремляла жадные взоры.

Такое требованіе вызвало въ Версалѣ неописуемое волненіе. Недовѣріе къ Россіи, всегда очень сильное, съ нѣкоторыхъ поръ осложнилось чувствомъ зависти. Однако, Людовикъ XV льстилъ себя еще надеждой, что войска Елизаветы, справившись со своей задачей въ Германіи, согласятся вернуться домой съ пустыми руками, не получивъ никакой награды за оказанныя ими услуги. Поэтому требованіе о возмѣщеніи убытковъ частью завоеванныхъ владѣній страшно поразило его и показалось совершенно неисполнимымъ. Воспользовавшись такимъ случаемъ, вдохновители тайной дипломатіи постарались вернуть себѣ прежнюю власть;

они низвергали громъ и молнію, указывали на опасность для Польши, раскрывали честолюбивые замыслы преемниковъ Петра и предсказывали, что равновѣсіе сѣвера поколеблется до самыхъ основъ. Графъ де Брольи съ полей брани Германіи, Терсье съ мирнаго поста, занятаго имъ благодаря недовѣрію Шуазеля, говорили королю одно и то же и объединяли свои усилія. Въ то же время въ Версалѣ раздавались жалобы изъ Копенгагена. Испуганнная не прекращавшимися претензіями великаго князя Петра Голштинскаго на Шлезвичъ, Данія съ ужасомъ видѣла приближеніе русской державы къ ея границамъ благодаря пріобрѣтенію восточной Пруссіи, и тревога старинной и вѣрной союзницы еще усиливала безпокойство короля*). Побѣдоносныя стремленія Россіи сдѣлались на нѣкоторое время, среди пораженій Семилѣтней войны, главнымъ предметомъ волновавшихъ его заботъ.

Довольно скептически относившійся къ судьбѣ восточной Пруссіи, Шуазель понялъ, что король никогда не согласится на требованія, выставленныя въ депешѣ и нотѣ Воронцова. Однако, онъ не отказывался отъ мысли начать при посредствѣ Россіи мирные переговоры. При такихъ условіяхъ роль представителя Франціи въ Петербургѣ становилась чрезвычайно щекотливой, потому что предстояло обратиться къ Россіи съ просьбой объ услугѣ, одновременно отказывая ей въ томъ, чего она желала. Безсиліе Л'Опиталя бросалось всѣмъ въ глаза, въ этомъ отношеніи тайная дипломатія была вполнѣ согласна съ министромъ. „Не стану отъ Васъ скрывать", писалъ Шуазель своему другу, графу Бернсторфу, „что отдавая должное честности и усердію Л'Опиталя, я желалъ бы, чтобы онъ обладалъ большими талантами" **). „Не слѣдуетъ колебаться", говорилъ, въ свою оче-

*) Относительно тревоги Даніи главнымъ образомъ говорится въ перепискѣ Бернсторфа съ Шуазелемъ, стр. 129 и 139. Въ Петербургѣ французскій посланникъ тщетно старался уладить несогласія, возникшія съ полвѣка тому назадъ между Россіей и копенгагенскимъ дворомъ. 4-го мая 1758 г. Данія обязалась спеціальнымъ договоромъ съ Франціей, къ которому Россія присоединилась позднѣе, доставить герцогу Голштинскому соотвѣтственное вознагражденіе.

**) Шуазель, Бернсторфу 29 іюня 1759 г.

редь, графъ де Брольи, „и дать разрѣшеніе Л'Опиталю вернуться, если онъ того проситъ, и даже слѣдуетъ ему внушить такое желаніе". *). Что касается Людовика XV, его особенно поражала расточительность маркиза, и онъ находилъ его „черезчуръ дорогимъ".**) Несчастье заключалось въ томъ, что посланникъ, повидимому, нисколько не торопился покинуть свой постъ и предполагалъ еще годъ провести въ Россіи. Его рѣзкимъ отозваніемъ Шуазель боялся огорчить стараго и вѣрнаго служаку и въ то же время оскорбить императрицу Елизавету, высказывавшую большое уваженіе и дружбу къ Л'Опиталю. Въ такомъ щекотливомъ положеніи Шуазель прибѣгнулъ къ средству, казавшемуся способнымъ согласовать всѣ интересы, не затрогивая ничьей обидчивости: онъ принялъ рѣшеніе, предоставивъ маркизу титулъ посланника и пребываніе при императорскомъ дворѣ, помѣстить около него помощника, будущаго замѣстителя, т.-е. дипломата болѣе молодого, болѣе подвижнаго, съ порученіемъ замѣщать посла въ дѣятельной части его миссіи и занять его мѣсто, когда маркизъ окончательно пожелаетъ удалиться. Во французской старинной дипломатіи случались примѣры такихъ двойныхъ исполнителей обязанностей.

Придя къ такому рѣшенію, Шуазель сдѣлалъ его точкой отправленія комбинаціи, скорѣе напоминающей плодъ богатой фантазіи романиста, чѣмъ результатъ серьезныхъ размышленій государственнаго мужа. Среди упрековъ, обращенныхъ къ посланнику, онъ указывалъ прежде всего на отсутствіе старанія снискать расположеніе великой княгини Екатерины. По мнѣнію Шуазеля, никто лучше этой прелестной и вкрадчивой посредницы не могъ подготовить пути для офиціальнаго выступленія Россіи между Франціей и Англіей. Правда, Екатерина проявляла по отношенію къ Франціи болѣе, чѣмъ простую холодность, но Шуазель не ошибался въ опредѣленіи происхожденія такого чувства и приписывалъ его скорѣе досадѣ разсерженной любви, чѣмъ созна-

---

*) Брольи къ Терсье. Секретная переписка.

**) Людовикъ XV къ Терсье, 11-го іюля 1759 г.

тельному недоброжелательству. Великая княгиня не могла простить Франціи отозванія Понятовскаго. Но не могла ли перемѣнившая теперь свои взгляды Франція залѣчить нанесенную рану, вернувъ Екатеринѣ предметъ ея нѣжности, и такимъ образомъ овладѣть довѣріемъ, утѣшивъ сердце? Однажды въ тѣсномъ кругу великая княгиня горько жаловалась на отсутствіе Понятовскаго. „Только Франція можетъ его вернуть", замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.—„Пусть она это сдѣлаетъ", живо отвѣчала Екатерина, „и я превращусь въ преданную француженку" *). Слова были переданы Л'Опиталю, сообщившему о нихъ Шуазелю; министръ принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Первой заботой помощника, присланного Л'Опиталю, было, слѣдовательно, сообщить великой княгинѣ, что со стороны короля Франціи не только не встрѣтится препятствій къ возвращенію Понятовскаго, но даже будетъ оказано тому полное содѣйствіе своимъ вліяніемъ въ Варшавѣ. Это обѣщаніе должно было служить подаркомъ, поднесеннымъ дипломатомъ Екатеринѣ при его пріѣздѣ, и обезпечить ему хорошій пріемъ.

Насколько горяча ни оказалась бы признательность Екатерины, Шуазель слишкомъ хорошо зналъ свѣтъ и жизнь, чтобы основывать всѣ свои надежды исключительно на этомъ чувствѣ. Онъ предпочелъ бы привязать молодую супругу великаго князя къ Франціи узами болѣе прочными. Здѣсь обнаруживается глубокій опытъ, пріобрѣтенный герцогомъ въ любовныхъ дѣлахъ, и знаніе женскаго сердца до его самыхъ сокровенныхъ тайниковъ. Онъ думалъ вопреки пословицѣ, что любовь упрочивается разлукой, усиливается препятствіями и часто не переживаетъ мирнаго обладанія. Екатерина никогда не обнаруживала постоянства. Если она продолжала страстно желать возвращенія Понятовскаго, то скорѣе изъ упорства, чѣмъ изъ привязанности. Вернется онъ, и часъ охлажденія не замедлитъ наступить, въ особенности, если въ предвидѣньѣ этой минуты заняться уже теперь подготовкой преемника молодому графу. Кардиналъ де Бернп возымѣлъ мысль

*) Л'Опиталь, 18 сентября 1758 г.

вернуть Екатерину къ Салтыкову. *) Шуазель, болѣе опытный въ этихъ дѣлахъ, рѣшилъ, что новое лицо будетъ имѣть больше успѣха. По его мнѣнію, лучшимъ способомъ отдалить впослѣдствіи Екатерину отъ Понятовскаго было на время ихъ сблизить и возвратить фаворита въ Петербургъ, но подготовивъ ему соперника. По плану министра этимъ соперникомъ обязательно долженъ былъ быть французъ; мало того,—агентъ и слуга короля. Ни маркизъ де Л'Опиталь, ни кавалеръ д'Эонъ не подходили къ такой роли, хотя по причинамъ совершенно различнымъ. Наоборотъ, новый посолъ, удобно выбранный, сумѣетъ подтвердить блестящимъ успѣхомъ репутацію любезности, ума и изящества, пріобрѣтенную французами во всей Европѣ. При дворѣ, въ арміи, въ дипломатіи не было недостатка въ молодыхъ людяхъ остроумныхъ и представительныхъ, и всякій съ радостью посвятилъ бы себя патріотическому дѣлу, задуманному Шуазелемъ. Трудность заключалась въ умѣньѣ выбрать среди нихъ такого, у кого эти счастливыя данныя сочетались бы съ надежными качествами и кто сумѣлъ бы свои личные успѣхи обратить на пользу родины **).

По странному совпаденію, въ то время, какъ государственный секретарь старался найти замѣстителя для посольскаго мѣста въ Петербургѣ, тайная дипломатія занималась такими же поисками, только съ цѣлью совершенно иною. Графъ де Брольи и Терсье надѣялись, что вернутъ себѣ сразу потерянное вліяніе и сдѣлаютъ мастерской выпадъ, помѣстивъ въ Петербургѣ преданнаго себѣ человѣка и возложивъ на него порученіе: вмѣсто упроченія союза съ Россіей подготовлять съ ней разрывъ, и быть въ русской столицѣ представителемъ польскихъ интересовъ. Такая мѣра казалась тѣмъ болѣе необходимой, что кавалеръ д'Эонъ настойчиво требовалъ разрѣшенія вернуться обратно въ полкъ. Де Брольи быстро остановилъ свой выборъ на подходящемъ по его

---

*) Берни къ Л'Опиталю, 11 ноября 1758 г.

**) Герцогъ Шуазель подѣлился своими намѣреніями относительно Екатерины съ Терсье, который увѣдомилъ о томъ графа Брольи письмомъ отъ 2 сентября 1759 г., напечатаннымъ въ „Секретѣ Короля". Такимъ образомъ намъ извѣстны усилія министра создать Понятовскому соперника-француза.

мнѣнію кандидатѣ, оказавшемся никѣмъ инымъ, какъ Дюраномъ, „лучшимъ политическимъ орудіемъ“, говорилъ онъ, „пригоднымъ для примѣненія въ Россіи“. *) Графъ написалъ королю, рекомендуя ему этого избранника. На этотъ разъ западня была слишкомъ очевидной, чтобы Шуазель могъ въ нее попасть; герцогу извѣстны были принципы, связи и прошлое Дюрана, и онъ рѣшительно воспротивился его назначенію. Въ то же время онъ уговорилъ короля подписать вѣрительныя грамоты де Бретейля, молодого человѣка двадцати семи лѣтъ, пріятной наружности, съ изящными манерами, полковника кавалерійскаго полка, но съ нѣкоторыхъ поръ съ успѣхомъ подвизавшагося на дипломатическомъ поприщѣ.

Де Брольи находился въ путешествіи по Фландріи по своимъ личнымъ дѣламъ, когда узналъ о назначеніи де Бретейля. Онъ сейчасъ же вернулся въ Парижъ, гдѣ имѣлъ совѣщаніе съ Терсье о дальнѣйшихъ шагахъ. Новый посолъ совершенно не былъ посвященъ въ тайну. Обязанный своимъ назначеніемъ Шуазелю, онъ выказывалъ большую преданность устроителю своего счастья. Однако, завися сейчасъ отъ герцога, не можетъ ли онъ быть у него похищенъ? Если тайная дипломатія не произвела его на свѣтъ, не могла ли она его усыновить и сдѣлать своимъ сообщникомъ? Де Бретейль былъ одаренъ честолюбіемъ и горѣлъ желаніемъ итти дальше по пути успѣховъ. Чтобы имѣть его въ рукахъ, достаточно было предупредить его однимъ словомъ, что вѣрнымъ способомъ нравиться государю вовсе не было слѣдовать приказаніямъ министра. Брольи и Терсье просили короля произнести это слово, и послѣ нѣкотораго колебанія Людовикъ XV на то согласился. Опасенія, внушаемыя ему планами Россіи на Украйну, вызывали съ его стороны удвоенную заботливость о Польшѣ, и окончательно вернули его къ тайной личной политикѣ, на время имъ какъ-будто оставленной. „Баронъ де Бретейль“, писалъ онъ къ юному дипломату 26-го февраля 1760 г., „благодаря лестнымъ отзывамъ, полученнымъ мною объ васъ, я рѣшилъ

*) Секретная переписка. Брольи къ Терсье.

назначить васъ своимъ полномочнымъ министромъ въ Россіи и позволить вамъ имѣть со мной секретную переписку, которая никогда не должна проходить черезъ руки моего министра иностранныхъ дѣлъ. Графу де Брольи, который передастъ вамъ это письмо, и г-ну Терсье принадлежитъ исключительное завѣдываніе ею, и вы можете довѣрять всему, что онъ вамъ скажетъ отъ моего имени“ *). Въ то же время король приказывалъ де Бретейлю, *подъ страхомъ величайшаго наказанія*, оберегать тайну этихъ сношеній отъ кого бы то ни было на свѣтѣ, кромѣ де Брольи и Терсье и сообщать этимъ послѣднимъ инструкціи письменныя или устныя, полученныя имъ отъ министра. Такимъ образомъ, посолъ, выбранный Шуазелемъ, чтобы представлять его интересы въ Россіи и служить имъ, неожиданно превратился въ орудіе его враговъ. Такой обманъ долженъ былъ казаться довѣреннымъ короля пикантной отплатой за испытанныя ими притѣсненія и позабавить на нѣсколько минутъ легкомысліе Людовика XV.

Передъ отъѣздомъ барона, Шуазель имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду, гдѣ раскрылъ ему смѣлую и странную роль, предназначенную для него при дворѣ Елизаветы. Само собой разумѣется, столь щекотливая тема даже вскользь не была затронута въ письменной инструкціи. Послѣдняя, составленная въ видѣ обширной записки, содержала больше общихъ соображеній, чѣмъ положительныхъ указаній. Ихъ можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. Россія—держава честолюбивая, грозная, настойчивая; опасно для Франціи допускать и слишкомъ большое усиленіе; однако, такъ какъ въ настоящее время она значится союзницей франціи, то слѣдуетъ пользоваться ею наиболѣе искуснымъ образомъ, чтобы добиться почетнаго мира, а пока просить ея дѣятельной помощи для борьбы. Относительно Польши — ни слова. Два мѣста инструкціи министра обращаютъ на себя вниманіе: въ первомъ Бретейлю предписывается формально заявить Екатеринѣ, что Франція стремится къ возвращенію Понятовскаго, второе касается восточной Пруссіи. Въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ Шу-

*) Людовикъ XV барону де Бретейлю, 26-го февраля 1760 г.

азель, „самый плодовитый человѣкъ въ свѣтѣ на выдумки“, *) по отзыву одного изъ своихъ друзей, просто предоставляетъ Россіи самой объясняться съ Австріей. Франція была лишь вспомогательной силой въ этой войнѣ съ Пруссіей, гдѣ главная роль принадлежала вѣнскому двору, и съ этой державой царицѣ надлежало войти въ переговоры относительно возможности и размѣровъ требуемаго ею земельнаго вознагражденія **).

Записка Шуазеля была сообщена цѣликомъ, а его бесѣды переданы слово въ слово де Брольи и Терсье. Тѣ въ свою очередь взялись за перо и составили длинную секретную инструкцію, предназначенную уничтожить дѣйствіе совѣтовъ министра, не оставить ничего изъ его приказаній и внушить де Бретейлю и отъ имени короля образъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій ихъ намѣреніямъ. Этотъ документъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи секретной дипломатіи, рисуя съ такой точностью и подробностью цѣль и средства ея дѣйствій. Вдохновленная графомъ де Брольи и составленная Терсье инструкція была присвоена Людовику XV, подписавшему ее. Она доказываетъ съ какой необдуманностью король, весь поглощенный своей навязчивой идеей жертвовалъ самыми жизненными интересами своего государства,—осторожностью,—неизбѣжной съ могущественными союзниками,—требованіями борьбы противъ Фридриха и необходимостью задушить въ самомъ началѣ грозное усиленіе Пруссіи, проблематической выгодѣ поддерживать анархическую независимость Польши и обезпечить себѣ первенствующее вліяніе на судьбы этой „республики.

„Если баронъ де Бретёйль“, говоритъ секретная инструкція ***), „долженъ чувствовать себя польщеннымъ открытымъ про-

---

*) Воспоминанія барона Глейхана.

**) Офиціальная инструкція де Бретейлю 16 марта 1760 г.

***) Секретная инструкція барону Бретейлю, 1-е апрѣля 1760 г. Иностр. дѣла. Корреспонденція съ Россіей. Никто изъ авторовъ, занимавшихся секретной перепиской, повидимому, не подозрѣвалъ о существованіи этого документа. Онъ представляетъ, по нашему мнѣнію, самый краснорѣчивый обвинительный актъ, какой можно составить противъ личной политики Людовика XV.

явленіемъ довѣрія, какимъ почтилъ его Его Величество, назначивъ своимъ полномочнымъ посломъ при Императрицѣ Россіи, то это чувство удовлетворенія должно безпредѣльно усилиться отъ чести, оказанной ему позволеніемъ входить въ непосредственную переписку съ Государемъ и посвященіемъ въ секретные переговоры, которыми до сихъ поръ король руководилъ лично безъ вѣдома своихъ министровъ. Его Величество пришелъ къ такому рѣшенію, хорошо освѣдомившись о благоразуміи барона де Бретёйля и въ твердомъ убѣжденіи, что занятый единственно заботой приносить пользу и быть угоднымъ королю, онъ будетъ имѣть въ виду только эту цѣль для точнаго исполненія секретныхъ приказаній, какія ему будутъ даны, будетъ держать себя настолько осторожно и предусмотрительно, чтобы тайна эта никоимъ образомъ не могла быть обнаружена...“

„Въ этой инструкціи ничего не упоминается объ указаніяхъ, данныхъ маркизу де Л'Опиталю относительно переговоровъ, которыя при помощи или даже при посредничествѣ императрицы русской привели бы къ окончанію войны съ Пруссіей, ни о томъ, что тому помѣшало. Неудобства, какія могли возникнуть отъ вліянія и столь опаснаго преобладанія, пріобрѣтенныхъ Россіей, и отъ дѣйствительныхъ выгодъ, какія она бы себѣ стяжала, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы къ нимъ еще разъ возвращаться. Слѣдуетъ лишь считать счастьемъ для интересовъ короля что маркизъ Л'Опиталь, соглашаясь въ этомъ отношеніи съ благоразумными совѣтами кавалера д'Эонъ, не воспользовался случаемъ, который ему такъ настойчиво совѣтовали не упускать.

„Здѣсь рѣчь идетъ только о секретныхъ переговорахъ. Такъ какъ въ инструкціяхъ министра не упоминается вовсе о Польшѣ, дѣла которой имѣютъ такое близкое соприкосновеніе съ Россіей, то это было бы достаточнымъ основаніемъ дать барону де Бретейлю спеціальныя указанія по этому поводу, если бы у Его Величества не было на то еще другихъ особыхъ причинъ“.

„Секретные переговоры на первый взглядъ кажутся чуждыми Россіи, такъ какъ непосредственно касаются поляковъ, но вліяніе, какое можетъ и долженъ имѣть на нихъ петербургскій дворъ,

заставляетъ королевскаго посланника при императрицѣ россійской слѣдить за ними такъ же внимательно, какъ и тѣхъ, кого Его Величество осчастливилъ своими приказаніями въ Польшѣ. Покровительствовать свободамъ конституціи польской республики, предохранять ее отъ всякаго поползновенія къ подчиненію со стороны сосѣднихъ державъ, предупреждать внутреннія смуты, когда она пользуется правомъ, для нея столь драгоцѣннымъ, свободнаго избранія своихъ королей, наблюдать за тѣмъ, чтобы въ случаѣ такого событія, республика избрала себѣ правителя, угоднаго Его Величеству, и противодѣйствовать успѣху всѣхъ противныхъ партій,—таковы главные вопросы этой секретной переписки".

Авторъ инструкціи излагаетъ историческій ходъ сношеній Франціи съ Польшей, рисуетъ современное положеніе этого государства, дѣлаетъ обзоръ различныхъ партій, оспаривающихъ другъ у друга первенство, и указываетъ на готовность старинной французской партіи соединиться по призыву агентовъ Франціи, чтобы возобновить борьбу противъ русской партіи и Чарторижскихъ. Предвидя, наконецъ, близкую кончину польскаго короля, онъ настаиваетъ на необходимости не дать себя застать врасплохъ такому событію и подготовиться заранѣе ко всякимъ случайностямъ. Многочисленные кандидаты явятся соискателями избирательной польской короны; каждый изъ нихъ будетъ искать извнѣ своей главной опоры. Франція остановила свой выборъ на принцѣ Ксаверіи Саксонскомъ, третьемъ сынѣ теперешняго короля и любимомъ братѣ супруги дофина [1]). И всѣ усилія французской политики на сѣверѣ и въ Петербургѣ, какъ въ Варшавѣ, должны были клониться къ подготовленію избранія этого принца.

Въ представленіи короля и его тайныхъ совѣтниковъ союзъ съ Елизаветой является лучшимъ орудіемъ противъ Россіи, позволяя „блюсти при этой Государынѣ интересы Польши, пользоваться связями Франціи съ ея имперіей, чтобы приносить пользу

---

[1]) Сынъ Людовика XV былъ женатъ на дочери Августа III, курфюрста саксонскаго и короля польскаго. Отъ этого брака родились Людовикъ XVI, Людовикъ XVIII и Карлъ X.

республикѣ, и предотвращать то, что можетъ оказаться вреднымъ для послѣдней, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ". Людовикъ XV чистосердечно признается, что не имѣлъ въ виду иной цѣли, соглашаясь на установленіе частной переписки съ Елизаветой. Де Бретейль долженъ былъ проникнуться тѣми же чувствами, не пренебрегать никакими способами для склоненія убѣжденіемъ или подкупомъ на свою сторону приближенныхъ царицы; въ особенности долженъ онъ былъ стремиться войти въ довѣріе канцлера Воронцова. Здѣсь слѣдуетъ странная оцѣнка характера и наклонностей этого государственнаго мужа".

„Безъ сомнѣнія", говорится въ инструкціи, „онъ расположенъ къ намъ, но надо также сказать, что этотъ министръ, какъ и должно быть, преданъ тому, что считаетъ интересами своей Государыни и своей родины; слѣдовательно *было бы неудивительно, если бы онъ имѣлъ въ виду исключительно усиленіе могущества Россіи*. Къ этой цѣли стремятся русскіе министры, повидимому соблюдающіе послѣдовательность въ своихъ принципахъ и поступкахъ".

Важно именно предупредить такое усиленіе русскаго могущества. Послѣднія побѣды русскихъ войскъ были одержаны надъ врагами Франціи, но онѣ увеличили высокомѣріе и требовательность петербургскаго кабинета; слѣдовательно надо озаботиться, чтобы онѣ больше не повторялись. Людовикъ XV доходитъ до желанія бездѣйствія своихъ союзниковъ, не заботясь о послѣдствіяхъ этого для окончательнаго исхода войны, и инструкція приходитъ къ такому заключенію, что лучше дозволить Пруссіи спастись отъ неминуемой бѣды, чѣмъ допустить ея гибель отъ руки Россіи.

„Изъ всего здѣсь сказаннаго", заканчиваютъ совѣтники короля, „слѣдуетъ, что въ то же время представлялось бы нежелательнымъ, чтобы Англія, возстановивъ свой кредитъ при дворѣ Россіи, отстранила бы ее отъ союза, за чѣмъ баронъ де Бретейль обязанъ внимательно слѣдить; также надо опасаться послѣдствій черезчуръ большого вліянія или слишкомъ большихъ успѣховъ Россіи въ этой войнѣ. Чѣмъ болѣе она будетъ считать,

что она необходима, или была необходима, тѣмъ больше будетъ себѣ придавать цѣны и ставить невозможныя требованія".

„Хотя общій принципъ союза заключается въ желаніи, чтобы всѣ союзники проявляли одинаковую мощь, но данный случай совершенно особенный; баронъ Бретейль не долженъ ни побуждать русскихъ, ни удерживать ихъ; но, смотря по обстоятельствамъ, соразмѣрять большую и меньшую степень дѣятельности, какая отъ нихъ потребуется, и умѣренность, не настаивая на успѣхахъ, отъ которыхъ они откажутся подъ предлогомъ невозможности. Достаточно, если въ теченіе этой кампаніи они нигдѣ не подвергнутся пораженію. Если оружіе короля, какъ надо надѣяться, одержитъ должную побѣду, его вліяніе при заключеніи мира отъ того выиграетъ. Русскіе будутъ лишены возможности сказать, что имъ обязаны окончаніемъ войны,—ихъ бездѣятельностью можно воспользоваться для обузданія ихъ кичливости; настолько же уменьшится высокомѣріе, съ какимъ они стали бы поддерживать свои требованія, и можно будетъ заключить миръ при условіяхъ не столь затруднительныхъ и менѣе опасныхъ.

Заботы барона де Бретейль, чтобы не очутиться въ щекотливомъ положеніи между противорѣчивыми приказаніями, должны заключаться въ томъ, чтобы получить отъ министра инструкціи, аналогичныя настоящей. А для достиженія этой цѣли онъ долженъ стать съ послѣднимъ въ такія отношенія, чтобы сдѣлалась понятна необходимость слѣдить за слишкомъ большимъ усиленіемъ Россіи, за опасностями, какія могутъ отсюда возникнуть, за пользой, какая получится, если заставить эту державу вернуться въ прежнія границы, чего можно ожидать только со временемъ, за посягательствами, грозящими свободѣ поляковъ. Онъ долженъ представить, насколько важно для Его Величества сохранить могущественную партію въ этой республикѣ, на что можно надѣяться, только открыто обнаруживъ интересъ къ дѣламъ ее касающимся, слѣдовательно *будучи въ нѣкоторомъ родѣ ея адвокатомъ въ Петербургѣ*, но однако такимъ образомъ, чтобы казалось, что въ виду

имѣется лишь настоящее, и прилагаемыя заботы не скрываютъ никакихъ плановъ относительно будущаго.

Слѣдовательно вся эта инструкція сводится къ тому, чтобы охранять интересы Польши,—проникнуть въ намѣренія Россіи относительно избранія короля,—отстранить отъ престола курфюрста саксонскаго и принца Карла *), провести, если возможно, принца Ксаверія, предположивъ, что поляки желаютъ оставаться подъ управленіемъ Саксонскаго дома,—и такъ какъ представляется вѣроятнымъ, что наврядъ ли удастся убѣдить Россію согласиться съ Его Величествомъ относительно выбора польскаго короля, то добиться по крайней мѣрѣ того, чтобы эта держава предоставила полную свободу націи, не вмѣшиваясь въ это дѣло, — слѣдовательно, предвидѣть мѣры, какія можно принять заранѣе, чтобы достигнуть успѣха на этомъ пути, и нація имѣла бы возможность избрать себѣ короля, соотвѣтствующаго интересамъ короля французскаго. Средства эти состоятъ повидимому въ стараніи склонить на свою сторону главнѣйшихъ министровъ императрицы, чтобы заставить ихъ дѣйствовать сообразно желаніямъ Его Величества какъ относительно избранія на польскій престолъ, такъ и относительно мира. Что касается послѣдняго пункта, то слѣдуетъ разрушить планы объ уступкѣ Пруссіи, даже при условіи обмѣна на польскія земли, стремиться перевести на денежную уплату королями Англіи и Пруссіи требуемое вознагражденіе,—*задержать, если обстоятельства позволятъ, дѣйствія русскихъ*, чтобы они не могли оцѣнить слишкомъ высоко свои услуги и свои успѣхи и, чтобы, напротивъ, оружіе Его Величества доставило ему первенствующую роль въ переговорахъ о мирѣ".

Задержать дѣйствія своихъ союзниковъ, вотъ къ какой цѣли стремилась политика Людовика XV и это въ ту минуту, когда война вступила въ наиболѣе критическій періодъ и когда, чтобы „прикончить съ Фридрихомъ", по выраженію самого Фридриха, русскимъ оставалось только подойти и нанести смертельный ударъ! **) Чтобы оцѣнить по достоинству ошибку французскаго

*) Второй сынъ короля польскаго.
**) Записка Фридриха II.

монарха, чтобы понять, насколько важно было бы для Франціи окончательное пораженіе Пруссіи, незачѣмъ опережать теченіе времени и осуждать прошедшее во имя настоящаго. Въ 1760 году Франція уже три года вела отчаянную борьбу, потратила милліоны, вооружила болѣе ста тысячъ человѣкъ, выдержала шесть сраженій, стремясь вернуть въ надлежащія границы заносчивое могущество Пруссіи. Воспротивиться послѣ стольких усилій тому, чтобы кампанія, такъ энергично проведенная русскими союзниками, завершила начатое дѣло и чтобы они окончательно сломили сопротивленіе Фридриха, — это было со стороны Людовика XV страннымъ забвеніемъ своихъ обязанностей, какъ француза и какъ государя, пренебреженіемъ не только политическими требованіями, но также кровью и деньгами своихъ подданныхъ, потраченными совершенно напрасно. Какого бы участія ни заслуживала Польша, стоило ли это участіе такихъ жертвъ?

Отправка де Бретейля въ Петербургъ была связана съ общимъ планомъ, стремившимся придать дѣйствіямъ тайной дипломатіи больше согласія и опредѣленности. Поставленный въ качествѣ развѣдчика и наблюдателя при общемъ врагѣ Бретейль долженъ былъ извѣщать о всѣхъ намѣреніяхъ Россіи пословъ въ Стокгольмѣ, Варшавѣ и Константинополѣ. Тѣ въ свою очередь установили переписку, связывавшую ихъ между собой и обезпечивавшую взаимную поддержку.

Раньше, чѣмъ баронъ успѣлъ прибыть на свой постъ, неожиданный ударъ чуть не разрушилъ всѣ эти предположенія. Для успѣха своихъ дѣйствій тайная дипломатія разсчитывала болѣе всего на согласіе, которое должно было установиться между де Бретейлемъ въ Петербургѣ и Дюраномъ въ Варшавѣ. Шуазель не относился подозрительно къ первому, но ожидалъ только удобнаго случая, чтобы отдѣлаться отъ второго. Въ одинъ прекрасный день приглашенный на парадный обѣдъ, гдѣ его мѣсто оказалось противъ графа де Брольи, онъ доставилъ себѣ удовольствіе сообщить тому, что король подписалъ приказъ объ отозваніи Дюрана. Графъ перенесъ ударъ, не сморгнувъ. Онъ зналъ, что Людовикъ XV, неспособный открыто оказать сопротивленіе

своему министру, уступалъ ему для вида, чтобы обманывать тайкомъ. Дюраномъ пожертвовали, но король писалъ Бретейлю, что если онъ согласился на отозваніе этого посла „услугами котораго, по своему сознанію, былъ однако вполнѣ доволенъ“,*) то удержалъ въ Варшавѣ въ качествѣ секретаря нѣкоего Эппена, посвященнаго въ тайну; съ этимъ послѣднимъ Бретейлю предстояло впредь имѣть сношенія. Одно изъ звеньевъ таинственной цѣпи, протянутой между различными дворами Сѣвера, оказалось почти въ то же время оторваннымъ и замѣщеннымъ.

Прибывъ въ Петербургъ, гдѣ маркизъ Л'Опиталь медленно завершалъ свои приготовленія къ отъѣзду, де Бретейль почувствовалъ себя въ весьма неловкомъ положеніи. Рѣшившись слѣдовать приказаніямъ государя, онъ все-таки разсчитывалъ сохранить по отношенію пославшему его министру наружное послушаніе. Д'Эонъ, приглашенный королевскимъ письмомъ служить первое время руководителемъ, въ виду его неопытности**), быстро познакомилъ Бретейля съ состояніемъ императорскаго двора и посвятилъ въ нѣкоторыя тайны, только еще усилившія смущенія барона. Роли, повидимому, перемѣнились; теперь Екатерина оказывала французамъ свое благоволѣніе и предупредительность, тогда какъ облако омрачило отношенія къ нимъ императрицы Елизаветы. Передъ пребытіемъ Бретейля, безъ сомнѣнія, чтобы подготовить ему благосклонный пріемъ у Екатерины, Шуазель увѣдомилъ великую княгиню, что Франція употребила свое вліяніе на польскаго короля, чтобы достигнуть возвращенія Понятовскаго на его прежній постъ; великая княгиня выражала за то свою живѣйшую признательность. Напротивъ, Елизавета, нерасположеніе которой къ Понятовскому, повидимому, еще усилилось, съ неудовольствіемъ узнала, что безъ ея вѣдома были затѣяны переговоры для назначенія снова при ней посланника, сумѣвшаго заслужить ея немилость. Она высказала по этому поводу жалобу Людовику XV въ секретной перепискѣ, поддерживаемой съ нимъ. Король Франціи по-

*) „Секретъ короля“, Брольи.
**) Секретная переписка Людовика XV.

спѣшилъ выразить свое неодобреніе министру, отвѣчалъ государынѣ, что никакъ не имѣлъ намѣренья причинить ей непріятность, и отмѣнилъ приказанія, данныя въ Варшавѣ *). Императрица, повидимому, успокоилась, но можно было ожидать отъ Екатерины, разочаровавшейся въ своихъ надеждахъ, возврата недовѣрія? Когда послѣ этого событія Бретейль въ первый разъ ей представился, то ожидалъ упрековъ или, по крайней мѣрѣ, самаго холоднаго пріема; его удивленіе и удовольствіе были безпредѣльны, когда великая княгиня, послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ привѣтствія, добавила слѣдующее: „Король недавно хотѣлъ доставить мнѣ удовольствіе въ дѣлѣ очень близкомъ моему сердцу, и хотя успѣхъ не соотвѣтствовалъ его добротѣ, я, тѣмъ не менѣе, сильно ею тронута. Эту любезность я не забуду всю свою жизнь, потому что не рождена неблагодарной. Прошу васъ передать его величеству мою признательность и уваженіе, и нѣтъ случая, какимъ бы я не воспользовалась, чтобы дать тому доказательства“. Бретейль выразилъ насколько осчастливленъ столь лестнымъ порученіемъ, на что она съ живостью возразила: „Уже давно я убѣждаюсь, что таковы чувства короля; я никогда не дѣлала ничего, что могло бы внушить ему противныя. Что бы ни говорили, и если бы хотѣли узнать меня немного лучше, а не оскорблять меня жестоко, то имѣли бы возможность вполнѣ убѣдиться, что я желала лишь нравиться его величеству. Я открылась вамъ съ полнымъ довѣріемъ, хотя васъ не знаю, потому что все доброе, полученное мною черезъ васъ, заставляетъ меня думать, что вы не способны обмануть мои ожиданія, а я уже давно искала случая высказать свои чувства королю, даже раньше одолженія, оказаннаго мнѣ его добротой“ **).

Герцогъ Шуазель не могъ желать лучшаго для начала отношеній между барономъ Бретейлемъ и великой княгиней. Къ сожалѣнію молодой человѣкъ совершенно не воспользовался этимъ

---

*) Терсье, отъ имени короля, Воронцову, для сообщенія русской императрицѣ 16-го августа 1760 г.

*) Иностр. дѣла. Бретейль, 5-го сентября 1760 г.

первымъ успѣхомъ. Отказываясь серьезно смотрѣть на роль, какую Шуазель поручилъ ему играть по отношенію къ Екатеринѣ, онъ вложилъ въ сношенія съ ней мѣру любезности, необходимую, чтобы оживить бесѣду между привѣтливой и не слишкомъ строгой княгиней и двадцатисемилѣтнимъ дипломатомъ, но ничего болѣе. Онъ недавно женился, повидимому, любилъ свою жену, а Шуазель забылъ запретить ему взять ее съ собой въ Петербургъ.

Также не стремился баронъ воспользоваться для политическихъ интересовъ добрымъ расположеніемъ Екатерины къ Франціи и королю. Связанный противорѣчивыми приказаніями, онъ рѣшилъ держаться въ сторонѣ и дѣйствовалъ мало. Присланный въ Россію, чтобы проявить больше энергіи, чѣмъ Л'Опиталъ, онъ подражалъ его примѣру. Вообще случаи видѣться съ царицей представлялись все рѣже, здоровье Елизаветы пошатнулось; съ каждымъ днемъ ея страданія усиливались и настроеніе духа становилось все мрачнѣе; иногда она не показывалась при дворѣ по цѣлымъ недѣлямъ*). Съ Воронцовымъ Бретейль быстро вступилъ въ отношенія дружескія и довѣрчивыя, но политики касался лишь мимоходомъ. Не стараясь внушить канцлеру чувствъ болѣе благожелательныхъ относительно Польши, онъ только тщательно избѣгалъ упоминанія о военныхъ дѣйствіяхъ и совѣтовъ проявлять больше энергіи. Первымъ послѣдствіемъ усилій тайной дипломатіи было уничтоженіе вліянія Франціи въ Россіи, не повернувъ его въ пользу Польши, и нельзя сомнѣваться, что сдержанность представителей Франціи оказала роковое вліяніе на нерѣшительность и медлительность генераловъ Елизаветы во время кампаніи 1760 г.

Австрійцы и русскіе предполагали лѣтомъ соединить свои силы въ самой Силезіи. Первые прибыли аккуратно на условленное мѣсто встрѣчи; генералъ Лаудонъ разбилъ подъ Ландсхутомъ прусскій отрядъ, взялъ Глацъ и дошелъ до воротъ Бреславля. Но русскіе запоздали. Чтобы соединиться съ союзниками, имъ пришлось отбросить принца Генриха Прусскаго, который,

*) Иностранныя дѣла. Бретейль, 5 октября 1760 г.

противопоставляя арміи Салтыкова свое военное искусство, остановилъ его на берегахъ Одера ловкими задержками. Фридрихъ послѣ напрасной попытки отнять Дрезденъ поспѣшилъ въ Силезію. Оттѣснивъ Лаудона подъ Лигницемъ, онъ освободилъ отъ осады Бреславль и присоединился къ корпусу принца Генриха. Такимъ образомъ обѣ прусскія арміи соединились и помѣшали соединиться врагамъ. Оставшись одни противъ Фридриха, русскіе не рискнули открыть военныя дѣйствія и въ серединѣ лѣта начали отступать послѣ похода, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ, буквально исполняя желаніе Людовика XV, не испытали рѣшительнаго пораженія и не добились успѣха.

Ненависть Елизаветы не могла удовлетвориться такой вялостью. Императорскимъ приказомъ предписывалось возобновить военныя операціи. Фридрихъ вернулся въ Саксонію, дорога къ Берлину была свободна. Туда направился большой русскій корпусъ, засталъ столицу почти безоружной, овладѣлъ ею послѣ нѣсколькихъ часовъ битвы, взялъ арсеналы, уничтожилъ запасные магазины и наложилъ на городъ тяжелую контрибуцію и реквизицію. Извѣстіе о вступленіи русскихъ въ Берлинъ было тяжелымъ ударомъ для Фридриха и обрадовало всѣхъ его враговъ. Европа считала, что Пруссія поражена въ самое сердце. Между тѣмъ Фридрихъ двинулся къ своей столицѣ; Даунъ съ австрійской арміей изъ Саксоніи пустился его преслѣдовать. Въ распоряженіи Фридриха, между русскими, вышедшими изъ Берлина, но еще занимавшими Бранденбургъ, и австрійцами, приготовлявшимися зимовать на Эльбѣ, оставалось пространство меньшее, чѣмъ курфюршество его отца. Не желая задохнуться, онъ рѣшилъ еще разъ испытать счастье оружія и атаковалъ армію Дауна при Торгау. Въ битвѣ, гдѣ пало больше 15,000 человѣкъ, онъ принудилъ австрійцевъ отступить къ югу (7-го ноября). Узнавъ о неудачѣ своихъ союзниковъ, русскіе вернулись въ Польшу, а Фридрихъ воспользовался нѣсколькими мѣсяцами отсрочки, которую ему давалъ врагъ, чтобы передохнуть и собраться съ новыми силами.

Русскіе объясняли свой нерѣшительный образъ дѣйствій трудностями, которыя имъ приходилось испытывать при добываніи провіанта и поддержкѣ сообщенія. Въ польскихъ провинціяхъ, Познани и Варшавѣ, они не находили ни одного мѣста, гдѣ бы могли устроить въ безопасности запасные магазины и арсеналы, или куда могли бы отступить въ случаѣ неудачи. Республика не желала имѣть крѣпостей на своей территоріи. „Крѣпости", говорили поляки, „это узда на свободу". Однако, въ тылу русской арміи одинъ городъ—Данцигъ—могъ бы служить пунктомъ опоры и храненія провіанта. Богатый, съ большимъ населеніемъ, очень хорошо укрѣпленный, онъ могъ бы прокормить въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ цѣлую армію, давъ ей пріютъ подъ пушками своихъ фортовъ. Но старинный ганзейскій городъ—независимая республика подъ главенствомъ Польши, благодаря этому обстоятельству, а также усиліямъ французской и австрійской дипломатій, до сихъ поръ еще ускользалъ отъ русской оккупаціи. Послѣ кампаніи 1760 г. русскіе вернулись къ проекту устроиться тамъ, предварительно войдя въ соглашеніе съ магистратомъ. Они намѣревались сдѣлать Данцигъ своимъ главнымъ складомъ оружія и подготовить тамъ экспедицію, задуманную ими противъ Прусской Помераніи. И на этотъ разъ имъ опять пришлось натолкнуться на недоброжелательство державъ: занятіе Данцига, по мнѣнію Людовика XV, было новой угрозой по адресу Польши. Заручившись такимъ драгоцѣннымъ залогомъ, согласятся ли и русскіе возвратить его обратно, прежде. чѣмъ будутъ удовлетворены ихъ притязанія на восточную Пруссію или Украйну? Секретная дипломатія снова заработала, и баронъ де Бретейль получилъ слѣдующее письмо, подписанное самимъ Людовикомъ XV.

„Милостивый Государь, баронъ де Бретёйль, хотя я могу сомнѣваться въ извѣстіяхъ, получаемыхъ мною изъ Польши, такъ какъ вы ничего о нихъ не упоминаете въ своихъ депешахъ, однако они слишкомъ интересны, чтобы терять время, не предупредивъ, если возможно, выполненія плана, замышляемаго, какъ говорятъ, русскими, т.-е. занятія Данцига. Вы до своего отъѣзда знали изъ писемъ маркиза Л'Опиталя все, что го-

ворилось и дѣлалось до тѣхъ поръ для сохраненія свободы этого города. Это удавалось въ то время, когда силы короля прусскаго, гораздо болѣе значительныя, чѣмъ теперь, дѣлали эту точку опоры болѣе необходимой для русскихъ, чѣмъ нынѣ: а слѣдовательно тогда можно было имѣть и болѣе серьезныя опасенія. Маркизъ де Польми пытался, но тщетно, заинтересовать въ этомъ дѣлѣ графа Брюля, дававшаго ему только неопредѣленные отвѣты. Въ виду того, что русскимъ этотъ городъ не такъ важенъ, какъ въ первыя кампаніи, то въ желаніи овладѣть имъ ими руководятъ скорѣе политическія, чѣмъ стратегическія соображенія. Они начинаютъ чувствовать, что имъ будетъ трудно сохранить Пруссію; и безъ сомнѣнія—если только приписываемое имъ намѣреніе вѣрно — имѣютъ надежду, что возвращеніе Данцига поведетъ къ полученію ими части Пруссіи или того, что они желаютъ получить отъ Украйны. И то и другое одинаково опасно. Слѣдовательно, вы должны употребить всѣ усилія, чтобы графъ Воронцовъ не привелъ этого плана въ исполненіе. Вы представите ему все, что говорилось въ свое время о несправедливости такого образа дѣйствій, который бросилъ бы тѣнь на славу императрицы.

Въ настоящее время несправедливость была бы еще больше. Присоедините къ этимъ доводамъ всѣ тѣ, которыми вы можете снискать особое довѣріе, оказываемое вамъ со стороны графа Воронцова. Поставьте ему на видъ, какъ мнѣ непріятно было бы подобное предпріятіе, угрожающее свободѣ Польши, въ которой я принимаю такое участіе. Укажите, какія затрудненія оно можетъ впослѣдствіи внести во всѣ наши усилія къ возстановленію мира. Не этого я могу ожидать отъ справедливости и личныхъ чувствъ императрицы. Скажите графу Воронцову, что, будь онъ дѣйствительно такъ преданъ мнѣ, какъ говоритъ, его образъ дѣйствій былъ бы совершенно противоположенъ этимъ планамъ и онъ не только не сталъ бы поддерживать ихъ, но прямо препятствовалъ бы ихъ осуществленію. Если бы его признаніе долга, который числится за нимъ, состояло въ томъ, что этотъ ударъ былъ бы отстраненъ, то и тогда я счелъ бы эти деньги хорошо

употребленными *). Постарайтесь дѣйствовать при выполненіи этого порученія со всею осторожностью, на какую способны: замѣтьте ему, что при состояніи здоровья императрицы — о чемъ онъ самъ говорилъ вамъ—и мрачномъ уединеніи, въ которое она удаляется, не возможно предположить, чтобы она сама отдала подобное распоряженіе. Слѣдовательно, его припишутъ ея генераламъ или министрамъ, и можетъ даже случиться, что на него самого—Воронцова—станутъ возлагать всю отвѣтственнесть за подобный образъ дѣйствій, который можетъ имѣть весьма печальныя послѣдствія. Однимъ словомъ, пустите въ ходъ все возможное вліяніе на него, чтобы онъ помѣшалъ занятію русскими этого города, свобода котораго такъ необходима для свободы Польши, а захватъ русскими имѣлъ бы столь опасныя послѣдствія. Вотъ чего я ожидаю отъ вашего усердія и отъ вашего знанія моихъ намѣреній и участія, принимаемаго мною въ польской республикѣ“ **).

Старанія барона де Бретейля, подкрѣпленныя посылкой секретной ноты самому Воронцову, возымѣли полный успѣхъ. Принимая во вниманіе желаніе короля, Россія отказалась отъ своихъ видовъ на Данцигъ; и стратегическая выгода всего союза отступила передъ политическими соображеніями, выставленными однимъ изъ членовъ этого союза. Одновременно Елизавета рѣшилась на важную уступку. Подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отношенія, которымъ былъ встрѣченъ въ Вѣнѣ и особенно въ Версалѣ проектъ возврата восточной Пруссіи, она офиціально объявила въ концѣ 1760 года, что не настаиваетъ больше на своихъ претензіяхъ. Это извѣстіе нѣсколько успокоило опасенія Людовика XV; что же касается Шуазеля, то онъ съ радостью увидѣлъ исчезновеніе главнаго препятствія къ мирнымъ переговорамъ, которые онъ предполагалъ начать черезъ посредство Россіи и которые въ продолженіе цѣлаго года задерживались обстоятельствами.

*) Король далъ взаймы сто пятьдесятъ тысячъ червонцевъ Воронцову. Иностранныя дѣла, 28 августа 1758 г.

**) Секретная переписка. Король Бретейлю, 3 января 1761 г.

Шуазель думалъ, что послѣ Кунерсдорфа будетъ достаточно одного энергичнаго усилія, чтобы окончить континентальную войну. Ходъ событій мало соотвѣтствовалъ его надеждамъ. Фридрихъ, найдя неожиданнаго помощника въ секретной дипломатіи, Людовика XV, продолжалъ сопротивляться и тѣмъ уничтожалъ всѣ предположенія Шуазеля. Въ Ганноверѣ и Гессенѣ французскія войска хотя и возстановили во время кампаніи 1760 г. нѣсколькими небольшими успѣхами честь своего оружія, но не поколебали позицій врага. Въ другихъ же мѣстахъ неудачи Франціи принимали все болѣе широкіе размѣры. Колоніи одна за другой ускользали изъ ея рукъ. Потерявъ Квебекъ, защитники Канады капитулировали въ Монреалѣ. Пондишери, блокированный съ моря и съ суши, долженъ былъ пасть. Франція выбилась изъ силъ; общественное мнѣніе открыто возставало противъ продолженія войны, и заключить миръ казалось необходимо прежде, чѣмъ новая кампанія принесетъ новыя неудачи.

Осенью 1760 г. Шуазель послалъ барону Бретейлю, оставшемуся послѣ отставки Л'Опиталя и отѣзда д'Эона *), единственнымъ представителемъ Франціи въ Петербургѣ, приказаніе выполнить инструкціи, сообразоваться къ которыми его предшественникъ отказался въ предыдущемъ году, и разузнать намѣренія Россіи относительно посредничества. Но этимъ Шуазель не ограничился: уже не довѣряя такъ же, какъ прежде, послушанію и энергіи де Бретейля, онъ, для возбужденія его усердія, отправилъ къ нему спеціальнаго эмиссара, нѣкоего Фавье. Это былъ человѣкъ очень умный, извѣстный публицистъ, но сомнительной нравственности. Министерство и секретная дипломатія то пользовались его услугами, то открещивались отъ него. **)

---

*) Д'Эонъ отправился во французскую армію въ Вестфаліи, гдѣ отличился храбростью. Въ 1762 г. поднятъ былъ вопросъ о посылкѣ его въ Петербургъ въ качествѣ полномочнаго министра. Но Людовикъ XV предпочелъ довѣрить ему миссію въ Англіи; здѣсь д'Эонъ привлекъ вниманіе новыми и выдающимися приключеніями.

**) Фавье авторъ докладной записки: *„Размышленія о современномъ положеніи Франціи въ политической системѣ Европы“*, переданной графомъ Брольи королю послѣ раздѣла Польши и изданной Сегюромъ въ 1793 г. въ сочиненіи „Политика всѣхъ европейскихъ кабинетовъ“.

Оповѣщенный черезъ Фавье о волѣ министра, Бретейль не посмѣлъ сообразоваться съ ними, не посовѣтовавшись непосредственно съ королемъ. Онъ испрашивалъ у послѣдняго разрѣшенія повиноваться, стараясь успокоить его относительно неудобствъ, которыя могли бы произойти отъ вліянія и притязаній Россіи въ качествѣ посредницы послѣ двухъ выигранныхъ ею битвъ. „Мнѣ кажется, ваше величество", прибавляетъ онъ, „что теперь, послѣ такой неудачной кампаніи, какъ совершенная Россіей, подобной опасности не представляется. *)

Послѣдній доводъ показался убѣдительнымъ королю, и онъ далъ де Бретейлю разрѣшеніе дѣйствовать. Когда Россія благосклонно выслушала первое сообщеніе, то съ іюня мѣсяца 1761 г. между обоими правительствами начался обмѣнъ мнѣній относительно мѣръ, которыя наиболѣе вѣрно обезпечили бы миръ. **)

Шуазель прислалъ союзной Россіи проектъ декларацій къ дворамъ англійскому и прусскому. Въ предшествовавшемъ году они черезъ посредство британскаго посла въ Гаагѣ обратились къ заинтересованнымъ державамъ съ предложеніемъ созвать общій конгрессъ. Это обстоятельство облегчило Франціи первые шаги, позволяя прямо приступить къ дѣлу, и, вслѣдствіе того, декларація Франціи была составлена въ формѣ отвѣта. Но вмѣсто одного конгресса Шуазель придумалъ два. Предметомъ перваго было бы единственно примиреніе Франціи съ Англіей; на второмъ должно было обсудить заключеніе мира между королемъ и Пруссіей съ одной стороны, а съ другой—между послѣдней и государями австрійскимъ, саксонскимъ и русскимъ. Раздѣливъ, такимъ образомъ, переговоры, министръ Людовика XV надѣялся побѣдить сопротивленіе и успокоить недовѣріе Австріи. Марія-Терезія соглашалась договариваться только о своихъ выгодахъ,

---

*) Бретейль королю. Секретное письмо 27 сентября 1760 г.

**) Людовикъ XV написалъ Елизаветѣ, чтобы побудить ее заключить миръ, письмо, гдѣ говоритъ о „нѣжномъ довѣріи", которое питалъ къ ней.

тщательно отдѣляя свои интересы отъ интересовъ Франціи, и могла опасаться, какъ бы общій конгрессъ, разсуждая о выгодахъ и невыгодахъ всѣхъ союзниковъ въ совокупности, не потребовалъ отъ Австріи земель, отнятыхъ ею у Пруссіи взамѣнъ владѣній, которыя Англія возвратила бы Франціи. Наконецъ, Шуазель просилъ о перемиріи, которое предупредило бы возобновленіе войны между различными воюющими государствами *).

Въ Петербургѣ французскія предложенія сдѣлались предметомъ всестороннняго обсужденія. Собралась *конференція*—родъ государственной комиссіи изъ главныхъ сановниковъ, въ которой государственныя дѣла обсуждались прежде, чѣмъ представлялись на утвержденіе императрицы. Великій князь былъ исключенъ изъ этой конференціи, такъ какъ его подозрѣвали въ приверженности къ Пруссіи. Конференція выработала полный планъ переговоровъ, немедленно сообщенный въ Версаль, и болѣе выгодный для Франціи, чѣмъ французскій проектъ. Россія, правда, соглашалась лишь на короткое перемиріе; она желала возобновить какъ можно скорѣй и продолжать войну въ Германіи, если бы попытки соглашенія не привели къ желанному результату. Что же касается раздѣльныхъ переговоровъ, она допускала ихъ при редактированіи предварительныхъ статей, а ратификація окончательнаго мирнаго договора представлялась общему конгрессу. Наконецъ, Елизавета не брала назадъ своего предложенія объ отказѣ отъ восточной Пруссіи, но желала, чтобы эта уступка была согласна съ интересами ея союзниковъ и была бы не безъ пользы для Россіи. Поэтому она ставила условія. Она объявила лондонскому кабинету, что, рѣшившись пріостановить свои завоеванія въ цѣляхъ примиренія, она ожидаетъ со стороны Англіи такой же жертвы въ отвѣтъ и ставитъ возстановленіе Пруссіи въ зависимость отъ мира на морѣ. Въ благодарность за такой образъ дѣйствія, версальскій дворъ бралъ на себя секретное обязательство поддерживать въ варшавскомъ сеймѣ домога-

*) Переписка съ Россіей, декабрь 1760 г.

тельства Россіи объ округленіи границъ со стороны Украйны. *)

Нетрудно видѣть, какія выгоды Франція могла извлечь изъ подобныхъ предложеній. Фридрихъ особенно дорожилъ возвращеніемъ провинціи, служившей колыбелью могущества предковъ. Съ другой стороны, онъ пользовался въ Лондонѣ значительнымъ кредитомъ. „Онъ не только король прусскій", писалъ Берни Шуазелю за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, „но также первый министръ короля англійскаго" **). Желаніе сохранить въ неприкосновенности прусскую монархію и необходимость считаться съ Россіей могли побудить Англію на большую уступчивость въ ея переговорахъ съ Франціей, и, можетъ-быть, она могла согласиться вернуть часть французскихъ колоній, завоеванныхъ ею. Правда, что для достиженія этого Франція должна была бы отказаться отъ противодѣйствія увеличенію Россіи на счетъ Польши и даже въ нѣкоторой степени способствовать ему.

Таково было единственное обязательство, котораго Елизавета домогалась отъ Франціи. Однако, въ то же время она сообщала объ одномъ желаніи, уже давно питаемомъ ею. Она никогда не отказывалась отъ надежды превратить въ постоянный и прямой союзъ временное сближеніе между обѣими державами, состоявшееся благодаря событіямъ 1757 г. „Императрица искренне желаетъ этого союза", говорилъ Воронцовъ Бретейлю, „и мнѣ кажется, что было бы выгоднѣе устроить его прежде заключенія мира ***). Въ концѣ 1760 г. Елизавета передала черезъ посредство Воронцова и Терсье Людовику XV конфиденціальное письмо, въ которомъ выражала свое желаніе работать надъ всеобщимъ умиротвореніемъ. Она предлагала подписать новый союзный договоръ, болѣе обширный и подробный, чѣмъ всѣ предыдущіе ****), и заключенный только между Франціей и Россіей безъ посредства Австріи.

---

*) Иностранныя дѣла. Бретейль 4 февраля 1761 г.

**) Цитировано Филономъ въ его „Запискѣ о посольствѣ Шуазеля въ Вѣнѣ".

***) Бретейль 14 января 1761 г.

****) Секретная переписка. Воронцовъ отъ имени императрицы къ Терсье 9 декабря 1760 г.

Однимъ словомъ, получить право на благодарность Франціи, облегчивъ ея соглашеніе съ Англіей, а затѣмъ сослаться на оказанную услугу, чтобы заручиться поддержкой Франціи въ Польшѣ и впредь связать французскую политику съ русской—таковъ былъ планъ царицы. Надо ему отдать справедливость, что онъ былъ ловко задуманъ и дальновиденъ.

Само собой разумѣется, что Шуазель, преслѣдуемый патріотической мыслью спасти остатки французскаго государства, не колеблясь, присоединился къ русскимъ предложеніямъ. Онъ писалъ Бретейлю: „Съ нашей стороны не послѣдуетъ никакого противорѣчія; я имѣю сдѣлать вамъ одно только замѣчаніе: слѣдуетъ, чтобы г. канцлеръ передалъ вамъ черезъ министра ноту, которая содержала бы оба условія, выставляемыя, повидимому, Россіей при ея отказѣ отъ Пруссіи. Эти два условія суть—чтобы Англія помирилась съ нами и чтобы мы добыли Россіи какое-либо вознагражденіе со стороны Украйны. Мы охотно откажемся отъ всякой деликатности по отношенію лондонскаго двора и будемъ имѣть право воспользоваться выгодами, которыя Россія пожелаетъ получить для себя за согласіе обратной уступки Пруссіи, чтобы убѣдить вѣнскій дворъ, что земли, отнятыя нами у его величества короля прусскаго, тоже должны послужить намъ вознагражденіемъ за возвраты, которые намъ придется просить для себя. Вы видите, что далеко не затрудняя и не затягивая переговоры, мы готовы пожертвовать, ради быстраго заключенія мира менѣе существенными соображеніями, которыя при другихъ обстоятельствахъ привлекли бы на себя наше вниманіе и, можетъ-быть, задѣли бы наше самолюбіе.

Бретейль сообщилъ о содержаніи этой депеши Воронцову, который, въ общемъ, согласился съ ея основаніями. Переговоры между Франціей и Англіей должны были начаться при посредствѣ князя Голицына, русскаго посла въ Лондонѣ. Воронцовъ, казалось, намѣревался изготовить офиціальную ноту, которая объясняла бы намѣренія Россіи, и, появившись въ подходящую минуту, т.-е. при началѣ серьезныхъ переговоровъ, могла оказать существенное вліяніе на ихъ ходъ. Бретейль былъ очень доволенъ такимъ

результатомъ, который, по его словамъ „долженъ былъ обезпечить, или, по крайней мѣрѣ, облегчить возвратъ Франціи ея владѣній въ Америкѣ *), но вдругъ получилъ изъ Версаля депешу, помѣченную 13 мая, изъ которой увидалъ, что Шуазель отступаетъ. Французскій премьеръ какъ будто сомнѣвался, не зашелъ ли онъ черезчуръ далеко и не слишкомъ ли поспѣшно принялъ предложеніе и условія Россіи. „Еще не время договариваться о видахъ, которые Россія имѣетъ на польскую Украйну“, писалъ онъ, „и вы должны въ этомъ отношеніи ограничиться общими увѣреніями о готовности короля насколько возможно доказать свое участіе ко всему, что касается интересовъ русской императрицы“ **).

Далеки были эти неопредѣленныя выраженія отъ того рѣшительнаго, или, по крайней мѣрѣ, покорнаго тона, которымъ Франція говорила два мѣсяца тому назадъ. Что же произошло за этотъ промежутокъ времени въ Версалѣ, и какъ объяснить этотъ шагъ назадъ? Не слѣдуетъ ли его приписать настояніямъ Австріи? Безъ сомнѣнія, Марія-Терезія съ неудовольствіемъ видѣла бы установленіе равновѣсія между завоеваніями Россіи и Англіи; однако нѣтъ ни одного документа, который свидѣтельствовалъ бы о ея вмѣшательствѣ въ дѣла, непосредственно ея не касавшіяся. Настоящей причиной было то, что Шуазель встрѣтилъ со стороны короля формальный отказъ итти дальше по пути уступокъ и довѣрія къ Россіи. Какъ всегда, повелитель далъ почувствовать свою волю слишкомъ поздно, но съ своимъ обычнымъ упорствомъ. Людовикъ XV считалъ, что Елизавета слишкомъ дорого цѣнитъ свои услуги. Если еще его самолюбіе могло примириться съ тѣмъ, что къ Франціи вернется часть ея колоній, благодаря помощи союзника, къ которому онъ относился пренебрежительно, то его нѣжная заботливость о полякахъ возмущалась при мысли, что сдѣлка относительно границъ Украйны могла маскировать настоящее лишеніе ихъ собственности. Поэтому онъ

---

*) Бретейль, 10 апрѣля 1761 г.

**) Шуазель Бретейлю 13 мая 1761 г.

ГЕРЦОГЪ ШУАЗЕЛЬ.

(Библ. націон. эстамп.) (Съ портр. Ванъ-Лоо.)

пріостановилъ усилія своего министра и началъ дѣйствовать своими обычными окольными путями. Терсье получилъ приказаніе руководить негласно Бретейлемъ въ смыслѣ, согласномъ съ планами короля.

Повидимому представился удобный случай, когда пришлось отвѣтить на предложеніе о непосредственномъ союзѣ, съ которымъ царица обратилась къ Франціи черезъ Воронцова. Шуазель узналъ объ этомъ предложеніи съ радостью и даже предложилъ Россіи субсидію, въ которой Франція ей всегда отказывала. По приказанію короля, Терсье написалъ Воронцову письмо, преисполненное самой горячей благодарностью *), но въ то же время указывалъ Бретейлю способъ наиболѣе вѣрный, чтобы Россія перестала вступаться за интересы Франціи и прервала переговоры о союзахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ послу уклоняться отъ всякихъ разговоровъ объ Украйнѣ. „Я увѣренъ", писалъ онъ, „что секретно выраженныя желанія его высочества будутъ вамъ всегда служить путеводной нитью въ вашихъ переговорахъ, и что вы не только не допустите включенія въ этотъ союзъ ничего несогласнаго съ видами его величества, но даже внушите г. Шуазелю идеи, которыя могутъ способствовать этимъ видамъ, или возраженія, достаточно вѣскія, чтобы отвратить его отъ поползновенія итти на перекоръ имъ. Отказъ императрицы отъ ея притязаній на Пруссію—столь важный вопросъ для Польши,—существенный пунктъ, но можно опасаться, что царица захочетъ вознаградить себя со стороны Украйны. Если мы охранимъ Республику въ этихъ двухъ пунктахъ и Данцигъ будетъ, свободенъ, какъ, повидимому, надо надѣяться, мы сумѣемъ заставить Польшу оцѣнить услугу, оказанную ей его величествомъ **)".

Эти замѣчанія были сообщены де Бретейлю подъ видомъ совѣтовъ. Черезъ нѣсколько времени Людовикъ XV рѣшился ихъ подкрѣпить опредѣленнымъ приказаніемъ. Ему казалось, что баронъ, не получивъ еще посланіе Терсье, продолжалъ поддержи-

---

*) Секретная переписка. Терсье отъ имени короля Воронцову, 23 марта 1761 г.

**) Терсье Бретейлю, 23 марта 1761 г.

вать надежды русскихъ министровъ; что онъ не возставалъ противъ притязаній Россіи на Украйну, выражалъ надежду, что ему удастся быстрое полученіе королевской подписи подъ новымъ союзнымъ договоромъ, и даже обсуждалъ съ Воронцовымъ основанія совмѣстнаго дѣйствія въ Польшѣ, когда откроется вакансія на польскій тронъ. На этотъ разъ Людовикъ счелъ необходимымъ лично вмѣшаться въ переговоры, чтобы прервать ихъ, и написалъ де Бретейлю высокомѣрное письмо, высказываясь безъ обиняковъ. Это письмо обрисовываетъ характеръ и политику короля:

„Отъ короля, барону де Бретейль, Марли, 8 іюня 1761 г. Г. баронъ де Бретейль, извлеченія, сопровождающія ваше письмо отъ 1 марта, заставляютъ меня думать, что вы зашли слишкомъ далеко въ своей бесѣдѣ съ русскимъ министромъ. Онъ долженъ сдѣлать первый шагъ; я хочу, чтобы нашей политикой было—пріучать его къ этому. Русскіе слишкомъ жадны, какъ только въ нихъ нуждаются. Опытъ показалъ мнѣ, что самая большая выгода, которую я могу извлечь изъ союза съ ними—это воспрепятствовать вреду, который они могли бы нанести намъ тѣснымъ союзомъ съ моими врагами. Поэтому я желаю, чтобы въ переговорахъ съ русскими вы руководствовались этими принципами и избѣгли бы необходимости для меня объясненій по поводу занятія польскаго престола. Я имѣю основаніе думать, что, разрѣшая русскимъ захватить Украйну, я только усилилъ бы охлажденіе Турціи ко мнѣ. Кромѣ того, это значило бы участвовать въ настоящей несправедливости; въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы слишкомъ дорого заплатить за союзъ, заключенный съ государствомъ, гдѣ интриги усиливаются съ каждымъ днемъ до такой степени, что самыя точныя приказанія государыни остаются безъ всякихъ послѣдствій, и гдѣ непрочность престолонаслѣдія не позволяетъ относиться съ довѣріемъ къ самымъ торжественнымъ обязательствамъ.

Я сознаю трудность согласованія посылаемыхъ мною вамъ инструкцій съ тѣми, которыя вы получаете отъ герцога Шуазеля, но я требую отъ васъ, чтобы вы употребили всѣ усилія для возвращенія моего министра къ взглядамъ болѣе благопріятнымъ для

Польши, чѣмъ тѣ, которыя онъ, можетъ-быть, имѣетъ теперь, однако не слишкомъ пугая его и не возбуждая его сомнѣній. И я надѣюсь, что вы употребите при этомъ случаѣ все искусство, на которое способны, и тѣмъ болѣе будете заслуживать чувства, которыя я къ вамъ питаю".

Королевское предписаніе было отправлено вмѣстѣ съ объясненіемъ, въ которомъ Терсье формально запрещалъ Бретейлю употреблять имя Украйны, дѣлать какіе-либо намеки на престолонаслѣдіе Польши и даже выказывать слишкомъ ясныя мирныя намѣренія. *) Бретейль могъ только преклониться передъ такими опредѣленными приказаніями; онъ отступилъ отъ всякихъ переговоровъ, не отвѣчалъ на намеки Воронцова и, когда послѣдній говорилъ объ условіи союза, дѣлалъ видъ, что онъ подъ этимъ понимаетъ торговый трактатъ. **) Видя, что ея услуги отклоняются, Россія отказалась отъ роли посредницы въ примиреніи Франціи съ Англіей и удовольствовалась тѣмъ, что вмѣстѣ съ Австріей заявила предложеніе собрать въ Аугсбургѣ конгрессъ, чтобы установить условія мира на континентѣ. Въ Лондонѣ князь Голицынъ былъ посредникомъ между Франціей и Англіей, но скоро онъ прекратилъ эту дѣятельность и оставилъ Францію лицомъ къ лицу съ ея побѣдителями.

Возбужденная побѣдой, англійская гордость достигла полной мѣры. Уилльямъ Питтъ, питая къ Франціи чувства стараго римлянина къ Карѳагену, хотѣлъ навсегда сокрушить ея колоніальныя силы. Онъ рѣшилъ, что Англія сохранитъ всѣ свои завоеванія въ Америкѣ и Индостанѣ кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ мѣстечекъ, и къ этимъ тяжелымъ условіямъ прибавлялъ еще и унизительныя: срытіе Дюнкирхена, эвакуацію мѣстъ въ Германіи, отнятыхъ Франціей у прусскаго короля и занимаемыхъ ею отъ имени королевы-императрицы. Людовикъ XV и его министры отклонили это требованіе; ни одинъ французъ не осудитъ ихъ. Война возобновилась, и присоединеніе къ Франціи

*) Терсье Бретейлю, 8 іюня 1761 г.

**) Офиціальная корреспонденція. Бретейль 2 августа 1761 г.

Испаніи вслѣдствіе семейнаго соглашенія—одно помогло французамъ поддерживать еще нѣкоторое время борьбу. *)

Отклонивъ средства, предлагаемыя Россіей для ускоренія мира съ Англіей, Франція сдѣлала большую ошибку. Несмотря на помощь Испаніи, было ясно, что силы ея уступаютъ непріятельскимъ и что морская война можетъ повести только къ новымъ потерямъ. Одно событіе могло, если не уничтожить, то уравновѣсить потери—это окончательное паденіе Фридриха. Такой конецъ шестилѣтней кровавой войны въ Германіи можно было предполагать. Франція могла этому способствовать, стѣсняя на Рейнѣ гановерцевъ и гессенцевъ, союзниковъ прусскаго короля. Въ началѣ кампаніи 1761 г. Франція мобилизовала стотысячную армію; къ сожалѣнію, раздѣленіе командованія ею между Субизомъ и маршаломъ Брольи мѣшало общности движеній и было причиной пораженія при Виллингаузенѣ (15 іюля 1761 г.). Осенью положеніе сражающихся послѣ многой пролитой крови оставалось то же, что и при началѣ военныхъ дѣйствій.

На Эльбѣ и на Одерѣ должна была рѣшиться судьба войны, и союзникамъ Франціи—Австріи и Россіи предстояло нанести рѣшительный ударъ. Послѣ неудачи при Кунерсдорфѣ и неполной побѣды при Торгау Фридрихъ началъ сомнѣваться въ своемъ счастьѣ. Не рѣшаясь выступить въ открытомъ полѣ, онъ старался избѣгать сраженій. Онъ не воспрепятствовалъ соединенію австрійской и русской армій въ Силезіи и былъ окруженъ въ своемъ лагерѣ въ Бунцельвизѣ 120,000 человѣкъ. Союзные генералы Лаудонъ и Бутурлинъ не оказались храбрѣе противника; они не пошли въ атаку, а удовольствовались наблюденіями за движеніями непріятеля и разореніемъ провинціи въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Потомъ они раздѣлились и каждый въ отдѣльности стали завоевывать прусскія владѣнія. Австрійцы завладѣли Швейдницемъ, что укрѣпило ихъ власть въ

*) „Историческая записка о переговорахъ съ Франціей Англіи 26 марта 1761 по 20 сентября того же года“, опубликованная по правительственному распоряженію. Парижъ 1761 г.

большей части Силезіи. Русскіе, двинувшись къ сѣверу, осадили Кольбергъ съ моря и суши, овладѣли имъ и оказались хозяевами въ Помераніи. Въ Саксоніи принцъ Генрихъ отпустилъ шагъ за шагомъ. Бранденбургъ, безъ крѣпостей и войскъ, былъ открытъ для вступленія враговъ. Фридрихъ, отказавшись отъ возможности прорвать желѣзное кольцо, которое все больше тѣснило его, собралъ около себя остатки своего войска, отступилъ въ Бреславль и не смѣлъ оттуда тронуться. Его отвага, до сихъ поръ рѣдко ослабѣвавшая, казалось, покинула его. Обезсилѣвъ и потерявъ бодрость, онъ два мѣсяца не выходилъ, никого не принималъ и не показывался войску. Хотя зима представляла ему нѣкоторый отдыхъ, онъ такъ же, какъ и его противники, не сомнѣвался, что слѣдующая кампанія будетъ послѣдней.

Со всѣхъ сторонъ были дурныя предзнаменованія. Австрія задерживала открытіе Аугсбургскаго конгресса, чтобы уничтожить его и продиктовать выгоднѣйшія условія мира. Англія покидала его и отказывала въ субсидіяхъ. Въ Пруссіи росла безнадежность и уменьшалась преданность къ нему, онъ только что открылъ заговоръ, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы предать его врагамъ. На этомъ мрачномъ горизонтѣ Фридриху вдругъ блеснулъ лучъ надежды и именно со стороны Петербурга. Послѣднія намѣренія Россіи клонились къ поддержанію войны всѣми силами, когда осенью 1761 г. распространились тревожные слухи о болѣзни императрицы Елизаветы и о возможности скорой перемѣны правленія. Царица, какъ говорили, безнадежна, ей остается жить только мѣсяцы, можетъ-быть недѣли. Фридрихъ зналъ о восторженномъ поклоненіи, внушенномъ имъ великому князю-цесаревичу; какъ и вся Европа, онъ не сомнѣвался въ томъ, что, вступивъ на тронъ, Петръ Голштинскій отдѣлится отъ Австріи и Франціи, если не заключитъ немедленно союзъ съ Пруссіей, то возстановитъ съ ней дружескія отношенія. Отдѣлавшись отъ своего опаснѣйшаго врага, Фридрихъ могъ бы противостоять другимъ и заключить почетный миръ. Такимъ образомъ, судьба Пруссіи и части Европы

зависѣла отъ шаткаго существованія Елизаветы; смерть императрицы, если она наступитъ раньше кампаніи 1762 года, спасла бы Фридриха.

Извѣстія изъ Россіи оказались вѣрными. У Елизаветы опять былъ приступъ ея болѣзни, а каждый такой приступъ все болѣе ослаблялъ ее *). Постоянно взволнованная, мучимая страхомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не принимая тѣхъ предосторожностей, которыхъ требовала ея болѣзнь, она съ ужасомъ ожидала приближеніе смерти и ничего не дѣлала, чтобъ отдалить ее. Среди мучительныхъ физическихъ страданій ее терзала мысль, которая составляла всю надежду Фридриха. Она съ тоской думала о томъ, что безъ нея всѣ ея политическіе планы рушатся: неблагодарный наслѣдникъ, забывъ ея благодѣянія, ненавидя все, что она любила, преклоняясь предъ тѣмъ, что ненавидѣла, уничтожитъ ея почти оконченное дѣло и постарается стереть со скрижали исторіи царствованіе Елизаветы. Ея недружелюбіе къ Петру превратилось въ ненависть. Она возвращалась къ своимъ прежнимъ планамъ и искала способа передать свою корону сыну великаго князя, только ожидая какого-нибудь проявленія національнаго чувства противъ наслѣдника, явно называвшаго себя другомъ народнаго врага, которое оправдало бы ея рѣшеніе.

Она, казалось, старалась возбудить это движеніе. Одинъ вечеръ, чувствуя себя лучше, она воспользовалась отсутствіемъ царевича, чтобы взять съ собою великаго князя Павла въ дворцовый театръ, гдѣ въ этотъ день она приказала играть русскую пьесу вмѣсто ея любимыхъ французскихъ. Черезъ минуту она замѣтила малое количество зрителей и велѣла впустить гвардію. Солдаты вошли толпой, и между ними она узнала нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые въ знаменательную ночь несли ее на плечахъ въ зимній дворецъ, и дружески поклонилась имъ. Затѣмъ она взяла маленькаго князя на руки, ласкала его, показывала солдатамъ, ласково принимая ихъ похвалы ребенку. Въ это мгновеніе достаточно было бы вырвавшагося изъ устъ солдата крика, жеста государыни, чтобы Павелъ былъ провозглашенъ прямымъ

---

*) Иностранныя дѣла. Донесенія Бретейля за послѣдніе мѣсяцы 1761 г.

наслѣдникомъ вмѣсто его недостойнаго отца. Елизавета не осмѣлилась дать этотъ ожидаемый ея вѣрными гренадерами знакъ и удовольствовалась на этотъ разъ какъ бы приготовленіемъ къ осуществленію задуманнаго ею переворота. *)

Довѣренными ея горестей и желаній были канцлеръ Воронцовъ и ея секретарь Олсуфьевъ. Оба они были участниками въ редакціи и отправкѣ переписки съ Людовикомъ XV. Съ февраля 1761 г. Олсуфьевъ, при посредствѣ общаго друга, нѣсколько разъ и упорно обращалъ вниманіе де Бретейля на антипатію царицы къ ея наслѣднику и на послѣдствія, могущія отъ этого произойти. Казалось, что Елизавета, при своемъ разстроенномъ состояніи, хотѣла услышать совѣтъ своего любимаго союзника. Поставленный въ извѣстность объ этомъ Людовикъ медлилъ отвѣтомъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ; наконецъ онъ рѣшилъ, что можетъ еще съ пользою для себя употребить свое вліяніе на Елизавету; 16 ноября того же года онъ секретно написалъ Бретейлю, предлагая ему сблизиться съ Олсуфьевымъ и внушить черезъ него императрицѣ рѣшенія въ интересахъ Франціи. „Я вижу“, говоритъ онъ, „что послѣдній припадокъ русской императрицы далъ поводъ опасаться за ея жизнь и, хотя ничего объ ея состояніи не объявляется, но ея темпераментъ, ея печальная и праздная жизнь, то, что она такъ мало обращаетъ вниманія на свою болѣзнь, не принимаетъ необходимыхъ лѣкарствъ, сущность ея болѣзни, даютъ поводъ къ постоянному безпокойству. Искренняя дружба моя къ царицѣ заставитъ меня глубоко сожалѣть о ней, но, кромѣ этого чувства, смерть ея была бы очень неудобна при существующихъ обстоятельствахъ. Симпатіи ея наслѣдника извѣстны. Правда изъ разговора, приводимаго вами въ письмѣ отъ 15 февраля, видно, что особа, съ которой вы бесѣдовали, не отрицаетъ непріязни императрицы къ великому князю. Чтобы не касаться ни фактовъ, ни особы, о которой вы говорите въ вашемъ письмѣ, я, основываясь на по-

*) Бретейль 24 декабря 1761 г.

слѣднемъ и на приведенномъ въ немъ разговорѣ, поручаю вамъ обратить особенное вниманіе на г-на Олсуфьева, пользующагося довѣріемъ императрицы, дабы, смотря по обстоятельствамъ, черезъ его посредство, внушить государынѣ, чтобы она сдѣлала соотвѣтствующія распоряженія на случай своей смерти. Я хочу сегодня обратить ваше вниманіе на это дѣло; болѣе опредѣленныя инструкціи послѣдуютъ вслѣдъ за вашими дальнѣйшими сообщеніями. Очень важно, чтобъ черезъ васъ или лицъ, съ которыми вы говорили, Олсуфьевъ былъ поставленъ въ невозможность давать своей государынѣ совѣты, несоотвѣтствующіе моимъ намѣреніямъ и благу моихъ дѣлъ. Вамъ предоставляется употребить въ этомъ отношеніи всю вашу ловкость, стараясь частнымъ образомъ сблизиться съ г-нъ Олсуфьевымъ, насколько ему это позволитъ его обязательная сдержанность *).

Бретейль не успѣлъ воспользоваться этой инструкціей. Въ ту минуту, какъ онъ получилъ ее, императрица умирала. Въ послѣдніе дни 1761 г. произошелъ новый припадокъ, болѣе сильный, чѣмъ предыдущіе; явилась лихорадка, уничтожившая послѣднія силы больной. Около постели умирающей кишѣли интриги; образовались двѣ партіи: одна была за наслѣдника, другая за его сына, котораго хотѣли провозгласить императоромъ, а мать его, Екатерину—регентшей. Друзья же Елизаветы, видя приближеніе конца ихъ царства, только охали и не дѣлали даже попытки внушить своей повелительницѣ совершить послѣдній актъ ея воли. „Сколько добра можно бы сдѣлать для досударства“, говорилъ Воронцовъ Бретейлю, „если бъ государыня захотѣла!“ но онъ ничего для этого не дѣлалъ. Однако Елизавета дала знать, что она желаетъ поговорить на-единѣ съ своимъ канцлеромъ, но Воронцовъ не посмѣлъ послушать этого послѣдняго приказанія и уклонился отъ разговора **). Когда императрица почти совсѣмъ потеряла со-

*) Секретная переписка.

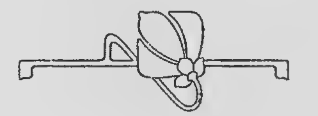
**) Бретейль, 31-го декабря 1761 г.

знаніе, Петръ и Екатерина приблизились къ ея постели; устроено было подобіе примиренія, потомъ началась продолжавшаяся двое сутокъ агонія. Въ это время поборники Голштинскаго принца взяли верхъ; пользуясь честолюбіемъ одихъ, трусостью другихъ, они сумѣли предупредить возмущеніе. 5-го января 1762 г., когда выстрѣлы съ крѣпости оповѣстили о смерти императрицы, Петръ явился передъ войсками, какъ законный ихъ государь; солдаты покорно, но безъ одушевленія, принесли присягу. *)

У Елизаветы было чувство, или скорѣй инстинктъ, того, что требовали интересы ея государства. Она съ горечью видѣла возвеличеніе Пруссіи и боролась съ ней; она поняла, что выгодно для исполненія великихъ замысловъ, служившихъ славой и стремленьемъ Россіи, опереться на государство, отдаленное, какъ Франція, незаинтересованное сѣверными распрями, чѣмъ на близкихъ требовательныхъ сосѣдей, жадность которыхъ приходится сдерживать, а помощь которыхъ дорого оплачивать. Политика Елизаветы не основывалась на разсчетѣ или размышленіи; ея симпатіи къ Франціи, ея склонность къ Людовику XV и ея ненависть къ Фридриху замѣняли ей принципы и опредѣляли ея дѣятельность. У нея страсть оказалась зрячей и, слѣдуя движеніямъ сердца, Елизавета служила и своему народу и всей Европѣ. Въ одно и то же время горячая и слабая, она была лишена тѣхъ мужественныхъ качествъ, которыми блистала впослѣдствіи другая императрица на царскомъ престолѣ, но она, какъ женщина, продолжала дѣло, начатое глубокимъ политикомъ, ея отцомъ. Исполненію ея добрыхъ намѣреній помѣшали ея характеръ, легкомысліе ея юности, лѣпость ея послѣднихъ лѣтъ, а также неизлѣчимая подозрительность Людовика XV и интриги тайной дипломатіи. Задуманный Петромъ Великимъ союзъ съ Франціей осуществился въ концѣ царствованія его дочери, но слишкомъ поздно, чтобы онъ могъ принести плоды. Заключенный нѣсколькими годами ранѣе, онъ могъ бы удержать опасное воз-

*) Бретейль, 8-го января 1762 г.

величеніе Пруссіи, и, сдерживая геній Фридриха, помѣшалъ бы этому властолюбивому монарху приготовить то, что использовали его наслѣдники. Мы присутствовали при зарожденіи и развитіи этого союза, слѣдили за противорѣчивыми вліяніями на него Людовика XV, за патріотическими попытками герцога Шуазеля; теперь намъ остается посмотрѣть, что произошло съ нимъ послѣ преждевременной смерти Елизаветы.



ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Никогда еще капризный законъ наслѣдованія не приносилъ столько вреда великому государству, какъ въ ту минуту, когда Петръ Голштинскій вступилъ на престолъ Елизаветы Петровны. Во время смерти императрицы Россія оказалась призванной играть первенствующую роль въ Европѣ; она нанесла Фридриху самые чувствительные удары, занимала часть его владѣній, имѣла большое вліяніе на переговоры, долженствовавшіе успокоить Германію, могла простирать свое дѣйствіе на отдаленныя страны, служившія предметомъ споровъ между Франціей и Англіей. Новый царь отъ всего этого отказался ради своей страсти къ Пруссіи. Онъ повторялъ, что его высшее честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы быть полковникомъ въ арміи великаго Фридриха. Дѣло шести лѣтъ должно было разбиться въ рукахъ этого тридцатичетырехлѣтняго ребенка, причудливаго и упрямаго, неспособнаго на обдуманное рѣшеніе.

Измѣненіе политики произошло рѣзко, насильственно, безъ всякаго вниманія къ принятымъ Елизаветою обязательствамъ. Узнавъ о воцареніи Петра, Фридрихъ надѣялся только на его нейтралитетъ; онъ отправилъ посла съ поздравленіемъ и просьбой о мирѣ цѣною восточной Пруссіи; Петръ предложилъ союзъ. Оба монарха подписали одно за другимъ перемиріе, трактатъ о мирѣ и наступательный и оборонительный союзъ, при чемъ царь обязывался послать на помощь своему другу двадцать тысячъ солдатъ. Русское войско занимало тогда Силезію; оно перешло во вражескій станъ и открыло огонь по своимъ вчерашнимъ союзникамъ. Это имѣло характеръ предательства.

Въ соединеніи съ Фридрихомъ Петръ считалъ себя непобѣдимымъ и мечталъ о завоеваніяхъ. Болѣе нѣмецъ, чѣмъ русскій, онъ былъ особенно занятъ своими правами на Голштинію и считалъ царство придаткомъ къ своему герцогству. Онъ объявилъ намѣреніе соорудить дорого стоющую экспедицію противъ Даніи, стать во главѣ ея и потребовать возврата своихъ потомственныхъ владѣній; затѣмъ онъ хотѣлъ сговориться съ Фридрихомъ насчетъ переустройства карты Европы, такимъ образомъ присоединяясь къ счастью и славѣ Фридриха: „Я надѣюсь", говорилъ онъ, „что мой повелитель не прогонитъ меня; если онъ прикажетъ, я со всѣмъ моимъ царствомъ пойду воевать съ адомъ". У этого государя, нанесшаго такой губительный ударъ интересамъ Франціи, не было ненависти къ ней, онъ ей предоставлялъ даже мѣсто въ своихъ комбинаціяхъ. „Это все-таки сильное государство", говорилъ онъ *). Когда англичане отказали Фридриху въ субсидіи, онъ выказалъ противъ нихъ сильный гнѣвъ и нѣсколько дней мечталъ о тройственномъ союзѣ Франціи, Пруссіи и Россіи противъ Великобританіи и Австріи.

Черезъ нѣсколько времени его чувства измѣнились, и онъ началъ съ версальскимъ дворомъ письменную войну по поводу императорскаго титула. Франція предоставила его лично Елизаветѣ, но перенести его на ея наслѣдника рѣшалась только въ случаѣ, если онъ формально откажется отъ всякаго измѣненія въ церемоніалѣ, существовавшемъ между обоими дворами и въ порядкѣ первенства. Петръ отказывался; его посланникъ въ Версалѣ получилъ отвѣтъ въ очень рѣзкой формѣ. Что касается до прочихъ дворовъ, они покидали царя, отказываясь убѣждать или переубѣждать его. Никто не вѣрилъ въ продолжительность его царствованія. Петръ въ управленіи государствомъ былъ также своенравенъ и легкомысленъ, какъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Если его секретарь Волковъ и внушилъ ему сначала нѣсколько человѣчныхъ и разумныхъ мѣръ, то все же его презрѣніе къ религіи, нравамъ и чувствамъ Россіи возбуждали негодованіе и пригото-

*) Бретейль. Переписка, 1762 г.

вляли возстаніе. Кризисъ былъ неминуемъ. Въ такомъ положеніи посланникамъ оставалось ожидать событій и стараться извлечь изъ нихъ пользу.

Недовольные искали предводителя и нашли его въ собственной женѣ Петра. Каждый поступокъ Екатерины казался укоромъ ея мужу; она показывала большое рвеніе къ православію, щадила народные предразсудки, проявляла чисто московскія чувства. Этой молчаливой оппозиціи Петръ отвѣчалъ дурнымъ обращеніемъ и угрозой прогнать жену и повѣнчаться съ Воронцовой. Доведенная до отчаянія униженіями и страхомъ за свое существованіе, Екатерина сдѣлалась заговорщицей, она была увѣрена, что армія, дворъ, духовенство, вся нація будутъ ея союзниками. Она была лишена возможности начать дѣйствовать; за нею строго смотрѣли; у нея не было ни денегъ, ни совѣтчиковъ; ея положеніе было такое же, какъ положеніе Елизаветы двадцать лѣтъ тому назадъ. Какъ и покойная императрица, Екатерина чувствовала необходимость внѣшней опоры, ея взоръ обратился на Францію, и она надѣялась найти въ Бретейлѣ новаго Ла Шетарди.

Въ этой интригѣ кто долженъ былъ играть роль Лестока? Екатерина была окружена маленькой кучкой преданныхъ друзей, Орловыми, Потемкинымъ, Пассекомъ и нѣсколькими второстепенными личностями, въ большинствѣ иностранцами. Одинъ изъ послѣднихъ, пьемонтецъ Одаръ былъ готовъ сдѣлаться посредникомъ между императрицей и французскимъ посольствомъ. Одаръ былъ человѣкъ смѣлый и продажный. „Онъ бѣденъ“, замѣчаетъ Бретейль, „и, кажется, тяготится этимъ“ *). Онъ сошелся съ посломъ и нѣсколько разъ дѣлалъ ясные намеки на предположенія Екатерины и на помощь, которую она ждала отъ Франціи. Послѣдней, какъ бы самъ собою, представлялся случай содѣйствовать перевороту, успѣхъ котораго казался очевиднымъ. Франція могла привязать къ себѣ Екатерину въ ту минуту, когда та собиралась захватить власть и черезъ нее возобновить прекратившійся было союзъ.

*) Бретейль, 20 іюля 1762 г.

Въ такихъ случаяхъ смѣлость полезнѣе расчета и осторожности. Бретейль медлилъ и не рѣшался, отвѣтственность за эту ошибку, однако, падаетъ не на одного молодого посланника. Тайная дипломатія, приказаніямъ которой онъ слѣдовалъ, принимала съ странною радостью вѣсти о первыхъ дѣйствіяхъ Петра III. Видя, что Россія, вступая въ союзъ съ врагами Франціи, даетъ ей право начать съ нею борьбу, дипломатія надѣялась, что царствованіе Петра продлится и пропасть между двумя дворами будетъ все расширяться. Съ своей стороны министръ посылалъ Бретейлю рѣдкія и нерѣшительныя инструкціи. Война съ Англіей совершенно поглощала вниманіе Шуазеля; герцогъ, принявъ портфели военнаго и морскаго министра, уступилъ своему двоюродному брату де Пралену министерство иностранныхъ дѣлъ. Не поддерженный своимъ правительствомъ Бретейль далъ посланному императрицы уклончивый отвѣтъ. Какъ это ни странно, но онъ даже не сообщилъ объ этомъ обстоятельствѣ своему правительству. Еще страннѣе тотъ фактъ, что онъ выбралъ именно этотъ моментъ, чтобъ взять отпускъ и готовиться къ отъѣзду изъ Россіи, оставляя вмѣсто себя простого чиновника *).

Наканунѣ своего отъѣзда де Бретейль находился у себя на дачѣ, на Островахъ, когда Одаръ появился снова и на этотъ разъ заговорилъ болѣе настоятельнымъ и категорическимъ тономъ. Онъ сказалъ: „Императрица приказала мнѣ открыть вамъ, что по настоянію самыхъ вѣрныхъ подданныхъ государства и доведенная до крайности поведеніемъ мужа, она рѣшила поставить этому границы. Не зная еще навѣрное момента, когда ей удастся выполнить ея геройское рѣшеніе, а также болѣе или менѣе важныхъ затрудненій, которыя ей придется встрѣтить при веденіи этого дѣла, она велѣла спросить васъ, можетъ ли король помочь ей въ данномъ случаѣ шестьюдесятью тысячами рублей, и имѣете ли вы достаточно кредита въ Петербургѣ, чтобы вручить эту сумму лицу, которое передастъ ее ей подъ расписку.

---

*) Подробности, приводимыя здѣсь, были сообщены только письмомъ изъ Варшавы 20 іюля 1762 г., уже послѣ переворота.

Бретейль отвѣтилъ сначала, что „король взялъ за правило не вмѣшиваться ни въ какія семейныя дѣла". Но затѣмъ онъ передумалъ и робко замѣтилъ, что, „если, несмотря на затруднительное положеніе и трудность добыть деньги, его высочество будетъ въ состояніи одолжить императрицѣ эту сумму, то онъ сдѣлаетъ это съ удовольствіемъ, не освѣдомляясь, на что могли понадобиться эти деньги". Но Бретейль прибавилъ, что ничего нельзя сдѣлать, не посовѣтовавшись лично съ королемъ; и мало того: прежде, чѣмъ извѣстить свой дворъ объ этомъ желаніи, посолъ требовалъ гарантіи, снимающей съ него отвѣтственность. Одаръ долженъ былъ передать ему записку за подписью Екатерины, составленную въ условленныхъ выраженіяхъ. Императрица должна была написать: *„я поручила подателю сего проститься съ Вами и попросить Васъ исполнить нѣсколько порученій, которыя я прошу Васъ переслать мнѣ какъ можно скорѣе"*. Одаръ все обѣщалъ. Самыя элементарныя обязанности его должности предписывали де Бретейлю отсрочить свой отъѣздъ. Но онъ этого не сдѣлалъ, не подумалъ искать обѣщанной суммы и преспокойно выѣхалъ на слѣдующій день, поручивъ секретарю Беранже принять Одара, когда тотъ придетъ. Если записка будетъ написана по условленной формѣ, Беранже долженъ извѣстить письмомъ Бретейля, который, въ такомъ случаѣ, возьметъ на себя извѣстить свое правительство. До того времени, когда сумма будетъ вручена, могло пройти нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ обстоятельства могли съ минуты на минуту принудить Екатерину дѣйствовать.

По отъѣздѣ барона, Беранже получилъ отъ Одара извѣщеніе о предстоявшемъ свиданіи. Они встрѣтились въ уединенномъ, пустынномъ мѣстѣ, куда Беранже отправился замаскированнымъ. Одаръ принесъ записку, но не такого содержанія, какъ было желательно. Измѣнивъ намѣреніе или обиженная недостаточной предупредительностью Франціи, Екатерина взяла назадъ свою просьбу. Въ запискѣ значилось: „Покупка, которую мы намѣревались сдѣлать, вѣроятно, состоится въ скоромъ времени, но гораздо дешевле. Поэтому другихъ капита-

ловъ не надо“ *). Съ этой минуты между императрицей и посольствомъ прекратились всякія сношенія. Недѣлю спустя произошелъ переворотъ.

Подробности дошли до насъ въ драматическомъ разсказѣ. **) Переворотъ былъ повтореніемъ происшедшаго въ 1741 г. Во второй разъ обаятельная и смѣлая государыня искала убѣжища у солдатъ, казармы отворялись при ея голосѣ, гвардія присягнула ей; ея красоты и мужества оказались достаточными, чтобы поднять вѣрныхъ, сплотить колебавшихся и обезоружить враговъ. Дворецъ былъ занятъ безъ сопротивленія, вся армія собралась вокругъ государыни, духовенство торжественно возложило на нее царскій вѣнецъ, дворъ покорно согласился измѣнить повелителя, а нація громко привѣтствовала новое царство, какъ конецъ своихъ страданій и пробужденіе отечества.

Одинъ только переворотъ, возведшій на престолъ Елизавету, отличается отъ переворота, положившаго конецъ презрѣнной власти Петра III. Кровавый эпилогъ извѣстенъ. Извѣстно, какъ императоръ, узнавъ у себя на дачѣ о возмущеніи въ столицѣ, бѣжалъ, вмѣсто того, чтобы защищаться; какъ онъ попалъ въ руки враговъ и умеръ отъ руки убійцъ. Исторія, заклеймивъ ошибки этого государя, нашла въ его скорбномъ концѣ поводъ пожалѣть его и отнестись къ нему снисходительно.

Въ первое время послѣ переворота, присутствіе французскаго посла въ Петербургѣ было необходимо. Де Бретейль узналъ о случившемся въ Польшѣ; но, вмѣсто того, чтобы вернуться, онъ направился въ Вѣну. На этотъ разъ Людовикъ XV, не колеблясь, строго порицалъ его и приказалъ ему немедленно вернуться къ его посту ***).

Петръ III, внукъ Петра Великаго, оставался иностранцемъ на россійскомъ престолѣ. Екатерина, хотя и нѣмка по происхожденію, страстно принимала къ сердцу интересы своей новой ро-

*) Бернже 13 іюля 1762 г.
**) Рюльеръ—Анекдоты о революціи въ Россіи. Парижъ 1707 г.
***) Людовикъ XV Бретейлю, 10 сентября 1762 г.

дины и слила ихъ съ своими личными честолюбивыми стремленіями къ славѣ. Ея предшественники, Елизавета и Петръ въ политикѣ повиновались инстинктивнымъ симпатіямъ; Екатерина руководилась чисто эгоистическими и положительными соображеніями. Эта вспыльчивая, горячая женщина никогда не забывала въ руководствѣ дѣлами своего государства благоразумія и разсчета, холодно взвѣшивала свою выгоду и съ непоколебимымъ упорствомъ добивалась достиженія ея. Не принеся съ собой, при принятіи власти, ни предвзятаго мнѣнія, ни щепетильности, но одушевленная непоколебимой волей продолжать преобразованіе и расширеніе своей имперіи, она не скрывала намѣренія выбирать себѣ союзникомъ того, кто окажется болѣе подходящимъ для выполненія ея плановъ величія и господства.

Въ первые мѣсяцы своего царствованія она, какъ-будто, собиралась съ мыслями; ея войска получили приказаніе разойтись съ войсками короля прусскаго, но не присоединяться къ арміи Маріи-Терезіи; ея министры опредѣленно заявили посламъ, что императрица сохранитъ до конца войны самый строгій нейтралитетъ и только тогда приметъ опредѣленное политическое направленіе. А пока, она относилась ровно къ различнымъ государствамъ, не желая ни поощрять, ни отталкивать кого бы то ни было, и не спѣшила предложить свою дружбу. „Я со всѣми королями держу себя, какъ опытная кокетка“, признавалась она Бретейлю.

Была ли возможность повліять на нее такъ, чтобы выборъ ея палъ на Францію. Нѣтъ основанія утверждать противоположное. На царствованіе Петра III можно смотрѣть какъ на эпизодъ, не имѣвшій ни значенія, ни послѣдствій; Екатерина оказалась наслѣдницей обязательствъ, принятыхъ на себя Елизаветой. Версальскіе трактаты не были разорваны и могли ожить. Безъ сомнѣнія несчастья, принесенныя семилѣтней войной, неудачи французскихъ войскъ и слабость французской политики нанесли роковой ударъ престижу Франціи въ Европѣ и уменьшили цѣнность ея союза; Францiя послѣ Росбаха уже не внушала такого довѣрія, какъ послѣ Фонтенуа. Однако, Екатерина не проявляла

по отношенію къ ней ни враждебности, ни недовѣрія, а скорѣе даже относилась съ интересомъ къ ея дѣламъ. Не возобновляя войны противъ Фридриха, она назвала его въ офиціальномъ документѣ „коварнымъ врагомъ Россіи“ *). За другомъ Франціи, Воронцовымъ, она сохранила должность и титулъ канцлера, съ видимымъ удовольствіемъ встрѣтила возвращеніе Бретейля, относилась къ нему съ дружеской короткостью, и приказывала своему министру Панину проявлять къ французскому послу особенную внимательность. Кромѣ того, можно было предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ нѣкоторыя событія, при которыхъ помощь Франціи могла быть для Россіи полезнѣе помощи всякаго другого государства. Слѣдовательно, надо было остерегаться по отношенію къ молодой императрицѣ вызывающей политики, которая бросила бы ее въ объятія враговъ Франціи. Сохраняя сдержанность, приличную державѣ, много перестрадавшей, но рѣшившейся поднять свой кредитъ мудростью и достоинствомъ своего образа дѣйствія, Франція имѣла возможность завязать съ Россіей дружескія сношенія, которыя могли, при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ, превратиться въ дѣйствительный союзъ.

Но Людовикъ XV предпочелъ внезапно и безъ причины повести враждебную политику. Смерть Елизаветы показалась ему случаемъ положить конецъ бережному отношенію къ Россіи. Однако, онъ все же съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своемъ другѣ. Онъ писалъ Бретейлю: „Смерть императрицы русской искренне меня опечалила, такъ какъ насъ связывали чувства дружбы. Это общеніе, основанное столько же на принципахъ, сколько на общихъ интересахъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ становилось для меня все дороже и позволяло мнѣ надѣяться на достиженіе общими силими мира, къ которому мы такъ стремимся“ **). Съ Петромъ III было бы трудно поддерживать частныя сношенія; но утверждаютъ, что Екатерина, освободившись отъ мужа, пред-

*) Приведено у С. При въ его „Политическихъ и литературныхъ этюдахъ“

**) Людовикъ XV Бретейлю 9 февраля 1762 г.

ложила Людовику XV продолжать съ ней частную переписку; однако король отказался. *) Одно несомнѣнно, что онъ чрезвычайно желалъ получить обратно или добиться уничтоженія своихъ писемъ къ Елизаветѣ, чтобы изгладить послѣднія слѣды сношеній, которыя онъ не намѣревался возобновить. Терсье долженъ былъ сообщить Воронцову, что „переписка была только слѣдствіемъ личной дружбы его величества къ императрицѣ и что поэтому король особенно дорожилъ, чтобы его письма были возвращены ему и чтобы копіи отвѣтовъ были сожжены **). Черезъ нѣсколько времени Людовикъ XV, возвращаясь къ этому вопросу, снова писалъ Бретейлю: „Надѣюсь, что вы не преминете поставить Воронцову на видъ мое желаніе узнать, что переписка сожжена; и если болѣзнь помѣшала окончить это дѣло, то я не сомнѣваюсь, что онъ ей занялся тотчасъ по выздоровленіи" ***).

Въ первые мѣсяцы послѣ смерти Елизаветы тайная дипломатія снова приняла свое обычное направленіе при сношеніи французскаго двора съ дворами сѣверныхъ государствъ. Но освободившись отъ стѣсненія, налагаемаго на нее отношеніемъ короля къ царицѣ, она съ большимъ неблагоразуміемъ, чѣмъ когда-либо поддалась своей ненависти къ Россіи и успѣла внушить всѣ свои предубѣжденія государю. Восшествіе на престолъ Екатерины только увеличило эту ненависть. Узнавъ о переворотѣ 1762 г., графъ Брольи написалъ Терсье длинное письмо, въ которомъ развивалъ планъ, клонившійся къ созданію со всѣхъ сторонъ враговъ новой императрицѣ, какъ за предѣлами ея имперіи, такъ и внутри ея. Это конфиденціальное письмо сдѣлалось основой секретныхъ инструкцій, которыя Людовикъ XV лично давалъ де Бретейлю, чтобы тотъ руководствовался ими.

Графъ Брольи писалъ: „Происшедшій переворотъ, если и не мѣшаетъ нашимъ инструкціямъ, то, во всякомъ случаѣ, является большимъ затрудненіемъ. Сумасбродное поведеніе царя и

---

*) Флассанъ подтверждаетъ этотъ фактъ, но не указываетъ источника.

**) Секретная переписка, 9 февраля 1762 г.

***) Король Бретейлю, 8 мая 1763 г.

его преданность нашимъ врагамъ не имѣли ничего опаснаго для насъ. Они разрывали согласіе между двумя императорскими дворами и предоставляли намъ полную свободу возстанавливать турокъ и поляковъ противъ русскихъ. Было бы желательно, чтобы г. де Бретейль получилъ теперь приказаніе держать себя, сообразуясь съ проявленіями расположенія, какія будутъ выказаны относительно его, но чтобы ему было внушено, что вся наша политика относительно Россіи ограничивается удаленіемъ ея отъ европейскихъ дѣлъ, и что, не дѣлая лично ничего способнаго вызвать жалобы на него, онъ долженъ поддерживать всѣ партіи, которыя опредѣлятся въ этомъ государствѣ.

Людовикъ XV повторяетъ въ своихъ инструкціяхъ: „Поведеніе покойнаго царя и его преданность нашимъ врагамъ, столь же преувеличенная, какъ нецѣлесообразная и неблагоразумная, могла не представлять опасности моимъ интересама. Можетъ-быть онъ и не былъ противъ нихъ, такъ какъ нарушилъ согласіе между обоими императорскими дворами. Вы уже знаете,—и я повторяю это теперь совершеннно ясно,—что моя политика относительно Россіи клонится къ удаленію ея, насколько возможно, отъ европейскихъ дѣлъ. Не дѣлая лично ничего, что могло бы дать поводъ къ жалобамъ на васъ, вы должны поддерживать всѣ партіи, которыя неминуемо образуются при этомъ дворѣ. Чѣмъ больше будетъ тамъ несогласій, тѣмъ менѣе онъ будетъ въ состояніи поддаваться планамъ, которые могли бы ему внушать другіе дворы“*).

Король убаюкивалъ себя иллюзіями о слабости императорскаго правительства и рисовалъ странную картину Россіи при Екатеринѣ II. „Говорятъ“ продолжалъ онъ, „что московскіе дворяне, начиная сознавать разницу, существующую между основными положеніями ихъ правительства и правительства другихъ государствъ, были бы не прочь освободиться отъ деспотизма, образовавъ республику или, по крайней мѣрѣ, ограничивъ власть государя. Я знаю, что не случись какого-либо внезапнаго собы-

*) Секретная инструкція Людовика XV Бретейлю, 10 сентября 1762.

тія, это—работа долгая; но такъ какъ—тѣмъ или инымъ способомъ,—результатомъ было бы ослабленіе этой державы, то я не сомнѣваюсь, что вы серьезно присмотритесь къ тому, каковы желанія народа относительно свободы, если онъ къ ней стремится. Все, что можетъ возбуждать безпорядокъ и лишитъ эту націю пріобрѣтеннаго ею значенія, будетъ выгодно моимъ интересамъ" *).

Но Брольи не удовольствовался, тѣмъ что продиктовалъ Бретейлю устами самого короля эту страстную инструкцію. Онъ написалъ барону строгое письмо, гдѣ упрекалъ его въ томъ, что онъ колебался между его приказаніями и приказаніями статсъ-секретаря, но въ будущемъ совѣтовалъ не такъ робко и болѣе дѣятельно выполнять планы короля **). Въ то же время французскимъ агентамъ въ Стокгольмѣ, Константинополѣ и Варшавѣ постоянно предписывалось бороться съ русскимъ вліяніемъ. Горячій вдохновитель этой системы возвѣщалъ намѣреніе „установить опредѣленную и постоянную систему, клонящуюся къ уменьшенію силы Москвы и защитѣ Польши отъ ея посягательствъ". Онъ прибавлялъ, что „польза союзовъ съ Россіей заключается въ возможности подвергать уничтоженію ея плановъ и ввергнуть ея въ анархію, изъ которой ей не надо давать выйти". Даже самъ министръ, повидимому, уступилъ теченію и присоединился къ планамъ секретной дипломатіи. Шуазель не сумѣлъ понять генія Екатерины, не постигалъ ея плановъ и относился къ ней съ презрительной недовѣрчивостью. Онъ предоставила своему коллегѣ Пралену доканчивать съ новій царицей споры объ этикетѣ, поднятомъ Петромъ III, и выслушивать по этому поводу высокомѣрные отвѣты. Дѣло о визитахъ чуть было не повлекло за собой разрыва дипломатическихъ сношеній ***). Утомленный массой всякихъ непріятностей, Бретейль просилъ о назначеніи

*) Эта часть инструкціи короля Бретейлю нигдѣ не была опубликована.

**) Вроннь, 9 апрѣля, 1763 года.

***) Король, безъ сомнѣнія, не намѣревается отступать ни передъ какой державой" писалъ Праленъ Бретелю, „а тѣмъ менѣе передъ Россіей, съ которой насъ не связываютъ не прямые интересы, а лишь весьма отдаленныя отношенія".

его въ Стокгольмъ. Его просьба была исполнена, и въ Петербургѣ было послано неизвѣстное тамъ лицо Боссэ, „чтобы дать ему возможнсть жениться“. Но- вый посолъ, не посвященный въ тайную дипломатію, не зналътого опаснаго и вѣроломнаго способа дѣйствій, который рекомендовался Бретейлю; но тоже не сдѣлалъ ничего, чтобы смягчить охлажденіе, увеличивавшееся съ каждымъ днемъ.

Семилѣтняя война подходила къ концу. Въ послѣдіе мѣсяцы 1762 году Марія Терезія принуждена была только обороняться, и Фридрихъ, просившій мира въ 1758 г., теперь могъ его требовать. Въ Германіи враждебныя дѣйствія велись вяло; на морѣ, напротивъ, съ удвоеннным ожесточеніемъ, и Англія не переставала обирать Францію. Вѣнскій и версальскій дворы убѣдились въ необходимости положить оружіе. Парижскимъ трактатомъ, подписанымъ 10 февраля 1763 года, Франція признала паденіе своего колоніальнаго могущества: Канада и Индія были отняты у нея. Черезъ пять дней послѣ того, Губертесбургскимъ трактатомъ былъ закрѣпленъ миръ между Марія-Терезіей и Фридрихомъ. Послѣдній сохранялъ Силезію; Пруссія вышла изъ борбы истощенной, но неприкосновенной. Не терять ничего было для нея блестящимъ успѣхомъ.

Послѣ войны, стоившей жизни милліону людей, Европа надѣялась вздохнуть, какъ на горизонтѣ снова появились облака, грозившія новыми осложненіями. Король польскій умеръ 5 октября 1763 г. и этимъ событіемъ, предвиденнымъ уже давно, для республики началось время внутреннихъ смутъ, пробудившихъ желанія и надежды жадныхъ сосѣдей. Этой минуты ждала Екатерина, чтобы выйти изъ своей пассивности, выбрать себѣ союзниковъ и развить свои планы.

Враждебное настроеніе Франціи не ускозьзнуло отъ вниманія императрицы. Когда де Бретейль уѣзжалъ въ Стокгольмъ, она ему сказала: „Вы будете тамъ моимъ врагомъ“. Посолъ протестовалъ. Она повторила: „будете, я въ томъ увѣрена“. Когда же ея собесѣдникъ началъ распространяться о прямотѣ и честности французской политики, Екатерина возразила ему: „Если

вашъ министръ таковъ, какимъ вы мнѣ его рисуете, то его прямота лишь новое коварство“ *). Однако императрица еще не отказалась отъ всякой мысли о соглашеніи и отправила въ Версаль чрезвычайнаго посла, князя Голицына, давъ ему порученіе предложить Людовику XV сговориться съ ней о выборѣ кандидата на польскій престолъ. Безъ сомнѣнія подобное предложеніе заслуживаетъ только относительнаго довѣрія: въ ту минуту, какъ Екатерина обращалась съ нимъ къ королю, она твердо рѣшилась провести своего бывшаго возлюбленнаго, Понятовскаго, подкрѣпивъ выборъ посылкой въ Польшу шестидесяти-тысячнаго корпуса. Она предлагала Франціи почетное отстраненіе отъ ея плановъ, и Франція, предоставивъ Россіи полную свободу дѣйствія въ Польшѣ, пріобрѣла бы въ будущемъ право на благодарность, а можетъ быть и помощь Императрицы. Слѣдовательно, было бы политично выслушать Голицина покрайней мѣрѣ вѣжливо; но въ Версалѣ его предложенія были отвергнуты съ пренебреженіемъ. Въ дѣлѣ избранія Шуазель склонялся къ полному невмѣшательству; но дофина и графъ Брольи стояли за дипломатическое вмѣшательство. Слѣдствіемъ того было, что Франція нѣсколько разъ переходила отъ неосторожности къ слабости, отъ недовольной сдержанности къ отдѣльнымъ попыткамъ вмѣшательства.

Авторитетное лицо имѣло право написать, что эта политика была „образцомъ искусности“ **). Франція не умѣла дѣйствовать и не рѣшалась отказаться. Она завела интриги, вызвала всеобщее неудовольствіе, возстановила Екатерину, не испугавъ ее, и избраніе Понятовскаго являлось какъ бы ея пораженіемъ.

Незначительный инцидентъ сдѣлалъ окончательно невозможнымъ не только сближеніе съ Россіей, но даже простой обмѣнъ мнѣній между дворами. За дѣломъ объ обмѣнѣ визитами послѣдовало препирательство въ томъ же родѣ. Людовикъ XV и Екатерина поссорились изъ за титула. Царица требовала, чтобы

---

*) Слова приведены у Сенъ-При.

**) Брольи въ „Секретѣ короля“.

въ дипломатическихъ актахъ къ ея титулу величества непремѣнно прибавлялось слово „императорское"; Франція не соглашалась, опираясь на грамматическія основанія. Столкновеніе приняло быстро острый характеръ, и послы были отозваны съ обѣихъ сторонъ. Впродолженіе девяти лѣтъ Франція имѣла въ Петербургѣ только второстепеннаго агента и, просматривая списокъ иностранныхъ министровъ, аккредитованныхъ при дворѣ Екатерины Великой въ критическій періодъ, когда подготовлялся раздѣлъ Польши, удивляешься, встрѣчая среди представителей столькихъ знатныхъ фамилій и извѣстныхъ дипломатовъ, фамилію нѣкоего Россиньоля, французскаго уполномоченнаго въ дѣлахъ *).

Въ то время, какъ французское правительство стушевывалось или надрывалось въ несообразныхъ попыткахъ, король прусскій предложилъ Екатеринѣ союзъ. Царица колебалась принять предложеніе; ея планы относительно Польши значительно расходились съ планами Фридриха. Послѣдній прежде всего добивался территоріальнаго расширенія своихъ владѣній, Екатерина же заботилась объ усиленіи вліянія. Фридрихъ, государство котораго состояло изъ едва соприкасавшихся или совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга областей, разбросанныхъ, подобно вѣхамъ, для обозначенія будущаго мѣстонахожденія великой имперіи, стремился къ соединенію этихъ разорванныхъ клочковъ и для начала намѣревался отнять у Польши провинціи, отдѣлявшія восточную Пруссію отъ Бранденбурга. Екатерина же, напротивъ, видѣла въ республикѣ вассала, которому предопредѣлено было рано или поздно сдѣлаться подданнымъ, и поэтому относилась враждебно ко всякому проекту, стремившемуся къ отдѣленію какой-либо части отъ страны, которую считала въ дѣйствительности подчиненной своему господству. Если бы она не сомнѣвалась въ помощи Франціи, она, вѣроятно, отвергла бы предложенія Фридриха; встрѣтивъ недружелюбное отношеніе къ

---

*) Вопросъ о титулѣ былъ урегулированъ только въ 1772 г. Рѣшили писать другъ другу по-латыни, именуя русскую государыню imperialis, а французскаго короля regia.

попыткахъ, сдѣланнымъ ею во Франціи, она поняла невозможность обойтись безъ Пруссіи въ поддержаніи своего авторитета въ Варшавѣ и подавленіи проявленій самостоятельности, вспыхивавшихъ въ Польшѣ. Она рѣшилась раздѣлить добычу, которую не могла удержать одна, и въ 1764 г. заключила съ прусскимъ королемъ договоръ, по которому оба государя обѣщали другъ другу взаимную поддержку, взаимно гарантировали неприкосновенность своихъ владѣній и обязывались дѣйствовать въ Польшѣ согласно. Русско-Прусскій союзъ былъ заключенъ; ему суждено было просуществовать, съ рѣдкими перерывами, до нашихъ дней.

Фридрихъ взялъ подписанный имъ трактактъ за точку отправленія хитро задуманной и глубокой комбинаціи, которая должна повести къ желанному территоріальному приращенію, пріобрѣсти свободу со стороны Германіи и доставить ему первенствующую роль въ направленіи дѣлъ польскихъ и восточныхъ. Не сообразуя свою политику ни съ чьей, онъ намѣревался заставить сначала Россію, а потомъ Австрію сообразоваться съ его намѣреніями и сдерживая эти два государства одно другимъ, желалъ превратить ихъ въ покорное оружіе въ своихъ рукахъ. Россія казалась на половину пріобрѣтенной; оставалась Австрія. Версальскій трактатъ еще связывалъ ее съ Людовикомъ XV, и Франція, дѣйствуя энергически, могла избавить ее отъ вымогательствъ и угрозъ со стороны безцеремоннаго сосѣда. Къ несчастью Австрія, подобно всей Европѣ, привыкла относиться недовѣрчиво, какъ къ силѣ Франціи, такъ и къ ея способностямъ. „Всѣ отворачиваются отъ союза съ нами“ восклицалъ графъ Брольи въ минуту откровенности и упадка духа *). Оставаясь другомъ Франціи на бумагѣ, Австрія мало по малу пріучалась дѣйствовать на свой страхъ, не совѣтуясь съ французскимъ дворомъ. Представленная сама себѣ, она скоро очутилась въ затруднительномъ положеніи. Притѣсненія, которыя приходилось терпѣть Польшѣ со

*) Брольи къ Терсье 9 февраля 1763 г. Слова приведены въ „Секретѣ короля“.

стороны Екатерины и Фридриха, вызвали возмущеніе въ несчастной странѣ и вмѣшательство Турціи (1766—1768). По неудачному совѣту Шуазеля, турки взяли въ свои руки вопросъ о польской свободѣ и съ неблагоразумнымъ великодушіемъ бросились навстрѣчу пораженію. Они были уничтожены и отброшены за Дунай. Побѣды Россіи и ея водвореніе въ румынскихъ княжествахъ взволновали Австрію. Послѣ долгихъ колебаній она тоже стала вооружаться; Война между обѣими имперіями казалась неминуемой. Марія-Терезія рѣшилась на нее, но боялась, и отъ всего сердца желала, чтобы какія-либо обстоятельства успокоили ея опасенія, не принуждая сражаться.

Подобныя отношенія между Австріей и Россіей навели Фридриха на мысль, которая должна была повести къ осуществленію его самыхъ смѣлыхъ намѣреній. Онъ сдѣлалъ видъ, что раздѣляетъ опасенія Австріи, сблизился съ нею и привлекъ на свою сторону сына Маріи Терезіи, Іосифа II, во время частныхъ свиданій въ Нейлѣ и Нейштатѣ (1769—1770). Здѣсь онъ пустилъ въ ходъ все свое искусство, чтобы потворствовать страстямъ молодого принца, разбудить его желанія, уничтожить предубѣжденія, и Іосифъ вернулся къ матери, очарованный Фридрихомъ. Между двумя германскими дворами установились самыя близкія отношенія. Европа думала, что скоро сдѣлается свидѣтельницей австро-прусскаго союза противъ Россіи. Однако Фридрихъ не разорвая своихъ отношеній съ послѣдней; ему было достаточно, что онъ попугалъ ее. Онъ вдругъ обратился къ Екатеринѣ, доказывая ей необходимость дать Австріи вознагражденіе, которое можно найти въ Польшѣ; но въ то же время онъ указалъ ей, что для возстановленія равновѣсія необходимо произвести общій раздѣлъ, въ которомъ приняли бы участіе и Россія и Пруссія. Екатерина согласилась безъ всякой щепетильности; Марія Терезія пошла, скрѣпя сердце, на этотъ торгъ, дѣлавшій Фридриха вершителемъ судебъ сѣвера. Договоръ о раздѣлѣ былъ подписанъ. Польша оказалась достаточно обширной, чтобы насытить, до поры до времени, своихъ трехъ жадныхъ сосѣдей, и, по знаменитому выраженію, „сдѣлалась кровавой колыбелью ихъ союза“.

Раздѣлъ Польши повлекъ за собой урѣзку Турціи, признанную Кайнарджійскимъ договоромъ (1774 г.). Россія отказалась отъ Молдавіи и Валахіи, но сохраняла берега Чернаго моря; Австрія, не сражавшаяся съ Турціей, потребовала часть ея и получила одну изъ ея провинцій (Буковину). Что же касается Франціи, она въ безсиліи смотрѣла на гибель своихъ старинныхъ союзниковъ, даже тѣхъ, ради которыхъ нѣсколько разъ жертвовала выгоднымъ союзомъ съ Россіей. Пожиная плоды своей нерѣшительности и непослѣдовательности, принужденная интриговать, стоящая одиноко въ Европѣ, она видѣла, какъ великій вопросъ, возникшій на Востокѣ въ началѣ вѣка, разрѣшился безъ нея и противъ нея тройственнымъ сѣвернымъ союзомъ.

Этотъ союзъ между Пруссіей, Россіей и Австріей вовсе не былъ порожденъ общностью интересовъ; онъ образовался по инціативѣ и подъ руководствомъ Пруссіи, которая въ видахъ личнаго честолюбія опиралась на одну изъ сосѣднихъ державъ, чтобы дать почувствовать свою власть другой. Сначала она сблизилась съ Россіей, и Австрія, окруженная двумя сѣверными державами и, въ нѣкоторомъ родѣ, стѣсненная ими, волей неволей была вовлечена въ ихъ сферу дѣятельности. Присоединяясь, часто противъ воли, къ ихъ политикѣ, она бывала принуждена преслѣдовать выгоды болѣе частныя, чѣмъ дѣйствительныя, которыя могла бы получить. Ей пришлось принять участіе въ раздѣлѣ Польши и Турціи. Затѣмъ Пруссія сближается съ Австріей; тогда Россія увидѣла себя принужденной удержаться въ своихъ успѣхахъ на Востокѣ и ограничить свое честолюбіе. Берлинскій кабинетъ противопоставляетъ двѣ державы другъ другу, затѣмъ сближаетъ ихъ въ желательный ему моментъ, чтобы подчинить ихъ обѣихъ своей волѣ и заставить содѣйствовать выполненію своихъ плановъ. Пруссія не считала тройственный союзъ постояннымъ; достаточно было, чтобы онъ возобновлялся въ удобную минуту и по сигналу, данному изъ Берлина.

Въ это время Людовикъ окончательно отказался отъ всякой мысли о соглашеніи съ Россіей и отвергъ политику, къ которой привлекала его временами царица Елизавета. Россія же, Прус-

сія и Австрія приняли систему взаимныхъ соглашеній въ ущербъ остальнымъ — систему, къ несчастью Европы, державшуюся долго, не измѣняясь въ своихъ основныхъ элементахъ. Тройственный союзъ пережилъ крушеніе стараго міра, и въ девятнадцатомъ вѣкѣ онъ носилъ такой же характеръ, какъ въ восемнадцатомъ. Было бы ошибочно видѣть въ французской революціи начало совершенно новой дипломатической эры. Измѣнивъ общественный строй всѣхъ народовъ, революція внесла мало измѣненій въ взаимныя отношенія между державами. Она появилась на европейскомъ горизонтѣ, какъ одна изъ тѣхъ грозъ, которыя разражаются сразу, все перевертытая вверхъ дномъ на своемъ пути, смѣшивая стихіи, нарушая на нѣкоторое время естественный ходъ вещей. Гроза минуетъ и скоро ея слѣды исчезаютъ, разсѣянныя или смѣшанныя стихіи сходятся или раздѣляются, и законы природы снова вступаютъ въ свои права. Когда революція промчалась надъ Европой, наклоненныя головы поднялись, поколебленные троны упрочились, и честолюбіе снова пробудилось. Еще теперь Россія повинуется импульсу, данному Екатериной II, австрійская политика замѣняетъ геній традиціей, а Пруссія и въ сраженіи и въ дипломатіи примѣняетъ уроки Фридриха. Исторія не повторяется, но продолжается, и изученіе прошлаго, бросая свѣтъ на планы, зародившіеся столѣтіе тому назадъ и выполняющіеся на нашихъ глазахъ, объясняетъ настоящее, а иногда открываетъ и тайны будущаго.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Неудача маркиза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разрывъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Война и примиреніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Борьба съ Пруссіей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Шуазель и союзъ съ Россіей.